

Владимир
МАКАНИН

АСАН

Владимир
МАКАНИН

АСАН

МОСКВА

2008

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 15

Дизайн переплета и макет *Е. Гузьяковой*

Иллюстрация на переплете *С. Кулова*

Фото на 4-й сторонке переплета
Р. Денисов / Фото ИТАР-ТАСС

Маканин В.

М 15 Асан / Владимир Маканин. — М.: Эксмо, 2008. — 480 с. — (Лауреаты литературных премий).

ISBN 978-5-699-16000-6

Классик современной русской литературы Владимир Маканин «закрывает» чеченский вопрос своим новым романом «Асан». Массовые штампы, картонные супергерои, любые спекуляции по поводу чеченских войн уходят в прошлое. После «Асана» остается только правда. Каждому времени — свой герой. Асан — мифический полководец, покоривший народы, — бессилен на современном геополитическом базаре мелких выгод. Но победы в войне не бывает без героя. Тёзки великого завоевателя — сашки, шурики и александры, отчаянно негероические ребята — удерживают мир в равновесии.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-16000-6

© Маканин В., текст, 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На опустевших рельсах... На открывшемся пространстве только и толпились они, новоиспеченные солдаты. Никого больше... Они вдруг видят самих себя. Вот мы какие! Нас много!.. А поезд (всего-то два вагона), на котором они прибыли, скромный такой, тотчас куда-то отгрохотал и ушел. Война!

Поезд им, конечно, осточертел, сколько можно ехать. Жаркие, протухшие вагоны, как некончающийся дурной сон. Зато теперь воздух пьянит... какой здесь воздух!.. И вот они уже братаются под кавказским небом. Ура! Ура! В обнимку. Первый взвод со вторым... Главное, сохранили оружие. (Не смотря на выпивку. Или благодаря ей!) Солдат, гляди бодрее!.. Рожи багрово-красны. От щек, ха-ха, можно прикуривать.

Почему два взвода, притом неполные?.. И почему на всех солдат только один офицер? Да и тот оказался вне дела — его сняли на станции, не доезжая Ростова, с острым приступом ущемленной грыжи... Как? Что?.. Безгрыжных офицеров в России не осталось?.. Где они, безгрыжные и безаппендицитные?

Встречающего офицера на пыльном перроне тоже нет. Но, если подумать, он бы нам только мешал! На фиг... Нет его... Зато есть какой-то бздило-

ватый распорядитель с воспаленными глазами. И с красной повязкой на руке. Этот, как водится, торопит прибывшую солдатню — пора, пора!.. Гонит с перрона... Ему бы поскорее избавиться от пьяноватых юнцов с автоматами. От этой гульной необстрелянной орды. И от войны вообще, мать бы ее перемать!

Красную Повязку только это и волнует. Скорее, мать вашу!.. Вон с путей!.. Ага!.. Через бомбленный вокзал на площадь, тоже слегка бомбленную... Вот там пришли БТРы — это для вас, пацаны! Для вас!.. Вперед!

Где БТРы?

Там... Все туда — все в колонну!

Громадный солдат, таких хмель не берет, взревел:

— В какую колонну? Ну, ты-ы! Где ты видишь колонну?

— Вы колонну как раз и организуете. Все вместе... Вы и есть колонна, — объясняет Красная Повязка. — Там ваши БТРы... И там два порожних грузовика от майора Жилина. И три грузовика с бочками бензина... Бензин тоже от майора Жилина.

Новая фамилия сразу раздражает солдат. Новобранцев по приезде раздражает всякое имя, произносимое с уважением... И они вопят:

— Блин!.. Пацаны! Обосраться можно... Мы еще и сопровождаем кого-то.

— Не сопровождаете, а просто вместе в одной колонне. Вместе движитесь... двигитесь... движигитесь... — Красная Повязка запутался в глаголе, в самом главном глаголе войны.

Солдаты, так и не построившись, уходят всей

ватагой с рельсов. Наконец-то... Площадь вся в ямах... С хмельным азартом солдаты взбираются на БТРы, а БТРы, четыре боевые машины, помаленьку, борт за бортом, выдвигаются на дорогу... Ближе к грузовикам.

Ехать в сторону Бамута. В воинскую часть за номером икс-икс. Давай-давай! Колонна кое-как слепливается... Давай-давай! Вот и грузовики с бензином! Не бойсь! Не сторим!

Появляется тихий старичок чеченец. С форменной бляхой носильщика на груди. Седая голова. На лице непреходящий нервный тик.

Он пытается ухватить Красную Повязку за рукав. Чтобы тот к нему обернулся:

— Сашик будет недоволен.

— Чего тебе?

— Ты зачем солдат к его колонне цепляешь? Сашик будет сердит.

А мне по фигу... Ты, старик, хорошо видишь? Видишь эту орду?!

Они оба видят... Солдаты, едва влезши на БТРы, спрыгивают. Ища место получше то там, то здесь... Гогочут, обнимаются. Несмотря на чудовищный хмель, лица многих сияют. Такие ясные, такие восхищенные молодые глаза!

Красной Повязке не хватает решимости. Но вот этот солдат, совсем уж бестолковый! Впору дать недоумку по башке!.. Кинулся к проходившим мимо железнодорожным работягам, чеченцам и русским... промасленные... невыспавшиеся... А солдат мечется. Криком крича, зовет: «Батя-аа!.. Батя-аа!..» Спрашивает работяг про отца... Солдат думает, что он все еще на Волге. Дурачок не успел проститься!.. Он думает, что его дом и родные где-то непода-

леку. Не понимает, что он в Чечне. «Где батя-аа?! Батя-аа!..»

В помощь Красной Повязке определился тот нехмелеющий громадный солдат. По имени Жора, невысказанный здоровяк... Жора сгреб солдатика, смял и ласково повторяет ему, подталкивая, подпихивая его кулачищем к БТРу:

— Найдем отца. Найдем после... Не бзди, рядовой!

Красная Повязка все знает и потому торопится. Как ему не знать, что притормозивший в солдатских кишечниках хмель еще только готовится обрушиться на них по-настоящему. Обязан обрушиться... Заглавный хмель. На их молодые мозги. Ах, ч-черт. Ах, как ударно, как стопроцентно хмель может отключить пацанов! Вырубить... Ах, сучары.

Зато Жора... Жора всегда кстати!.. Амбал.

И плюс ему в помощь объявившийся сержант... Сержант с двойной фамилией Борзой-Бабкин только-только проспался. Он ничего не помнит. Кто он?.. В каком он взводе.

— Пацаны! — орет сержант.

Тем не менее два ума лучше. Сержант Борзой-Бабкин и Жора спохватились. Среди бодрящейся пьяни оба уже смекнули, что дело не ах!.. и что братающиеся солдаты в таком виде до назначенной воинской части за номером икс-икс не доедут.

Красная Повязка язвительно успокаивает:

— Доедут... Но не все... Здесь все никогда до места не доезжают.

— Как так?

— А вот так. Здесь это обычно... Здесь Чечня... Может, слышали?

Красная Повязка знает и гнет свое. Вон с площади!.. Всех на БТРы... Всех в путь!.. Он при вокзале никого не может оставить. Даже вмертвую пьяных он не оставит... Эту орду?.. Отоспаться им?.. Где?.. Как?..

Красная Повязка хватается за пистолет. С ума сошли! Солдатам отоспаться? Еще чего!.. Зачем они сюда приехали — неужели спать?.. А какие для них стоят красавцы БТРы!.. Сажайте! Сажайте солдатиков. Что ни говори, солдатское место — на БТРе. Ух, хороши!.. Великолепно глядятся на броню! Чудо!.. Им разве что не хватает оркестра.

Однако Жора и сержант прихватили Красную Повязку. Справа и слева. Ты распорядитель — ты дорогу обеспечить!

— Я распорядитель только на вокзале.

— Обеспечь!

Красная Повязка, подумав, находит вроде бы компромисс. Три грузовика с бензином трогать нельзя. Бензин отправляют по приказу майора Жилина! Это очень-очень большой человек... Никакой задержки!.. Но зато этот бензин пройдет по дороге как раз мимо вашей части...

— И что?

— А еще два пустых грузовика...

— И что?

— Пройдете единой колонной. Понятно?

Красная Повязка ловко подкинул им эту мыслишку, насчет двух пустых грузовиков. Если пацанов совсем развезет. Практически пустые пойдут два грузовика. Ну, опилки на дне. Как всегда, в пустом кузове опилки... Для сохранения будущих грузов.

Жора и сержант переглянулись. Подброшенная мыслишка пробилась им в головы. Опилки. *Не для сохранения грузов, а для сохранения пацанов...*

А Красная Повязка торопит, уже подгоняет на БТРы самых последних:

— Нельзя! Нельзя вам здесь!.. Убирайтесь... Грозненским чеченцам не нра-вится, когда здесь толпятся солдаты! Вы должны были приехать еще ночью!.. В темноте!.. Чтоб вас не видели!

Из Грозного колонной кое-как выползли, но дальше сделалось неладно. Пацанов внутри БТРов развезло, тошнило. Пацаны вылезли на броню, на воздух, но стали падать с боевых машин, как мешки... Едва на большой дороге прибавили в скорости... Как зрелые сливы. Солдатики сыпались с БТРов прямо на дорогу.

А сзади шли грузовики. Смотреть в оба, мать вашу!.. Один сломал руку... Другого солдата едва не придушило трансмиссией. А те, что внутри БТРов, спьяну блевали и задыхались... Воинская слава да-ется не сразу.

Колонна притормозила, и солдатня инстинктом, без приказа сама перебирается с боевых машин в два порожних грузовика. Перелазят... Кой-кому приходится помочь. Совсем отключившихся Жора и сержант Борзой перебрасывают враскач — раз-два! — через борт. Всех туда... И никакой поименной переключки!

Там, в грузовиках, надежнее. На мягких опилках!.. Отовсюду плывет сладкий предгорный воздух! Это чистый кислород!.. Это Кавказ! Распахнувшийся Кавказ окутывает мозги. Окутывает и нежит молодую душу... Кавказ зовет к себе... Ново-

бранцы счастливы! Нет-нет и они встают в полный рост — в прыгающем кузове движущегося грузовика. Трясут автоматами. (Если Жора или сержант оружие отнять не успели.) Падают и опять встают...

И вот уже стреляют, стреляют! Где эти чертовы чечены? Где война?.. Командиры, ау-ууу!.. Некоторые рвутся воевать прямо здесь и сейчас... Сколько можно медлить! Надо ввязаться в какой-нибудь бой, прежде чем развезет от жары.

В бой! И поскорее... Эти чертовы грузовики, что с бочками бензина, нас только тормозят. Они впереди колонны. Неповоротливые, мать их! Говнюки! Дайте нам дорогу!.. Мы бы уже вовсю воевали!.. Если бы не эти грузовики.

У самых пьяных Жора и сержант Борзой продолжают отбирать оружие, автоматы под брезент!

Жора и сержант вынужденно разделились — в кузове первого порожнего грузовика бдит Жора. Его задача усадить на опилках (желательно уложить) самых упившихся и буйных. Таким водки всегда мало! Спать не желают... Уложить... Пусть ползают теперь по опилкам и друг по другу.

Во второй грузовик сержант Борзой-Бабкин отобрал более спокойных и сонных. Всем лежать... Спать на опилках, чего уж лучше!.. Едва докурив, сержант Борзой и сам засыпает.

Но ненадолго. Заснувшие шевелятся. Кто-то поднимет башку... Кто-то негромко зовет кореша:

— Мудила-аа... Мухи-и-ин!

Однако сержант Борзой, лежа сверху (сразу на двух-трех солдатах), спит бдительно. Он начеку. Если кто зашевелился, сержант, не просыпаясь, тот час переползает на него. Наваливается. Под сержантской тяжестью (и властью) тот притихает. За-

снул. С ним вместе засыпает и сержант. Хоть и опять ненадолго.

Зато Жора в первом грузовике держится на ногах вполне. Он в отличие от сержанта не переползает через своих подопечных. Он перешагивает. И затем просто сшибает с ног очередного буйного, нехстати приподнявшегося. Р-раз!.. И тот уже барахтается на дне кузова. На опилках. Кричит:

— Как ты мог, сучара! Как ты мог меня!.. Рядового Коптева!.. Ответишь!

Но Жора даже не смотрит на него. Он один стоит сейчас в рост в кузове грузовика. Чуть держась за кабинку... Он один смотрит на дорогу. Он просто один. Ему нравится, как клубится кавказская пыль. Как она мощно завихряется!

Двадцатилетнему Жоре хорошо стоять. В кузове мчащегося грузовика. Ему думается, он сейчас в далеком солнечном детстве. В самой глубине детства!.. Мне пять лет, думает он. Нет, семь.

На пустой платформе застыл Красная Повязка. Он в некотором ступоре... Вокруг опустевшие рельсы, пустые пути, безлюдный вокзал. Тихо.

Сзади к Красной Повязке вновь подходит старик чеченец. Он без тележки, однако же опять со своей, никому здесь не нужной бляхой носильщика на груди.

Оба молчат.

— Сашик будет недоволен, — опять изрекает старик.

— Да фиг с ним, с Сашиком.

— Не говори так.

Красная Повязка сплюнул в сторону. Слава бо-

гу, разделался с солдатней. Надо же!.. Из Ханкалы ни одна зараза не приехала солдат встретить!

Бедолаг-солдат гоняли с поезда на поезд. Не спавших. Не евших... Счастливычки, они хотя бы водки нажрались... Сначала туда-сюда под Ростовом. Забыли придать офицера вместо заболевшего... И почему только один офицер? И даже в Моздоке трижды! — трижды их пересаживали!

— Давно таких солдат не было, — вздыхает старик чеченец.

— Давно.

— Таких пьяных совсем не было. Не помню.

— Год назад были.

— Э-э!.. Целый год!

И Красная Повязка, и старик думают об одном — и зачем сюда таких присылают? Кто их собрал? Откуда они?.. Как будто приехали из прошлого.

— Сашик будет недоволен, — со вздохом повторяет старик. — Зачем же незнакомых солдат — в его грузовики?

Красная Повязка, еще разок сплюнув, спрашивает:

— Ты разве видел его здесь?

— Два дня назад.

— И как?

Старик скорбно произносит:

— Сашик совсем не улыбался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Да-ешь вой-ну!.. — орет солдат. Весь в опилках... Кое-как поднявшийся в тряском кузове грузовика.

Устроил бы и мир с чеченами. Долгий-долгий мир... Чечены тоже люди. А солдаты могли бы половить здесь рыбку. В горных речках, говорят, отличная рыбешка, хотя и мелкая.

Однако все-таки общее и дружное солдатское мнение — на войну! Мать вашу! Почему так медленно едем?!. Начхать! Дайте нам дорогу!.. Бензин?.. Горючка для майора Жилина... Кто такой этот гондон Жилин? И уже сколько про него базара!.. *Нахер* его!

Три его грузовика с бочками?.. Вот и пусть их чечены спалят!.. Начхать... У-уууу! Как огонь запыляется!..

Они уже отъехали около ста километров. Им начхать.

Зато майору Жилину не начхать на грузовики с горючкой. Майор Жилин — это я.

Прораб Руслан хладнокровен. Руслан мне звонит без паники. Он только-только подключился к колонне, чтобы сопровождать грузовики с бензином... Да, да, проблема! Колонну остановили... Еще и гор не видно, а уже проблема!

По его словам, дело идет к большому выкупу или к большой крови. Колонна стала на полдороге. Перегородившие путь чичи требуют денег.

Пьяная солдатня, Александр Сергеич. В грузовиках... В дым пьяная... Их всех порежут. Их почему-то прикрепили к нашей колонне.

— Чичей много?

— Достаточно.

— БТРы стреляли?

— Слава богу, нет.

Отзвонив майору Жилину, свой мобильный те-

лефон Руслан, конечно, спрятал. Тут же!.. Мобильник здесь, на дорогах, зачастую повод и предмет первой ссоры. Первая искра!

Но голос его не дрогнул. Это хорошо.

— Еду, — говорит майор.

Разрулить ситуацию. И поскорее!.. Руслан будет стоять до последнего.

Говоря общо, Руслан — чеченец, и он ненавидит федералов. Но говоря конкретно, Руслан — чеченец, и он честен в порученном ему деле. Такой коктейль чувств... Частый здесь, в Чечне... Майор Жилин знал своих. (Я знал. Я так и видел Руслана с трехцветным российским флажком. Стоит Руслан, не дрогнет... Возле нашего головного грузовика, полного по самый край бочками с классным бензином. Это как жидкая взрывчатка.)

Чеченцы-вояки, напавшие на колонну, наверняка подсмеиваются над Русланом. Что делает прораб на большой дороге?.. Мало-помалу оскорбляют. У него в отличие от боевиков нет ни автомата, ни пистолета... Только флажок.

А потому майор Жилин, выскочив на прямую дорогу, гнал всю свою джип-козелок. (Я уже гнал. Я спешил.)

Но кое в чем майор Жилин заторопился. Не угадал в выборе солдата... Майор взял его, чтобы при случае тот порулил. Или чтобы солдат выставил в окошко дуло автомата, когда майор сам будет рулить. С виду солдат как солдат... Угадать трудно... Когда берешь кого-то в помощь.

По расстоянию были не так далеко, успевали...

Издали уже видны чеченцы. Мелкие фигурки,

стоя возле колонны, трясли автоматами... Солдат загодя сильно трусил. Глаза совершенно круглые! Хотя он и выставил свой автомат.

Звонок... Руслан сумел-таки позвонить мне еще раз — чичи разъяренные, майор!.. Они только-только из зеленки. Бомбленые... Голодные... Будьте готовы ко всякому.

Да, да, полевой командир согласился, чтобы майор Жилин дело с захваченной колонной разрулил. Чтобы замирил. Командир согласился, как только услышал, что майор Жилин сейчас недалеко. И конечно, чтобы деньги... Полевой командир так и сказал: «Майору я доверюсь. Но пусть приезжает скорее. И с деньгами».

— Какие они солдаты, Александр Сергеич! — торопился сказать Руслан. — Так себе... Салаги.

— А офицер?

— Нет его.

Майор переспросил — не набивают ли чичи цену, Руслан? Надо ли сейчас так спешить?..

— Надо, надо, Александр Сергеич. Крови много будет!

— Война, Руслан.

Чеченцу лучше сразу и прямо сказать главное. Озвучить. Чеченца не надо успокаивать. Тогда он сумеет включиться весь... На главном инстинкте. Проблема в том, что у майора Жилина как раз в те дни не было денег. (У меня были деньги, но мало.)

— Александр Сер...

Разговор с Русланом прервался. Помехи... Близость к колонне уже мешала слышать. Всякая колонна — гора металла.

Однако помехи возникли не только в эфире...

Прямо на дороге... Перед машиной вдруг вырос чич с автоматом. Выскочил из кустов.

— Ч-черт!

Когда добираешься до заблокированной колонны, конечно же, чичей не миновать. Их дозорный здесь, на дороге, был вполне на месте. Даже обязателен был дозорный! Но он не должен был выскакивать из кустов внезапно.

Были же предупреждены, что едет мирщик! Что будет замирение и что, вполне возможно, будут немалые деньги. И вообще — что за дозорный и что за поставой, если он без окрика вдруг выскакивает на дорогу и целит тебе прямо в лоб.

Солдат выстрелил первым. Открыв на ходу дверцу и выставив автомат... Майор Жилин только успел чертыхнуться. (Я чертыхнулся... Мы убили... Осложнили дело.)

Теперь все зыбко... Как глупо!.. И, как всегда в минуту опасности, я перестал видеть себя (и ощущать себя) майором Жилиным — просто «я». Я ехал. На нерве. На инстинкте... Я и мой никудышный солдат.

Сердце вибрировало. Что толку!.. Еще слышнее вибрировало сердце моего солдата... Ага! Вот и нормальный чеченский пост. Стоит на дороге чич. Окрикнул... Поднял руку.

И сразу махнул вдоль дороги — проезжай, мол.

Он, мол, обо мне, майоре Жилине, уже все знает. Что я еду мирить, что я близко, знает. Что я в стареньком джипе-козелке... Но он не знает, что в полста метрах от него убитый чеченец. Узнает!.. Такое узнается скоро... Мы даже не оттащили убитого в кусты. Лежал у дороги, раскинув руки. Но прятать

убитого — это почти всегда оказывается только хуже. Хуже в итоге. Это всегда внезапно и непредсказуемо злит.

Уже почувствовалась охраняемая линия. Мой солдат стал бел лицом. Это он убил чеченца. В ту минуту, когда я рулил.

Колонна на виду... Мои грузовики. Стоят в нитку. За грузовиками БТРы, пустые, как я уже знал, без солдат. Боевые машины легко угадывались... в конце колонны, изогнув ее линию.

Полевого командира чеченцев я *где-то* и *как-то* и *когда-то* видел. Но вспомнить не вспомнил. Жаль!.. Он был окружен небольшой напористой группкой своих. Наперебой говорили... Я почти наехал на них. Сделал это с умыслом. Двоих, что на пути, даже задел слегка, подтолкнув бампером, — отскочили. Еще и гуднул им... Дорогу, орлы!

Расступились. Иначе я командира и не угадал бы. Все они, в общем, были одинаковы. Жутковаты. В грязных камуфляжах, только-только с гор. Но когда я, выпрыгнув из джипа, подошел к командиру, они вновь сомкнулись в кружок. Я был внутри... Какие лица!.. Зачуханные, в пыли и в грязи! Голодные!

Только-только выползти из зеленки. И страшно, затхло пахли. Когда стояли в кружок.

— Са-ашик, — полевой командир поздоровался со мной за руку. — Вот и мы. Встреча у нас с тобой случилась.

— Вижу, вижу.

— Для начала все хорошо. Никто не стреляет, а? Я дружески улыбнулся:

— Для начала ты сводил бы их в баню.

Полевой не ответил. Засмеялся... Но сдержанно... И, замахнувшись рукой, отогнал своих орлов чуть подальше. Мол, он тоже боится задохнуться в их вони.

— Переговоры! Переговоры! — покрикивал он на своих, еще и еще отгоняя на шаг-два.

Теснота, мол, не обида, однако мешает.

Мы с командиром, бок о бок, сделали несколько шагов в сторону застрявшей колонны... Вот она... Грузовики с моими бочками. Мы с командиром шли дальше — туда, где гул и вопли. А вот и они — два (моих же) грузовика, набитых шумной солдатней.

Руслан не с бензином, а возле грузовиков с пьяными солдатами. Понятно... Правда, в руках Руслан не держал трехцветный российский флажок. Не тот случай. Правильно... Я махнул ему. Все правильно... Будем, мать их, делать дело!

Дело меж тем непростое... Да, я стоял рядом с полевым. Да, полевой разговаривал с уважением... Но два молодых чеченца так и не отстали от меня, от моей незащищенной спины. Приклеились. С горящими глазами... Они стояли и нет-нет держались рукой за нож на поясе. Картинно! (Хорошо, что мой солдат остался в джипе. Ему было бы несладко.)

Эти двое изображали кровожадных. Они умышленно стеснили, блокировали меня сзади. Вспыльчивые... Молодые!

— Что там? — спросил я, указывая на грузовики.

Особенно на ближний... Солдаты там словно барахтались на дне кузова. Эдакие полусогнутые... Пьянь... Только один и стоял на ногах. Здоровяк... Как только кто-то из барахтавшихся поднимался в

рост, здоровяк ударом кулака сваливал его опять вниз, на дно кузова. Туда, где все... Они там ползали и гудели... Что-то пьяно выкрикивали... Казалось, в опилках они роются, ищут. Ползают там и ищут последнюю потерянную копейку. Каждый свою.

Этой копейкой была сейчас их жизнь.

— Там, Сашик, товар, — сказал полевой, но уже без улыбки.

Глаза его сузились. Начинался торг. И полевой командир сразу, с разбега, назвал цену этих солдатских жизней-копеек — пять кусков. Ого!.. Три ноля. Полевой даже написал, начертал рукой в воздухе эти три ноля вслед за пятеркой. 5000. Зелеными... Я только улыбнулся — нет, дорогой, я не спорю. Но я хотел бы посчитать поточнее... Где есть реальный товар, там есть реальная цена.

Я позвал, махнул рукой — от грузовика с солдатней отделился Руслан и сразу сюда. Ко мне... Вроде как Руслан всегда помогает мне при денежных подсчетах.

Пока он шел, один из солдат в кузове грузовика все-таки встал... Посмотрел мутно... Нет. Он не смотрел... Он просто перегнулся через борт и мощно блеванул. К нему уже спешил, уже пробирался тот здоровяк с кулаком. Но солдат, облегчившись, проворно упал... Сам залег... На дно кузова... И даже с расстояния слышалось, как он там, весь в опилках, гоготал: гы-гы-гы... мол, во как обманул здоровяка Жору!

Чеченцы — оба, молодые, — опять подержались за ножи. И что-то обидное крикнули по-чеченски подошедшему Руслану. Тот чуть побледнел, но смолчал... Хладнокровен.

Руслан (словно нахваливая товар) рассказывал мне, что солдаты только-только с поезда, молодняк! Их отправили сюда из России какие-то кретины!.. Солдаты наверняка пили уже в поезде. Закусывали домашней курочкой. С картошечкой, прикупленной на полустанках. Веселились. Гоготали... И сразу по прибытии добавили какой-то дряни. Возможно, паленая водка... Вряд ли умысел... Вряд ли подставили... Просто бардак! Ни один офицер их не сопровождал...

— Погоди, Руслан... Минуту!

Не все дослушав, я не удержался и позвонил на известный мне блокпост. Что на выезде из Грозного. Я звонил, а молодые чеченцы придвинулись ко мне, готовые при всяком неверном моем слове вышибить трубку... Ну и заодно мозги.

С блокпоста мне ответили — да, проследовали. Наши солдаты. Да, сильно навеселе. Там, в пустых грузовиках. У них какая-то долгоиграющая пьянка.

— Что за пьянка?

— Не знаем, товарищ майор. Напились какой-то дряни.

— Отбой, — сказал я.

А Руслан рассказывал... Лихие солдатики, они попробовали на вокзале и травку курить. Все сразу... Много наслышаны о травке. Как же, как же! Кайф!

Полевой командир с интересом слушал. Каждое слово укрепляло его позицию в торге... Ну, попались!.. Только-только призванные! Прямиком из России. Вот это добыча...

А два молодых горячих чеченца снова вплотную приблизились ко мне со стороны спины. И знака-

ми показывали один другому, какие они опасные... Я знал, не оглядываясь... Нет-нет и тискали рукоятки ножей. Настоящие кинжалы. Сжимали рукоять, как крепкую руку товарища.

И что-то негромко меж собой, по-чеченски...

Полевой кивал им и улыбался — да, удача. Да, да, его орлы только-только вылезли из зеленки целым отрядом... и такая сразу добыча! Пять тысяч... И, не сдержав радость, полевой бацнул по плечу одного из молодых с горящими глазами.

— Повезло, а?

Даже этому молодому все было ясно — давай-давай доллары, майор, иначе твоих солдат в грузовиках прикончим. Всех до последнего. Сейчас же. Прямо тут, на дороге.

— Воины не станут убивать спящих, — холодно заметил Руслан.

Но красивая подсказка, срабатывавшая иной раз в начале войны, уже омертвела. Киношная лесть не прельщала. Полевой усмехнулся в мою сторону и махнул рукой: «Ну уж нет! Воины — это было когда-то... Мы, Сашик, теперь не знаем эти старые слова! Мы их *нахер* забыли!». Полевой говорил, гортанно вскрикивая... На высокой ноте... Доллары уже жгли ему нутро. Сильнейшая наших дней изжога.

— Пять кусков — хорошие деньги, — сказал я деловито. — Но надо, командир, посчитать честно.

— Как это?

— А посчитать, сколько солдат. Прикинуть, кто пьян, а кто нет... Получится человек тридцать... А если вычесть трезвых... Которые могут за себя постоять... Правильно?

Я навязывал какую-никакую логику:

— ...Мы платим выкуп только за пьяных. Правильно?.. В БТРах водили все трезвые. Шоферы трезвые... Пулемет тоже трезвый. Правильно?.. Считаем, сколько пьяных... Потом считаем, сколько трезвых...

Молодые чичи аж затопали ногой от нетерпения. Полевой спросил:

— Долго будешь считать, Сашик?

Он, конечно, понимал... Я, переговорщик, тяну время. Выгадываю. Чтобы, возможно, чем-то козырнуть.

— Разве мы торопимся, командир?

— Сам сказал, им в баню надо.

Полевой засмеялся. Удачно мне ответил... А потом показал на этих двоих, что за моей спиной. Готовых к резне.

— Они очень торопятся.

Я даже не кинул влоборота взгляд. Горячие юнцы. Как не понять!.. Вот сейчас бы и выхватить ножи... И резать русских... Этих сволочей... Этой солдатни прямо на дороге попало больше сорока рыл!.. Два, что ли, неполных взвода!.. Во как!.. Всю жизнь после этого можно гордиться. Похваляться... А когда состаришься, детям рассказать. Сорок пять их было!.. Зарезали, как барашков. А кто-нибудь льстиво поправит — нет, больше, чем сорок пять... Это больше, если два взвода!

Я, сказать честно, уже не слышал вонь этих юных нукеров... Я уже сам вонял, весь в поту. Я все-таки обернулся и похлопал одного из них по плечу. (Он отшатнулся. Весь в нервной дрожи.)

— Хорошие пацаны у тебя, командир!.. Хорошие!

Я выдал восхищенный вздох. Но (переговорщик!) продолжал свое:

— Однако, командир, твои ребята не все так торопятся, — и я мотнул головой в сторону группки бойцов, что поодаль.

Надо отдать должное части чеченцев... Как ни засиделись они в горах, как ни намерзлись у своих хилых, притаенных (от вертолетов) костров, они сейчас не схватились за ножи. Не торопились отличиться, убивая буйных пьяных, что в первом грузовике, и режа сонных, что во втором. В бою, в засаде — это бы лучше! Это бы самое оно!.. А с пьяни лучше взять деньгами, а не пьяной кровью.

— Конечно, если б настоящая засада, можно бы и дорого заплатить. Если б атака... Бой — вот дело для чеченцев достойное, — я льстил вслед за Русланом.

Я продолжал, пренебрежительно фыркнув:

— А что тут, в грузовиках?.. Чем похвастаешься, командир?.. Это же дармовщина. Это ж халява!

Я, такой нехороший, пытался принизить их удачу. И полевой, осердясь, коротко меня перебил:

— Ачх!..

Коротко и ясно. *Деньги!*.. Командир не мясник!.. Разве он не ждал здесь майора Жилина столько времени?.. Потому и ждали Сашика. Потому и торчим на дороге так долго, задержав колонну, — ждем не крови, ждем денег. Ачх!

Вот его последнее слово. Мирщик майор Жилин докладывает сейчас... сейчас же!.. по телефону своему командованию. Командование выплачива-

ет деньги. Сразу... Конечно, сразу... В течение часа-двух... Командир прекрасно понимает, что у Сашика нет таких наличных. Или есть?.. Ну-ну! Чеченцы знают, что у Сашика водятся деньги. А если нала нет, пусть-ка тогда штабные пороются в своих карманах поглубже!.. Звони, майор... Что у вас за война! Должен же кто-то из ваших штабных ответить за этот пьяный бардак и разгуляй! (А никто не ответит... Если я позвоню... Штабные пошлют майора Жилина на.)

— Но ты же БТРы взял и держишь... И бензин мой, сколько бочек... Целая колонна, заспешил было я.

— Не-еет, Са-ашик... Не хитри... БТРы пропустим. Колонну пропустим. Твой бензин пропустим.

И он мягко улыбнулся:

— Товар — люди.

Я разозлился на его улыбку, но еще больше на самого себя. На майора Жилина, который (как вдруг оказалось) слишком уперся... увлекся в торге... не уступает майор! (А меж тем за плечами мертвяк. Который лежит на въезде!) Неосторожное слово — и меня прикончат. Прямо здесь. Вдоль ничейной дороги... здесь даже не хоронят... Падаль!.. В кусты... Здесь все внезапно!

Я с холодком покосился на кусты. Колючки!.. И вокруг безмятежно высокая трава.

Притом что бензин чеченцы майору Жилину отдают... грузовики отдают... дорогу отдают... вот разве что солдатики в ауте.

Но что майору Жилину эти солдатики... Жаль пацанов, так и будут порезанные валяться в кустах! Не протрезвев, не проснувшись!.. А себя самого майору Жилину не жаль?

А между тем я не вояка. И однажды, в Ялхой-Мохи, едва не сгорев заживо (облитый моим же бензином), я уже сказал себе: стоп, стоп!.. Не та война, майор, чтобы бросаться жизнью. Над мирной высокой травой птички порхают.

Эта высокая трава меня достала! Я даже спросил сам себя — почему ты, майоришка, такой заводной?.. ты что, крутой?.. Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка?.. Каждый день ждут... Война отдельно — ты отдельно. Запомни... Ты просто служишь. Ты просто служишь на Кавказе.

Я слышал, как по спине двинулась капля пота. Ползет... Высокая трава!.. Пацанов тебе жаль. Ах, ах!.. Будут валяться в траве и в кустах!.. Ах, какие молодые!.. Но взгляни честно. Они приехали убивать. Убивать и быть убитыми... Война.

Сиди на своем складе, майор. Считай свои бочки с бензином... и с соляркой... с мазутом...

Кляня себя (и слыша всем известные нервные рези в желудке), я меж тем продолжал торговаться. Майор Жилин продолжал торг с полевым командиром.

Полевой командир, слово к слову, уже навязывал, продавливал свои пять тысяч. (Но и я уже собирался козырнуть в посредине дорожного споре.)

Выкупная цена солдата, пока солдат не в яме, была в те дни невысока — сто пятьдесят-двести долларов. Немногим больше, немногим меньше... Я вполне уловил скорый подсчет командира. Сто пятьдесят зеленых умножить на тридцать-сорок (пьяных и сонных) — как раз и будет около того.

Оба, в полушаге от резни, мы думали о деньгах. Такая на дорогах жизнь. Я думал о денежном (и заодно человеческом) эквиваленте моего бензина. А полевой, войдя во вкус, — о своей грезе в пять тысяч налом.

Боевики сидели на корточках вдоль дороги... Отряд расслабился. Курили... Автоматы заброшены за спину. Некоторые прямо под колесами (моих!..) грузовиков. Призакрыв глаза... Вялые... Один сидел, обняв колесо, вот уж кто не даст удрать-уехать!

Но если не будет денег, вялые проснутся. Еще как! Их будет трясти от вида крови! Солдат порежут, бензин заберут сверх...

Ну, может, за половину бензина в итоге мне заплатят. После... Чтоб меня не злить.

Сейчас козырну... Пора?

Это черт знает что! Я ведь думал о моем бензине. Все время о бензине. Исключительно о бензине... О бочках думал и о грузовиках... а меж тем выручал этих пьяных желторотых придурков. Эту одуревшую солдатню! Полный кузов пьяни!.. Увлекся, майор Жилин. Постоять на краю, а?..

Сейчас козырну.

— А все-таки, командир, мне важно... — прибавил в голосе я. — Слышь!.. Надо считать по головам. И после сложить... Я должен знать. Во что в итоге обойдется один выкупленный солдат.

— Хочешь калькулятор? — полевой смеялся.

— Хочу обмен.

— Ну-уу? — полевой командир так и вскинулся.

Какой обмен?!. Еще чего?!. Разговор, по его мнению, уже не должен был уходить от названной цифры. Ни на шаг... Ни на копейку... Пятерка с тремя

нолями уже гляделась командиру как нечто ожившее. Как живое. Как, скажем, барашек. Бегаёт под ногами... Кудрявенький! По травке, по травке!

— Ехал к тебе на эту встречу и видел, — начал я как бы равнодушно и вяло. — Стоит колонна ваших... Машин пятнадцать, не считал. В Ачхой-Мартан, а может, они и дальше, в Грозный... Немного женщин с овощами. Немного ребят с автоматами. Но в основном старики... Седая башка там, седая башка здесь. Из Бамута колонна, я думаю...

— Почему стоят?

— Нет бензина. Кто-то им, я думаю, пообещал... Из ваших горцев. Из торгашей... Пообещал, сволочь, что прямо на дороге поможет — подбросит им горючку.

Полевой глянул, усмехнулся — думал, что я намекаю на оплату пьяных солдат бензином. На мои бочки с бензином, что в колонне. Бочки, которые сопровождает Руслан. Которые, если надо, чичи сумеют и сами взять. Без торга... Хоть прямо сейчас.

— На бензин не меняю, — насмешливо процедил полевой.

— Я и не предлагаю, командир, менять на бензин. Ты спятил!.. Я к тебе ехал, а мне вдруг позвонил подполковник Василек. (Тут я чуть скривил, это я по пути сюда позвонил вертолетчикам. Сам. Срочно... Завидев ту, недвижимую чеченскую колонну.)

— Чего он звонил?

— Вдруг взял и позвонил.

Полевой командир стиснул скулы, услышав ненавистное имя. Василек бомбил их сегодня ранним-ранним утром. И не только сегодня.

— ...И Василек мне твердо сказал: если этих солдат пополнения чичи порежут, то через три минуты (не через десять, а через три — так передай!) вертушки уже будут висеть в воздухе. И долбать колонну в пыль.

— Ха!.. Мы уже будем в зеленке.

— Вы — будете... А те, что застряли в пути?.. Те, что без бензина?

И я повторил. Уточнил, как уточняют при честном торге:

— Я, командир, не предлагаю тебе менять колонну — на бензин. Я и не думал о такой ерунде... Я предлагаю менять колонну — на колонну.

Это означало, не тронь наших — не тронем ваших. Колонна с чеченскими стариками уцелеет, если уцелеет колонна с пьяными солдатами.

Означало, что чичи пропустят и пьяных пацанов, и даже мой бензин — за просто так, останутся при этом без денег. Именно!

Полевой в озадаченности повел головой вокруг. Огляделся:

— Бля-а, — сказал он совсем уж по-русски.

Так бывает в торге, когда торгующийся промахнулся. Только что! Так хорошо игравший игру!.. И вдруг не видит дальше ни одного сильного хода...

Растерянность скрывают за мелкими движениями. Полевой крутил головой... Раз-другой оглянулся... На грузовики с федеральными солдатами. На свой товар! На свой замечательный сегодняшний улов!

А там нечто. Из глухо шумящего кузова грузовика как раз выставилась солдатская задница. Голая. Натуральная... Ну, кретин!.. Солдат стоял там

полусогнутый — выставившись задом к нам — и содрогался от смеха. Ему нравилось. Ему казалось, это потрясающе смешно!

Здоровяк Жора, наводивший в кузове порядок, не сразу понял. Картинка открытой стороной была к нам, а не к нему. Но Жора уже пробирался... Прямо по валявшимся и копошащимся солдатам. Пробирался, чтобы дать голожопому в ухо. Как следует... Он сейчас получит! Он сейчас закувыркается аж до заднего борта!.. Жопа меж тем сияла.

Чеченцы из злого нетерпения могли вдруг и выстрелить в белые ягодицы... Руслан им что-то спешно говорил. Сглаживал... Минута была плохой. Хотя и потешной.

Полевой командир, по счастью, повел правильно — сделал вид, что мальчишеские, сраные глупости его не задевают:

— Что еще скажешь, Сашик?

Я нарочито горестно развел руками... Я объяснял:

— Ты же знаешь, командир... У меня бизнес. Я за хорошие деньги могу дать бензин высокого качества. Хоть цистерну... Могу мазут... Солярку... Могу дать небольшую атомную бомбу (но у тебя, командир, нет таких денег, шутка!)... Все могу дать... Но пьяных пацанов порезать не дам.

Слово «бизнес» чеченцы (и горцы вообще) презирают и уважают одновременно. И плюются — и уважительно цокают языком. Полевой кивнул с пониманием:

— Бизнес, конечно... Но мои злые. Порежут... Сам видишь... Они ведь и тебя, Сашик, порежут.

— Из ваших стариков вертушки сделают дым. Много дыма.

Я повторил мягко, как бы даже горестно — объясни им, командир. Объясни своим. Если я сейчас НЕ позвоню — вертушки обязательно и сразу вылетают. Про ракеты скажи... Прицельность на дороге стопроцентная... Пять минут, и старики в раю... Может, ты старикам завидуешь?.. Объясни своим, одно дело в бою геройски подбить русские БТРы, поджечь, атаковать — другое дело резать пьяных мальчишек... И я показал в сторону кузова грузовика (там уже выставились две задницы).

— А зачем они здесь?

— Их прислали.

Он грозно захрипел:

— А зачем они ехали?

— Они этого не знают. И я, командир, не знаю...

И ты не знаешь.

И, подхватив неопределенность натянутой минуты (неопределенность всей нашей войны на дорогах), я позвонил Васильку. Одним нажатием приготовленной кнопки... Я весь начеку (трубку могли из рук выбить) — и потому, едва заслышав голос, я с опережением сунул, передал трубку полевому командиру.

Василек начал с вопроса. Все правильно. Все, как у горцев.

— Как тебя зовут? — низкий подполковничий голос, настоящий бас Василька, сделал свое начальное дело.

Полевой командир ответил:

— Маурбек.

Василек пробасил:

— Пожалей стариков, Маурбек.

И отключился.

Пауза...

Переждав, я спросил у полевого:

— Ты сказал — ты Маурбек?.. Не чеченец?

— Нет.

Факт мелкий, однако он значил в нашем, совсем уже не мелком торге.

Это важно. Их командир — не чеченец... Я не упустил случайного... Ага!.. Если разборка повернется круто, все эти оголодавшие и озленные чеченцы наверняка подумают, что их полевой командир Маурбек пожадничал и не пожалел чеченских стариков. Торгуясь с майором Жилиным... Своих бы стариков он пожалел.

Взаимное умолчание. Ни слова. Я ничего — и Маурбек ничего. (Я его понял... И он меня понял.)

В грузовике тем часом разыгралось полнейшее безобразие. Четыре... Пять... Семь голых жоп вдоль борта! Смотрели в нашу сторону... Это надо было прекратить! Весь борт, весь бок грузовика!.. Они там гоготали... А теперь еще и трубные звуки из глубин их кишечников. Кто-то пьяно орал-командовал: «По чичам огонь!»... Они были на волос от смерти. Кретины!.. Хладнокровный Руслан опять и опять отговаривал тех двоих молодых, что держались рукой за рукояти.

Я, однако, отдал им должное: оба чича отвернулись. Оба старались не видеть оскорбительно голых задниц... Я тоже отвернулся. Один зад был весь в чирьях. Это слишком.

Но по сути дело сладилось. Торг сошел на нет сам собой. (И резь в моем желудке сошла. Куда-то

делась... И как бы даже не за что похвалить майора Жилина.)

Полевой командир отошел переговорить со своими.

Полевой спешил... Нет-нет и поднимал башку в сторону Ханкалы, не появились ли в небе зловещие вертушки... И двое молодых, бранясь и плюясь, тоже ушли. Все еще злые. Уходя, держались за ножи... Я даже подумал о потных рукоятках.

— Пацаны, стоп... Погодите, — окликнул я.

— А?

— Мы же сделали мир.

И я пожал руку одному... Затем второму... Горячие!.. Юнцы... Один совсем смазливенький. Похоже, любимчик... Я заметил, как полевой вскользь на него поглядывал. Возможно, трахает его полевой, заскучав в горах без женщин... Нежно трахает. И очень редко.

Но, возможно, просто близкий родственник. Чего наговаривать!

Сам я двинул к грузовику... К торчащим жопам... Боже мой. Что за молокососы!.. Воины!

Через борт я крикнул здоровяку Жоре — узнал, что за часть их ждет... номер... где... и как... И тотчас позвонил туда, чтобы выслали нам навстречу небольшое сопровождение. Чтобы захват не повторился. Чеченцы — разные. Договор с одними для других мало значит... И конечно, я приказом сказал Жоре, чтобы два моих порожних грузовика пригнали обратно. Как только вынут пацанов из опилок. Как только их поставят на ноги... и отряхнут.

Колонну пропустили!.. Чичи, пуская слюну, поглядывали вслед уходящим грузовикам и БТрам.

Они даже не успели толком пожалеть о добыче... А чичи, контролировавшие дорогу, буквально разинули рты. Онемели. Не ожидали увидеть таких врагов... Две-три задницы в кузове, проплыв мимо и поддразнивая, еще нет-нет и мелькали. Жопы еще долго виднелись. С расстояния.

Остались только бензовоз и грузовики с бочками. Наше, складское!.. Руслан продолжит их сопровождение.

Полевой командир, ничего не забыв, скомандовал своим немытым бойцам попрыгаться в зеленку. На всяк случай. Доверяй, но проверяй... Фантомы вертолетов, ведомых Васильком, так и висели в воздухе. Их не было — и они были. Крылатые призраки... Над пока что небомбленной дорогой.

Да и в ушах, как бы предваряя рев Ми-28, забываемый бас Василька.

Его утробный бас, я знаю по себе, еще долго звучит в ушах. Василек специально басил по телефону. Это впечатляло. Видеть его чеченцы не видели, а голос знали. Да и большинство наших, кто водил колонны и подстраховывался с неба, знали только его бас. Василек играл голосом... Природа ему благоволила. Крупный мужик (для вертолетчика). Веселый. Рисковый... Настоящий игрок!

Все его лето — обязательный запойный преферанс. Говорили, что в отпуске, в каком-нибудь паршивом санатории, Василек сходил с первой попавшейся женщиной и делал ее на этот месяц женой, которая хлопчет... Днем и ночью, чтобы ему угодить. А сам играл. Безоглядно. Днем и ночью...

Выигрывал он помалу. При этом ликовал!.. Ас, классный летчик-атакер, подполковник в неполных тридцать и с хорошей зарплатой, Василек бы-

вал совершенно счастлив, выиграв в картишки пару сотенных! Вернувшись с карточного боя, потрясал потертыми рублями. Гордился! Совал среди ночи своей женщине под самый нос! Посмотри, как пахнет победа!.. Бедняга только кивала сонно: да, да, пахнет... да, да, победой!..

Женщина не понимала, что случилось и как так произошло с ее отпуском. Приехала на юг отдохнуть, пощеголять в новых легких платьях, а оказалось, опять жена. Приехала повеселиться, а оказалось, топчется возле плиты... да еще и не плиты, а электроплитки! Топчется, беспокоится, не находит себе места и еще вскакивает, как чумовая, с постели, чтобы разогреть пришедшему в три часа ночи Васильку блинчики с мясом.

Чичи разбрелись по зеленке. Но сначала они приволокли убитого. Того, кого мой солдат застрелил на въезде. Труп не скроешь... хорошо, что мы его не зарыли!.. Остывая от тяжелого торга, я как раз неспешно вернулся к джипу.

Солдат, мой храбрец, так и сидел в машине за рулем все это время. Подходя, я с десяти шагов видел, как побагровела его шея. (Несли убитого... Прямо к джипу. Прямо, казалось, к нему.) Совсем нетрудно представить, как разъяренные чичи рвутся в машину: «Выходи, сволочь! Все равно достанем!..» — и тычут, тычут дулами автоматов в лобовое, прямо в глаза, мол, открывай... вылазь... пристрелим через стекло, если не выйдешь!

Но с мертвяком упростилось. Оказалось, боевику убитый был хорошо известен как человек неменяемый. Большой на голову... Чичи вообще не хотели его брать в отряд. Он только мешал. Еще вче-

ра его едва сами они не застрелили, когда он, сидя в кустах, никого не окликнув, вдруг защелкал затвором... Месяц назад его силой оставили в родном селе. Его даже заперли.

Но бедняга страшно возбудился, как же так! Половина села шла воевать! Убивать русских! А как же он?! Его заперли, однако он выбрался. Через дыру, рядом с трубой. И, держась в отдалении, тихо-тихо следовал по тропе за своими сельчанами — по тропе войны. Вчера только он здесь появился. Вчера его увидели... Как мало повоевал!

Перенеся мертвого к джипу, чичи вновь испарились. Попрытались в зеленку. Тут ожил мой солдат. Страх сковал и держал его внутри машины. Только тут он вылез из джипа. Полчаса он мочился. Не меньше... Все это долгое, бесконечное время торга он ждал... ждал.

Я хотел, чтобы солдат расслабился. Все позади. Все утряслось... проехали!.. Достаточно громко, чтобы солдат слышал, я сказал Маурбеку:

— Вашего я застрелил, — я развел руками с понятным сожалением. — Этот полоумный выскочил с автоматом перед машиной... Целил мне прямо в лбешник.

Полевой кивнул — они, мол, так и подумали. И они меня не судят. Бедняга был обречен. С самого первого дня... Как только убежал из села... Как только вылез через трубу.

Однако мертвый был перенесен к моему джипу и положен у самой дороги все же не случайно, не просто так... Полевой Маурбек подсказал мне, чтобы я все-таки оплатил нелепую смерть. Чтобы в уплату помог старикам с бензином... Той застрявшей колонне. Каждому мотору по полбака, допустим...

— Надо, надо за убитого, Сашик. Что я скажу своим?!

Он отлично знал, что сказать своим. Но и я чувствовал его правду. Я согласился сразу. По двадцать литров — даже если там десять машин... Это двести... Двести литров — ровно одна бочка. Что за убыток!

Я крикнул Руслану — отдать застрявшим на дороге чеченцам одну бочку. В подарок. Он тотчас понял. Он дал отмашку... Бензовоз и наши грузовые с бочками тронулись в свой путь, в в/ч за номером... неблизко!.. Проходя мимо застоявшейся чеченской колонны, они, не останавливаясь, сбросят старикам эту оплатившую смерть бочку. Едва сбавив скорость... Прямо на ходу сбросят. В высокую траву.

Мой джип-козелок в одиночестве на опустевшей дороге. Ни души. Если не замечать, что рядом лежит этот мертвяк. Мертвяк поедет с нами. (Отдадим чеченцам в ближайшем селе, они похоронят. Как и положено у них, в тот же день. Сегодня.)

Рулил мой натерпевшийся солдат. Полевой командир Маурбек сел с ним рядом — впереди. Напоказ. Чтобы чеченцы, что в колонне, его командирское лицо сразу увидели. Чтобы узнали... А то ведь могут обстрелять. Когда ближе подъедем... Запросто! Старики стариками, а автомат с боекомплектом у кого-то в колонне всегда найдется.

Но прежде мы поставили точку прямо здесь. На дороге. Разборка позади... На уже опустевшей дороге мы с Маурбеком пожали друг другу руки — финиш.

Он все-таки слегка хмыкнул. С иронией... Все-таки недоволен. (Все-таки без денег.)

— Ну что, Сашик... В другой раз захвати калькулятор. Ты так и не посчитал до конца... Сколько стоит твой российский солдат?

— А сколько стоит твой чеченский старик?

Он спохватился:

— Ты прав. Ты прав, Сашик... Я вот что думаю, какая гнусная штука эта война.

Ему хотелось, чтобы я ответил — да, Маурбек, какая это гнусная штука.

Он еще и вздохнул.

Ему хотелось, чтобы сейчас, в конце разборки, все выглядело, как в кинухе про войну. Чтобы мы с ним, двое, были сейчас как крутые бойцы. Как крутые честные бойцы, которые оказались врагами. Которые хочешь не хочешь живут здесь эту проклятую нынешнюю жизнь.

Однако мне подумалось, что, получи Маурбек с меня деньги, он не так уж горько сожалел бы об устройстве нынешней жизни.

— Гнусная штука эта война, Сашик.

Но я только усмехнулся:

— Неужели?

Мы приближались к застывшей (и сильно скупавшей на открытом месте) чеченской колонне. Конечно, кроме стариков, там были женщины с узлами. Куча детей... Зачем они всюду их возят?.. И конечно, одна из машин была набита автоматчиками. Сопровождение.

Маурбек сидел впереди, рядом с рулящим моим солдатом. Я сзади — с мертвым. Мертвый уже заостенел. Не сгибался... Он диагонально лежал на заднем сиденье, полусвесив жесткие ноги. Его голова расположилась на куске брезента. А этот ку-

сок брезента расположился у меня на коленях. Иначе нам с ним не уместиться.

Иначе не получалось. И потому получалось, что я ему как мать родная и что он напоследок головой на моих коленях... Но хорошо хоть «сын» не пачкал меня. И вообще... Оказался опрытен в смерти. Две пули прямо под сердце, крови мало.

Лет сорок. Умер, а черты лица не разгладились... Усатый, хмурый. Мать учила когда-то этого угрюмца ходить, держать ложку. Улыбаться... Одевала мальчика, чтоб не простыл. Лет в тринадцать-четырнадцать стало, конечно, заметно, что он ненормален. Ах, ах! — сочувствовали матери. Ах, она бедняга!.. Сожалели, а может быть, над ним потешались... А может быть, как раз отгоняли от него насмешников. Но уже не удивлялись его странностям. И сегодня не удивились.

Ничуть ведь не удивились, когда он попал под русскую пулю. Пока шиз живет, у многих возникают эти тоскливые вопросыки... Зачем он живет вообще — зачем мать учила его ходить? Зачем одевала в холод?.. Еще и читать шиза научили, зачем?..

Зато смерть шиза никого не удивляет. Гибель его всем кажется закономерной. Для такого, мол, конец вполне нормальный... Не спросят, сколько ему лет... Смерть видится некоей молчаливой правдой. Восстановлением справедливости в природе... Даже не ахнут. Мол, так получилось. Обвал горы или русская пуля... или просто шиз попал под машину... никто не спросит — никаких «зачем?».

В/ч за номером 135620. Горючка все-таки добралась... \$2000... Бензин — кровь войны... На складе я распределяю бензин по заказам воинских частей.

Но плюс — я еще и обеспечиваю доставку. Это моя личная инициатива... Война стала исключительно горной, и потому в нынешней войне доставка — это все. И потому каждая десятая бочка — мой навар.

В этот раз моя доля (в денежном эквиваленте) стала чуть более двух тысяч долларов. С учетом предыдущей колонны. Так и внесу в записную книжечку. Завтра... Когда посчитаемся.

Свою долю получит Руслан. Свою долю получит штабной майор Гусарцев. Нас трое. Как говорит Коля Гусарцев, наше трио сыгралось легко... Их деньги я, конечно, не записываю, не запоминаю... Я не слежу за чужими деньгами. Трио сыгралось.

Рядовой Сергучов, ямник... \$1000... Я помогал выкупить его из зиндана. Деньги пришли не сразу. Я помогал лишь косвенно... Я только звонил.

Звонки мои (выясняющие или отслеживающие) шли по моим же бензиновым путям и связям. Или по моим бензиновым должникам. (Это всегда надежные люди!)

Труда было немного. Но заинтересованные лица сочли, что мои телефонные контакты сработали отлично. И оценили. Деньги прислал Камский комитет солдатских матерей. Надо же, Камский!..

Кама — большая и нечасто называемая русская река.

На обратном пути, уже близко к Ханкале, нам попался бродячий. Он высунулся из зарослей и призывно махал рукой, чего-то от нас захотев... Верхушки кустов качались... Мой руливший солдат притормозил.

Но бродячий тут же спрятался. Робкий!.. Вероятно, по лицу моему, по взрослости моей прочитал, что в машине офицер... Был еще не слишком поздний вечер. Не темный.

— Эй! — окликнул я негрозно.

Я как раз подумывал о бродячих. Я уже взял к себе на склад двоих... Может, еще одного?

— Эй! — мы стояли с работающим двигателем. Готовые рвануть и уехать. На подъезде к Ханкале стоять иногда опасно.

Бродячий солдат высунулся по пояс. Однако очередное «Эй!» его опять испугало.

Спрятался...

Но теперь стало слышно, что он движется. Где-то он опять кустами... Глазу незаметно. Но все-таки он пробирался в нашу сторону. К нам. Он высунулся еще. Уже ближе. Уже крупнее.

Кашлянул... Уже настолько был ближе, что в него могли бы стрелять. Если бы хотели.

Мой солдат присвистнул и крикнул:

— Хорош трусить!.. Дуй сюда!

Бродячий солдат выступил из кустов. В полный рост.

Сейчас подойдет...

Из ущелий, где боевики пожгли их колонны, потерявшиеся после разгромного боя солдаты первым делом пробираются сюда... К Ханкале поближе. Горная война, она без линии фронта — так что бродячий идет через всю Чечню. В одиночку... Иногда их двое, трое. Шатающиеся от голода. Шарахающиеся от страха... Днем они спят в перелесках, на теневых обочинах, а ночью крадутся — идут.

Попасть к чеченцам в яму они не хотят. Пахать рабом у горца-крестьянина никому не вариант. Ни-

чего нет хуже ямы... Но быть пойманным нашим патрулем и попасть под расследование в комендатуру, а для начала и в военную тюрьму, солдату тоже не сахар.

Бродячий подошел к машине, как-то странно клоня набок тело и сверля меня боязливymi глазами. Весь дрожал. Совсем юнец... Автомата не было...

— Где оружие?

Он стал бормотать про какой-то съехавший среди боя откос земли. Землей солдата засыпало. После третьей, рядом разорвавшейся мины... И сапоги у него были полны непонятной воды... И он полз, полз... А потом понял, что автомата нет.

Нынешний солдат, в одиночку уцелевший после боя в ущелье, уже загодя чувствует себя виноватым.

Его уже допрашивали на блокпостах, но не всерьез, от нечего делать... На втором блокпосту целый час... Офицер велел ему стоять прямо. Не опускай плечо. Правое плечо, мать твою! Почему опять опустил?! Ты что, кособокий?.. А дальше весь допрос солдат тупо сидел. Прямо на траве... Офицер стоял над ним и орал. Долго... Потом потерял к нему вдруг интерес и уехал... Офицер на прощанье дал ему в ухо... Так и сказал, *за тупость*.

Вернуться в родную в/ч, к своим пацанам и к своему офицеру, — для бродячих известное спасение. Там и накажут, там и простят... Родная часть — их мечта. Вот только где теперь эта их часть? Куда ее перевели после того побоища в ущелье?

Постепенно, друг от друга, бродячие узнают, как быть, какова практика их возвращения. Отработана временем... Во-первых, надо тихо пробраться в Ханкалу... Во-вторых, уже в Ханкале еще более по-тихому поработать у какого-нибудь знающего

войну чина. В каком-нибудь его хозблоке. А уж чин после (если ты хорошо поработаешь... придется пахать!) подскажет тебе, с какой пойти колонной, сопровождаемой БТРами... Или с какой мотострелковой частью. Так или иначе доберешься до своих пацанов.

Мы договорились. Я так и сказал ему:

— Месяц поработаешь — верну к своим.

Он по-мальчишески смотрел мне глаза в глаза, ища обман.

Я как раз подумывал о бродячих, пусть бы еще пару солдат... пусть даже один... Чтобы, хотя бы временно, помочь моим солдатам катать бочки с горючкой. От ежедневной натуги (а то и еженочной) у солдат-грузчиков уже через три месяца лицо становится темно-свекольное. От приливов крови... Мой Крама-ренко так и зовет их — красномордики. Ласково, но безжалостно. Крамаренко подтрунивает... счастливычики! Здесь, на складах, их не поднимают в атаку. В них все-таки не стреляют.

Мы проезжали мой строящийся Внешний склад. Бродячий солдат для начала переночует здесь. Чтобы не искать ему среди ночи особое место.

Я вышел из машины и веду его.

— Сюда... Теперь сюда.

Внешний склад строится еле-еле. Без ограды даже... Ночью тихо, поутру здесь работают два-три чеченца.

Здесь есть бытовка... Отдельная каморка, как раз чтобы поспать. Солдат, теперь это заметно, косячок. Что-то с бедром... Особенно на ступеньках его перекашивает... Я показываю ему место ночлега. Топчан.

— Завтра устрою тебя капитально, говорю я.

А он чего-то ждет.

— И завтра же переговорим обо всем.

Бродячий кивает. Но глаза испуганные... Я говорю чеченцу-охраннику, чтобы дал ему лепешку и сыра. Охранник мгновенно находит и уже протягивает солдату съестное... Какая реакция! Чеченцы стремительный народ.

Я не хочу отставать и тоже оставляю солдату пару своих неостребованных сегодня бутербродов. (День такой, что не до еды. Мне бы сегодня как следует выпить. Но сил нет даже на выпивку.)

Ухожу спать... Спокойной ночи, солдат.

Но солдат, судя по дальнейшему, не уснул. Не всякому ночь спокойна!.. Не знаю, ложился ли он вообще. Бродячий оказался слишком напуганным. Его слишком долго виноватили. Его слишком допрашивал тот офицер. На блокпосту... Перестарался!.. Приятно же поорать. Приятно же требовать, нагонять страх, вправлять мозги кособокому солдату, потерявшему где-то оружие... Кругом виноват... А теперь вот сидит на траве и ни фига не соображает. Тупой!

В бытовке, где я оставил солдата ночевать, дверь не выровнена и туга. Тоже кособока... Солдат, видно, подергал ее раз-другой и решил, что его заперли.

Нет чтобы рвануть дверь посильнее. Вместо этого солдат испугался еще больше... Он не хотел больше расспросов. Он решил, что я заманил его, чтобы сдать в комендатуру. Для этого и зазвал его в джип. Для этого и накормил... Среди ночи, напугавшийся, солдат выставил раму окна и сбежал. Он уже никому не верил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Это я.

— Да. Да... Я поняла... У тебя все в порядке.

— В полном порядке.

Моя жена перевела дух.

— Слава богу.

Она уже хорошо знала... запомнила... выучила... что я иногда звоню просто так. Жене можно и ночью звонить просто так.

Я помолчал. Так вышло. Похоже, с молчанием я затынул. А потом сразу и простился. На всякий случай простился вперед, впрок. Вдруг, мол, разговор прервется... Она к такому опасливому прощанию загодя тоже уже привыкла.

— Все в порядке, Саша... Спи спокойно.

Там у них, у жены и дочери, — в географическом от меня далеке — на берегу большой (но не называемой) русской реки уже огорожен (куплен) средних возможностей участок. Не велик и не мал... Участок со строящимся уже домом. Не лучше и не хуже соседних.

Сейчас, как и здесь, там ночь. Но, может, у них луна. Каждый раз, звоня, я пытаюсь мысленно увидеть, разглядеть ту далекую пядь земли.

— Смотрю на луну...

— И что?

— Круглая!

— У нас она сейчас высоко... Угол дома мешает... Зато лунная дорожка с реки.

— Вот смотри сейчас на эту дорожку. До ее конца... Там в конце есть фокус.

— Саша!.. Ну, скажи что-нибудь серьезное... У нас вчера уже второй этаж. Стены пошли.

Я сглотнул ком. Душа взволновалась. И сердце подстукивало. (Я как строитель не вовсе умер.) Складской менталитет не все во мне задавил.

— Вовсю строишься?

— Угу.

Это она как бы небрежно. Как бы ни о чем... Пустяки... Чтобы не о деньгах. Она не слишком доверяет телефону.

— А есть на что строить? — я засмеялся.

— Есть.

Значит, посланные мной деньги она получила.

— Ишь ты! — хмыкнул я довольным.

По моей подсказке (телефонной) жене удалось прикупить с левой стороны участка небольшой спуск к реке. Внешне — не ах. Но инженерно — это грамотно. С перспективой... Дом с флигелем. А на правой стороне участка будет хозблок. Потому что там выезд на будущую основную дорогу этого поселка, прижавшегося к реке... выпало, как удача!.. Когда обговаривали с женой план, про дорогу мы еще не знали. Это настоящая удача!

Я объясняю — подвоз стройматериалов будет тем самым для нас проще. Сразу же с дороги!.. В хозблоке в будущем (деньги и время!) можно разместить генератор. Для автономного света и тепла. Молодец и умница. Единственная ее ошибка — купила для хозблока кирпич подешевле. Напротив: хозблоку необходим самый капитальный кирпич.

В переборе подробностей меня захватила мысль — странная мгновенная строительная мыслишка — хотя бы на чуть подняться в нашем будущем доме над вторым этажом.

— Вверх бы, — сказал я. — Еще бы малость вверх. Повыше.

— Но, Саша, — она, конечно, удивилась. — Саша... Есть же план, два этажа, ты сам его одобрил.

— Алло... Алло... Пропал голос... Не слышу. На минуту я ничего не слышал. Даже шорохов.

Зато белой вспышкой во встревоженном сознании — увидел домашний наш стол... увидел наше круглое зеркало... и ее лицо.

— Как тебе сказать... Хотелось бы повыше. Чуть бы еще добавить высоты.

Связь восстановилась.

— Саша. Но уже есть план... Ты же знаешь!

— План чуть переделать.

— Но это значит — третий этаж.

— Ничего не третий. Пусть что-то совсем узкое, не слишком объемное возвышается над вторым — вот и все.

— Как это возвышается?

— Ну, торчит. Ну, как член.

— Саша!

— Извини, извини, дорогая... Я тут привык за просто. С солдатами.

Она сказала сухо:

— Сейчас ты не с солдатами.

— Извини.

Пленный сержант Рыжов. Дорого обошелся... Люди прораба Руслана, взяв след, стерегли пленного сразу на трех дорогах. Все сделали правильно. В боестолкновение не входили, а только давали «хозяевам» знать, что о сержанте пронюхали — как-никак засветили пленника. Пасли его мягко. С вы-

держкой... И вот те, кто держал сержанта в зиндане, занервничали. Они стали передавать пленного из села в село, из ямы в яму... И в конце концов продали его нашему человеку. Без торга.

К сожалению, когда возвращались, одного из людей Руслана застрелили в нелепом ночном столкновении. У костра!.. За едой!

Я предложил все вырученные деньги отдать Руслану. Его потеря... За сержанта мы хорошо заработали. Гусарцев согласился. Но не согласился Руслан. Он словно боялся брать больше. Он даже не поднял глаз. Как всегда, его твердое и холодноватое — нет. Все на равных.

Мы сидели тогда, все трое, в джипе. Коля Гусарцев курил... Раз, другой, третий выдохнув в окно дым, он спросил — очень ли близкий человек был Руслану погибший?

Руслан и тут не захотел давить на нас — на де-леж и на наши деньги. Он просто ответил:

— Близкий.

В/ч за №... Солярка... *Эта воинская часть расположена не доходя до гор. Поэтому ее сопровождал Гусарцев.*

Если нет штабного офицера, который досматривает путь, глотая пыль рядом с колонной, горючка не дойдет до назначенной в/ч. Ее завернут... На первом же повороте дороги. Наши в этом отношении столь же опасны, как чеченцы. Любой подполковник перехватит у тебя и бензовоз, и бочки — и свою часть. Да еще заставит твоих шоферов разгружать. Знаем!

В/ч за №... Бензин... *Эти зарылись погальше. Добраться непросто. До гор назначенный им бен-*

зин в бочках сопровождал Гусарцев, в горах — Руслан. Отправили спешно. И в каких помятых бочках, в треугольных! На войне все можно.

В/ч за №... Дизельное топливо... Мазут... Ура. Ура. Полковник А-нин поумнел. Да как быстро!.. А ведь командует частью всего три месяца.

Всего три месяца назад он, этот Анин, страшно возмущался, когда прослышал, что должен за доставку и за вообще отдать мне каждую десятую бочку. Он не мог понять, кто я. Он вопил в открытую! Как так!.. Кто такой этот майор Жилин! Я эту сволочь выведу на свет... Я в штаб!.. Я к генералам!.. Но вот ведь посмирнел товарищ полковник и поутих. Понял.

Ему объясняли... Кажется, Коля Гусарцев. Прямым текстом. Самым прямым. Армия сейчас полуправляется. Никак не обретет форму... Дисциплины нет. А когда нет дисциплины, пусть снабжением горючкой управляет хотя бы рынок... Иначе хаос... Полковнику Анину объясняли, втолковывали правду этой войны, а он опять и опять — как же так? Как же так с бензином, с соляркой! Как я буду воевать в таких условиях!.. Я их всех!.. Я эту сволочь!

У него перехватывали по дороге все, что он заказывал. Либо наши, либо чичи... Какая разница... Три месяца!.. И вот бедолага прислал мне письмишко: «Дорогой Александр Сергеевич!..» — ну и так далее. Очень приятный текст. Симпатичный стал человек... Солярку получит... Чеченцы обращаются ко мне еще более трогательно: «Са-ашик... » — звучит неплохо. В этом что-то задушевное.

Мы сидим втроем в машине Гусарцева, и, когда с делами покончено, Руслан прощается и переса-

живается в свой «жигуленок». Внешне — мы, все трое, просто друзья.

Я и Коля Гусарцев, мы смотрим, как Руслан идет к машине легкой, летящей походкой молодого кавказца. Мы никогда не ссоримся из-за дележа денег. Я плачу щедро... Иногда просто поровну. Иногда по вкладу — учитывая личное участие. Наше трио сыгралось. Так сказал Гусарцев. «Трио» — это его словечко. Бензин... Солярка... Ничего особенного. Мой бизнес скромн.

Ханкала — знаменитый пригород Грозного, здесь у нас и впрямь теплее. Может быть, от количества моторов. Здесь основная группа федеральных войск. А также склады, склады... Так что на весь день покидать теплую обжитую Ханкалу и ехать к штабистам — это не всегда в радость. Но надо.

— Давай моей машиной. Чего тебе сейчас возвращаться... Тебе ж удобнее! — предложил Коля.

Мы едем.

Дорога в Грозный знакома до мелочей, я бы на своем джипе рулил с завязанными глазами... Но Коля рулит еще легче — играючи!

Ведя машину, Коля звонит генералу Базанову, своему непосредственному начальнику.

— Еду, еду, товарищ генерал... Да, да, уже скучаю... Послушать вас очень хочется.

При этих дружески-льстивых словах на том конце телефонной связи раздается радостное стариковское кудахтанье, восторг... Даже мне слышно, как булькает, как живо вскипает в трубке голос генерала-ништо. Веселья сколько... Дите!

День еще не нагрелся. На дороге много машин.

Коля Гусарцев исподволь, я и не заметил, как попал под гипноз хорошо знакомой дороги, заводит сторонний и неопределенный разговор — о продаже оружия. Болтает!

— Саша... Сейчас кое-кто очень ловко продает чеченцам АК. Речь о наших, федеральных, чеченцах — им лень ждать, пока автоматы придут по распределению... И они готовы купить, если вне очереди... Из рук в руки... Чем не бизнес...

— Да они тут же перепродают боевикам.

— Саша!.. Какое наше дело!

Я все еще думал, что просто некая его болтовня. Я все не мог оторвать глаз от дороги.

А Коля Гусарцев воспарил высоко... Да, да, наш бизнес — это наша горюч-ка... Разумеется! Бензин-масла-солярка-боевой летный керосин. Но всякий бизнес норовит расшириться... Разве нет, Саша?.. Это как в бою, Саша. Это как фланговая атака... Фланг, он в любом деле живой... Фланг сам тебя подталкивает. Фланг хочет сам попробовать... Фланг рискует...

Коля как зациклился. В дороге это бывает — вдруг случается нечаянный восторг. Повод неважен... Молодой штабист забивал меня словами. Фланг... Фланг... Фланг...

— ...Опасности, Саша, мы с тобой не боимся. И тебе, и мне иной раз даже хочется постоять на краю... Разве нет, Саша? На самом краю... Война — дело заводное.

Я, помню, только засмеялся. Какой напор! Мне Коля Гусарцев показался смешным... Молодой и зеленый!.. Слабое место всех мужчин — постоять на краю.

Коля замолк. Возможно, чуть обиженно. А я только посматривал на облака, на лес... Это место особенное. Этот поворот, казалось бы, хорошо знакомой дороги я каждый раз оглядываю с непонятным счастьем.

Речка!

У моста пришлось пропустить запоздавший кусок ханкалинской колонны. Огрызок... Два БТРа, и меж ними большой грузовик. Отставшие...

Сунжа небольшая речка. Типичная кавказская речка. Без умиления... Мост освободился, а за мостом — уже Грозный. Кусты... Кусты малорослые... А дорога на некоторое время невнятная. Но все открыто и видно.

— Пригни башку, — сказал Гусарцев.

Я пригнул. Боевиков в Грозном хватает. Но поутру они отдыхают... Их времечко — вечер и ночь. Однако на окраине могут обстрелять. И даже снайпер, наскучав, может здесь поработать.

А все потому (такие мысли), что пейзаж теперь угнетал. Обкромсанные с боков дома давили... Нежилое все. Целый квартал домов с мертвыми глазами. Пустота окон чувствуется на расстоянии... Но уж лучше пустота, чем проблеск чужого прицела.

Штаб для престижа пробовал обосноваться не в Ханкале, а в Грозном. Пусть даже на время... Для ощущения близкой победы... А по обстановке чуть что — назад, назад!.. Дать деру и вернуться в надежную Ханкалу. Все уже знали эту канитель. Некоторые штабисты даже почувствовали вкус к путешествиям. Мчатся туда — мчатся обратно. (Связисты, вот кто негодуют, — негодуют, но на них плюют.)

Мы в Грозном... И вот она, знакомая толкотня знакомых машин.

У невояки Базанова, большого, рыхлого генерала, прозванного в штабных коридорах генерал-ништо, кабинет был замечательный. Туда мы после совещания и заглянули — Гусарцев с еженедельным докладом, а я как бы с Колей заодно. Обзавестись таким шефом, как Базанов, — несомненное счастье что в миру, что на войне, и Коля Гусарцев это счастье имел. Настоящий везунчик, Коля нет-нет и меня водил на глазок к Базанову. Чтоб тот меня помнил... Пригодится!

В штабе Базанов отвечал за связи с местным населением. За контакты. За укрепление дружбы многочисленных кавказских народов. Должность, которой никто не понимал. Над ним и над его должностью подшучивали бегающие здесь по коридорам офицерики. Почему?.. А потому... Считалось, что генерал нелеп. Нелепо женился. Нелепо затеял строить дачу аж под Ростовом... Куда ему не удавалось (и никогда не удастся без скандала) послать, чтобы поработали, хотя бы пару солдат.

И никого у него в подчинении. Ну, кроме, конечно, лихого Гусарцева, который тоже над шефом посмеивался. Слегка, конечно... Был, правда, еще прапор Геша, который носил генералу чай.

Зато к генералу никто и никогда не приходил на прием. И в штабном его кабинете сама свобода. Мы тотчас там с удобством расселись. Что за кресла! Чудо!.. Если любишь ленивую позу, можно откинуться до предела, а ноги вытянуть и вовсе в заповедье, в самую вечность... Мои глаза упирались в стену, где четыре книжные полки. Четыре!

Генерал заметно оживился. Во рту у него запер-

шило. Кхе-кхе... кхе-кхе... «Саша...» — генерал от-весил мне легкий стариковский поклон. Но не знал, что сказать.

Откашлявшись, густым баском он с ходу попросил у меня рабочих для стройки дачи. А когда я сказал, что свободных рабочих нет, он здорово огорчился.

— Но надо же мне когда-то ее достроить... Что за генерал без дачи!

И опять он не к Гусарцеву, а ко мне. Это странно, он никогда не был настырным.

— Но у тебя, майор, есть стройка. Ты же, я слышал, еще и строитель.

Я объяснил ему — склад строится наружный. Внешний. За воротами основных складов... Неохраняемый.

— Но кто-то там работает.

— Там чеченцы. Хотите?

— Нет, конечно.

Гусарцев вмешался наконец мне в помощь:

— Работяги-чеченцы, товарищ генерал, не доедут до Ростова. Краснодарцы задержат их на полдороге. И будут держать... До выяснения.

— А это правда, что на стройке склада у тебя два прораба — и тоже чеченцы? — Спросив, Базанов с важностью приподнял голову. У генералов есть эта черточка: всякой безликой фразе придавать значительность.

— Правда.

— И оба — Русланы?

— Оба.

Гусарцев подсказал:

— Саша, а новенькие... Эти двое?

— Эти двое контуженные.

И тотчас генерал опасно захлопал крыльями:

— Нет-нет. Контузиков не надо... Неадекватны. Сбегут. И еще кого-нибудь изнасилуют по дороге.

Мы расслабились. Гусарцев даже нога на ногу. Свой здесь человек. Я свой не вполне, но зато я помнил про чай и про прапора Гешу. Готов ждать... В штабных кабинетах всегда хочется чаю.

А генерал заныл:

— Ребятки... Ну, просьба. Прошу вас... Надо рабочих. Позарез... Жена! Жена!.. Вы же знаете, что такое жена!

— Вот он женат. Он знает, — сказал Коля, смеясь в мою сторону.

— Са-ааша, — протянул генерал. — Жен же не выбирают.

Вот, оказывается, в чем дело. К генералу нагрянула его молодуха жена. Говорят, красивая... И уже наверняка им понукает.

— Да, да. Навестила, — сказал генерал как-то странно, с неумышленной двойной интонацией.

Радостно-скорбно.

Вступил с некоторой важностью Коля Гусарцев. В паузу... Под видом очередного «контакта с местным населением» Коля живописал вчерашнее мелкое событие близ Ведено. Недолго Коля думал! Событьице было пустяковейшее: солдаты, охранявшие дорогу на Ведено, перехватили у местных чеченцев хлебовозку. Забрали... Съели... Рота отоварилась полусотней буханок свежего хлеба — еще и лепешки! Сожрали всё!

Солдатики были так голодны, что за хлеб, похоже, были готовы и пострелять. Да вот беда: чеченцы этого села оказались из невоинственных... А нево-

инственные, они же сразу пишут. Руки есть, писать умеют. Прямиком приехали с жалобой в Грозный — и жалобу там приняли! Пришлось хлебушек оплатить!.. И оплатили!.. Это хороший знак, товарищ генерал. Представляете: воинская часть оплачивает чеченцам хлеб!

Из бытового столкновения, из чепухи Гусарцев прямо на глазах слепил открытие новых отношений, а значит, и открытие новой фазы войны: обмен!.. Этот обмен хлеба на деньги означал зарождение рынка и прямых контактов с местным населением!.. Обмен вместо обстрела из кустов. Обмен вместо отрезания голов... Конечно, не всё сразу... Но шаг сделан!.. Почин!

— Коля, ты молодчина! — Генерал Базанов был своим помощником доволен. Ах, как доволен!

И по контрасту недоволен мной:

— Майор!.. Даже чеченцы уже идут на контакт... А ты? — журил меня он, не забывший про отказ.

Еще и пальцем пухлым грозил. Брови морщил... Что это с ним сегодня?

Бравый прапор Геша принес наконец в кабинет на подносе красно-белый заварочник и чашки.

— Пока что — чай. Ча-ай! — раскатистым баритоном объявил нам генерал.

И так значительно, так крепко нажал он на «пока что». Слово бы чай только для разбега, и вот-вот следом грядет крутая выпивка. На этом же подносе и с этим же прапором.

Я посматривал на книжные полки. На книги... На их корешки. С мелко выведенными фамилиями авторов. Я знал про генеральское хобби. Слышал от разных... Даже если дизайн. Даже если люди соби-

рают книги под цвет купленных полок, их невольно уважаешь. Пусть... Пусть собирают и дальше.

Жизнь горских народов Кавказа (книжная) тоже была для нашей войны своеобразным дизайном. Книжная жизнь стала настоящей страстью генерала Базанова. Коля рассказывал, что пробудил генерала вышеспущенный приказ прочитать присланную книгу — некую популярную книжонку о Кавказе — как-никак Базанов был призван курировать контакты с местным населением. Он, видно, давненько вообще ничего не читал. Книжонкой генерал оказался по-настоящему потрясен и затребовал еще. Так началось!.. И ведь у него был мощный служебный телефон. Бесплатный. И генерал звонил... звонил... звонил!.. Пришлите то. Поищите и пришлите это... Если книжка редка, ксерографируйте. Это нам важно!.. Это огромный непознанный мир. Все, что связано с историей Чечни... Да и других горских народов-соседей. А ведь генералу Базанову (поговаривали) уже бы не мешало подумывать о мире ином. Генерал был в подходящем возрасте.

Те, кому он звонил в Ростов и даже в Москву, молоденькие офицеры и штабные клерки, могли впрямь думать, что генералу Базанову книги и брошюры нужны, чтобы научить наших солдат общению с горцами... чтобы те, суровые, хотя бы с ходу не отпиливали им башку! Чтобы шли на контакт... для смягчения характера войны, так сказать... а там, глядишь, и полного замирения... Искали и даже отыскивали ему редкие тексты. Как же, как же! Генерал велел!.. Приказ есть приказ. И присылали!.. Военной, штабной почтой. Ни одна книжонка не

пропала!.. Ни одна ксерокопия не была слепой или трудночитаемой. Полный порядок.

Постаревший вояка весь ушел в историю гор и горцев — погрузился, не вынырнуть! Конечно, ему слали немало чепухи. Чтобы отделаться... Ну, просто так. Уже и слушок прошел о генерале-дуриле. Но война не кончалась. И ему присылали снова и снова. Ему слали и кое-что серьезное. И, едва сорвав обертку с бандероли, генерал запирался в кабинете и отдавался запойному чтению.

А Коля Гусарцев знай расписывал тот случай с оплаченной полусотней буханок чеченского хлеба.

Такие смягченные рассказы, вернее, рассказы о контактах с местным населением очень нравятся высоким чинам. Чины усваивают только подслащенную мысль... А чиновным старикам, типа Базанова, и вообще мало надо — только бы теплой лапшички ему на уши. Он слушал и млея. Если торговля, значит, замирение... Мир вот-вот!.. Ура!.. Казалось, мир от генерала уже в шаге. Ну, в двух шагах. Которые спешило проделать, пусть даже в обход реалий, его старое и, без сомнений, доброе сердце.

Кража хлеба солдатами представлялась ему чем-то замечательным, неслыханным. Прямо посреди дороги... На скорости!.. Из кузова машины кража... Во время дождя!

Ведь хлеб за деньги, за деньги!.. Генерал непременно доложит об этом самой верхушке штаба.

Ведь, можно считать, чеченцы в итоге сами дали солдатам какую-никакую еду! Гусарцев нес старику совершеннейшую чушь. Он почти не сбивался. А насчет приносимой еды у него получилось даже вдохновенно!.. Мол, горцам и горянкам очень нуж-

но сейчас наше доброе слово! И лишь немножко денег. И вот уже чеченцы сами несут лепешки и овечий сыр. Особенно же старушки-чеченки... С горячими лепешками! Кушайте, солдатики!

Он рассказывал, как о чуде. Я не встречал. И уж конечно, не пытался Колю поправить. Человек получал удовольствие. Несомненно... И пусть!.. «В батальон Гурова... Сколько харча чеченцы понесли! Ты же видел?.. Видел?» — дергал Коля Гусарцев меня, когда его рассказы получались уже совсем неправдоподобными. Я оставался спокоен... Да, я был готов подтвердить. Конечно, он враль, но ему сейчас так сладко.

— Кстати. Можно чеченцам за провиант подбросить солярки, — и генерал поощрительно кивнул в мою сторону. (Это я, что ли, подброшу?)

— А как же! — взвился голос Гусарцева. — Обязательно!.. За солярку они заплатят и хлебом, и деньгами. Это как-никак горская честь!.. Заплатят, правда, без кассового аппарата, — и Коля Гусарцев дал голосом понять, что шутка остра и современна.

— В обход налогов! Ха-ха-ха! — смеялся генерал.

Базанов был очень доволен. Вот, мол, она — правда настоящей войны... Это, мол, в столицах подсчитывают и пересчитывают в дурацких бюджетах, что и как, кому да сколько. А война — штука внутренняя! нутряная!

По словам Коли Гусарцева, нашим солдатам особенно удавалось подружиться и сговориться насчет провианта с простыми чеченцами. С горцами из самых глухих аулов... Я слушал невозмутимо. Я только покусывал ус. А Колю несло. Без руля и ветрил... Там, в диких аулах, живут потрясающие добряки!

Ни читать, ни писать... Но зато широкие натуры!.. А как они интересуются незнакомым оружием! Они балдеют!.. Дай потрогать!.. А как они находят и узнают в темноте свой ствол?.. На ощупь. А как они нараспев произносят «грааа-нааа-томет». Музыка!.. Гусарцева уже было не остановить. Он рассказывал, как и чем отличается речь в разных селениях. Он изображал, подбирая голосом то один, то другой «аульский» акцент.

— В этих горах, где мы сейчас воюем, ислам однажды уже победил христианство. Да, да, чеченцы, как, впрочем, и ингуши, были прежде христианами... Недолго... Но были, были!.. Есть развалины православных храмов... И каких!.. Пятнадцатый век.

Генерал Базанов видел, осмотрел их самолично. Руины, конечно... Остатки стен.

— Вот этими руками трогал.

Он не дал нам уйти просто так. Этими же руками (пухлые, крупные генеральские руки) он выставил нам коньяк, чтобы мы не заторопились. Чтобы послушали теперь его.

Увы, ветвь христианства, перевалившая Кавказский хребет и пришедшая сюда к чеченцам, была не вполне, как оказалось, крепкой. Здешнее христианство было красиво, нарядно и, скорее, декоративно, чем глубоко. Красота и убранство храма. Красота обрядов... Пение... А вот ислам пришел сюда уже мощный, полнокровный и суровый. С подчеркнутой духовной глубиной. Во всеоружии нравственных законов. Кстати сказать, с запретом кровной мести... Да, да, с запретом... С личной ответственностью за грех. С красотой бытия.

— Встреча или, лучше сказать, борьба двух верований получилась здесь не на равных — и вот почему ислам вытеснил христианство.

Встреча или, лучше сказать, борьба двух вер началась где-то три... четыре сотни лет назад, срок для истории небольшой. Малый!.. Секунда!

Конечно, Коля Гусарцев все это от генерала Базанова (с подробностями или без) уже не однажды слышал. Но я узнал впервые. Было интересно... Я даже взволновался... Я ощущал себя в глубоком, в глубочайшем колодце. Под толщью столетий.

Тогда я и услышал впервые это слово:

— Асан.

До ислама и до христианства, как и у большинства народов, у горцев началось с идолов. Со страшноватых истуканов... Асан был не просто идол, а заглавный идол. Как у славян Перун... Генерал Базанов знал даже, как выглядел идол. В виде большой, громадной двурукой птицы был Асан. Божество!.. Еще какой наводил страх! Сейчас этот бог забыт, но можно предположить, что в бездонной глубине сознания горцев его имя еще мерцает:

— Асан... Асан... Асан...

Грозное забытое имя еще посылает душе горца (и его подсознанию) свои утробные, свои негромкие и смутные позывные. Ислам, к примеру, запрещает кровную месть... Но ее разрешает, позволяет Асан, более ранний, более глубоко укорененный.

Генерал, рассказывая, воодушевился. Даже лампас на генеральских брюках подрагивал и подергивался. И ведь генерал не о чем-то древнем и от нас далеком — он о Чечне! В конце концов мы здесь живем. Мы здесь воюем... Но, возможно, укрепляя наш дух против страшного идола, генерал совер-

шил ошибку — он добавил нам с Колей выпивки. Коньяк!.. В мягких креслах!.. Это была чудовищная ошибка!.. Я почти сразу увидел весь Кавказский хребет с прерывистой нитью белых вершин... И горные перевалы... И даже нависшие лавины.

Еще немного выпивки, и на линии гор я легко разглядел Асана, а с ним и гордые малые народности. Много их... Народ к народу сидели плечом к плечу. Несколько скучиваясь на перевалах... На Кавказском хребте народы сидели, как на жердочке, свесив ноги. Беседуя, цокая языком...

Не знаю, как Колю Гусарцева, а меня сморило... Мне слышались тихие барабаны... Греческие фаланги... Греки, это почему-то было важно. Они шли стройными рядами... Но сон был сильнее даже греков. Эх, навалился!.. Я не сводил взгляда с генеральского рта. Оттуда выпрыгивали слова... слова... а потом стали выпрыгивать треугольники.

Я увидел громадные пирамиды... И рядом двигались какие-то совсем уж древние люди... Полураздетые... И много, много! Полчища... С копьями! Внешне ободранные. Сплошь босые!.. Вот тут и появилась опять птица-божество. Птица успокаивала. Она уверяла меня своим странным клекотом, что бояться этих бомжей с копьями нечего... *Нахер* их, говорила птица. Сначала она напевала что-то игривое. И даже подмигивала. А потом обрушила на меня сладчайшую печаль... Засни, храбрый воин... Засни, засни, майор Жилин... Это все про меня... Она пела мне в уши долго, сладко!

Только выйду в Грозном из машины, старик чеченец стоит поблизости и ловит мой взгляд. Старики подходят. Прямо на улице. Просят горячее — Са-

шик, солярки мало-мало... А у них на носу, скажем, посевная!.. Они всегда просят именно одолжить. Одолжить, хотя отдавать долг нечем. Я иногда помогаю... Дам грузовик на подня... Скромно дам. Чтоб самому не в тягость. Солярки-мазута плесну... Что за бизнес без мелких связей. Без душевных просьб. Они клянутся, что *когда-нибудь и чем-нибудь* мне оплатят.

— Са-ашик, — говорят они. — Если что надо — только свистни.

Но, конечно, это лишь разговоры. Я могу свистеть долго... Крестьяне по своей природе забывчивы. Как всякие честные люди. Парадокс, но факт!.. Зачем честному помнить?.. А вот лгун и враль должен помнить свои долги хорошо и цепко.

Пару раз из любопытства я спрашивал стариков об Асане. Они не знали... Кто такой?.. Но, возможно, не хотели делиться со мной. Их лица становились никакими. Они замолкали. Боялись потревожить мрак? Испугались упоминания всеу?.. Или им попросту неловко, что русский знает их седую старину, которую они сами забыли.

Руслан сказал, что будто бы высоко в горах, на редко и трудно проходимых перевалах еще живут столетние чеченские старики. Пока живут, ничего такого не помнят. Но иногда умирающий старик вдруг упоминает Асана. Ни с того ни с сего... Когда жить ему остается подня.

Я уже поторапливался, чтобы вернуться в Ханкалу пораньше. Дом мой — мои склады... А к вечеру уже хотелось быть *дома*. Но едва я, выглядывая на охраняемой стоянке гусарцевский джип, прошел

подальше... весь ряд, за машиной машина... ко мне бросилась женщина, явно меня поджидавшая. Такое бывает... Стояла в тени неказистой пятиэтажки.

— Александр Сергеич! Александр Сергеич! — подбежав (она именно подбежала), женщина стала умолять меня зайти к ней.

Рядом, совсем рядом!.. В эту самую пятиэтажку! Она заглядывала мне в лицо. Хватала меня за рукав. Ее серенькое плохонькое платье парусило на ветру... Мы зашли, втиснулись в густо пахнущий жильем подъезд дома. Затем в маленькую комнату. Комнатушку женщина временно снимала.

Я ведь торопился. (Забегаловка в Грозном, где я съел сухонький пирожок... Я был еще и голоден.) И потому чуть ли не с порога переспросил женщину. Давай, дорогая, но только быстро — что и где твой сын?

Она полезла в свои бумаги... Какие-то имена. Какая-то карта, рисованная от руки. Химическим слюнявленным карандашом... Совала мне в руки. И не замолкала. Жалобы... Какой-то бред... Но я такого наслушался и навидался. «Спокойно, — говорил я ей. — Спокойно...» Это был старый ученический портфель, полный бумаг... Я теперь сам смотрел одно-другое-третье... Наконец на стол высыпались письма сына. С просьбой о деньгах... А затем и его записки. Уже безнадежные. Из ямы... Записки-вопли!

Я перебирал бумаги и бумажонки, а она быстро, щеки и губы в быстрых слезах, рассказывала. Как она и еще одна солдатская мать, Галина по имени, шли по дорогам и как пробирались... Две женщины. Ели у пастухов. Ночевали в поле...

Лицо в слезах, но голос ее твердый. Дорогу за дорогой... Исходили, обыскали впустую горы... Один раз чичей сразу пятеро...

— Вы... Вые... були...

Простая воронежская крестьянка, она не подбирала слова покрасивше.

— Вы... Вые... бли-бли...

Обеих женщин. Так рядом и положили на траве. Да, да, они обе знали, на что шли. Дуры... А главное — все бесполезно... Но один раз сразу пятеро... пятеро, — она захлебнулась словами. — Даже...

Я смотрел записанные ее рукой имена полевых командиров. От одного командира ее посылали к другому. От отряда к отряду. Не все же насиловали. Командиры, это правда, в большинстве своем были к матерям незлобивы, даже деликатны... Жалели... Кормили... Да и помнили, что через матерей скромный денежный ручеек все-таки журчит и журчит в их сторону.

Я смотрел имена. Нет... Не знаю... Даже не слышал... Нет... И про этого не слышал. Видно, эти боевики высоко в горах... Нет... Нет...

И вдруг увидел знакомое, хотя и искаженное написанием имя.

— Стоп, стоп, дорогая.

— Поможешь?.. О, господи.

Я переписал себе в книжечку его имя. И дорогу, где он *работает*. С пометкой о матери. Чтобы не спутать.

— Попробуем, мать. Гарантий нет.

— О, господи... Майор!.. Какие гарантии. Конечно! Конечно!

Ее прямо затрясло.

— За тыщу? За тыщу?

Я ей объяснил, как это обстоит: я с матерей денег не беру. Тыща долларов — такса фонда. Это мой гонорар. Но это капля в море. Это в самую последнюю очередь... А сейчас, если к полевому командиру в горы мои руки и мои возможности дотянутся, ей надо будет денежку собирать и собирать. Ей понадобится восемь-десять... а то и побольше тысяч... Эти деньги будут требовать, будут вырывать прямо с рукой. Цепочка посредников... И конечно, на посредников, на этих промежуточных непредсказуемых скотов, фонд денег не даст... Это, мать, ты сама соберешь. Где?.. В России, конечно. Не здесь же.

Воронежская крестьянка. Доярка на ферме... У нее вырвался матерный вскрик. Простая женщина, привыкшая круто оттягивать соски корове и называть все прямыми словами.

А я говорил ей *мать*, хотя ей лет сорок с чем-то, ровесница. Она льстила мне изо всех сил. И даже восторг... Жилин! Майор Жилин!.. Надежда умирает последней... В фонде ей и подсказали — если у солдатской матери нигде не получается, надо к майору Жилину.

Она заговорила порывами, шквал слов.

— А как вам здесь в комнате? Не нравится? Разве так плохо?.. Бедно, правда... Но зато чисто. Вполне у нас чисто, — разгонялась она все больше.

У нас — значило у нее вместе с той самой Галиной, тоже матерью. Они вдвоем и снимали комнатушку.

— А кровать одна?

— Мы спим валетом... Зато постель чистая.

Как только бедная поняла, что я и впрямь что-то попытаюсь для ее сына сделать, она захотела мне

понравиться. Изю всех сил... Изю всех каких-никаких женских чар... Лицо засветилось. Но оно так и оставалось лицом солдатской матери, нахлебавшейся бед... Вздыхала... Хотела! Изю всех сил хотела подластиться ко мне и не знала, как... Захочу ли я ее такую? После чичей?.. Говорят, на войне даже козой не брезгают... О, господи. Помоги нашим победить... Победить... Победить, — бормотала она слова. Неостановимая и уже ничем не стесняющаяся скороговорка!

По причине войны ее сын (если был еще жив) сидел сейчас безвылазно и кашлял в глубине сырой четырехметровой ямы. С переломанным носом... Сидел бок о бок со своим зловонным ведром. А она (с ума сойти) хотела этой войны еще и еще.

Уголок одеяла на постели был отогнут, возможно, чтобы я видел белизну свежей простыни.

— Нет-нет, дорогая, — успокоил я ее как мог ласковее. — Я по делу. Я только по делу. Напиши свое имя... и как найти... и как дать тебе знать. Если дело выгорит.

Ее звали Анютой.

Я впервые высмотрел ее в приемной какого-то полковника, где Анюта рвалась к высокому начальству, кричала, требовала, бранилась... а еще минут через десять стал слышен ее вой. Я их навиделся. Достаточно. Этих несчастных женщин... Солдатская мать!

Другой раз я видел ее на улице. Она, еще с одной матерью, возможно, как раз со своей напарницей по несчастью Галиной, шла куда-то на прием... Женщины поперебой говорили, спорили — и передавали

из рук в руки какую-то потертую казенную бумаженцию.

И еще однажды я видел Анюту в полуразрушенном магазинчике, где она ела хлеб. Полбатона... Так прямо и откусывала, отрывала зубами. Жуя некрасиво, давясь... И прихлебывая молоком из дырявого пакета... Из пакета и текло, и капало, и женщина едва успевала перехватывать ртом белую вкусную струйку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Хворь ранен... Мы с Гусарцевым подъезжали к Грозному, когда позвонил Руслан и выдал мне эту пугающую новость — Хворь в госпитале. Руслан хотел дать отбой, он явно торопился:

— Сейчас же звоню майору Гусарцеву.

— Он здесь. Рядом сидит.

— А!

Я сказал:

— Подскочи ты хоть на минутку... Мы только что переехали Сунжу.

— Ладно.

Через пять минут «жигуленок» Руслана был уже виден. Стоял на обочине, ожидая.

Руслан знал подробности вчерашнего боя лишь в общих чертах. Хворостинин колонну провел... Как всегда!.. Но какая-то случайная пуля... Может быть, снайпер... Хворь ехал не в танке, а в джипе. Если бы он в БМДэшке, в своей танкетке!.. И все же Хворь не просто провел колонну, а еще и разгромил засаду. Говорят, изрешетил всю левую сторону ущелья... Как это ему удается!.. И вовсе не в джипе!

Хворь поймал пулю, как раз когда пересаживался из танка в джип. Выпрыгнул из танка...

Ранение вряд ли легкое. Если прицельная пуля.

Известие нас оглушило. Слишком неожиданно!.. Все трое мы смолкли. Долго молчим. Просто курим. Притихшее трио, как говорит Коля Гусарцев... Ранить могут каждого, война! Но ведь у Хворя все ранения легкие — ведь он как заговоренный! Основной проводник колонн в сторону Шали — Ведено. Наш выручалыщик и наш любимчик славы. Заодно любимчик медсестер, герой и немного хвастун!

Что дальше?.. Все трое думаем, не знак ли будущих потерь... Мелких... Крупных... Теперь открывай ворота!.. Моя жена как раз звонила, что зашла вчера в церковь и молилась. В городишке (что у большой реки) нашлась маленькая церковь. Но холодная... Жена мерзла, долго сидела там на стульчике.

— Ну-ну, мужики! — прикрикиваю я на них, на себя и на нашу дрящую тишину... — Ну-ну!

Молчат.

— Есть же и другие неплохие проводники. Жизнь продолжается, — повторяю я им по жестче, по деловому.

Я не хотел при них звонить насчет Хворя в госпиталь. Двойное осторожное чувство. Мало ли что там!.. Не хотел дополнительной плохой информации... К тому же у меня дрожали руки. Я даже сунул руки в карманы... Дружба с Хворем была для меня даром небес. Даром — и задаром. Ни за что... Настоящая дружба! Хотя общались мы с ним мимоходом. Пять-шесть слов.

Когда-то я помог капитану Хворостинину по ме-

лочи, кажется, с соляркой. Пустяк... Но этого хватило. Настоящая дружба всегда задаром. С тех пор сотню раз я пристраивал свою горючку в его разномастные колонны. Я и видел-то Хворя обычно на дороге... в основном на дороге... в эти пыльные, грязные, крикливые минуты. Когда в его колонну пристраивается мой бензовоз. Мои грузовики... Издалека его видел. В джипе... Или стоит на дороге, орет на БТРы... Никто ни фига не слышит. Рев машин. Крики... Диалог сказочный!.. Только рукой помашем друг другу — вот вся дружба. Издалека...

Щупловатый! Тонкокостный!.. Капитанишка!.. Ах, нет, он уже майор. Но как же долго его придерживали. Ревновали... Смелый и знаменитый должен быть не любим начальством. Логика войны... Ну, прямо Чапаев или Чкалов, — а зачем Чапаеву или Чкалову лишняя звездочка, если у него слава!.. Всегда в камуфляже. Голосок, конечно, у него мог быть погуще... Для большинства так и остался капитаном Хворостининым. Чеченцы его звали просто Хворь.

И не берут его прицельные пули, и облетают его осколки! Интуитивный проводник колонн!.. Сталкер!.. Гениальный хозяин чеченских ущелий!.. Стуток героизма!.. Как только не писали о нем в армейских газетенках. Но для меня это ничто. Просто шумливая болтовня... Впрочем, приятный привкус нашей дружбы. И я эту издалекую дружбу ел, что называется, большой ложкой.

Хворь мне помогал, не зная (или делая вид, что не зная) про *каждую десятую бочку* — про мой бизнес. Он просто проводил очередную колонну, а с ней мои грузовики. Он снабжал армию горючкой. Вот и все. Зачем гениальному человеку знать под-

робности?.. Незачем... Зачем орлу с высоты видеть чужие (да и свои) какашки на ветках деревьев?.. Орел видит ровень. Орел видит горы. Отдаленные вершины на Северном Кавказе бывают красивы. Очень! Дух захватывает... Разумеется, всякий не прочь побыть орлом в этой жизни. И я тоже не прочь. Но, увы, сначала надо дожить жизнь майором Жилиным.

— Звони, Александр Сергеич... Звони, — говорит негромко Руслан.

И Гусарцев со вздохом:

— Звони, Саша.

Однако меня все еще тормозило. Парадокс: мне приятно, что мне больно. Вот ранили Хворостинина — и мне по-настоящему больно. Только так и чувствуешь, что там, в госпитале, — друг. Боль завораживает. Боль остра и сладка.

Ага! И Руслан переживает за раненого Хвора. (А не только за очевидный уже сейчас убыток наших денег.) За врага, в сущности, переживает — за удачливого вояку-врага... за федерала!

И когда я вынимаю мобильник, а Коля Гусарцев кричит с удивлением: «Са-аша!.. У тебя дрожат руки», — Руслан вскипает благородством и признается:

— У меня бы, Коля, тоже дрожали.

Поколебавшись, с кого — с штабистов или с врачей — начать горький опрос, я вдруг звоню напрямик Хворостинину — и чудо! — слышу его голос. Голос без хрипов... Уже легче!

Спрашиваю его:

— Разве ты бываешь ранен?

Саша!.. Сам удивляюсь.

Такой живчик... Тебя же не берет пуля.

Вот именно!

Может, осколок?

Да-а!.. Какая-то ошибка в природе. Сбой.

Мы с ним посмеиваемся. Мы еще и тезки. Ему особенно идет имя Александр!

— Как ты, Саша?.. Как твой склад, как твои бесценные бочки?

А я все не решаюсь и не спрашиваю, — что за ранение и как он дальше.

А Хворь про бочки...

— Что бочки!.. — сердито говорю я. — А вот люди!.. Ты вот давай поправ ляйся... Люди уже гроша не стоят!

И я коротенько рассказываю ему о пьяных солдатах-новобранцах, остановленных чичами на дороге. О голых солдатских задницах... Выставленных на обзор прямо с грузовика!.. Комедия. И о том, как среди этой дешевой комедии едва-едва не пристрелили. Меня... А заодно и Руслана.

— Нуу! — Хворь в голос смеется. — Едва-едва — это, Саша, не в счет!

Он может смеяться!.. Возможно, не всё так плохо... Но как раз теперь, когда я решаюсь спросить всерьез, голос Хворя сдает... Слабеет. Я даже подумал, что дело в телефоне. Что в звуковое поле влезли вертолеты... Или другая техническая муть.

Из пустоты объявляется незнакомый голос.

— Майор Жилин?.. Больной не может говорить долго. Раненый тем более... Я врач. Я перезвоню вам.

О нашей дружбе знали. Даже врачи. Я со своей особой, складской славой и Хворь со своей большой, звучной, громкой!.. Можно и так дружить. Оставаясь на равных... Он раз за разом меня выручал, а я?.. А я — ничего. Я ему — ноль. Настоящая дружба!

Врач перезвонил через две минуты и был предельно краток — раненому Хворостинину сегодня же назначат день операции. Что за операция?.. Посмотрим... Возможно, операций будет несколько.

Вот и весь разговор.

Врач важничает. Мы же должны его понимать... Его занятость... Он устал противостоять, он измучен толпами спрашивающих!

Гусарцев толкает Руслана, а Руслан меня — про ранение? Про пулю?

— Тяжелое ранение? — успеваю спросить я.

— Плохое, — отвечает врач очень-очень тихо.

Он, видно, уже отошел с мобильником в сторону. Может, к окну... Подальше от бодрячка героя. Который завтра-послезавтра на столе под скальпелем забудет все свои подвиги. Лишь бы выжить.

Я уже с расстояния услышал, как бухают бочки друг о друга. Что за гнусные, тюремные звуки!.. Второй пакгауз. Автоподъемник сломался?

— Сломался... К обеду починим, — привычно говорит Крамаренко.

Он же предлагает:

— Т-рищ майор. Может, хоть Пака перебросим на погрузку?

Кореец Пак — наш писарь.

— Пак цыпленок.

— Вот и пусть хотя бы сидит с карандашом на погрузке.

Но я не согласился. Пусть сидит на своем с бумагами. Самое время проверок... А тихий Пак любых и разных нагрянувших к нам проверяльщиков делает довольными сверх! Это его какая-то особая красота бумаг и бумажек. Проверятьщики даже

возбуждаются. Им хочется Пака съесть! Я по глазам видел... Чистое, без помарок, уверенное письмо корейца. Цифирка к цифирке, вязь.

Когда Пак первый раз положил передо мной и Крамаренкой опись пакгаузов... накладные... приход-расход... и прочее, Крамаренко стоял и смотрел, разинув рот. Возможно, я тоже... Боже мой!.. Как идеально у корейца устроен наш мир. То есть, в бумагах. То есть, отражение нашего мира. Империя порядка... Чудо!.. Опись напомнила мне старинные кружева, которые я видел однажды на рынке. Вынесенные случаем на продажу, уже пожелтевшие, они притягивали взгляд. Ажур... Они были не из нашего времени. Их так и не купили.

Нет-нет, пусть трудится. Пусть сидит сиднем. В своем восьмом пакгаузе... Пусть, как всегда, сам один и перед ним только стакан солдатского компота... Пак приносит свой компот с обеда. И пьет компот экономно, долго. Редкими глотками... На миг отрываясь от бумаг. Не зря мы его выдернули из грузчиков на чистенькую работенку. Пиши, кореец!

Я завернул за второй склад.

Там уже не слышен грохот бочек. Там у меня существует моя «лунная» полянка. Уединенное место... Стол вкопан прямо посреди распахнувшихся, расступившихся кустов... Скамейка для задницы и для уставших ног. Полянка почти в полный круг огорожена колким боярышником. Боярышник — сам по себе тоже ажур. Ажур природы. Также старинный и непродажный (непролазный).

Без помех. Без людей... Также пядь земли. Отсюда поздними вечерами (а то и ночью) я звоню жене. Здесь хорошо... Наши ласковые и притаенные разговоры. Иногда долгие.

Но был день.

Я позвонил и лишь кратко дал знать, чтобы она пока что не начинала покупать стройматериалы для хозблока. Надо выждать... Потому что (я дал это понять) с деньгами, скорее всего, будет задержка.

— Саша... Это надолго?

— На время.

Жена спросила, почему, и, как обычно в неожиданных или трудно прогнозируемых случаях, я ответил одним словом — бизнес!..

Перечень потерь, начиная с субботней атаки чичей.

По пути в воинскую часть за № — Залитые под завязку бензовозы... Плюс мой новенький грузовик с бочками солярки. Заменил Хвора капитан Зыбин. Неплохой вояка. Вел колонну правильно. В ущелье вошел правильно. Все правильно... Еле уцелел.

Бензовозы — оба — сгорели... Солярка из грузовика наполовину разграблена. Без малого даже смущения... Сбрасывали бочки прямо в овраг. Пусть катятся... В итоге всего-то \$1500.

Вместо верных девяти-десяти тысяч нам досталась ерунда.

Грабеж по пути в в/ч за № — . Бортовой «Урал» с бочками мазута. Нападение... Сопровождал наши бочки Руслан. Что и спасло от полного разгрома. Каждому из нас вместо четырех тысяч еле наскреблась половина. \$2000.

У моего камуфляжа за долгое время сильно оттянулся левый карман. Разного рода тяжестью... Сейчас тяжести ни малейшей, пуст. Так что глядел

мой карман, как пасть, голодная и жаждущая. Руслан бросил туда, в пасть, пачку денег. Легким движением кисти... Никакой тайны. Это просто доля. За привезенный мазут наш приработок... Потому что хоть что-то мы в в/ч за №... привезли... Надо сказать, что в пасть моего кармана вошла бы бóльшая пачка. Гораздо бóльшая... Карман бы проглотил, не поперхнувшись.

Увы, не в эти дни.

Чичи про Хворя и про неудачи, разумеется, тоже знают и атакуют теперь практически в каждом ущелье. Только-только увидишь на дороге впереди пять кустов. Под ними пять чеченцев.

По пути в в/ч за № — . Днем!.. При ярком солнце!.. В «КамАЗе», помимо заказанного федерального бензина, была часть наших бочек сверх разнарядки... Все спалили. Вчистую. По счастью, примчались вертушки, действующие «по вызову», и спасли солдат. Сверху отлично видно. Помогло это самое солнце. Яркое было солнце в тот день. \$0.

По пути в в/ч за № — . Классическое нападение, когда уже проскочили Старые Атаги — как только колонна вползла в ущелье, сработал фугас. Подорвали головную машину. В самом узком месте ущелья... И уже не объехать, не двинуться дальше. Но и назад хода не было... Подбили замыкавший колонну танк. Колонна невелика и оказалась сразу парализована... И теперь чичи уничтожали боевые машины, одну за одной... С правого взгорья. И с левого... \$0.

Из танков выскакивали оглушенные солдатики. Прямо под пули... Бежали, шатаясь. Зажимая руками уши. Из ушей тонкие струйки крови... Первыми

попрыгали те лихие, кто оказался на броне БТРов... Эти хоть как-то отстреливались... И гибли... Все горело. Однако же в том жутком огне не пострадал бензовоз с дизельным топливом, не пострадал и грузовик с бочками солярки... Ни одна пуля не попала. Не чиркнула даже.

Потому что полевой командир, хваткий Абусалим Агдаев, организовавший засаду, внимательно следил за боем. Очень внимательно.

Руслан (он был с плановой колонной) узнал о разгроме только к вечеру. Хоть и не сразу, он выяснил, что ушел бензовоз и ушла захваченная горючка — к Абусалиму. Тотчас впрыгнув в «жигуленка», Руслан отправился к нему разбираться, однако без пользы. Абусалим Агдаев смеялся... Предложил копейки.

Тогда Руслан прямо дал ему знать: часть топлива и половина солярки от майора Жилина — она для чеченцев, для полевого командира Гакаева-старшего. За деньги. Там, у Гакаева, уже определена и готова оплата.

Абусалим смеялся.

Этот Абусалим был в свое время взят в плен. Но то, что вертолет с пленными перегружен, федералам стало понятно уже только в воздухе. И Абусалима сбросили на какой-то холмик. Отлично гляделся этот холмик с высоты... Просто выбросили. Тесно было в вертолете.

Абусалим упал, поломался. Он полз. Он перенес жуткие боли. И ведь дополз... И на ноги встал. Через полгода. Хотя и хромал... Но главной победой и приобретением Абусалима в те дни была вера — он заново уверовал в Аллаха. Как и многие вдруг спас-

шиеся. Год целый Абусалим поражал родню страстью и истовостью своих молитв!.. Он вернулся к свету. Он иногда рассказывал близким, что он готовится в рай.

С желанием попасть в рай к настоящим воинам и к грудастым гуриям конкурировало только желание, чтобы ему привели пленного. Русского пленного, который был бы ранен и от голода уже едва бы стоял на ногах... Ему привели... Но это оказалось ненадолго. Натешившись, Абусалим не знал, как теперь жить без земной цели. Рая еще надо было дожидаться... Мертвый русский был, как решето. Сквозь него было видно землю. Кустики травы... А что дальше?

Абусалим заскучал. Он скучал, пока его не оживили вдруг деньги, деланье денег, а конкретно — перепродажа бензина. Он не стал жадным, но деньги успокаивали. Он сколотил отрядик и перехватывал горючку где только мог... Он так и сказал приехавшему разбираться Руслану... Он, Абусалим, воюет не с русскими. С русскими он поквитался. И Абусалиму теперь все равно, кто и что, где и с кем... Он воюет за бензин. И не вернет ни полбочки.

А если Руслан ему конкурент, тем хуже для Руслана.

Полевой командир Гакаев-старший ждал свою долю горючки. От меня... Он так и не дождался. Руслан дал ему знать про Абусалима. Из уважения Руслан не только позвонил Гакаеву, но и съездил к нему. Все честно!.. Они пили чай... И Руслан сказал, что готов помочь с Абусалимом разобраться.

Но полевой командир Гакаев сказал, что он сам... Ему самому хочется. Он сам знает, как быть, если

хищник повадился. Он поквитается с Абусалимом. Он случаем как раз знает родовое село хромого Абусалима Агдаева. И что Абусалим теперь богат. И про его замечательный каменный дом... В центре села... С зеленым флагом на крыше.

С утра помолившись, ощущая приятно натрудившиеся в молитве колени, Абусалим вырулил из своего замечательного дома... Ворота плавно открылись. В движении ворот чувствовалось достоинство. Абусалим еще не отошел вполне от молитвы... С тем же достоинством, плавно, абусалимовский БМВ плыл через центр родного села.

Абусалимовский БМВ по праву красовался пуленепробиваемыми стеклами и угловыми отражателями, а кой-где с флангов вместо стекла была качественная заводская броня. Но только-только машина выехала из села, из ближайшего куста слева ударила молния... Реактивная граната «Муха»... Но, скорее всего, РПГ-26. Уж очень нацеленно ударила она в лобовое стекло... Противотанковая... Огненный шар ворвался в салон машины и сжег в секунды и Абусалима, и его охранника, и его сына — мальчишку, которого Абусалим вез устроить учиться (между прочим, в русскую школу в Грозный).

Чадившие остатки машины вылетели на обочину. Дым шел невысоко. Ничего больше. Горела уже пустота... И только оторвавшаяся задняя стенка БМВ лежала на дороге, четко подсказывая место происшествия.

Срочный бензин — грузовым вертолетом!.. Шума и треска полные уши. И сопровождали нас два боевых «Ми-8»... Мы спешили.

А когда пролетали низко над чеченским селени-

ем, лейтенант показал мне в оконце на дорогу под нами. Там я разглядел десяток малолетних калек... Детей... Они ползли по дороге. Прямо под нами... Кто без руки, кто без ноги... Жуткий и страшный выползок калек лейтенант сам комментировал. Я не просил. Я чувствовал тошноту, а оторвать глаз не мог.

Дети, ставшие калеками от недавних бомбежек, обзавелись собственным рефлексом. Как только шумы вертолетов, здоровые дети под рев и треск убегают, — торопясь, они прячутся в ближайший перелесок, а что калеки?.. а калеки вон из домов и на дорогу!.. Ничего лучшего у них нет. Калеки уже научены. Потому что им на открытом месте — безопаснее. Дом не спасет, дом может загореться от бомбы. Перелесок тоже может вспыхнуть. Еще как горят перелески!.. А вот дорога цела. Дорога не горит.

Я не отрывал глаз от безногого пацаненка. Он только-только успел с крыльца на дорогу... Полз, волоча пустую штанину. Прямо подо мной.

— И что, — спросил я. — Село не бомбят?

Лейтенант ответил коротко:

— Жалеют.

Всякий знает, что жалость уязвимое чувство. Чувствишечко небольшое. Однако оно нет-нет и высунется... То там, то здесь... И пусть, пусть!.. По мне, комментировал лейтенант, такая вот малость жалости — единственное великое, что здесь, на этой войне, осталось.

После того как мы с Русланом не дали порезать и еле-еле спасли прибывшую на вокзал пьяную солдатню (выручили заодно с нашим бензином), я ска-

зал Руслану спасибо. Оно как-то само вырвалось. Когда мы уже были на складе... Когда уже чай.

Как-никак в той дурной заварухе он, чеченец, стоял против чеченцев... Мог получить пулю. Щекотливая, гнусная минута. Стоял и слушал попреки единомерцев.

— Напряг был... Спасибо тебе, — я сказал ему просто так, почти машинально.

— Не нужно мне твое «спасибо». От этих «спасибо» блевать хочется, — ответил Руслан.

От *этих* — значит, от *ваших русских*. Руслан такой. Внешне он закрытый. Он как раз из тех, кто вынужден помалкивать на болезную тему. На русскую тему его не выманить, если вокруг чужие. Ни оскорблением, ни провокацией спорщика... Молчун... Но зато свою антирусскую позицию он не скрывает от близких. И пусть близкие его слышат. И пусть знают. А майор Жилин — как раз близкий, свой, пусть тоже слышит и знает.

Я сказал:

— Ну-ну!.. Обойдемся.

Раз уж он не хочет «спасибо».

Хотел ли он поражения федералов?.. Еще бы!.. Несомненно. Но при этом, русских недолюбливая, Руслан хотел и даже старался внушить им к себе уважение. Он честный — он порядочный... И он хотел бы, чтобы русские его уважали. Настоящий чеченец.

И какая же стрельба могла быть там, где остановили пьяную колонну! Первые же пули были бы в нас с Русланом... Такие напряги на чеченских дорогах самые опасные и непредсказуемые. Напряги, как набухшие нарывы. Да и полевой командир Ма-

урбек был совсем не сахар! Мы стояли на самом краю... И был ясный-ясный день... А я негромко на-свистывал. Я все еще помню мелодию... Небо для нас с Русланом было в те секунды рядом. Совсем рядом.

Я представил себе наши души, взлетающие на небо... Разнобоговые! Воинственные души!.. А по сути — детские воздушные шары разных расцветок. Моя... Руслана... ну, еще две-три души наших шоферов... четыре, скажем. А с нами и разноцветные души чеченцев, тоже не менее дружно взлетающие, спешащие к небесам... После взаимной беглой стрельбы. Дружнее, ребята. Все вместе!

Прямиком к небу — с проселочной пыльной дороги. Но и на лету, уже подымаясь и вдыхая синеву, наши души сварливо перекрикиваются... Кричат... О соларке. О бочках с бензином. О том, кто первый начал стрельбу... Небесная, но все еще земная разборка.

Звонок жене... Будить не хочется, но уж так у нас повелось, что я ее бужу — мои звонки ночью нежнее. Жёнка привыкла. Женщина привыкает к ночной нежности. (К необходимости ночной нежности.) Она уверяет, что, разбуженная моим голосом, она после спит слаще и дольше. Пусть!

Вокруг меня лунная полянка... Ночь... Я один. Сижу за вкопанным в землю столиком. Сторожит меня только боярышник... Ну, и луна.

— Саша?

— Я.

Я чувствую, что она улыбается. Сонные ее губы... В ее улыбке.

Опять луна?

Опять.

Я говорю ей какие-то мелочи, глаза мои уперты в ночь... И в кружевную стенку боярышника... Но все равно я вижу свое. Как можно не увидеть!.. Там — в далекой дали — на берегу все той же большой (но не называемой) реки географическое пятнышко. Пядь земли. И дом...

Я, собственно, уже днем дал жене знать, чтобы она слегка (именно слегка, не рывком) попрдержала стройку, так как денег у нас (у нее) будет теперь поменьше. Это не беда. У реки многие сейчас именно так (так замедленно) строятся. Выбранный нами городишко сам по себе тих. Так что стройка даже без крышевания (без бандюков)... Хорошее место.

Луна... Жена притихла. Жена слушала. Ей хотелось еще.

И словно бы в параллель далекому дому, на меня здесь повесили долгострой — Внешний склад. Убогий, бедный, он в Ханкале, но находится поодаль, вне моих складов. И почти не охраняется. Действительно внешний... Работают только чеченцы. То трое их. То всего двое... Лет сорока, но кажущиеся уже стариками, рабочие словно ползают по замороженной во времени стройке. Тихо-тихо движутся меж низкорослых стен. Или тихо-тихо спят (здесь же).

Это недалеко. Мне только выйти со своих складов... За ворота... И пройти метров сто. Или на джипе... Готов здесь лишь фундамент с покрытием, и на метр-полтора кой-где выведены стены. Над огрыз-

ками стен чистое небо. Зато внутри этих стен-недомерков удобно поговорить... Они защищают от шума и, например, от подслушиванья. Иногда они защищают от ветра. Но от дождя нет.

Деньги платятся только прорабам — Руслану и Руслану-Рослику. Почему и на какие шиши появляются здесь двое-трое пропыленных, выжженных солнцем рабочих, я не знаю. И оба Руслана не знают. Хотя это наша стройка.

Я и Руслан-Рослик, мы в тот день пришли на стройку одновременно.

— Привет.

— Привет.

Мы поднимаемся на недострой по лестнице-временке, без перил.

— Эй вы... Осторожнее!

Рослик громко кричит на рабочих. Он каждый раз громко кричит. Предупреждает, что идем.

— Э! Они селяне... Кирпич на голову бросят, — заботливо говорит он.

И не без доли презрения он, пока мы топаем вверх, объясняет: сельские!.. Они все сельские!.. Только-только от своих баранов отошли на два шага. Не соображают. Если ему надо — берет кирпич. Если не надо — бросит кирпич вниз... А если там, внизу, чья-то башка, его не колышет!

Однако при виде нас эти сельские все-таки заспешили. Этих людей сразу узнаёшь. Руки их к кирпичу непривычные. Корявые руки... Настоящие крестьяне. Настоящие *косить-копать*. Эти их вечные причитания, что денег нет... денег надо!.. для дочек надо!.. замуж дочкам надо!.. Оторванные нуждой от села, они смотрят на стройку тусклыми гла-

зами. И на городских людей... На всех... Не различая чужих-своих. Им чужды Русланы, что один, что другой, им чужд я... Мы для них как некие сытые инопланетяне.

Но ненависти в них нет и на грамм. И ведь тоже настоящие чеченцы. Вот они. Грязноватые трудяги, с узловатыми руками, с артритными пальцами от работы на холоде... в снегу... Они боятся меня, боятся Рослика... И так редко засветится в их глазах вдруг улыбка. Проходя мимо, я похлопываю ближайшего ко мне по плечу: «Как дела, дорогой!..» — и тогда он улыбается. Но даже и с улыбкой он смотрит мимо меня, мимо Рослика... смотрит куда-то далеко... куда-то, где его незамужние дочери... где некормленные блеющие бараны.

Потоптавшись около (для поощрения вялой их работы), мы с Росликом отходим поговорить от рабочих подальше. Недострой похож на лабиринт. Кругом в полроста стены... Над головой небо... А говорить нам с Русланом-Росликом в общем не о чем. Поэтому мы говорим о войне. Здесь все так. А о чем еще?

В отличие от притаенного Руслана прораб Руслан-Рослик весь на виду, особенно на виду и на слуху его антирусскость. Он без конца козыряет нелюбовью к русским. Он такой!.. Но я ему не верю. Его антипатия просто слова, просто болтовня. Легкая, нравящаяся ему самому болтовня! Росликом, кстати, его прозвали русские. Ласково прозвали.

Никто у него не был убит. Никто из родных не погиб ни под бомбами, ни во время зачисток. Редкий случай. Счастливчик!.. И однако же маленький вулкан, переполненный злобой и ненавистью, —

вот каким появился на вялотекущей стройке молодой Рослик-Руслан. Носил на виду нож в первые дни. Не угадать — кинется на тебя или тебе улыбнется. Я понял его не сразу. Тоже глупость! Недели две, не меньше, я ему соответствовал — носил пистолет с расстегнутой кобурой.

Однако постепенно притерлись... Мало того, Рослик заужавал меня. Он подражал мне... Он подпал под мое влияние. Такое на дороге не валяется. За будущее можно было быть спокойным. Он усмеялся, как я. Подсмеивался, как я. Курил, как я. Словечки мои повторял... И главное (главнее здесь не бывает) — Рослик хотел быть мне другом.

Эта (могущая быть или не быть) дружба — его всегдашняя тема... Помимо войны... Конечно, Рослик в курсе моих с Русланом и с Гусарцевым дел. Рослик знает про наше трио. Все знает.

На правах своего и знающего он прямолинеен:

— Если Руслана убьют... Когда-нибудь... Я буду для тебя вместо него.

То бишь в моем солярно-бензиновом бизнесе он заменит Руслана. Чем, собственно, Рослик хуже его?.. И не только заменит... Он будет полезнее Руслана. Не просто партнер... Он будет моим *другом*. У горцев это не говорится просто так!

— Тебе нужен друг горец, Александр Сергеевич.

Разговор наш абстрактный, друг-горец тоже абстрактный, так что я не реагирую никак. Может быть, и нужен.

— Майора Гусарцева тоже могут убить. Я заменю того, кого убьют первым...

Это он уже шутейно. Но только наполовину шутейно. Без смущения.

Мы о войне.

— Слышал? — Рослик делает серьезное лицо. — Колонну под Урус-Мартаном раздолбали.

Хоть и молод, Рослик со мной на «ты», однако же при случае — по имени-отчеству.

— Не раздолбали пока что. Заблокировали.

— А куда она денется теперь?

Я пожимаю плечами.

— Куда-нибудь.

— Разве что на небо, а? — привычная дерзкая острота.

Конечно, Рослик болеет за своих — я за своих. Но ссор у нас нет. Болельщики, но не ярые фанаты. Мы общаемся, как общаются интеллигентные любители футбола. Как многолетние поклонники. Которые (так уж по жизни получилось!) прикипели сердцами к разным и — увы — соперничающим командам.

Чеченские новости — это как глянуть с изнанки... Рослик не может скрыть и не скрывает радости, когда проносится слух, что чичи раздолбали колонну. Потери в ущельях! Самый-самый пик наших страстей! Зато я ликую (а он мрачнеет), когда колонна все-таки прорвалась.

Я не смотрю телевизор, хотя на складах есть «ящик» и есть эта редкая возможность. Не люблю лукавый базар. Не люблю сожженные дочерна наши танки... Не люблю и этот обязательный нынче телевизионный кадр, когда очередной застреленный Хаджи Мурат растерзан, валяется на земле... скрючен... пуль двадцать в нем... но лицо непременно на самом виду. Не люблю и не смотрю. И прежде

всего потому, что я видел многих полевых командиров вживую... Они мне враги, знаю. Но их трупы мне неинтересны.

Подъехал к недострою Руслан и по хлопающей, прогибающейся лестнице поднимается к нам с Росликом, извиняется, что опоздал... Ведь он знал, что я скоро уйду на мои склады. (Конечно, Руслан с удовольствием пришел бы ко мне на склад, в мою офисквартирку. Поговорить о горных дорогах и о солярке. За чашкой чая... Но этого ни ему, ни Рослику нельзя. Никак нельзя. Им не место там, где сотни бочек с федеральным бензином. Они — чеченцы.)

Руслан начинает медленно и раздельно, как бы диктует текст:

— Александр Сергеич... Кое-что сказать хочу... Чтоб не забыть... Вы же сейчас уйдете, знаю, а вдруг... важно... Вот я думаю...

Он тянет и тянет слова, давая Руслану-Рослику прочувствовать, что тот в разговоре сейчас лишний. (Рослику необязательно знать все наши подробности. Должен понимать!.. Он в дружбе с нами, но он не в бизнесе.) И Рослик, деликатный, понимает. Хотя, конечно, не без ревности.

Рослик кивает головой:

— Ну, я похожу... Послежу, как они... Покричу на этих ослов!

Идет покричать на рабочих... Рослику это нравится.

Мы вдвоем.

— Как дела? — улыбается Руслан.

Это он умеет, улыбаться. Весь ясный, толковый и дружелюбно смотрит. Настоящий горец, который

знает, что он горец. И знает, что в эту минуту он на виду.

Я спрашиваю о его жене... Он спрашивает о моей... У меня жена, дочь и строящийся дом. У него тоже жена, двое детей и строящийся дом. Это как ритуал. Это Восток. Обменяться словами о главном.

Война в эти минуты для нас с Русланом где-то на обочине, в стороне. Война касается нас, но мало. И нам особенно дорого наше с ним партнерство. Руслан хороший семьянин. Все работа и все для семьи. (Как и у меня.) Мы улыбаемся, шутим. Нам немного совестно, что мы так ясно, так понятно любим свою жизнь. (И что жизнь любит нас.) Временами наш с ним бизнес опасен, война! Но мы оба хорошо чувствуем, где красная черта. С Русланом (и здесь вся разница с Росликом) мы не говорим о дружбе.

Мы глядим в пустое окно недостройки.

Я посмеиваюсь, эта грязная стройплощадка — наш с Русланом офис под открытым небом.

— Удобнее места не найти, — улыбается он.

И разводит руками:

— Несколько раз Коле звонил — не отвечает.

Коля Гусарцев и со мной второй день без общения. Но такое случается, когда у них в штабе боятся утечки информации. Когда запрещают офицерам вообще говорить по телефону. До определенного часа завтрашнего дня.

Гусарцев продал партию «АК»... Коля, прихваченный скорее азартом, чем желанием заработать. Море ему по колено!.. В штабе выписали больше сотни автоматов, которые Коля должен был отвезти в одно из селений. Отдать их горцам, насмерть

поссорившимся с Басаевым. Просто раздать стволы. И скорее-скорее назад... Это тоже контакт с населением.

Но зачем же раздать, если можно продать? Перехватить легкие деньги! Если уж ему, Коле Гусарцеву, покупатель как раз подвернулся... Правда, покупатель темный. Опасный. Но если аккуратно... Если быть начеку... У Коли наверняка уже с первой минуты хищно раздувались ноздри. Он любит опасность.

Однако надо еще было найти подходящую под его замысел машину.

Торопясь не упустить нечаянный барыш, Коля примчался ко мне на склад. Здесь все говорят на склад, ударяя на «ы». На моей территории, и правда, два склада, и на дверях каждого висят правила с параграфами... Но что правила и параграфы, если я в отъезде. (Я был в Грозном.) И поскольку мы приятели, Гусарцев вполне по-приятельски разгуливал с моим Крамаренкой... Вдоль пакгаузов. И прицеливался глазом... Нашел!.. Поохав, что меня нет, он взял у ничего не подозревающего Крамаренки мой старый «уазик». И еще выпросил на час-два одного моего солдата, чтобы этим «уазиком» рулить. Самого туповатого взял, большого любителя поковырять в носу... После чего впрыгнул снова в свой лихой джип.

И в путь... Сначала «уазик» тащился за джипом пустой. Затем его набили выписанными Гусарцеву автоматами. Миновали комендатуру, потом блокпосты. С штабным офицером все хотят ладить. С веселым и обаятельным!.. Который с каждым умеет посмеяться. Да и бумаги в полном порядке. Да и в лицо редко кто не знал майора Гусарцева.

Джип Коли и «уазик», обе машины, ехали одна за одной. Выехали на ничейную дорогу. А уж там можно рвануть. К чеченцам... На «стрелку». С которыми Коля сговорился. К лояльным чеченцам он ехал или нет — ему неизвестно.

Мне — ни слова про продажу.

Так что спустя два дня сердит я, конечно, был. Но пока что сердит только за «уазик». Каждая, мол, складская машина как родная... Привыкаешь!.. А Гусарцев, слегка виноватясь, объяснял мне по телефону, как он торопился. И как он оставил чеченцам (враждующим с Басаевым) оружие прямо с «уазиком». И что те клятвенно обещали машину вернуть.

— Больше так не делай, — я строго ему выговорил.

— Конечно!

— Я, Коля, не хочу сейчас орать и крыть тебя матом.

— Я понял, Саша...

Не хочу, не люблю бранить своего человека. Особенно если по телефону. Поэтому я лишь понижаю голос. До гневного шепота.

Машину чеченцы не вернут, это дважды два. Азартного неслуха Колю лишь отчасти оправдывало, что он и впрямь не знал, что меня на складе нет. И ведь он звонил мне... И ждал... А потом решился и просто взял «уазик». Это, мол, в его характере. Азарт, мол. Терпячки не хватает... Извини.

— Я, Коля, хочу, чтобы ты понял без ссоры. Раз и навсегда.

Он соглашался полностью. Конечно, Саша... Разумеется, Саша...

Каков, а?! Продавший чичам машину автоматов

и получивший хорошие деньги, он строил из себя незнайку. Да и деньги не главное!.. Всплыви продажа, фээсы прихватили бы не только его, но и меня, и Руслана... Ответственность — штука сволочная и липкая! Лезешь в яму, с собой не тащи... Повязанные бензином, мы, несомненно, оказались бы повязанными и продажей оружия. А там совсем-совсем другой разговор и другая статья!..

Меж тем Коля Гусарцев сидел в эту минуту в штабном коридоре, где-то в уютном уголке, и дурил мне голову — каялся по мобильному телефону... всего лишь в утрате «уазика» — в мелочовке!

А незнайкой был я.

— Смотри, Коля! Другой раз тебя вообще на мой склад не пустят.

Я не по чину ему выговаривал, мы оба майоры, а по возрасту. По опыту. Я, можно сказать, деликатно вправлял ему мозги. Как старший в нашем бензиновом бизнесе — младшему. И обидеть его, конечно, не желая. Я думал, что даю ему урок.

А он по-дружески блеял. Поддакивал. Наверняка в ту минуту он был уверен, какой он молодец. Крутой... Как все ловко. И как он весь мир обскакал!.. Да и кому, мол, не импонируют лихость и отвага штабного офицера, который носится по чеченским дорогам без охраны, сам за рулем!.. Разве мы не знаем других штабистов!

Притом что Коля Гусарцев не был жаден до денег. Он, несомненно, уже искал, чем себя занять, когда энергии через край! Он явно томился при своем читающем генерале. Молодой! Возможно, он уже и при мне томился... Не знаю... Как такое узнать!

Конечно, ранение Хворя. На него подействовало, что и Хворь, и Костомаров, оба в ауте... Что колонны ненадежны. И что наши солярка-бензин прибыли сейчас не дают... То ли дело стволы!

Именно молодой азарт гнал его с этими автоматами на «стрелку». Кураж!.. Захотел попробовать.

Вырулив к назначенному месту, Гусарцев пересадил прихваченного моего солдата в свой джип — велел застыть вместе с джипом на дороге и ждать. Ничего не делать. Сидеть... Сиди, ковыряй в носу.

А сам на «уазике», полном оружия, свернул в гнилой перелесок. Проехал вперед еще полкилометра — прямо к болоту. В одиночку. Смелый... В ногах автомат... С другой, с чеченской стороны болота на «стрелку» прибыли две машины.

Тоже джип и грузовичок с закрытым кузовом... И сразу из обеих машин высыпали чеченцы.

Майор Гусарцев не дрогнул. Эти шустрые чичи как раз для разгрузки... Место не для войны. Место для мира. Дивный лесок! А каков спуск и изгиб дороги!.. Болотце лишь чуток подванивало. Изумрудно-зеленая ряска... Там задыхалась мелкая рыбешка, не успевшая в жару уйти в речку.

Федеральный уазик с автоматами АК-74 и грузовичок чеченцев, загруженный для тяжести лапшой арматуры и кусками рельсов, съехались поближе. Принюхивались нос к носу.

Стояли в мелкой воде. Майор Гусарцев и полевой командир держались рядом, бок о бок, и курили. Никто, впрочем, не нервничал. С минуту еще чеченцы потюпали Колю под прицелом. Все честно. Затем началась быстрая перегрузка. Мы вам — вы нам.

Автоматы из «уазика» быстро-быстро переносили в чеченский грузовичок, а куски рельс и арматуру из чеченской машины — в этот жертвенный федеральный «уазик».

Переносить металл здесь неудобно, скользко ногам. Зато следов не оставят... Никого не задев, никого не толкнув... Чавкали по болотной траве, по воде. Чеченцы, особенно когда они несли рельсы, слышно кряхтели, а то и издавали трубные звуки. Тяжко!.. Майору Гусарцеву звуки не нравились. Он нет-нет и стрелял насмешливым острым глазом — что это с ними?.. Что за бойцы!.. расперделись... притом на каждый второй шаг... Мы так не договаривались.

Полевой командир, застеснявшись, сказал:
— Тяжело.

Майор Гусарцев кивнул, но остался строг. Конечно, тяжело!.. Понимаю! Однако в следующий раз на «стрелку» возьми других.

Когда обмен завершился, федеральный (складской, мой родной!) «уазик», груженный теперь уже рельсами и арматурой, загнали в болото чуть подалее. Жертвоприношение. Уже через минуту он сел ниже осей. Быстро утопал в черно-зеленой жиже... Рулившему чеченцу вовремя крикнули, он успел выпрыгнуть.

Брезентовый верх федерального уазика скоро полностью погрузился в темную воду, выпуская пузыри воздуха. Сел на дно. Была машина — и нет ее. Последний пузырь воздуха был, как шумный прощальный вдох-выдох.

Чичи разворачивались, довольные, еще бы! — в их грузовичке автоматов было под завязку!.. И как

напряженно, глухо чичи гудели. Оружие, как алкоголь. Людская масса оружием делается вдруг возбуждена. Гудит... и так странно!.. в такую вот минуту.

А майор Гусарцев уходил со «стрелки» в одиночку и в тишине. Сзади, за спиной, чеченцы. С пачкой денег он уходил. Один... Чистый адреналин!

С полкилометра шел Коля к своему джипу. Возвращался... Туда, где лес. Где вокруг тишина. Где в джипе на переднем сиденье сидел солдат и неутомимо рыл в ноздре пальцем.

О затонувшем «уазике» майор Гусарцев, разумеется, доложил в штабе сразу. Автоматы слишком глубоко. Машину засосало, с дна не поднять. Кран туда не подъедет. Сам утонет.

Приехали проверить: тот же Гусарцев (от штаба) и хитроватый следователь Луковкин (от отдела по расследованию). Луковкин с ходу вцепился в проезжавших мимо. Останавливал. Выспрашивал. Тряс поодиночке... Но проезжали здесь редко. Никто ничего не видел, не знал.

Впрочем, следы на траве сами неплохо показывали место затопления машины с тяжелым грузом. Да и майор Гусарцев охотно помогал следствию — бросал в зеленую болотную воду камешки... здесь!.. и теперь здесь!.. указывая все точнее и точнее, где затонул уазик. Удалось проложить и настелить по краю болота доски. Чтобы хоть сколько-то поближе к утонувшей машине. Чтобы видеть сквозь болотную воду вглубь сколько удастся.

Ну а теперь кое-что еще!.. Хитроватый следователь Луковкин сбегал к своей машине и достал особый выдвижной крюк. Штуковина, говорят, была Луковкиным запатентована и носила некое услов-

ное имя. Однако в простоте солдатской называлась «хер Клинтона». Юморок! (Придумали, конечно, связисты. Всеслушающие — это всезнающие.) И вот, шаг за полшагом, тыча, прощупывая болото там и здесь, наткнулись. Машину под водой обнаружили.

Оба солдата Луковкина, крепкие и мощные, из сибиряков. Длинный и мощный металлический крюк (с ручками для тяги и для манипулирования) был им под стать. Когда солдат крюком терзал вязкое дно, другой солдат возбужденно кричал: «Еще! Еще!..». Солдатам нравилось прощупывать мягкое. Итак, нащупана машина была... но вот чья она?.. Покрытая крепким брезентом... Вытащить бы хоть один автомат... но вот как?.. Внутрь затонувшей машины, увы, не забраться!.. Солдаты уже шарили крюком просто по кругу. На случай... В пустой воде.

— Не помочь ли чем? — поинтересовался у Луковкина улыбающийся майор Гусарцев.

— Нет.

Луковкин перекурил. Минуту-две Луковкин ласково поглаживал своего «Клинтона», а затем снова за дело. Посвистывая, он сам нащупывал крюком в болотной жиже... Что-то этакое. А затем велел обоим солдатам взяться за свободный конец крюка и рвануть.

Не так-то просто. Два здоровяка-сибиряка рванули еще... еще!.. Тужась, они, точь-в-точь как чеченцы, даже, пожалуй, слаженнее, издавали трубные звуки... Война!

Еще и еще! И вот «хер» стал всей своей длиной выходить из воды. И вдруг пошел быстрее... быстрее... С добычей... Сорвав и зацепив, сибиряки вы-

удили из жижи номер машины. Чего, собственно, и хотел хитрован Луковкин... Но номер честно совпал. Сомнений не осталось: на дне лежал складской «уазик».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отец... Когда я вернулся в Ханкалу из Гудермеса, меня ждал сюрприз. Все-таки он приехал. Нагрянул!.. Отец появился здесь, в Ханкале, внезапно и совсем не вовремя. И конечно, незванный. Он вроде бы дал телеграмму... Вроде бы... Не зная адреса... А по приезде он собирался найти меня по фамилии. «У тебя же моя фамилия», — сказал он после.

Появившись в Ханкале, он с самого утра болтался на улицах. Прямо с поезда — в интересную жизнь. Вместо того чтобы увидеть сына. Однако для чего-то ведь он приехал?.. О да!.. Побазарить с солдатами. Огромный круг интересов! С неким контрактником Дубовым. Хотелось узнать, порасспросить насчет войны... Как-никак — отец майора Жилина! «Знаешь, дед, сколько здесь таких майоров!» — сказал ему некий контрактник Дубов. Но мой отец умел в две фразы навязать спор. Прямо на улице... Как бы вежливо. И как бы бесцеремонно... Хитро щуря глаз. И презрительно плюясь сквозь плохонькие вставные челюсти.

Как идет война? Как воюем? В общем и целом, а?.. Его, мол, интересует высокий (ирония) настрой нашего воинства... Страна, конечно, наплевала на пенсионеров. Стариков забыли! Однако мы, старики, не забыли страну... Мы в строю, витиевато рассуждал он. Сын?.. А что сын?.. Да, он отец майора Жилина, и он не делает из своего приезда в Чечню

большой тайны... Но майор Жилин, как ему сказали, пока что занят. Майор Жилин все в делах, в делах!.. Ждем-с!

А майор Жилин уже два часа кряду сидел у телефонов (мобильный и рядом офисный) и гонял желваки. Я нервничал. И совсем не хотел бегать по Ханкале... Выказывая всем и каждому свое слабое место.

— Отец твой. Ты уже видел его? — мне беспрерывно звонили. — Он хорошо поддатенький. Он издали похож на пьянь, а?.. Извини... Да, да. Симпатыга старик... Если бы не пил...

Они, кажется, с большим удовольствием мне звонили:

— Если бы не пил... Но лицо светлое. Такой белоголовенький. Щупленький. Аж светится... И говорит! так охотно говорит!

Доброхоты добавляли:

— Нагуляется — придет. Ты, Александр Сергеевич, не волнуйся. Патруль его не забирал.

Но осторожный Крамаренко уже занервничал.

— Мишень приехала, — кратко выразился он.

Из далекого зачуханного Ковыльска-на-Урале. Городишко такой. Ясное дело, нашлись добряки советчики... Навести, мол, сына. Ну, что ты за отец! Там какая-никакая, а война... Сынок будет рад! Многие отцы своих в Чечне навещают... Весь этот хитрожопый бред кто-то впаривал вашему отцу в вашем Ковыльске... А ваш папаша и рад — в путь! в путь!.. Не в грязь же лицом! Небось, весь ваш долбаный городишко денегат ему в долг собирал.

— Но-но. Ты уж слишком. Мой родной город, — одернул я Крамаренку.

Крамаренко не мог поверить, что старик отец сам по себе рванул в Чечню из простенькой жажды обновить скучноватую жизнь. Он не знал моего старика!.. Инженер-строитель, одинокий и вдруг выпихнутый на пенсию. Неудовлетворенный, непонятый... С потребностью выпускать лишний пар. С пышным (чуть выпьет!) слогом... С любовью к Ахматовой... Настоящий выпивающий совок. Сейчас он у ханкалинского дощатого пивного ларька... Он счастлив. С четвертинкой в кармане. Момент торжественный!.. Стоит, опершись, прислонившись к стенке, и вдудонивает какому-нибудь контрактнику про малые войны и про обесславленную Россию.

В моей казенной квартирке (она же офис) отец мог оставаться только до семи вечера. Таков запрет... Таков складской устав... Даже отца нельзя. Никого... Но тем лучше!.. Крамаренко проблему отцова ночлега решал оперативно. Старику нужен привкус войны — и потому Крамаренко разместит моего курящего и пьющего папашу в пакгаузе-8 (когда-то заставленном штабелями снарядов... ага!.. а ныне заваленном солдатским обмундированием). А ныне там горы гимнастеров и обуви... И настоящий канцелярский стол для учета, за которым, уставившись глазом в калькулятор, сидит кореец Пак и строчит... строчит... Заполняет накладные. Здесь же жесткий топчан корейца. (Пак не спал в казарме.) Но слева же есть и второй топчан! Запасная постель. Тихо... Скромно... Немного подванивает складированной обувью... Пусть!

Там и будет жить (и спать) мой отец. Будем общаться. Пакгауз-8 отгорожен от остальных. Майор

Жилин будет приходить сюда в свободное время. Я буду приходить к нему в этот пакгаузный закуток... По зову родства...

Я даже настроил себя, чтобы в первый же вечер мы с отцом побыли с глазу на глаз. Так что я загодя отослал Пака к Крамаренке... Займи его делом... Пусть, кстати, меж делом кореец выберет в списанном складском добре моему отцу камуфляж (неброский), обувь... белье добротное... И вообще задержи корейца. На время.

— Эх, Александр Сергеич... Чтобы Крамаренко не нашел чем занять солдата. Была бы солдатская шея, а уж хомут будет крут.

Я приготовил отцу (руками Крамаренко) теплое место, я приготовился (душой) сам, а отца не было — отец всё бродил по Ханкале. Мы ждали звонка. На улицах Ханкалы патрули, не очень-то на виду повыпиваешь. Правда, и отец был очень в этом процессе опытен. И неуловим. Возлияния на ходу... Почти на бегу... Он выпивал гениально, по-другому не скажешь. Его не поймать! При случае старикан умел контратаковать — мог постоять за свое право выпить. С блеском!.. С цитатами!

Наконец позвонили... Майор Жилин? Прошу прощения... Я — младший лейтенант Зуев... Должен вам сказать...

Я знал, что именно лейтенант должен. И сразу пошел, поспешил к воинской КПЗ... Отца, ожидая меня, загодя выпустили из обезьянника. Он уже вышел и сидел на скамеечке. С ним рядом сидел младший лейтенант Зуев... Который заулыбался мне уже издали... Мне сдавали отца с рук на руки.

Мы наскоро обнялись. Отец был заметно под хмельком. Он немного таращил глаза.

Сдали мне его без словца упрека. И вообще стояла тишина. Вверху только барражировал вертолет.

Доругой отец оправдывался, что слишком увлекся, когда базарил с контрактником Дубовым. И еще прапор Горячий... Недоразвитые, отсталые люди! Ничего о стране... Ни одной новой идеи. Все только бабы. И еще блин... блин... блин...

— А ведь я, сын, приехал к тебе... Хоть ты и не хотел!.. Да, да, не хотел!.. Я ж не виню... Я приехал из-за нескольких жгучих идей, переполнивших мою седую башку.

Он прямо-таки бурлил. Меня не задевал смысл его слов, я их почти не слышал, не понимал. Волновал звук его голоса. Отец мало переменился. Неостывший старый вулкан.

Идти к складам недалеко. Но и посреди короткой дороги он вдруг надумал приостановиться. И прямо спросил:

— Ленин — мессия?

Я опешил на миг. Я только пожал плечами.

— Отвечай...

А я не ответил, только приобнял его. Только обнял... Родное тепло отца. Родное тело... У меня заплясало сердце. После этого можно долго молчать. Можно было не спешить с ответом.

Мы быстро пришли.

В пакгаузе-8 мы сидели за писарским столом корейца. Какая тишь! Время остановилось. Это мой отец.

Мысли куда-то провалились. Я пришел в себя,

вдруг понимая, что отец опять спрашивает... Деловито... Уже дергая меня за рукав:

— Сын. Наш первый большой разговор, а? Наконец-то... Ты поставишь бутылку отцу... Я ведь с поезда...

Я засмеялся. Я очнулся... Он уже день как с поезда. Но ведь это мой отец.

— Я принес, принес, — и он выволок из кармана какое-то ларьковое пойло.

— Э, нет!

Я позвонил Крамаренке, и тот прислал солдата. Солдат прибежал! Все было готово загодя — все уже ждало нас. Выпивка и еда. На большом подносе.

Кругом нас складские полки. Одна над другой... Заваленные обмундированием... Пакгауз-8 особый. Здесь тихое царство Пака... писаря, которого вместе с его чистописанием на весь вечер зафрахтовал Крамаренко.

Бумаги чистюли-корейца мы сдвинули далеко в сторону. Бумаги вон!.. А отец пересел, чтобы быть напротив. Чтобы ближе. Чтобы глядя мне глаза в глаза... Сидя вот так напротив, пьется и закусывается вольготнее.

И тишина... Как вступление.

И тусклая лампочка.

И отец... Поднос... Рюмки... Закуска... Отсвечивающая бутылка... Красота кровной встречи!.. Бывает же так, что начинаешь свободно дышать только в каком-нибудь закутке.

Уже по телефонным разговорам (время от времени я звонил отцу в родной зачуханный Ковыльск-на-Урале) было понятно, сколь энергично мой отец сдвинулся в сторону политики... Но это ж крен многих пенсионеров. И пусть, пусть!.. Что мне!.. Пусть

отец говорит. Пусть говорит что хочет... И как хочет... Я ему не помеха. Уже со второй, я думаю, стопки его понесло. Заговорил!

Это был нелепый, но яркий и вдохновенный забег в будущее... Высокий бред пенсионера о торжественном возвращении великой идеи социализма. О том, как (как именно) вернется к людям почти погибшая и прекрасная социалистическая идея... В России социализм не ужился... Это факт. Это правда. Это горькая правда, сын!

Россия, сын, в смысле идей уже никакая... В смысле социализма... Она перенапряглась... Она надорвалась.

Он широко развел руками:

— Но ведь есть другие народы! Они вполне чувствуют нашу неудавшуюся историческую миссию... Ты, сын, хочешь сейчас услышать всю правду?

Сказать честно, я не хотел. Ни о России. Ни о других народах... Я здесь достаточно об этом знал... Но зато я очень хотел бы услышать про мой тихий Ковыльск-на-Урале... Чем там живет мой старенький отец? И не перенапрягся ли он с выпивкой?... Как там наши улочки?... Старые клены... Развалилась ли моя школа № 9...

— Какие улочки! Какая школа!.. О чем ты только думаешь, сын!

И он опять и опять о своем... Нормально! — в который раз одернул себя я. Это же нормально... Пьющий наш старик с идеями. Выпивающий нынешний пенсионер. Это уж обязательно, что он с идеями. Иначе он и не наш...

Его и впрямь было не остановить:

— Вспомни христианство, сын... Для сравнения, а?.. Христианство не выжило в Израиле?.. Отвечай!

— Не выжило.

— Возникло там. Зародилось там... Но — не выжило. А теперь припомни, как и когда это поражение отозвалось... как оно аукнулось в Европе после... Как спохватились!.. Вспомнил?.. Вся Европа заболела Гробом Господним... Рыцари со всей Европы кинулись туда! Выручать! Освободить!.. Крестовые походы... Иерусалим стал мечтой!

Фантазия отца, как всегда, не без логики... Я молчал... Пусть выговорится. Оказывается, как Израиль в свое время остался без христианства, так Россия в наши дни — осталась без социализма... И израильтяне, и русские — родить родили. Вложили в роды страсть и кровь. Но... Но, увы, не вырастили.

Оказывается, Китай... Что? что?

Вот тут я решил, что ослышался.

Но нет!.. Оказывается, Китай... Китай!.. Вот он, народ, который спохватится о потерянном, об утраченном нами социализме. Ты, сын, думал об этом?

Не дождавшись ответа, он поспешил развить свою мысль. Бурно, напористо!.. О китайцах, которые вот-вот кинутся сюда, к нам... Как новые крестоносцы... Как рыцари. Через Сибирь — к нашим пятиэтажкам... Нет, нет, не грабить! Не заселять!.. Они придут с идеей! С нашей же, вернувшейся идеей, сын!.. Придут миллионами... Но не бойся их! Не бойся!

Его волновали, его будоражили уже нюансы этого близкого (как он считал) будущего. Конкретности китайского прихода... Ведь пытались же христиане освободить Гроб Господень?.. Ведь шли же войной в Палестину... в Иерусалим... Ради идеи...

Почему бы китайцам не попытаться освободить Гроб Ленина, а?!

Как ни готов я был к любой предложенной мне исторической развязке, — не ожидал. Никак не ожидал... На миг я похолодел. Надо же так!.. Китайцы у мавзолея. Момент истины... Его воображение так легко рисовало гуманных хунвейбинов, вал за валом спешащих к Москве.

— Батя. Остынь... Да ты свихнулся, — сказал я сердито.

Он удивленно смотрел на меня:

— Это ж просто идеи... Высокие идеи, сын... Беседуем... Разве нет?

Он засмеялся, но уже как-то смущенно:

— Я даже стих про это накропал... Ну, не стих, а только две строки. На тему...

Он опрокинул полнехонькую стопку в рот. Не пролив и капли. Недрогнувшей рукой. Великолепным жестом!

— Только, сын, не кори старика. Я ж не поэт... Стих только для поддержки этой жгучей мысли.

Он любил старое слово «корить», укорять. Был уже на сильном взводе.

Я кивнул — читай, отец... Я не укорю... Читай.

— Но сначала по рюмочке, а?.. Сын?

Я опять кивнул и взял свою задержавшуюся стопку. А он себе новую налил. Полнехонькую... Выше краев... Крамаренко организовал нам отличнейшей водки.

Откашлявшись, отец тихо (неожиданно тихо) произнес свои две строки:

Еще, конечно, впереди
Освобождение
Гроба
Ленина.

Пожевав колбаски, отец пояснил, что вторую, главную строчку стиха надо читать, как у Маяковского... Ты, сын, знаешь — моя любимица Ахматова. Но здесь... Здесь нужна зычная торжественность. Лучше Маяковский... Лесенкой... Ступеньками...

Мы помолчали.

Отец добавил, пожимая плечами:

— Вот, собственно, всё... Жаль, рифмы нет. Не задалась рифма.

Мне (под очередную рюмку) вспомнился подвал в нашем старом доме... в Ковыльске... Земляной, глубокий подвал, там воняло крепким духом моченых арбузов. Засоленных с укропом, с солоцким корнем, с несколькими яблочками... За этими яблочками я и пробрался тогда... Только-только хотел запустить руку в бочку. Шаги... Отец... Я спрятался за второй, за последней бочкой. И замер.

Отец, помню, вынул из первой небольшой арбуз. Хрустко разломал его... Я видел впалый бок арбуза... Отец был пьян и хотел закусить. Моченый арбуз — большая вкусовая радость для пьющих. Смог он укусить пару раз или нет, я не увидел. Зато услышал... И еще услышал, как отец застонал, так было вкусно... Умел пить, крепкий мужик!

Да и сейчас, хотя суховат, он был крепенький старикан. Прочитав пророческое двестишье, отец напряженно замер... Пауза... Он ожидал за свой стих большего, чем похвала... Чего-то большего. Он не знал, чего именно, но знал, что это большее существует.

Меня, надо признать, морозец продрал. Даже сквозь водку. При мысли о миллионах китайцев, которые ринутся... уже ринулись... идут по нехоже-

ным сибирским дорогам. Я кожей оценил стих. Я как-то слышал, что от настоящей поэзии мороз по коже... Что-то подобное было и сейчас... Ощутимая зябкость. Вдоль позвонков... Так что я с уважением подумал в ту зябкую минуту — не о стихе даже. Об отце.

— ...А как думцы?.. Неужели, сын, наши выкинут Ленина из мавзолея?

Он, кажется, боялся, что китайцам ничего не достанется. В сущности, тоже люди. Так долго шли!.. Спешили. Такими дорогами пробирались и топяями! А в домике-гробике пусто!..

Провинциальная милота и тишь отбросили отца назад лет на пятнадцать-двадцать. И законсервовали... Москвич или петербуржец его поколения пел бы мне сейчас про демократию. Бодался бы с властью. Что-нибудь интересное!.. Сошел бы с поезда — и сразу всерьез о правах человека, о выборах, а мой старикан что нес! С ума сойти!

А мой старикан опять нес пургу... На Красной площади... Суета у мавзолея... Освобождение Гроба. Смена нашего караула на китайский... Со вскинутыми штыками китайские гвардейцы чеканят шаг... Всё ближе... Аж мурашки, когда мой отец вдохновенно и опять про Гроб... И китайцы вокруг... китайцы... китайцы... вся площадь... Их же придут миллионы!

Он все равно не дал бы возразить — и зачем, сын, спорить?! Мы, мол, с тобой просто люди, и против Истории мы с тобой ничто!.. А они придут, придут скоро.

Вкусно причмокнув, отец произнес:

— Миллионы.

И вдруг он впал в ступор. С открытым ртом...

Мой старик даже привстал со стула. Онемел. Его можно было понять.

На пороге... В дверях... Там возник Пак.

Почему-то с котелком. И со своим автоматом на плече.

После пяти или шести полновесных (по самый край) стопок отец мог думать, что час «икс» пробил и что первый из китайцев уже здесь. Отец выпучил глаза... Известно, как сильно удивляются пророки, когда их собственное предсказание сбывается.

Однако минута-другая, и мой отец преодолел себя — пересилил краткий, но поистине космический кошмар. Старый строитель весь распрямился... Поднялся со стула. Весь на уральской отваге. Он выпятил челюсть:

— Кто тебя звал? — спросил он грозно.

Тихонький маленький кореец затоптался на месте... что-то мякнул... мямлил... мол, ему время спать.

Я вмешался — это теперь твой сосед, отец... Наш писарь Пак. Наш солдат...

— А!.. Тогда знакомь.

И отец, вот умелец выпить, сделал, не качнувшись и не дрогнув, два крепких шага навстречу. Не поленился... И с щедрой провинциальной улыбкой протянул писарю руку.

А уже на следующее утро я был вызван в Гудермес разбираться с исчезнувшим составом бензина. И плюс два дня в их тупике на товарной — выяснять, где чей мазут... Никакая не коррупция. Просто хаос! Бардак!.. Не воровство, а хищение. (Коррупция — это уже какой-то уровень. Это уже какая-никакая культура, — как сказал во всеуслышанье один из штабных генералов.)

Цистерны перехватывали на самом подъезде к Грозному... Буквально за километр... Их отгоняли. Их даже перекрашивали... Приходилось проверять каждый тупик... Я выискивал, крутился, но все равно убытки!

А без меня что было делать на складе отцу? В одиночестве? Неудивительно, что он рвался на ханкалинские улицы... Увы, увы! Патрулям была дана строгая команда — старика, отца майора Жилина, не трогать, пусть выпивает... Его дело... А вот солдат-халявщиков от старикана отгонять непременно — гнать в шею. Чтоб не пил с кем попало. И чтоб никаких обсуждений... Пусть себе ходит-бродит. Пусть устанет ногами.

Могу только представить, как мучилась в его одинокой душе идея возврата социализма... Рвалась изнутри. Распирала душу... И какая же злая мука — спор без собеседника!.. Идея задышалась сама в себе. Идея сидела со стариканом рядом на паршивой скамейке и страдала, помня свое бывшее величие. А люди, даже халявная солдатня, шли себе мимо.

Отец возвращался к ночи в пакгауз-8, не выговорившийся, неутоленный. Отец доставал едва початую бутылку. По сути, неостребованную!.. Отец сбрасывал тяжелые ботинки... И наконец целый вулкан слов обрушивался среди ночи на тихого вежливого корейца.

У Пака возникли большие проблемы со сном. Отец говорил подолгу. Настаивал на полноценной беседе. Что ж спать!.. Почему не отвечаешь?! Если отец вдруг о чем-то задумывался, кореец тотчас пытался вздремнуть. Хоть немного... Особенно если отец в хмельном раздумье съезжал со стула... И мол-

ча сидел на полу. Но промежутки тишины были слишком малы.

Едва Пак засыпал — отец просыпался. И снова и снова рассказывал он корейцу о построении миллионов на Красной площади. О китайских народных плясках на Васильевском спуске... Пак каждый день жаловался Крамаренке на недосып, однако же он так и не стал ошибаться в своих безукоризненно оформляемых бумагах. Просто в его глазах стоял туман.

Только на четвертую (или пятую) ночь, как раз когда я вернулся, оба наконец устали... и спали. Особенно сладко спал Пак. Эти невинные ароматы непьющего писаря!.. Зато справа висел густой дух крепкой выпивки... Там, в соседстве с горой солдатских гимнастерок, стоял отцов простенький топчан. Я присел на край.

По полу тихо перекатывалась пустая бутылка. Все-таки отец перешел с водки на дешевое пойло... Я не решился будить. Я тоже был усталый. Я просто посидел около... Отец... Его усы... Его мощное сонное дыхание.

Я вспомнил забытое. Он учил меня в детстве натягивать сапоги... Утром, когда в школу... Высокий подъем ноги. У многих. Уже с детства... Вся тогдашняя обувь — сапоги, валенки — все с трудом. Отец учил меня выждать. Ощутить миг сопротивления. И только тут еще и еще подтягивать голенище с усилием... Школа.

Пусть спит... Я протянул руку. Я хотел прикоснуться к нему. Погладить его высокий морщинистый лоб. Но он вскрикнул, и я отпрянул... С протянутой было рукой.

Крики были неожиданные:

— Маша! Маша!

Я так и сидел с отдернутой, как бы отброшенной кверху рукой... С пьяноватого, сладкого сна он выкрикивал имя не мамы, а своей первой жены.

Мама была жена лучше, была вернее, чем та. Насколько я знал.

Я ушел к себе. Надо было поспать.

Однако ночь получилась тяжелой. Только я лег — разбудил Крамаренко. Один из солдат-грузчиков сломал руку. Я быстро вновь оделся и еще быстрее пошел к погрузке. Это у второго пакгауза... Я забеспокоился — как-то вдруг, мимолетом, подумал, что поломался один из моих шизов-контузиков. Из бродячих...

Отправлять их в родную воинскую часть надо вместе, обязательно вместе. Они составляли пару. Алик и Олег.

Тяжелая ночь тяжела с первой минуты... Солдат сидел от погрузки в сторонке — уже выбитый из обычной колеи. Сидел прямо на земле, ждал судьбы. «Идет фельдшер! Уже идет!» — повторял ему Крамаренко.

По силуэту солдата я понял, что шизы целы... поломался кто-то третий. Я подошел... Ваня Ключев. Безотказный на работе. Почему ломаются самые тихие? — легкий вопрос и легкий ответ. Я присел на корточки с ним рядом... Сейчас, Ваня, отправим... Не робей... В медчасти лучше, чем здесь... А какие там медсестры!

Я почувствовал себя машиной, которая ломает солдатиков. Склад на войне — такая машина. «Это хорошо, Ваня. Поверь... Ты там жирком обрастешь.

Повеселеешь!» — я был и ломающей, и утешающей машиной. Подбадривая, я рассказывал ему анекдоты о медсестрах, очень старые.

А на самом трудовом месте, у открытого заднего борта грузовика, я видел своих двух контузиков. Вкалывали!.. Конечно, там. Они безотказные. А как, мол, иначе?.. Зато опытные солдаты-грузчики, конечно, жухали. Как бы трудиться поменьше. Как бы еще разок сбежать отлить... Все они... Кроме этих двоих. Да еще Вани, уже поломавшего руку... Чуть ниже локтя. Ваня придерживал руку другой рукой. Лучевая кость. Это на месячишко!

Один из двух грузовиков загружался с лентой. Я строго окрикнул солдат. Я, мол, все вижу... Но помалу они все равно сачковали. Устали... Неделя была авральной, погрузка-разгрузка. И сплошь солярка — бочки! Подпрыгивающие в накате! Ночью — это тяжело. Тюлени, — так почему-то называют бочки с соляркой. Гимнастерки солдат мокрые... Рожи красные.

Я сидел с Ваней, но опять встал... Ага! Я присмотрелся. Да там и впрямь нелады. Ну-ка!

— Шестаков!.. Ко мне! — крикнул я, выдергивая одного из солдат-грузчиков к себе поближе.

Солдат подошел, дышал тяжело. Этот не притворился... Но тем хуже для него.

— Почему не потеешь? — спросил я. — Повернись. Повернись! Не прячь спину!

Я потрогал, еще и похлопал ладонью по его сухой спине.

— Не пил. Клянусь... Честно... Не пил, товарищ майор.

— Дыхни.

Алкоголь обезвоживает организм. Но сначала

связывает воду внутри нас. Солдат дышал каким-то жутким дыханием, и я поманил к себе рукой Крамаренко.

— Сейчас, сейчас, т-рицц майор! — Крамаренко следил за погрузкой у дальней машины. Там забрахлил автоподъемник бочек. Судя по звуку.

Крамаренко подошел к Шестакову и, ничего не спрашивая, придвинул ноздри. Тоже нюхал. Однако солдат действительно не пил. У нас, увы, уже был такой опыт. Почки... Или сердце... То, что не давало солдату при ночном сверхнапряжении потеть, мог унюхать-определить только врач... Пусть врач и разберется. Солдат потому и отлынивал, быть может, что почки ему подсказывали. Почки ему нашептывали, обе сразу: «Не спеши, солдатик. Ты не из долгожителей...».

Я отправил его в казарму. И чтоб с утра к врачу.

Что поделать! У нас не хватало рук. Не хватало мощных плеч, трицепсов, крепких прессов... Не хватало стальных позвоночников... И много чего еще.

Крамаренко думает о том же. Предлагает — может, еще раз из бродячих... из отбившихся от своих рот солдат взять и пригреть еще парочку.

— С ума сошел, — фыркаю я. — Я с этими двоими не знаю, как быть. Жалею, что взял.

Мы подошли глянуть на них. Контузики вкалывали. В крепкой пятерке грузчиков... Быстрей! Быстрей!.. Хороший, ровный ритм. Ворочали и катили бочки... Прямо из складских дверей к откинутому борту грузовика, а там тяжелого тюленя принимали в две пары рук и ставили на попа.

Словно почувствовав, что о них вспомнили, Алик

прервал накат бочки и шагнул в нашу сторону... Запыхавшийся.

— Товарищ майор! Когда... — он прихватил воздуха в глотку. — Когда?.. Отправьте нас к своим...

И Олег тут же. Этот прямо с бочкой... Он ее катил мимо нас. Увидев, что переговоры, так и застыл... Придерживая бочку на скате... Готовый покатить ее дальше. Если я или Крамаренко прикрикнем.

И тоже подал просительный голос:

— Мы надеемся.

Я спохватился. Я не считал дни, но они-то, конечно, считали. Неужели пролетел месяц?.. Нехорошо, майор!

— Крамаренко, — мой голос тверд, я хозяин. — Свой месяц они отработали?

— Отпахали, т-рицц майор.

— Уверен?

— Уже два дня лишних... Если считаться.

Крамаренко загибал пальцы, пересчитывая дни... Оба солдата ждали. С волнением.

Я сказал:

— Ладно, ладно!.. Все помню... Как только колонна будет в сторону вашей воинской части — отправлю.

— Мы старались... Мы работали... М-м-мы пахали, товарищ майор.

Тут я уже прикрикнул:

— Сказал же — помню!

Алик кинулся в темноту склада, чтобы схватить заждавшуюся бочку. Олег рьяно покатил свою, замершую на скате... Как только контуженные подключились, поток бочек наладил ровность подачи... Бочки шли мягко, одна за одной... Плыли. Текли. Настоящий ручей! Чуть только прыгали...

Ну, то-то... Мы не могли оторвать глаз от контузиков. Как честно работают больные на голову... Как ровно!.. Взять, что ли, еще пару? Набрать взвод контуженных. Кому-то смешно.

Крамаренко побежал к забарахлившему автоподъемнику. У третьего пакгауза. Пора, пора купить новый!

Алик и Олег, они оба *бродячие* — уцелевшие из на две трети уничтоженной чеченцами колонны. Одуревшие после близкого разрыва... Забились в ямку. Уползли... В непролаз кустов. Когда бой (не бой, а избиение) уже кончился... Их рота с большими потерями ушла. А они, контуженные близким разрывом, жались друг к дружке и ползли... Олег стонал от нестерпимой головной боли... Отползали все дальше, слыша, как там, в ущелье, чичи добивают наших раненых.

Днем спали в перелесках и даже прямо на обочинах, а ночью — шли.

Отбившиеся от своих после боя, одичавшие солдаты — известная странность этой войны, где нет линии фронта... Шатающиеся от голода. Воняющие козлом...

Они забывали номер своей воинской части. Забывали, как зовут ротного командира. Все отшибло... И, не дай бог, утеряно оружие.

Комендатура — это первое, что их ждет и приглубит. Где был бой? Где колонну разгромили?.. Ах, он не знает. НЕ-ЗНА-АЕТ... Как это не знаешь, ну-ка, не ври! Спрос всегда суров — а когда был бой? Какого числа?.. Как это не знаешь числа. Разрыв снаряда? Какого снаряда, если орудий у них нет?.. А разве у чичей были в том бою минометы?..

Пробираясь в Грозный, они бредут по ночной дороге — от горы к горе — чуть что — в кусты... В ночной тьме выдают из кустов друг дружке опознавательный сверчковый звук: «Ти-ри-ри-и... Ти-ри-ри-и...». В отличие от чичей, которые издают для своих негромкий высокий посвист.

Мой бравый сержант Снегирь подобрал Алика и Олежку на самом подходе к Грозному. В каком-то перелеске они отсиживались... Классика!.. Зоркий Снегирь углядел их из БТРа. Попросил водилу остановиться... Стой!.. И свистнул прячущимся в кустах контузикам грубым двупалым свистом. Наш посвист. Эй, вы!..

Контузики выползли из кустов. И перебежкой к руинам пятиэтажки. И с автоматами оба! Не как-нибудь!.. Переговорил с ними Снегирь быстро. Хотя один заика. И на броню обоих... Поехали!

Их только и волновало, сможет ли этот майор Жилин отправить их в родную в/ч после того, как они честно отработают на его складе.

— Шеф все сможет, — сказал Снегирь. — Наш шеф всем шефам нос утрет.

Это про меня.

И привез их... Первый из них, Олежка, надо, не надо вытягивался и отдавал честь. И вопил: «Присяге верны!»... Второй вовсю заикался, и глаза на мокром месте. Вернее, один глаз. Плачущий левый глаз. И левосторонний легкий лицевой тик... Воняло же от них... Это сейчас они благообразны. Отмылись, отъелись.

Когда сержант Снегирев привел их прямо из перелеска к Крамаренке, а Крамаренко — ко мне, я спросил:

— Чего боитесь?.. Что у вас такие напуганные рожи?

Отвечал мне Алик. Сильно перекашиваясь и заикаясь — м-мол, с-с-спрос будет... М-мол, тюрьма... Фээсбэ спрашивать будет... Я засмеялся: «У Фээсбэ только и дел контуженных спрашивать». — «Еще как спрашивают. А в комендатуре вообще ни слову не верят... Как это, мол, вы уцелели, когда колонну разгромили?.. Как это остались одни?.. Часть ушла в одну сторону, а вы в другую. П-п-почему?»

А еще дружок их там навсегда остался. Ощеренные зубы выставил... Застывший, замороженный подбородок мертвого пацана... Толич. Лежал в двух шагах... Толича доби́ли, а тебя почему-то нет. П-почему?

— Ладно, ладно!.. Но ведь вы со своими автоматами. Уже не скажут, что в бою бросили оружие.

Он опустил голову. И продолжал лить слезу. Из левого глаза. Прямо ручеек.

— С-с-страшно... Огонь шквальный... Мы отползли в кусты.

Запуганы... У солдат много страшилок. Пробираясь сюда, на стыках дорог они натыкались на других запуганных, а те порассказали им своих страхов. Было, чем делиться.

Притом что все они, бродячие, знали одно спасение и один выход — вернуться в свою воинскую часть.

— Месяц поработаете у меня на складах. Ровно месяц... Потом отправлю в часть, — пообещал я.

Оба закивали. Согласны!.. Мотали башкой — да... да!.. А Олег на всякий случай еще разок отдал честь. Присяге верны!

Через Колю Гусарцева я узнал, что после пополнения их рота была отправлена под Ведено. Жаркое местечко!

— Может, кого из охраны? — предлагает Крамаренко.

— А?

— Перекинуть в грузчики кого-то из охраны?

На этой нехитрой мысли мы с Крамаренкой пока что останавливаемся. Хватит с нас наших контуженных. Попробуем!.. Завтра он принесет мне поименный список наших солдат, охраняющих склады. И сам будет стоять рядом. Крамаренко знает каждого... Будет водить по списку пальцем, подскажет — здоровяк ли?.. Годится ли в краснолицые?

Между делом он стукнул мне на отца.

— Александр Сергеич... Не сочти за упрек... Твой отец здесь много пьет.

— Он везде много пьет.

— А не давай денег.

На другой день отца все-таки отловил патруль. Наконец-то решились... У него отобрали его паспорт... Началось с криков на улице. Отец прижал к стене очередного контрактника и крутил ему пуговицы... Затял спор о войне... О начале и причинах... Как идет ход войны? Засады чеченцев на дорогах — агония войны? Или ее новый виток?..

— Вашего папашу кое-кто приметил, — говорит мне на стройке склада чеченец-рабочий, еле шевеля губами.

Совсем тихо-тихо.

У меня екает сердце. Кто приметил? Наши или

чичи?.. Судя по тому, как он шепчет, чеченцы... Шелестит губами. Чтоб не слышали даже эти недостроенные стены. И эти громыхающие под ногами деревянные настилы.

Конечно, пока что слушок. Отдаленный и невнятный... Однако вполне достаточный, чтобы я наложил в штаны.

Случаев с умыканием родственников немало. (От пивного ларька — прямиком в горы.) Грозный как раз наполнился свежевыбритыми чеченцами. С белыми, незагоревшими скулами на месте вчерашней бороды... У них были выправлены бумаги... Они, мол, теперь сотрудничают с федералами. Со вчерашнего дня... Отличнейшие бумаги! Но запах гор не скрыть. Даже свежевыбритые, они подванивали. Когда такой протягивал свою бумагу, патруль, как по команде, зажимал ноздри и отступал на шаг назад... Дело в том, что в Грозном в эти дни перебои с водой. Мы не мылись... Так совпало. Мы, сказать честно, все пахли сыром.

Конечно, охота за мной. Пьяненький болтливый старикашка — легкая добыча!.. Но это я буду у чичей на крючке. Я и мои склады. Я и мои бочки с бензином... Моя солярка... Мои (только что привезенные на склад гранатометы... пять штук) АГС-17... Если они отца схватят. И начнут меня доить... Эти идиоты могут думать, что я держу деньги при себе. Тем опаснее!

Отец появился к самому вечеру. Шумный, податый, он вязался к солдатам охраны у Больших ворот. Я слышал, как охранник себя сдерживал... «Ладно, ладно... Проходи!» — охранник с удовольствием не пустил бы на склад «майорова отца», вытолкал бы в ворота. Еще бы и пинка дал...

Я поспешил встретить, отец был в отличной разговорной форме. Глазки его бегали, блистали. Остренькие в вечернем свете... Он имел в кафе... в кафе?.. интереснейшую беседу с неким контрактником Запасецким.

— О самом начале этой войны... Дуда хотел в СССР, верно?.. Дуда ни за что не стал бы с нами воевать, если бы снова в СССР.

Я сдержанно улыбнулся.

— Он много чего хотел.

Я же знал про ханкалинские кафе. Поддатые контрактники в эти две кафешки носа не сунут. Боясь патрулей... Да, признался отец. Да, сидели не в кафе. Сидели на завалинке. Потом просто на траве сидели. Но что это по существу меняет?.. Беседа получилась интереснейшая. Контрактник Запасецкий оказался умен и знающ. Но на самом пике вдохновенного спора его замели. Патруль!.. Молниеносно! Делать им нечего! Они здорово здесь наловчились. В две секунды!.. Такого философа замуровать в обезьянник!

Мы подошли к пакгаузу-8.

— Тебя не замели, — я улыбался. — Потому что ты им напомнил про майора Жилина?

Он возмутился:

— Ничего я не напоминал! Они и так меня знают!

Святая правда. За неделю гостевания его знали все патрули. Пора отправлять в Россию... И побыстрее, майор Жилин... В дальнюю дорогу. В вагон, на крепкую нижнюю полку, бутерброды, бутылец — и напрямик к его друзьям, к пьяницам далекого городка Ковыльска... Загостился!

Отец укладывался на ночь... Пак на своем топчане уже спал. Бывают же безгрешные люди. Затрав-

ленный писарь, уставший думать о полчищах возле мавзолея, завернулся с головой в одеяло. Маленький... Был как кокон.

Едва я уложил отца спать, звонок Рослика: отцу пора уезжать.

За отцом следили. Отца уже пасли, отслеживая потемнее место и пожестче обстоятельства. Настоящая охота!.. Рослик, весь возбужденный, кричал в трубку... Папашу на складе не запрешь, Александр Сергеич! А на улице подпоить старика ничего не стоит. Лишняя стопка! За хорошим разговором!.. Даже не оплатят его выпивку. С такой скоростью... Уволокут... Только и всего.

Рослик, опередивший Руслана, был доволен. Со своей тягой стать моим другом-товарищем, он как никак первым предупредил меня о серьезной опасности... Он! Он мне помог!

И одно к одному — из штаба — общий запрет на проезд в Чечню всякой родни.

Отец все же подыскал себе положительную эмоцию для своего скорого отъезда. Это не бегство, а маневр!

Ему даже льстило, что для кражи присмотрели его, а не кого-нибудь... Чтобы тянуть жилы из сына. Но ведь чичи просто так не крадут. А значит, сын — человек важный. Значит, сынка-то ценят... Говно-то красть не станут.

— Какие суки! — делано возмутился он.

И как же лестно было ему, что его сын был когда-то знаком с самим Дудаевым! Даже нынешнюю необходимость срочно уносить ноги отец как-то хитро увязывал с тем давним знакомством... И хоте-

лось поговорить о неистовом Джохаре. Ну, сын! Ну, похвастай! Расскажи!

— Батя! У нас нет лишней минуты.

— Но ведь Дуда прямо говорил — в Россию нет, а в СССР да. Разве не так, сын?

Я в это время созванивался с Гусарцевым — как? Как там с билетами?.. Быстрее, быстрее, Коля!

— Сын, похвастай... Дуда ведь хотел в Советский Союз. Дуда не стал бы отделяться. Он любил СССР, верно?

— Батя. Давай-ка собирай свой рюкзачок.

Да и хвастать мне, в общем, было нечем — я общался с Дудаевым в самом его начале, когда он искал власти в Совете Чечни. Когда и сам он еще только метил в высокие чиновники. Он тогда только-только начинал сколачивать и вооружать батальоны.

Рюкзак... Еда в дорогу... Быстрее!.. Я прятал отцу деньги в потайной карман брюк. Совал бутылку в уже умятое рюкзачное барахло... А отец не умолкал... Старикан был неисправимый интернационалист. Реликт! Даже в их поколении это уже редкость. (Они уже разобрались...) На него вдруг напало говорливое безумие. На прощанье!.. Старикан шумно сожалел, что уезжает.

Он хотел именно здесь, в Чечне, дождаться того дня, когда Дуда, как пастух стадо, приведет чеченцев в СССР.

Уминая и утрясая его рюкзак, я все же ему напомнил, что ни Дуды, ни СССР уже изрядное время нет... их нет как нет... не существуют...

Отец спохватился:

— Ах, да, да, — заспешил он. — Его же убили. Как я запомнил... Но знаешь, сын... Ты уверен?

В программе «Время» говорят... То нашли его могилу. То нет... То похоронен. То опять нет... А как он погиб?

— Его предал его лучший друг.

Отец даже вскрикнул:

— Надо же!

Секунду погоревав, отец заметил:

— Неважный был у него друг.

— Лучший.

— Что?! Лучший друг?

— Он так мне сказал.

— А надо было брать в друзья с умом... Но ты расскажешь. Ты обязательно мне расскажешь, сын. А?.. Перед отъездом... Мне это важно. Я буду об этом долго думать... В вагоне... У меня долгая дорога, сын!

Если выпадет минута, я ему расскажу. Почему нет?.. Это скрасит ему дорогу. Тем самым скрасит жизнь. Я любил отца. Моего старенького выпивоху.

Звонок Гусарцева.

— Поезд через три часа. Билеты у меня на руках.

Я облегченно вздохнул. Сработал, конечно, генерал Базанов. Его звонок... На товарной станции мое влияние почти безгранично. Но на пассажирской без генерала нам было не обойтись.

— Спасибо, Коля.

— Я с билетами подрулю... Подскочу прямо к складам, так?

Звонок Руслана.

У Руслана родственник, работал телохраном, настоящий профи... Он далековато, но через час будет здесь. Если свистнуть, примчится прямо к поезду. И будет сопровождать моего отца хоть до Моздока...

— Спасибо, Руслан... Нет необходимости. Главное, сейчас побыстрее.

Отец вдруг завозился с тряпками. Что еще за сборы?! Один камуфляж. Другой. Брал с полки, смотрел и отбрасывал в сторону. Туда, где сидел притихший, задолбанный Пак.

— Батя!.. Что ты делаешь?

— Выбираю.

Отец был не прочь, чтобы камуфляж произвел впечатление на наш родной, на наш маленький, но самолюбивый городишко. Чтобы пятнистое дыхание войны «выстрелило» в Ковыльске-на-Урале... Чтоб из каждого окна видели приехавшего из Чечни... Старик будет идти меж пятиэтажек, выпятив грудь.

Ну, может, с кем из местных приостановится. И кое-что им порасскажет. О войне... О сыне.

Ничуть не торопясь, он напялил наконец приглянувшийся ему камуфляж. Огладил бока.

— М-да... Так ты мне расскажешь, кто предал Дудаева?

— Обязательно... Быстрее, отец.

Стало слышно, как снаружи зарычал мой джип. Крамаренко проверял там мотор, бензин.

Невыспавшийся и грустный Пак сидел напротив нас. На своем топчане. Замер в ожидании... Мне кажется, Пак не дышал. Боялся спугнуть отъезд... Его мысли были устремлены куда-то высоко, ввысь, как молитва. Пусть, пусть вернется социализм, мать его... Пусть придут китайцы... Пусть полчища индусов... Инопланетяне. Пусть придет кто угодно. Но пусть уйдет, уедет, сгинет этот незамолкающий ночами безумный старик.

Посидеть с отцом в ресторане в его удовольствие! Поставить там, за рюмкой, точку... обязательную родственную точку в его ненужном, необяза-

тельном сюда приезде. Вторая моя мысль — не дать ему перебраться водки. Потому что в его глазах уже появился характерный блеск. Блеск там жил... И чуть расширенные зрачки. И значит, где-то с собой у него чекушка. Четвертинка. Из которой он будет подливать.

Он мастерски умел это: пить с тобой вместе и по-тихому добавлять только себе... Из кармана... Или из плохонькой сумки. В нем говорила запасливая старость. И заодно скупая бедность. Он боялся... Что радость жизни вдруг оборвется. Старик уже не был уверен в людях... Даже в сыне... Не был уверен, что в хорошую стариковскую минуту его жизни ему нальют... нальют хорошо и вдоволь.

— Мы поговорим... Мы будем спорить, сын. Это будет наш большой разговор.

Я только кивал. Мы входили в привокзальный ресторанчик, и я думал — дать, дать ему выпить. Но в меру... Милый, милый старик. Отец!

Но, увы, уже в самых дверях ресторана, секунда! — мы еще даже не вошли, — громко и четко была объявлена посадка. И пугающе близко гукнул локомотив... Мы тотчас развернулись.

И чуть не бегом к поезду.

Отец стоял на подножке вагона, а я на земле напротив. Мы растерялись... Мы же ничего не успели. Я не успел ему толком рассказать о стройке дома у реки — там, где жена и где дочка. О том, что мы хотим, чтобы отец жил с нами. Как только построимся... Хватит с него Ковыльска-на-Урале.

Я даже не успел ему рассказать обещанного... о том, как неожиданно и, пожалуй, даже невольно я превратился здесь в человека, умеющего делать

деньги. (Чего потомственные строители — что мой отец, что я — вообще говоря, никогда не умели.)

Отец, стоя на подножке, тоже смотрел растерянно. Тоже не успел многое... Мы не понимали, куда делось время. Что, собственно, мы делали эти восемь-девять дней? Где они, эти наши дни и наши ночи?.. Это был какой-то грабеж. Нас обобрали.

Еще раз гукнул локомотив... Родство наше зануло. Родство немо кричало. Мы смотрели друг на друга. Я должен был сказать что-то очень значительное. Я даже напрягся... Сейчас скажу... Я облизнул губы. Не успел поцеловать отца... И только сказал:

— Много не пей.

Он тоже выдал нечто высокое и достойное минуты:

— О чем ты говоришь!

И поезд ушел...

Я машинально вернулся к ресторанчику. Вошел... Сел за столик и машинально же проглотил сто водки. Потом еще сто.

Но есть совсем не мог.

Народу там мало... Полковник с дешевой красоткой. А у окна с бинтом на башке солдат. В углу женщины-горянки в темном... Узлы возле ног. Безденежье. Чеченки или ингушки... не понять. Женщины, деньги экономя и еды не заказывая, молча гоняли чай.

Отец был уже далеко. Отстучали колеса — отстучало сердце. Но все еще висела та минута прощанья, когда мы оба впали в ступор.

Я расплатился и ушел.

— Запашок? — спросил официант. Он решил, что меня замутило от запахов. И поэтому я не закурил под водку.

Из приоткрытых дверей кухни к нам в зал и впрямь валил густейший дух жратвы и готовки. Фасолевый суп... Мясо... Марево съестных запахов... Пища в котлах, явно вчерашняя, тихо-тихо курилась. Запахи разлагались, осторожно поднимаясь и ползя ввысь. Им тоже хотелось... Путь наверх!

Там, вверху, запахи становились еще круче, густели. Но потолок не пускал. Не давал этому дерьму вырваться на простор, к синеве небес.

Конечно, инфраструктурой и нуждами строящегося дома, начиная с подвала, руководил (по телефону) я. Коммуникации. Свет. Газ... Но и первый, и второй этаж жена строила сама. Сейчас она и дочка живут в уже построенном. Живут и над собой неспешно растят крышу... Единственное, чему я учу, мои телефонные подсказки, это найм рабочих и переговоры с ними. Грузчики... Каменщики... Столяры... И особенно электрик — для современной АГВ, для котла... С современной и правильно скрытой проводкой.

Лето, жена и дочь спят во флигеле... Там свежее дышится. С той стороны подходит степь.

Со временем я объясню моему старику, что у меня, у майора Жилина, работающего (и воюющего!) в Чечне, вовсе НЕ шальные и НЕ легкие деньги. Не в казино и не на скачках... Я сумею ему объяснить, в какую рулетку все это выиграно. В какую рулетку мы играем здесь каждый день.

Когда я позвонил, отец только смеялся. Отец наотрез не захотел переезжать к моей жене и дочке, — не захотел на берег большой реки, где строился дом. Он, мол, привык всю жизнь жить скромно и не хочет под старость в хоромы. Старику пенсионе-

ру не с руки «во дворцах». Он не хочет натоптать на слишком чистом полу... Что-нибудь запачкать... Зато он хочет, никого не стесняясь, шумно и слышно хлебать свой суп.

— Какие хоромы! — я даже повысил голос. — Обычный нормальный хороший дом.

— Сколько этажей?

— Два.

Он хмыкнул, словно поймал меня на постыдном.

— Ну, вот!

И опять ядовито засмеялся.

— А сколько земли, сынок?

— Ну, есть, есть земля. Клином березняк... Прямо к нам входит.

— А-а!.. Еще и роща клином!

И он бросил телефонную трубку. Кажется, ему остро захотелось меня раскулачить и переселить в Сибирь.

Жена, когда я ей доложил о переговорах, отругала меня — мол, я неделикатен. Звонок с Кавказа всегда грубоват... Со стариками надо мягче... С уговором... С лаской.

Она сама старику позвонит.

— Флаг в руки, — и я дал телефонный отбой почти так же стремительно, как отец.

С моей женой отец и впрямь говорил по-другому — и теплее, и мягче. И даже несколько возвышенно. Философствовал... Но суть ответа не изменилась. Он не приедет... Посмотреть на подросшую внучку?.. Вот посмотреть внучку когда-нибудь приедет... Когда?.. Это уж как здоровье подскажет.

— Милая моя. Спасибо, — с лаской же отвечал ей отец на главный вопрос. — Но ты меня тоже пойми... Я хочу остаться здесь. Я хочу остаться с этими

зачуханными пятиэтажками. Моя жизнь здесь, пойми, моя милая.

Он напоследок еще и поинтересовался — читает ли моя жена иногда Анну Андреевну Ахматову, которая, как ни тяжело жилось, отказалась уехать за границу?.. И с гордостью написала — *я была с моим народом*. Вот так, милая.

«Милая» огорченно дала отбой.

А отец, гордясь ответом и ликуя, наверняка кинулся на улицу. Радостно! На свежий ветер. Душе в такие отказные минуты нужен простор.

Жена сказала, что его голос звенел. Еще бы!.. А я ей сказал, что не сомневаюсь, что старикан в ту же минуту и кинулся к «народу». Где целый ряд обшарпанных пятиэтажек, мимо которых он прямо сейчас пройдет к до боли знакомому гастроному... И там купит пошла. И там же его будут шумно приветствовать синешечкие приятели. Угловой дохлый магазинчик с просроченным товаром!.. Там вода с потолка лишь чуть сочится. Ну, капнет на башку. Ну, еще капнет... Там душе старика тепло. Уже у самого прилавка с тем-другим-третьим можно и побазарить, можно снова выйти на ветер, пить из горлышка и получить в рожу.

Отец вкусно пожевал тишину — и негромко заметил моей жене, прощаясь:

— Милая... Я остаюсь с моим народом... Передай Саше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К генералу Базанову ехали не спеша, я за рулем. Коля Гусарцев с мобильником сидел рядом. Нас обоих пригласили поужинать. Генерал сам позво-

нил... Он просит прощения за то, что уже в прошлом разговоре он не позвал нас в гости. За то, что не позвал сразу... У него ведь гостит его молодая жена. Колебался... Сказать честно, он колебался.

— Но вот она согласилась... Сразу согласилась и зовет!.. Посмотрите мою. Ах, какая у меня женошечка!.. А вот пусть-ка и она посмотрит быстрым блестящим глазком на молодых офицеров. Пусть почувствует вкус к жизни... Порадуется... Что ей рассматривать такую развалину, как я! — и в телефонной трубке послышался раскатистый хохот генерала.

Донесся до меня... и пришлось прочувствовать этот великодушный мужской хохот. Уже сытый. Уже насытившийся молодой женой. За ночь-две.

— Как только проскочите площадь Минутка... Сразу к блокпосту.

— Мы проскочили.

— Значит, уже рядом... Спросите там.

За отцовский ж-д. билет... Все правильно. И за участие. Надо ж было поблагодарить генерала за то, что мой отец, слава богу, в Ковыльске, а не в чеченской яме. Отец всласть отдохнул, лет на десять вперед наговорился — и уехал домой в целости-сохранности. Свой букет собрал.

Коля сиял, — видишь, мол, как полезно водиться с штабным генералом, пусть даже с генералом-ништо.

— Надо, надо, Саша!.. Не душит же он нас своими чеченскими байками!.. Да и жену его молоденькую посмотрим... А?.. Что?.. Я, Саша, давно не видел молоденьких москвичек... С прошлого лета!

Я рулил, а Коля рассуждал вслух. Машина бежала гладко. Мы уже подъезжали.

Коля Гусарцев здесь тоже еще не бывал. Ехать — все время расспрашивать... Выделенный недавно генералу небольшой домишко стоял в самом тылу казарм.

Постовой... Какой-то странный! Показывал нам заторможенно и туда, и сюда. Пока не понял, что речь о генерале Базанове.

— А-а... Этот.

Постовой велел нам ехать прямо и прямо. Ища глазом зеленый забор... Точнее он не знал.

К генералу Базанову не ездили, боясь его разговоров. Но что поделать, если генерал был по самый край переполнен жизнью горских народов — чеченцы... *Чечня!.. Я расскажу тебе о прошлом Чечни! Не уходи. Кое-что новенькое! Стой же!..* — он слишком много знал, чтобы носить в себе молчком... Его избегали и в штабе. Считалось, что генерал Базанов *клиента заговаривает...* Многие это знали, но не все — и если некий новичок-подполковник случаем попадал в кабинет генерала в одиночку, он выходил оттуда через час-полтора, не меньше... Выходил очумелый, уже пошатываясь!.. И отгоняя от себя рукой несуществующий дым.

А меж тем Базанов считался неплохим воякой, когда был боевым полковником в Афгане. Он дважды атаковал самого Махмуд шах Аббаса, «льва пустыни». Есть убедительное фото, где полковник Александр Базанов склонился над картой.

По его рассказам, там, в Афганистане, он и сломался. Вдруг пришло известие — у него умерла жена. Полковник Базанов пытался вырваться на ее по-

хороны, *на два дня*. Постоять у свежей могилы. Проститься... Не отпустили. А через неделю начался вывод наших войск.

Что-то с полковником Базановым тогда произошло. Военная косточка сломалась. После Афгана, служба в Калужской области, он уже совсем поседел и обрюзг. Он замкнулся. Сделался молчуном. Что-то еще он не договаривал. У него не стало друзей.

Ему все-таки дали генерала, но с тем чтобы он отправился в разбушевавшуюся Чечню и чтобы там, при штабе, занял какое-нибудь безликое место. Воевать он уже не мог. Но занять место — занял. Его делом, его войной стало «курировать отдаленные воинские части, а также контакты этих воинских частей с местным населением». Однако никаких «контактов» курировать не пришлось. Их не было. Должность становилась все более невнятной... А системные грабежи вокруг в/частей на горных дорогах сделали службу генерала Базанова совсем бессмысленной.

Но для женщин он оставался генералом. И плюс его привлекательный крепкий лысый череп... Он оказался легкой добычей. Ко второму году войны генерала выбрала (приглядела где-то в краткий его отпуск) и женила на себе некая бойкая молодуха. Хорошенькая москвичка... Лена... Она была не против, чтобы он продолжал воевать в Чечне. Но при этом он должен был построить дачу под Ростовом, в которой бы она проживала, когда в Москве холода. И к солнышку ей там будет поближе. И к генералу.

Ростов — город южный, от Кавказа, по российским меркам, неподалеку. Редко, но генералу удавалось прикупить и послать туда с машиной строи-

материалы. Но ему так и не удалось найти и послать туда пару вялых солдатиков, чтобы поработали лопатой и ломом... Стройка шла еле-еле. Так что молодуха жена генерала подталкивала... Звонками... Наездами... Требованиями денег... Угрозами уехать одной на лето к морю. Генерал Базанов за свою активную молодую жену, конечно, волновался, но с некоторых пор как-то не слишком. Как-то с лентой... И кое-что, на пять копеек, для строящейся дачи сделав, тотчас расслаблялся. Причина в том, что постаревший вояка уже погрузился в историю горских народов. А это навсегда. Наркотик.

Но зато хобби дало ему лицо, генерала Базанова теперь все знали. Как оказалось, военная косточка сломалась по-особому. Возник *читающий генерал*. Возникло нечто... Да и почему бы некарьерному генералу не читать книжки?.. После кофе... Или даже до кофе... Приставленный к генералу прапор Геша так и подавал ему с утра — в заведенном порядке:

книги, намеченные к прочтению еще со вчерашнего вечера,
кофе,
письмо от женушки Лены.

Исторически-исследовательское (по его собственному выражению) чтение, как в огне, переплывило характер вояки — притом в самую лучшую сторону. Это было уже больше, чем хобби. Генерал отлично гляделся. Легко!.. Он был совершенно счастлив. Он был безумно говорлив. Он был мил и добродушен. И не подумать, что этот миляга когда-то атаковал «льва пустыни».

Все отчеты в штаб стряпал Базанову его быстрый Коля Гусарцев.

Гусарцев (а иногда и я) — мы пользовались его

чином, его громким голосом. Не самое плохое прикрытие! В счет начальствования над Колей генерал иной раз помогал и мне, выручал. Где-то что-то скажет... Кому-то звякнет по службе... И будет тебя защищать — глупо, но зато шумно. Сделать он мог мало, но кричать-то он мог. Тряся генеральскими погонами и багровея лицом. И еще как кричать!.. Что такое! Как такое можно?!. Офицера в обиду не дам! Это мой, мой офицер!

Базанов распекал прапора, который не подсказал нам, где генеральский домик:

— Что ты себе позволяешь! О чем ты думал... Задумчивый, да?.. Ты должен был бегать и шустрить! уже на перекрестке!.. и показать майорам, где я живу!

Он распекал, орал с таким неподдельным гневом, как будто столкнулся с неслыханным непослушанием. Орал, нет-нет и зорко поглядывая на жарившееся на огне мясо. Но именно так орут добряки. И прапор это отлично знал. Для здоровья. Для прочистки горла. Пусть всласть поорет!.. Прапор Геша нам даже подмигивал.

Обмахивая картонкой мангал, отгоняя сизую гарь, генерал тем же своим шикарным баском окликнул побежавшую приодеться жену Лену — мол, мясо готово, дорогая... Возможно, знак. Мясо готово!.. Чтобы жена вышла во всей красе. Чтобы жену Лену нам наконец показать.

Нам сразу стало хорошо. Действительно, молодка и красотка. И такой чистенький домик, удобный. Куда мы попали!.. Участок небольшой, но какой ухоженный. А шагах в десяти от веранды — под раски-

дистым грецким орехом — генерал Базанов саморучно делал шашлыки. Умел же и хотел для гостей!

Выслушав мою благодарность за ж-д. билет и помощь, генерал поинтересовался:

— Меня, Саша, тоже просят... Мотострелки... Хотят приборы ночного видения. Как там у вас?

— Ночников нет, — отвечала я.

— А для вертолетов? Авиатопливо?

— Керосина нет.

Я отвечал машинально. Нет, нет и нет. (Меня не упрекнуть в чрезмерной уступчивости.) Генерал в околовоеенных делах не значил. Никто и ништо. Просто офицерский треп меж собой. Дружеский... Не более того... Кому слить оставшийся керосин — я и сам найду.

— Что?.. Нет? — вопрошал он с заметной важностью.

— Нет.

Генерал округлил глаза. Надул щеки. Желая круто выглядеть в глазах жены. А я косо увидел Гусарцева — Коля восхищался моими спокойными «нет».

Уже не зная, что дальше придумать, генерал Базанов нарочито грозно заблажил, обращаясь к жене.

— Ну, ты подумай. Ты хоть возмущись, Ленка!.. Что себе стали позволять интендантские мыши! Ленка?.. Ты слышишь?!

Молодая женщина слышала и погрозила мне пальчиком. С улыбкой, конечно.

— Эти складари, Ленка, они зажрались... Далеко не каждый офицер имеет мобильный телефон. Даже штабной офицер не каждый! А у него их два. Угадал, Саша, а?

Он угадал. (Но он не знал еще о нескольких мобильниках. Его бы хватил удар. Я раздал их чеченским крестьянам. Которые живут на интересных для меня перекрестках дорог.)

— Два мобильника!.. Один для дел, другой для женушки, поворковать! Плохо ли?

Молодая женщина продолжала с улыбкой грозить мне пальчиком. Впрочем, мысли ее уже забежали вперед:

— Идемте на веранду... Что мы тут дым глотаем!

И тотчас генерал Базанов ей в подхват (и с важностью в голосе):

— Да, да, друзья, шашлыки готовы!

Однако же говорун добавил и в сторону жены Ленки:

— Мы глотаем боевой дым, дорогая. Здесь всякий наш дым — боевой.

Шутки генеральские!

Надо было выпить, а генерала не замечать... Ведь я отлично понимал, что Базанову ничего не надо. Ни мотострелки не нужны... ни приборы видения... ни керосин... Ни даже шашлыки! Ничего, кроме как малость покрасоваться перед молодой женой. Что тут зазорного?.. Она завтра уезжает. Редко здесь бывает... Просто генеральский треп на виду у милой молодой женушки! Я мог с ним хотя бы поболтать об авиатопливе. Так он считал. Цена-то две копейки.

Тем более что старый генерал был гостю искренне рад и чуток. Он заметил, что недосып сводит мне скулы.

— Надо высыпаться, Саша. Выглядеть свежее. Жить свежее.

— Вам удается? — спросил я.

— Еще бы!.. — и он громко засмеялся, загоготал.

Его жизнь и впрямь удалась, жизнь посвежела. Старик ведь никуда вверх не лез, карьеры не делал. Он никого не подсиживал. Не воровал. Мало ли этого?.. Просто жил жизнь... Читал книги о горцах... Любил порассказать.

Он и за шашлыками, когда сели все вместе, не заткнул фонтан и громко разглагольствовал о цвете хорошо прожаренного мяса. Явно ради женушки... Говядина парная, господа офицеры... Баранина... Можно на ребрышках!

Но что нам с Колей цвет его шашлыков! Что нам его багровые угли! Подернутые пеплом!.. Нас манил цвет кофточки молоденькой генеральши, приехавшей к нему вместе со всеми радостями жизни. Да, да, и с кокетливым недовольством этой жизнью... По поводу той самой дачи под Ростовом!.. Ужас, ужас!.. Недостроена, а уже разрушается. Отвратный забор. Крапива в рост... Представляете?.. Все запущено... И даже автоматика въездных ворот. Воротца кнопкой кое-как открываются, но уже без музыки! Единственное, что радовало... Там была музыка из «Крестного отца».

И вообще жена Ленка жила свою жизнь, оказывается, скучновато. Без изюминок... Но ведь хороша красotka! — мигнул мне Гусарцев.

Ведь хороша!.. Зайчик! Заливистый молодой смех и легкое, но очень точно направленное на нас кокетство — на офицеров в самом соку. В то время как ее симпатичный старый хрен запал на жареное мяско. Грыз шашлык так, что задевал зубами шампур. Скрежетал... Вздыхал! Какое мясо!.. Особенно

с Гусарцевым она кокетничала. Генерал грыз шампур, но все видел. Он понимал в женщинах. Понимал и улыбался. (Генерал раздраживал ее нами. Неплохо придумал... Завтра ей уезжать. Но нынче ночью она генералу отработает наши жадные армейские взгляды.)

Я думаю, ей тридцать, а может, и тридцать пять. Это как смотреть!.. Можно смотреть до выпивки, а можно уже поддавши. Меж грудей висюлька. Серебристая. С некоторой натяжкой висюлька могла сойти за полумесяц. Оберег. В плену у горцев будто бы помогает. Я успел подумать... мелькнуло... что жена Лена и насилованная-перенасилованная солдатская мать Анюта ровесницы... Почти!.. Анюта была старше Лены лет на пять, а виделось — на все двадцать пять.

Домашний зайчик!.. Женушка!

Вставала из-за стола, чтобы принести салфетки. И чтобы показать попку. Аккуратную, в обтяжку... Ах, и задница. Я бы ее съел вместо шашлыка. А ведь я мужчина сдержанный, очень сдержанный, не бросаюсь. Я бы ее сначала помял, помял нежно... Потом бы съел... Я почувствовал, что пьянею. Водка фирменная... Я бы съел и ее попку, и ее дачу с безмузыкальными воротцами... Я делал вид, что смотрю на салфетки (тоже в цвет ее кофточки) — я и смотрел на салфетки! — но в том же направлении были ее бедра. Бедро приближались. Мягкие. И мягко мускулистые... Я был как замороженный... Для меня ее московские бедра и ее донская дачка под Ростовом вдруг стали как одно, и это одно я мог съесть одним разом. Да-а... Уже крепко набрался.

Я подсказал себе — попка у меня есть дома. Не

хуже попка. Ничуть не хуже... Там, в России, на берегу большой нашей реки... Жена... Женушка... И тоже строящийся дом-дача... Вот что втайне меня возбуждало: *та* попка и *та* дачка. Нормально и дистанционно возбуждало... Но мое *то* было слишком далеко. А чужое *то* было рядом. Руку протянуть... Что тут хитрить!.. Эта жадность не перегорает. Ни в строю. Ни в госпитале. Ни, я думаю, в зловонном зиндане.

Прапор Геша принес чай... Очень кстати. Генерал еще не начал о Чечне, о горцах, но мы же знали, что нам не избежать... на нас вот-вот обрушится водопад. Обязательно... Плата за ужин. За визит. За наши взгляды на обтянутую попку... Счет серьезный.

Вот-вот, и его рассказ рванет, как фугас. И бесконечными осколками — исторические справки... Цитаты... Цифры... Факты... Легенды, мать их!

Но пока что был шашлык — сочная преамбула застолья. (Опытный говорун, он не хотел так уж сразу шевелить снег в горах. Придерживал лавину.) Генерал давал нам с Колей сколько-то порезвиться. Он давал нам погрезить о попке... Удав... Нам ведь придется выслушать все. Он знал, что я, майоришка Жилин, уже никуда не денусь. Не спрячусь. Ни в какую норку... По-видимому, он поначалу играл с жертвой.

А для затравки генерал Базанов начал с кой-чего издалека... ну, так... вообще. Он сам только-только узнал — вычитал, как наши горцы гадают по руке. Ого! Это самобытная техника. Это вам не цыгане!.. У горцев особая проницательность... А какое фан-

тастическое прочтение линий. Заметьте, у всякого горца столько опасностей, включая кровную месть! И ведь всегда кинжал, всегда пуля... Всегда из-за угла... Вернее, из-за горы!

— Тем поразительнее, что горцы так точно угадывают длительность чужой жизни. Правильнее сказать, краткость ее... Верите?

Мы верили.

— Одновременно горец учитывает знаки зодиака! Я думаю, это от древних греков... Греки прошли вдоль Кавказа валом. Как цунами... Греки завоевали здесь все, вплоть до персов. Да и персов на закуску.

Генерал тут же прибегнул к показу. Он не мог ждать и терпеть. Он начал с прапора Геши. Он, видно, гадал Геше много раз. Домашний тренинг... Прапор к своему сроку жизни (немалому) был уже совершенно равнодушен.

Генерал стал хватать наши руки. Колебался... Выбрал Гусарцева. Крутил его ладонь. Ощупывал линии.

— Так... и вот так, — мысленно рассуждал он. — Ага!.. Вот оно!

И майору Гусарцеву срок был также отпущен щедрый. Можно жить!.. Горцы не ошибаются и на полгода!

Генерал взял мою руку... Глянул мельком... Отбросил... Возможно, гадать ему уже надоело. Плевать на будущее. Хотелось назад... назад! Генерала База-нова манила зияющая бездна прошлого — он уже хотел мыслить столетиями. Уже хотелось в глубь веков.

Он потянулся к вину, взял и открыл нам бутылку. И тут же забраковал. Взял другую... Эта полу-

чше!.. И все-таки вспомнил, что мне не погадал. Мою руку взял с запозданием и опять с колебанием... Это было заметно. Он вдруг стал гадать традиционно... Водолеи, рыбы... Раки, мать их!.. Александр Сергеевич... Саша, тебе я не стану гадать... Почему?.. Я слишком волнуюсь. Ты мне потом и капли горючки не дашь, ха-ха-ха!.. И ты никогда не дашь мне хотя бы пару солдат, чтобы поработать в Ростове...

Он мял руку, но так и не стал гадать. Возможно, жизнь майора Жилина получалась недолгая, и сказать мне о сроке он попросту трусил. Не портил мне вечер. Бывает же так, что здесь, в Чечне, жизнь совсем короткая... Война!

Генерал смолчал и поскорее отвлекся, чтобы разлить вино по пиалушкам.

И наконец вот оно!.. Генерал Базанов напрямую завел о Чечне, о горцах. Уже надолго. Уже навсегда.

Сначала, кажется, древние обряды. Жертвоприношения... Войны... Герои... Но по-настоящему и страстно (и без малейшего разгона!) генерал взорвался на идолах, что правили жизнью всякого горца до единобожия.

Несколько богов-идолов. Дяла (у чеченцев и ингушей)... Галь-Ерга... Сие-ли... Самые когда-то известные и самые теперь забытые. Так проходит слава... Их нет. Даже в наскальных анналах... Увы! Их никто не помнит. Они кончились, они, буль-буль-буль, захлебнулись... утонули во времени... Не переплыв пучину средневековья... А вот идол Асан остался на слуху. Влез в наши дни. Пусть даже одной-единственной фразой, но остался. Присказкой!

А ведь Асан старше, Асан по времени был раньше, чем *Дяла... Галь-Ерга... Сиели...* Асан был — до.

Разумеется, Асана в нашем времени тоже нет. Если всерьез и академически, что от него осталось?.. Осталось имя Ану, перешедшее (предположительно) в имена людей. В имена богов — Асс (у лакцев), Аснцва (у абазин), Ансва (у абхазов)... Осталось Ассиновское ущелье в Чечне, суровое, с грубо отесанными, птицеподобными камнями. Но все-таки главное и явно оставшееся от идола — это страшноватая присказка — *Асан хочет крови...*

Всего лишь этой поговоркой (*приговоркой*) идол Асан и зацепился за Время. Говорят, старики горцы, умирая, иногда произносят эти три слова. Этакий выхлоп подсознания. По сути — предсмертный бред. Огрызок стертого от времени заклинания. Остаток молитвы? Или простое бормотанье?.. Но вот что значит язык!.. Через тысячелетия прошла, проползла, протиснулась фраза. Потеряла конкретный смысл, значение, а все-таки жива... И ведь сама по себе... Без костылей!.. Доковыляла.

Это уже сейчас боевики по случаю подхватили три крепких, пусть не очень внятных словца — *Асан хочет крови*, — подхватили как многофункциональный призыв защищать родные горы, дом, детей. Красивой фразе можно навязать что угодно... Слова не виноваты... Притом что сам идол Асан забыт. Нет его. Никто не знает, что Асан такое... ни когда он был и царил... ни как он возник... Но генерал Базанов не зря же рылся в старых и новых книгах. Генерал Базанов не просто так. Генерал Базанов докопался. Он знает.

Час... Два... Возможно, три... Генерал не мог остановиться... От потока его вдохновенных слов веяло подлинной вечностью. Я совсем перестал жевать. Мне каждый раз видятся горные вершины. Когда я его слушаю... Даже пирамиды. А в поднебесье орлы... Не я один такой. Мы сидели как замороженные. Я ни разу не глянул на часы.

Его жена Лена, вот кто первый очнулся, — она испуганно захлопала глазами. Страх женщины, что она уже никогда не вырвется из гипноза гор... Она трясла хорошенькой головкой, выкарабкиваясь из этой пьянящей бесконечности. Слова не виноваты... Из этих миражей, как из болота... До жены Лены вдруг дошло, что ее генерал, ее гостеприимный муж не остановится — сам жертва потока слов.

Мы с Колей были парализованы. Но не она... Хорошо помню отрезвляющий финал... Именно молодая женушка сумела поставить точку. Заодно еще раз показав аппетитные свои формы. Она плюхнулась к генералу на колени. (Тем самым для нас она явилась на возвышении, на пригорке, на долгожданном подиуме — смотрите! Ну!.. Майоры!.. Ну! Смотрите же напоследок!) И, закрывая ладошкой рокошущую генеральскую пасть, ласково ему сказала:

— Время, дорогой... Вре-ее-мя!.. Тебе-то хорошо — у тебя ночью бессонница.

И заулыбалась:

— А каково всем нам?.. Час-то поздний.

И закруглила:

— Майорам надо спать... Спать... Спа-аа-ать, — и она чудно зевнула во весь свой зазывный ротик.

— Саша, — вдруг спросил меня генерал, где-то в середине своего вдохновенного рассказа. — Чеченские старики иной раз зовут вас Асаном?.. Ну, *Асан Сергеич* вместо *Александр Сергеич*?.. Конечно, зовут... Меня тоже зовут. Так и спрашивают. Звонят... Асан Павлович, можно, мы временно закроем школу? Пока такие частые бомбежки?

Он стопроцентно передал интонацию чеченского старейшины.

— ...И я им говорю. Конечно, закрывайте... Какая, к чертям, школа!

Генералу все же хотелось нашего живого участия в разговоре. Он переспросил. Он не зря притормозил монолог.

— Ну так что, Саша?.. Кличут вас Асаном?

Я сказал — не знаю... Не уверен. Вроде да и вроде нет.

— Ага! — генерал Базанов тотчас оживился. Морщинки, красные жилки на его лице — все заиграло.

— Это очень... очень характерная, Саша, горская скороговорка... Сначала, хрустя на каждом слогe, Але-ксы-кса-н-дыр... Затем Аксандр Сергеич... Ага!.. И вот уже по-простому — Аксан Сергеич...

Он развел руками:

Но кончается все Асаном. *Асан* — вот что остается. Хотя чеченцы хорошо говорят по-русски. Однако скороговорка и темперамент их торопят и сжирают буквы... Асан?.. Нет?.. Не замечали?

— Я! Я замечал! — вскрикнул Гусарцев. — Именно так Сашу окликали старики на дорогах — я слышал! слышал!

— А вы сами, Саша? — еще раз спросил меня Базанов.

Я покачал головой... Я не замечал. Не замечал — но ведь и не отслеживал... Теперь, когда меня ткнули в нужном направлении, я мог с некоторой неохотой согласиться... Что-то такое в горской речи есть. Пожалуй. Чем чаще чеченский старик со мной общается, чем торопливее он обращается ко мне по имени-отчеству, тем скорее мое имя проделывает путь от Александра — к Асану. Забавно!

Генерал Базанов, счастливый, что его наблюдательность признали, хлопнул в ладони.

— Внимание. Внимание, господа офицеры... А теперь главное... Главное! Я вдруг догадался, откуда, как и когда у них возник идол Асан.

Он хотел сделать важную паузу, но не выдержал:

— Я... Я докопался... Этого нет в книгах, нет в рукописях... Это я сам, сам!

Хвастовство его было, пожалуй, даже симпатично. Стареющий генерал хвастал, как школьник... Радостно! Он ведь не корчил из себя ученого. Он делился нечаянной удачей. С нами делился. Запросто!.. И щедро!.. Он даже торопился поделиться. Когда ему еще выпадет такой счастливый случай. Застолье... Вино... Рядом женушка... И два уже пришибленных слушателя — целых два майора! Уже не сбегут... Не весь же бисер метать в одиночестве прапору Геше.

— Ну?.. Теперь вопрос... Имя идола уходит в седую древность... Ну, кто? Кто из вас сможет догадаться?.. откуда и почему Асан?

О «догадаться» не могло быть и речи. На втором, а то и на третьем часу майоры сильно сомлели.

— Ну? — спросил он.

И еще раз:

— Ну?

И убедившись, что сейчас на сотни километров вокруг города Грозного пронизательнее генерала Базанова никого нет, произнес:

— Ну, конечно, это он... Два тысячелетия назад... Это он, проникший в сознание древних народностей как непобедимое божество... Воин-Бог... Ну?.. Ну, ясно же, друзья мои, это Александр Великий!.. Македонец!

Мы одобрили открытие, но, пожалуй, вяло... Согласились, но как-то без восторга. Ну да — может, и он. Герой. Молодой царь. Завоеватель вселенной... В подпитии, однако, трудно перенестись (даже мысленно) через тысячелетия так глубоко человечеству в тыл. Вот заговори о древних греках *она*, его молодая жена Лена... И привстань она при этом. Мы бы ожили. Что нам греки, мы могли бы рвануть мыслью хоть к мамонтам... Женский голос царапает сердце. Одурающие формы... И если она привстанет...

— Есть хорошо известное мнение, вполне научное, — продолжал генерал-исследователь. — Часть нынешних горских имен — это след его имени. След Истории, врезавшийся в сознание горцев...

Он энергично перечислял:

— Аслан у чеченцев... Сандро у абхазов... и просто Александр у грузин... Искандер... Скандербег... это все *Александры*! Это все отголоски былых сражений горцев с древними греками (былых поражений горцев, отметьте, именно так!) Две тыщи лет назад!.. Следы Македонца, отпечатанные в именах!

На какой-то миг я почти проснулся. Любопытно!.. Горцами, оказалось, становятся не от любви к высоте.

— ...Горцы... Македонец, собственно, и сделал их горцами. Он загнал их в горы... Тех, что уцелели. Остальных перебил.

Генерал ласково коснулся рукой книжной полки:

— Тем самым я отследил время возникновения Асана. Время рождения идола — это время Александра... Внимание!

И с нажимом он продолжал:

— Асан возник как противовес Александру Великому... Асан возник из его имени... и более того — в противовес его имени. Вот почему Асан хочет крови... Это моя гипотеза... Асан возник как необходимость... Как культ... Как самозащита. Именно как защита от воинственного гения греков... Как защиту горцы воздвигли собственного идола.

— Конечно, дилетант, — шепнул мне на ухо Коля. — Но ведь сколько открытий сделано такими «чайниками».

— Пока что гипотеза! Никакое не открытие! Я, дорогие мои майоры, читал и читал... Находка случайна.

Даже я, мало что знавший о тех веках, видел, как подчас прямолинейно вяжет генерал свои логические узелки. Копатель истории, увы, уже привык достраивать сам... Привык спрямлять время... Гнуть факты... Но зато с каким вдохновением! Самоучка, он ведь и не скрывал этого.

— Если б я учился смолоду!.. Эх, жаль время. Носил эти погоны. Чего ради?.. А жизнь, Коля, шла мимо!

— Вы воевали, — очень умело и ненавязчиво успел лизнуть шефа Коля Гусарцев.

Воевал... Еще как воевал!.. Однако, Коля, что мне это дало?.. Только состарился быстрее! Ах, как

много я успел бы прочесть и продумать за то про-
свистевшее время!

Вот тебе и «ах»!

Выражение лица Коли Гусарцева стало, однако, слишком уж отключившимся и сонным. Я насторожился... Он сидел, откинувшись на стуле. И полузакрыв глаза. Внешний покой убаюкивал. И заодно скрывал кой-какую динамику... Гусарцев под столом касался своей ногой ноги молодухи. Трогал жену шефа. Ее ножку... Коля слегка кренился. Левое его плечо становилось на чуть выше правого. Он тянулся и, кажется, дотягивался. Тер щиколоткой щиколотку. Мягко... Чуть-чуть... Затем его плечо выравнивалось... Я толкнул его. Затея ни к чему, мальчишество! Которое дурошлепу могло плохо обернуться.

Она, уверен, и не очень ему нравилась. Ну просто так, игра!.. От легкого винишка. От не фига делать... От невыносимости слушать шефа... От тягостной войны. Я в таких случаях не люблю долго удивляться природе людей. Просто глупый Коля! Делал вид, что ему на все плевать. Умный, мгновенно соображающий офицер... Интересный и с юмором — а какой вдруг глупый!

Я еще раз толкнул его.

У Коли было это уязвимое место. Присущее многим. По молодости... Он думал, что он предприимчив, в то время как был всего лишь азартен. Известная ошибка.

Генерал не умолкал. Вдохновенный!.. Нет-нет и он вставлял в речь чеченские, реже дагестанские словечки... *Нохчи!.. Ачх!..* Он наслаждался.

Несколько птицеподобных камней генерал-исследователь смело объединял в образ. Но ведь камни действительно существовали. В Ассиновском ущелье...

Нестыковки фактов и пустоты генерал Базанов заполнял своими собственными картинками. Как часто бывает у увлеченных людей... Без колебаний! Асан, древнее языческое божество, представлялся горцам птицей. Громадной птицей с кривым клювом... Птица, которая хочет человеческой крови. И получает ее вдоволь, когда война.

Чертов Македонец загнал целые народы в горы. Этот грек всех напугал... Пуганул так, что при его имени дети писались в постель... внуки и правнуки писались от страха. Даже в пятом поколении... И чтобы этот урок, этот генетический ужас прервать... Именно для этого горские народы придумали Асана... Идола!.. Придумали себе не менее свирепое Божество, чем Македонец. Против Александра был выставлен свой Александр. Они только чуть исказили имя своего идола горским, более простым произношением... *Асан*.

Коля Гусарцев рассказывал, как однажды он приехал рано утром, когда генерал Базанов только только встал и чистил зубы... А с кухонки аромат! И какой потрясающий!.. Улыбчивый прапор Геша варил генералу кофе. Сказал, что сварит и майору Гусарцеву. Он, мол, хорошим людям варит хороший кофе.

Улучив, однако, минуту, прапор улыбку сбросил и пожаловался офицеру, что у него уже нет сил слушать генерала Базанова, когда он про чеченцев...

Про их древние обряды. По словам прапора, к ночи он уже сам, самостоятельно слышит в темных углах голоса горцев. И нет-нет — видения... А по части ночных кошмаров и ужасов прапор один мог бы заменить всех тяжело контуженных в моздокском военном госпитале.

Такая жизнь. Прапор хотел бы подать рапорт, но боится. Рапорт о переводе. Куда угодно... Пусть в самое Ведено... В бой. Под чеченские пули... Генерал задолбал его... Прапор нет-нет и мотает головой. Главное же, ночами прапор кричит и бьет одеяло ногами. Он бросается с постели. Прямо на пол!.. Нет, нет, он всегда готов генералу услужить, сбегать туда-сюда, постричь, помочь натянуть сапоги, сварить кофе... Если б не слушать!

Заговоривший своего прапора, генерал Базанов живо напомнил мне моего отца — один к одному!.. — терзавшего своими бреднями корейца Пака. Конечно, у генерала Асан был прорисован мощно... Книг сколько! Древность!.. Еще какая!.. Но если о мавзолее, мой отец в воображении генералу не уступал и был ничуть не менее вдохновенен.

И с какой же страстью оба старика в своих седых головах раздували искру. Я вдруг увидел, как они разны — и как они схожи. Нашли себе нечто. Искали — и нашли. Лишь бы не смотреть кончающейся жизни глаза в глаза. Как не подумать о целом поколении, не договорившем свое... не докричавшем... Не старики — поэты!

У стариков (я замечал не раз) при соприкосновении с войной, с темой войны, в голове возникает капитальный самообман — они, мол, никогда не ум-

рут. Они, мол, бессмертны. Они проживут сто лет. (В противовес там и тут гибнущему в ущельях молодняку.) Вера в сто лет впереди высвобождает в стариках мощнейшую энергетику. Легко заметить!.. Но ведь у них и впрямь этой верой продляется жизнь почти до ста. До девяносто шести-восьми!.. Именно старики кричат о войне до упора. До победного конца... А если хватает ума и такта о бойне не кричать, старики взамен находят себе параллельный жгучий интерес... находят Асана... какую-нибудь мавзолейную игру со смертью... и толпу, готовую крушить, — это обязательно. Их все равно выносит на простор большой кровищи.

— ...В некоторых полевых отрядах слово «Асан» сейчас на слуху. Асан — это стало модно... Имя вернулось... Не как идол. Не как Бог. А как знак. Как пароль. Или просто как модные позывные... Один боевик передает другому. Как только у них проблема.

— Проблема войны? — переспросил я.

— Ну да... В ущелье, допустим, идет наша колонна. Или вынужденно сел, плюхнулся наш вертолет... Когда надо спешить применить силу, знаете, что передается в радиозфир... Ага!.. Передается, повторяется очень коротко и по-русски. *Асан хочет крови... Асан хочет крови.*

— По-русски?

— В отрядах боевиков достаточно нечеченцев... И черкесы. И абхазы. Знаменитый абхазский батальон... И дагестанцы все разноязыкие... Так что по-русски. Звучит понятно всем.

Застолье внимало.

— Я думаю, что для стариков-горцев... — сказал

генерал с улыбкой. — Мы тоже от того самого Александра ведем свои имена... Майор Жилин — Асан. Я — уже старый, но Асан... Кстати, и ваш славный захваленный капитан Хворь — тоже Саша. Значит, тоже Асан.

— Он наконец майор.

— А!.. Поздравьте его.

Я бы наверняка забыл, не удержал в памяти завлекательную *асанологию*, если бы не концовка, если бы не забавный выворот вдохновенного генеральского рассказа.

Наш хозяин вдруг взглянул на часы. Нет, нет, он не намекал на уход гостей... Вовсе нет, майоры!..

Он лишь следил за временем. Потому что именно в девять ноль-ноль. Все по-военному!.. В девять ноль-ноль вечера один из отрядов боевиков, скупающих в засаде... небольшой отряд!.. похоже, совсем мелкий!.. Они ежевечерне подают сигнал... позывные... или некий призыв?.. Как знать!

— Второй вечер их слышу. Засек тотчас волну... Одиннадцать и пять.

Генерал Базанов, извинившись, встал. Он сделал три или четыре шага. Пронес мимо нас крупное тело... Я обратил внимание на его уверенные руки, когда он извлек из стенной ниши рацию... Такие рации в солдатской учебке. Обычная и старенькая, армейская.

— Специально держу у себя. У одного комбата выпросил. Да-да, уже модернизированная, усиленная рация-приемничек, — пояснял генерал с явным предвкушением.

Он быстро нашел примеченную волну.

— А вот послушайте...

Но сначала свиристящие звуки... Он сделал погромче. Он сделал совсем громко. Сквозь хрипы и прокашливание эфира донесся голос... Мы ждали... Затем вдруг вполне деловой голос:

— Асан хочет денег... Асан хочет денег... Асан хочет денег...

С чуть слышным акцентом.

Мы разом захохотали. Было слишком неожиданно. Ну, идол! Ну, божество!.. Мы, казалось, разом проснулись. Какой тут сон! И какой, однако, современный идол!

Застолье содрогнулось. Я, переполненный спиртным, бил себя по колену — ну и ну!.. Коля Гусарцев аж перегнулся от хохота... Мы все необъяснимо ликовали. В нас что-то прорвалось — в нас обнажилось что-то покруче войны. И никакие идолы, никакая кровища, ни убитые, ни контуженные не могли перебороть внезапную и беспричинную нашу радость — эту нечаянно и радостно открывшуюся жизнь живых!.. Наплевать на идолов! Наплевать на эту вонь тысячелетий. На деньги наплевать еще больше!.. Начхать!.. И пусть завтра будет то, что будет!

Едва отхохотали. Едва смех сходил на нет... Женушка Лена иронично заметила генералу:

— Дорогой. Я тоже хочу... Я тоже хочу и буду... Тебе повторять. Каждый вечер... Про деньги... Ладно?.. Ровно в девять ноль-ноль.

Но наш копатель истории был смехом задет. И тут же вскричал:

— Я же предупреждал! Нечего хохотать!.. Я же говорил — птица двурукая...

Да, Асан двулик... И если торг, если с федералами можно договориться, — Асан хочет денег.

Но если атака, если колонну надо брать с боем, — Асан хочет крови...

Генерал объяснял. Генерал уверял! Настаивал!.. Однако мы посмеивались. Бедняга Асан! Сидит где-то в горах без копейки! Несчастный... Тоже не может. Курит бычки. Как боевик на зимовке. Не может спуститься с гор и купить хотя бы пачку плохоньких сигарет.

— Но я же говорил, что Асан — птица двурукая...

Генерал спешил объяснить: эти позывные у чичей с двояким смыслом. С двояконацеленным... Позывные по всей предгорной Чечне.

Мы слушали и из уважения к хозяину заново удивлялись. Впечатляющая птичка!

Гости, уже готовые встать из-за стола, мы допивали вино... мы думали о завтрашнем дне... о делах... а голос по радиации негромко и безнажимно нам повторял:

— Асан хочет денег... Асан хочет денег... Асан хочет денег...

Генерал вывел нас в ночь... Ему спать с молодой женой. Нам возвращаться. Ему — постель. Нам — дорога.

Провожая нас к машине, генерал Базанов повеселел. Он наконец вполне оправился от конфуза. Гордился хорошо прожитым вечером!.. Настоящий хозяин. Он щедро нас напоил! А какое мясо!.. В левой руке добряк нес все еще тихо бормочущую радиацию.

Он почему-то меня счел главным сегодня пересмешником. И хотел слегка отыграться. В генерале на минуту-другую ожил былой вояка-афган. Он пугал меня, майора Жилина, ночными страхами... В шутку... Этакая забавная велеречивая контратака.

Все на ту же тему.

— Да, да! Александр!.. Да, да, Саша... Будьте внимательны... Запомнили эту волну?.. Одиннадцать и пять... И если вдруг услышите, что Асан передумал...

В радиии продолжался писк... Посвистыванье тишины.

— Ага! Ага!.. Вы слышите, Александр!.. Уже!.. Прислушайтесь, как тревожны эти свистки... Как нервозны эти свиристящие помехи! Они неслучайны, а?.. Вдруг они нам сейчас брякнут, что Асан передумал и хочет не денег, а крови?.. Вдруг он хочет крови?.. Дать вам на обратный путь патронов? Лишний пистолет?

Генерал улыбался. Генерал валял дурака.

Был там, в застолье, еще момент, когда жена Лена уже отключилась от говорливого мужа. Уже сдавалась близкой ночи... Не посматривала и на Колю Гусарцева. Не дразнила...

Ее взгляд остановился на своей красивой молодой руке. На чашке — на недопитом в чашке вине. Она не знала, что с вином делать. Вот ведь кислуха!.. Бр-р... И что они в нем находят. Она предпочитала полусладкое... Она, казалось, рассматривала красивую чашку, похожую на пиалу. Тихо взбалтывала винишко... Красное мазалось по краям... Слава богу, перестали говорить о кровище.

Но нет, ее говорливый муж опять и опять нес

про чертова Македонца... Генерал привстал... За книгой, как за подкреплением. Что-то процитировать. В книгах закладки, они подскажут... Рука выдернула книжонку, но, кажется, не ту. И вдруг наклонилась вся полка, книги посыпались. Закувыркались... А он все еще не знал, какая нужна... Он ловил их. Обеими руками. Пухлые генеральские руки дрожали... Он хватал воздух... От вина размякшие, мы все тоже среагировали не сразу.

А генерал согнулся. Рухнул на колени... Перебирая руками и скребя по полу, пытался схватить... Непонятно, что он искал. Что-то в прошлом горцев. Что-то незримое и неуловимое... Он искал и пытался схватить само прошлое.

Коля кинулся помогать. Поднимать книги... Но я помню самую первую секунду. Генерал растерянно держал руки... Как ладони под дождем. Книги летели вниз. Книги сыпались, падали на пол. А он не мог поймать ни одной...

Осоловелый от выпитого, я зачем-то привстал... А жена Лена сидела на стуле рядом.

Она не смотрела на расставившего руки старика. Она не смотрела на падающие книги... Она так и смотрела на свое чуть колышущееся красное вино. Легким движением руки чуть гнала вино по белостенной чашке. Чуть подгоняла, подкручивала... Я все еще помню ее мягкую улыбку... И как вино чуть колыхалось.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я распекал Колю Гусарцева не так чтоб гневно, но вполне серьезно и по делу. Он, штабист, должен был вовремя дать знать о небольшой колонне, ушедшей в Гудермес. У меня и в Гудермесе (да и по ходу

туда) есть кому забросить горючку... И что значит — небольшая колонна! После ранения Хвора мы рады всякой. Я был бы рад блохе, научившейся прыгать по чеченским дорогам. Если б еще загрузить ее на скаку полудесятком бочек солярки... Хотя бы в Гудермес!

Коля помалкивал. Лучший вид защиты... Не велик чин, Коля Гусарцев не мог, разумеется, за всем и вся, что в штабе, поспеть. Почему, собственно, он должен вынюхивать и подслушивать в штабных коридорах! Стоять на ушах?.. За те жалкие тысчонок?!

На что в ответ у меня вырвалось: а Хворь? а почему Хворь помогал мне всегда и притом без всяких тысчонок, а?

Гусарцев встрепенулся. Упоминание Хворостинина — колкая вещь для многих офицеров. Коля вскрикнул:

— Что ты хочешь! У него же слава... Он жрет славу без отдыха!

И Коля повторил. Фыркнул. Мол, это же очевидно.

— У него слава... Зачем, Саша, ему деньги?

Я смолк. Поперхнулся на слове... Я, возможно, не сумел бы додуматься сам так нацеленно. Коля невольным вскриком вдруг осветил Хворостинина как вспышкой. Хворь потреблял свою собственную славу, это интересно!.. Как спичкой чиркнул Коля... На миг.

В монастырях, я читал, бывали знаменитые отшельники и голодари, питавшиеся только грибами. (Вполне белковая пища.) Жареными в осень, сушеными в другое время... И не были они голодными, ни даже полуголодными, поскольку их подпитыва-

ла их знаменитость. Их растрезвенное имя. Это не было чем-то исключительным. Это была обычная жизнь в параллель. Монахи, всей братией, после поста вкушали мясо и... изысканную рыбку. Отшельники не отставали. Отшельники ели грузди и... славу.

Мне так понятнее. Майор Жилин — человек со складов. И я все меньше верю, скажем, надутому полковнику З-ву, герою, звенящему орденами и в каждом разговоре строящему из себя целку. И я все больше верю Хворю (пусть даже малость хвастливому).

И каждый раз, когда я звоню в госпиталь, где Хворь, екает сердце. Или готовится екнуть. За Хворя мне больно.

Пулевое ранение. И задета почка... А вдруг осложнение — и на полгода ремонт?

— Как он?

— Пока никак, — врач сердит. — Что вы хотите!.. Послеоперационный период.

— Будет еще операция?

— Возможно.

И я так остро и с таким стыдом почувствовал вдруг, что мне мой простывающий без Хворя бизнес на чуток жальче, чем самого Хворя. Это правда. Бизнес, как ребенок. Хнычет и плачет. Жалуется... Хотя Хворя мне было жаль до вопля. Вот настоящий мужик, и пусть бы ему ущелья с чичами, и пусть бы медсестры... пусть жрет свою славу сколько влезет. Настоящий вояка... И настоящий друг. Бывают такие.

— Можно мне сказать ему два слова?

— Завтра... После утреннего обхода. Но только через мой телефон... Его телефон мы отобрали.

— Я знаю. Я пробовал звонить.

По подсчетам Хворя, валяться в госпитале ему оставалось около десяти дней... Скажем, две недели. Однако его лечащий врач возмутился. Энергично всплеснул рукой:

— Две недели?! Он шутит.

Перехватив трубку, врач вышел в коридор, чтобы тем самым одернуть болтливую пациента... И заодно обстоятельно выговорить мне. Да, да, капитан Хворостинин из тех, кто горазд ускорять ход событий... Он замечательный офицер. Это всем известно. Герой... Но как почти все такие люди, он не чувствует время. Что поделать! Ему кажется, что время — это он сам... Время там, где капитан Хворостинин.

Для народа Хворь так и оставался капитаном. Пусть!

Хворь водил колонны практически без убытка. Еще и посмеивался. И хвастливо поплеывал... Он, как фигура, вызывал в моей памяти полустертые от времени фильмы о пиратах. Старье, которое по сто раз крутили в опустевших домах отдыха... На экране там хорошо было видно только главное — море. Море как сумасшедшее! Качало там и бросало туда-сюда смутно различимый парусник... жулье... сволочи... пираты... звон золота. И здесь же классный английский капитан, пьяница. Как Хворь, но только тушей сильно потолще. И тоже хвастливый. Это обязательно!

Как только Хворостинин вернется в строй, его сразу запрягут. Козлы!.. Не дадут и неделю отды-

ха... Герой же не отказывается. Герой не хочет в заслуженный отпуск! (Но это правда... И не мне упрекать начальников Хвора. Ведь точно так же запрягу его и я. Как только он впрыгнет в свой джип.) Именно с моей подачи и по моей настойчивости он стал носить камуфляж, когда ему дали майора. Перестал дразнить снайперов. (Может, еще и поэтому для большинства он остался в чине капитана.)

Я запрягал Хвора (а с ним мой бензин) в самые горные и в самые жгучие точки. И мне за проход, за сложность платили. А Хворю нет... Он ведь ел славу. Он ел славу и был просто капитан Хворостинин. А я просто деловой. Просто майор Жилин. (Складарь. Симпатяга-мужик...) Но мы отлично ладили, и каждый из нас знал, что у нас настоящая мужская дружба... Тезки... Саша и Саша! Много ли надо, чтобы на войне сдружиться. Достаточно случая... Война чувствительная штука.

Если птице взлетать, ей надо крыльями пошлепать воздух. И побить, взбить пыль... Без этого никак. Таким хлопаньем крыльев (на самом взлете его имени) многие офицеры считают нелады Хвора с его колоритным командиром. С непосредственным начальником полковником Саблиным. Так получилось. Так нам, офицерам, видится проще. Хворь вырос в легенду прямо на наших глазах. Из ничего... Из взбитой пыли.

Капитанишку Хворостинина полковник Саблин посылал в проводку колонн по тем особым маршрутам, откуда назад уже не возвращаются. А капитан возвращался. Полковник Саблин знал про колонны и про горные дороги всё, и дело стало прин-

ципиальным. (Но капитан все равно возвращался.) Некий, никому не запомнившийся из-за своей слишком длинной фамилии капитан... Так и хаживал он туда-сюда по убойным, простреливаемым справа-слева ущельям, где прохода нет, а он проходил... И главное — проводил в целости как минимум три четверти колонны. И с подобранными ранеными. И, конечно, с самим собой... И еще с толстой дорожной пылью на боевых машинах, какая скапливается в раздолбанных войной засадных ущельях. Пыль как пыль. После взбитой пыли только и оставалось сплунуть... Скрежетнуть зубами, вычеркивая из наградных листов. Всех к награде. Кроме него. Кроме этого удачливого, заносчивого и хвастливого.

— Рожей не вышел, — полковник Саблин объяснял свою нелюбовь просто.

Ему казалось отвратительным строгое и одновременно улыбчивое, худое лицо Хворостинина. Отчасти даже породистое. (Породу, разумеется, заметили не сразу. Только когда заносчивый капитан стал в славе.) Ну да, да, он опять провел колонну. Улыбчивый удачник... Так ведь рожей не вышел!

Сам полковник Саблин имел на шее прекрасную квадратную будку. Монументальная грудь. Места много... Настоящий орденосец. И настоящий, кстати, вояка. Любил самолично, сам полезть под пули. И молодых рядом не терпел... И конечно же, его раздражало, что чичи уже заметили регулярно ускользающие от них колонны. И сказали вслух имя — Хворь. Не вникая в смысл слова. Просто покороче... Хворь!.. Скользкий, как угорь.

Но, говорила легенда, полковник Саблин уже сыграл свою историческую роль, и дальше он бы

только мешал своей квадратной тенью. (Где-то он теперь? Кого он из молодых там ревниво кроет?!) Полковника Саблина куда-то перевели. Задвинули.

И только теперь высокое штабное начальство углядело и оценило изящного проводника своих громоздких колонн. Капитанишку заметили. Как же, как же! Хворостинин-Хворь!.. Его теперь даже берегли отчасти. Берегли, разумеется, не от чего-то, а для чего-то. Для сложных маршрутов.

Но удивительно, что и теперь рожей или не рожей, чем-то для высоких чинов Хворостинин не вышел. Чем-то он не вполне нравился. (Везучий и яркий человек не должен пролезть в верха. Нормально!) Да, да, удачливый... Да-да, капитан-легенда, но только пусть наша легенда остается в нашем узком кругу (в нашем воинском округе). Не высовываясь выше... Талант, но только на своей лестничной клетке. Так оно лучше.

Но если честно, моему дружку, обойденному орденами капитану Хворю, чего-то существенного все-таки не доставало. Даже мне так думалось. Если честно...

Некоей солидной тяжеловатости ему не хватало. Чего-то этакого. (На груди?.. На плечах?.. Не знаю.) Конечно, в его возрасте хотелось всякого опьянения. Но слишком легкий!.. Пена... И дурашливое его балагурство. Когда заглядывал в штаб и с удовольствием ловил взгляды машинисток. Готовый прихвастнуть... А его подозрительно легкие ранения. (Кровотечение! Задета почка! Другой бы на полгода в аут!..) А медсестры!.. И эта его всегдашняя улыбочка. Дурашливый и легковесный! — вот что говорилось про Хворостинина. Только и умел —

выводить колонну из засад. Из безнадеги сырых чеченских ущелий.

Человек складской, бензиново-солярный, я с большой натугой верю в героев. Герой, на мой взгляд, — продукт разговоров. Герой — тот же склад, набитый под завязку анекдотами, слухами и байками о подвигах. Но я ценю своего Хворостинина более высокой ценой. Я ценю друга. И не хочу видеть его свалкой. Просто Хворь. Просто офицер... Просто профи.

Я побывал, поучаствовал в его колоннах, попавших в засаду. Всего в двух... Оба раза сопровождал свой бензин. Мы с Хворем еще не были дружны, и мои глаза были тогда вполне беспристрастны. Ну да, да... Удалось. Проскочили...

А меж тем оба эти случая (обе проведенные колонны) считались и все еще считаются у вояк образцовыми. Сошлись равные! Вот, мол, критерий... И чеченцы тогда были в самой силе, и Хворь в самом начале своего взлета. *Интуитивный прорыв засады!.. Блестящий проход по ущелью! Блестящий захват правого взгорья... Блестящее что-то еще...* Ну, разумеется!.. *Классический* (ставший классическим) *сдвиг живой силы на правое взгорье ущелья!..* Чего только не писали в армейских газетах и сводках. Однако, живой свидетель, я блеска что-то не помню, не видел. Блеска не было. Была невнятица. Путаный, дерганный бой... Война.

Первый бой, что в ущелье за Сержень-Юртом, памятен прежде всего тем, что я забыл надеть камуфляж. Едва выехали, я уже занервничал... Майор во всей красе и в самой середине колонны. В джипе-козелке... Открытый. Еще и солнце!.. Оно так и

играло на звезде моего левого плеча, зазывая снайперов... Первый куст (засада?)... Второй куст (засада?)... Я пугался разросшихся вдоль дороги пышных кустов.

В джипе со мной был солдат. Не подвергая его риску, я мог, конечно, стянуть с него камуфляж. Но не хватило духу. Нервничал. По предписанию я обязан быть в камуфляже... Прятать свое звание. Можно было хотя бы посадить солдата за руль. А самому забиться в угол на заднем сиденье.

Но колонна уже входила в тень. Ущелье!

Подбив головной танк, чичи остановили нас намертво. Ущелье простреливается насквозь. Что с правого взгорья, что с левого. И сзади тормознули... Застопорив... Не засада, а классика. Картинка. Хвостинин сидит где-то в своем джипе. Колонна стоит, обреченная.

Однако обстреливаемые наши танки и два БТРа как-никак при броне. А мой джип-козелок совсем беззащитен. Я настолько растерялся, что сидел в нем, онемев, руки на руле... И, помню, только пожимал плечами... пожимал своими звездами на погонах. Молодец! Молодец, Жилин. Умрешь при параде... И даже какая-то торжественность!.. Наконец что-то сработало, и я выпрыгнул. Тоже скатился в траву. Как и все наши солдаты... Но что дальше? Обстрел был методичный, двусторонний и даже можно сказать, как про дождь, — обложной. И что делать мне в траве?.. С пистолетиком!

Наши, скатившиеся с брони БТРов, уже залегли в траве. Стреляют... Но, окруженных, их всех перебьют, не уцелеть, дай только время... Из головного танка, я видел, вывалились два горящих танкиста. Подбежал откуда-то наш третий, в камуфляже. От-

бросив автомат, сбивал с них огонь... Прямо голыми ладонями... Хлопал и хлопал! При этом немислимо кричал: «А-аа!.. А-аа!..» — как будто огонь и бьющееся пламя были на нем.

А я в траве, в неглубокой ямке. И почему-то все еще злят, раздражают погоны. Теперь никто не дождетя... меня и моих замечательных погонов. Ни жена с дочкой. Ни Крамаренко. Ни склады... Ни фэ-эсбэшник. (Меня назавтра вызвали в ФСБ... Будет бушевать фээс. Пока не узнает о погибшей колонне.) А я вот он. В своей ямке... Кручусь и верчусь. Выставив пистолетик куда-то вверх... Еще и целюсь. В склон ущелья, где в кустах чичи. Я видел там их сволочные трясущиеся дула, которые непрерывно плевали огнем... Какая-то из этих пуль мне. Моя.

Когда я увидел Хворостинина?.. Нет, нет, сначала солдат с АГС-17 (автоматический гранатомет станковый)... У солдата от огня и близких разрывов (небось, первачок) поехала крыша. На самом виду и под пулями он выскочил из травы и полез на скос ущелья, чтобы спрятаться (среди чичей?). На правое взгорье... К кустам... Еле карабкался. Но и бросить гранатомет он не смел. АГС-17 тяжеленный, в развернутом виде его обслуживают два солдата. А каково одному и в гору?

Добраться до кустов, чтобы спрятаться, едва ли успеет... Его сапоги в гору не шли. Кирза скользила по траве... Солдат падал и снова перебирал скользящими ногами. Мишень. Стреляй не хочу... Скреб по земле. То дулом... То раскоряченными лапами гранатомета. Дурила... Волок еще и сумку с лентой гранат. Из кустов его убьют в упор. Если там чичи... Я неотрывно следил за ним, потому что он и мне давал шанс. Потому что кусты это кусты!.. А вдруг там

никого?.. И вот тут к солдату метнулся офицер. От меня в десяти-пятнадцати шагах. Рядом!

Сосна, заранее на узком пути сваленная, не давала танку повернуться. Танк крутился... Танк только бодал дерево... Я узнал Хворостинина. Это он выпрыгнул из танка (он же был в джипе!). Кругом пальба... А Хворь кинулся к солдату, скользящему по глине с гранатометом. Это было непонятно. Ведущий колонну полез на взгорье. Из любого куста его могли свалить. В ту минуту стопроцентно... Нет... Не свалили.

Догнав солдата, Хворь подхватил ему в помощь дуло АГС. И ремень ему поддел, чтобы нести, а не волочь: «Давай, солдат!.. Давай!» — кричал ему Хворь. Я хорошо запомнил слова. Слова въелись мне в мозг... Хворь оставлял колонну, помогая солдату. Вдвоем они осилили крутизну. Они добрались до кустов... Не знаю, что я думал. Но я бросил свою плевую ямку и побежал за ними... Пули чмокали совсем рядом, а у меня на бегу мелькала детская мышька залезть где-нибудь в дупло. И жить там. В дереве... И пусть проходят столетия...

Почему я побежал за Хворем?.. Не знаю. Это вне сознания. Вверх и вверх... Оба они карабкались впереди меня, и я все время слышал эту гвоздящую мой мозг присказку: «Давай, солдат, давай!»... На нашем подъеме пространство кустов вдруг кончилось. Скос стал не так крут... И там сразу — пулеметное гнездо. И один чич там... Близо... В пяти шагах.

Бородатый чич увидел их. Этих двоих, пробежавших мимо него, с раскоряченным гранатометом в обнимку... Бородач разворачивал пулемет неспешно. Чтобы стрелять им, пробежавшим, при-

цельно вдогон... И тут я услышал крик-команду. Обернувшийся Хворостинин крикнул мне. Вроде как он не хотел терять своего времени на чича. (И как только он успел меня, бежавшего сзади, заметить!):

— Застрели его, майор!

Чич только теперь увидел меня и снова стал разворачивать пулемет. Уже ко мне дулом. Но понял, что не успевает. На редкость неспешный чич... Схватился за автомат... Но я был быстрее... Я даже рискнул подбежать к нему ближе. Не стрелял сразу... Чтобы из пистолета (у меня только пистолет) попасть наверняка... Попал. Дважды.

Но бежать дальше за Хворостининым и солдатом я не смог. Сразу еще три чича выскочили... Я успел нырнуть в какой-то куст... Они подбежали к убитому. Они, конечно, сочли, что убитый — дело рук Хвора и солдата-гранатометчика. Двое кинулись за ними вслед — в гору, а один остался выть около убитого... Такой тонкий, воющий плач. Причитания по-чеченски, но язык не повернется сказать, что они были мне непонятны... Слишком понятны. Наверное, брат. Наверное, сын.

Я не стал в него стрелять. Я не стал его убивать, хотя мог подойти со стороны его спины. Эти несколько шагов были бы неслышны. Я даже не успел подумать о том, что только-только убил человека. Как плакал, выл этот чужой голос!.. Меня достал этот плач-вой. Но дело не в плаче. Я совсем вымотался. Выдохся... Вдруг обессилел. И жажда, жажда... Пить. Пить.

Я сел на землю и сидел. Я хотел воды... Больше я ничего не хотел. Я хотел сидеть и ждать, пока кончится бойня.

Уверен, увидев солдата, карабкающегося в гору, Хворь еще ничего не придумал. Он не мог предвидеть, что и как будет дальше. Никто не мог предвидеть... Этот солдат пер и пер вверх, оскальзываясь по грязи и глине... Пер куда-то в спасительные кусты, вверх, вверх! лишь бы спрятаться!.. Солдат и думать не думал лезть с гранатометом именно на правое взгорье. У него просто поехала крыша, и только поэтому он не знамо куда и зачем волок свой АГС-17.

Но теперь их было двое. Когда Хворь ему помог, подсобил, оба как бы по инерции продолжали лезть в гору... Сквозь кусты, с треском! Они карабкались вверх и вверх! Иной раз на четвереньках... Храбрый солдатик наверняка думал, что они все еще убегают от чичей.

А дальше я не знаю... Как там, на взгорье, помимо Хворя и солдата, оказалось еще двое наших?.. Двое... поддатые... И плюс два АГС-17. Приволокли ли эти двое гранатометы с собой? Едва ли... Захватили чеченские?.. Не знаю. Я только видел, как появился один гранатомет. И с какими муками. Тот самый, что несли Хворь и солдат.

Это ли не везение?.. При всей своей интуиции Хворь не мог знать, что наверху, на пяточке, обнаружится запасное гнездо чичей с нацеленными глубоко вниз гранатометами. Тем более не мог он знать, что возле гранатометов будут стоять вчерашние крестьяне, которые тут же дадут деру, завидев солдат. А окажись там матерые?

А как прошли наверх, в гору, еще двое наших солдат? Кто их послал?.. Двое, заметно поддатые... Возможно, прошли мимо меня. Когда я сидел все еще в прострации. И ничего не видел, не замечал.

Убивший впервые человека... И немислимо хотевший пить... пить!.. Вокруг ни капли воды. Только редкие деревья. Только синими клочками небо.

А в это время наверху: «Давай, солдат! Давай!» — уже весело кричит Хворь. И очумелый от бега в гору солдат понимает наконец, что удача... что он жив, выскочил... ого, здесь еще двое, откуда они?.. и капитан рядом.

Солдат тут же храбрее, помогает Хворю установить гранатомет... И плюс двое поддатых, пробравшиеся наверх, быстро-быстро устанавливают и перенацеливают гранатометы вниз по склону, но не в самую глубину ущелья... а в близкие, в ближайшие кусты, где чичей, как муравьев. Одно дуло чуть вправо, другое чуть влево... Это ли не везение?.. Чуть вправо — чуть влево... И еще дуло. И гранаты, лента к ленте. У АГС-17 замечательное ленточное питание.

АГСы заработали, вся правая сторона, весь склон — в огне. А большего не нужно. Автоматический станковый гранатомет (с прицельной дальностью 1700 метров) раскидывает гранаты очень густо. В шахматном порядке. И каждая граната при разрыве на десять метров вокруг себя сносит все... куст за кустом... каждую травинку... Огонь все сметал, корежил... Единственное, что огонь после себя оставлял и усиливал, — это крики раненых. Дикие крики... Молящие... Огонь внезапен — и сзади! Казалось, чичей бьет кто-то из своих... непрерывное уничтожение гранатометами с тыла... Последние три минуты Хворь, охрабренный солдат и еще двое подключившихся наших изничтожали уже только деревья.

Колонна прорвалась. Когда возбужденные уда-

чей офицеры, как водится, вспоминали еще не остывший бой... Стоя рядом и перебивая друг друга... Хворь среди них: «Главное, кто первый запустит сенокосилку...» — и я услышал его смех, счастливый и, как всегда, чуть излишне легкий, хвастливый. Его слова офицеры тут же истолковывают, мол, важно найти то время и то место, откуда уничтожающий огонь побежит по всему пространству боя. И все время они повторяли — правый склон, правое взгорье!

Я сам видел, как чичи оттуда уходили. Вперед по взгорью. Назад по взгорью... Все равно, лишь бы уйти... Но не бросив оружие... Все правое взгорье обуглилось. Кой-где еще горела трава... Кусты торчали прутиками. А прутики дымились.

Именно туда — в очищенное гранатометами пространство правого склона — стала сдвигаться, смещаться вся живая сила нашей, казалось, полумертвой колонны. Очень быстро смещались, даже как-то проворно... Как? Какой командой?.. А никакой... Говорили про замысел и даже про выстрел ракетницы, мол, Хворь подал знак, но не было выстрела! *Не было.* Я уже вполне пришел в себя, чтобы видеть. Я тоже со своим пистолетиком... Тоже воевал... Вносил лепту... И я бы заметил сигнал. *Не было...* Кто-то из офицеров предположил, что это какой-то неведомый закон боя. Живая сила сама собой сдвигается, смещается, переходит и переползает, почуяв, где именно открылась спасительная пустота. Звериным своим нюхом... Звериным?.. Но тогда чего захваливать Хворя?!

Зажатые было на дне ущелья, наши перебрались теперь на правый, выжженный склон. И палили изо всех сил. И уже не было избиения, не было

засады. Просто бой. Наш правый склон — против чеченского левого. Плюс наши танки... Они, конечно, никуда не сместились, оставаясь на дне ущелья. Но теперь и танки, без опаски подставив себя правому склону, развернули дула и били по левому. Сметая там куст за кустом... Сенокосилка!

Колонну выручил, слов нет. Но ведь все как-то на пальцах — как-то у него просто, даже примитивно. Чистый случай!.. Ни заготовленного маневра. Ни запомнившейся сигнальной ракеты. Ни вообще командирской мысли.

Давай, солдат, давай... И это все?.. И ничего больше?.. Это верно, колонна уцелела. Это верно, к вечеру, разогнав чичей, расчистив путь и подобрав раненых, колонна двинулась — и ушла. Пыля уже по ровной дороге.

Но чего-то яркого этому бою явно не хватало. И ведь я не из тех, кто ждет гениального... Мне не нужно блесок... Да, да, Хворь преуспел. На пару с тем солдатом... Спору нет... Но почему он сам полез наверх? Разве нельзя было предвидеть и загодя нацелить на такое дело двух-трех-четырёх спецназовцев?.. Хорошо, пусть не было спецназа, но паратройка матерых солдат была?.. Вот пусть бы и послал их, профессионально отважных, пробраться с гранатометами на самое взгорье. Загодя бы послал, а не тогда, когда колонну уже долбали.

Я не придираюсь. Я о друге!.. Конечно, я ценил его и, по-дружески лъстя, даже сравнивал его с Суворовым. Такой же тонкокостный... Мелковатый... И тоже улыбчивый, тоже не без хвастливости. Но ведь то Суворов! Великое прошлое!.. История!.. Осталась даже его переписка с Екатериной.

Когда убьют Хворя, от него ничего не останется. Какое-то время посожале-ют... Особенно медсестры... Имел отменный нюх на опасность! Военная косточка! Бессребреник... Что еще?.. Цитировал офицерам Шекспира?! Две фразы, не больше. (Но мы и тех не знали.) А затем все осыплется. Мелкой такой листвой. Дождичком... Уйдет в землю... Все уйдет. Все забудут. Нет и не было никакого Хворостинина. Майоришка. Останется дурацкая фраза «запустить сенокосилку». Сама по себе останется. Уже и неизвестно, чья... А что еще? А чем, собственно, восторгаться?.. Он только и умел спасти колонну в ущелье. Только и всего.

Я тогда вернулся на склады с воодушевлением. Но только-только складские ворота открылись, на пропускной пост звонок.

— Майор!.. Это Хворостинин звонит... Давай познакомимся.

— Попробуем, — засмеялся я.

С облегчением засмеялся. Как дурной сон, вспомнив, что весь бой сверкал для чичей своими звездами на погонах.

Когда бой стал бой... Когда бой стал понятным, даже симметричным, правое и левое взгорья (наше и не наше) уже стали палить друг в друга по максимуму. Стреляло все. Даже я, складарь, подоспевший к нашей полупобеде, палил по противостоящим кустам из своего пистолетика... С жаром! Со сладким чувством уже непроигранного (по крайней мере непроигранного) боя!.. С новой обоймой в руках, перезаряжая, я вдруг глянул на дно ущелья. Неглубокое, оно дымилось. Боевые машины бешено гвоздили чичей. Либо сами чадили, уже подбитые... Я еще

пострелял. Кончались патроны... И, помню, я еще раз глянул вниз, в самое ущелье. И вот что увидел.

Несмотря на шквальный огонь с обеих сторон, ни один осколок не царапнул, ни одна пуля не попала толком ни в бензовоз, ни в грузовики с бочками... Стоявшие, кстати сказать, на самом виду. Бензин на дне грохочущего ущелья. В адском огне тихо цвели цветочки. Потому что левое взгорье считало бензин своим, а правое — своим. А меж тем бензин, пока еще не доставленный, был *мой*.

Затем, собственно, и ходят колонны... Затем, что по точкам, по местам постоянного пребывания воинских частей они развозят необходимое (харч, иногда воду) и необходимейшее (горючее и боеприпасы).

Второй бой, в котором я поучаствовал, памятен ущельем. Глубокое и омерзительно сырое... На самом подходе к Ведено. Но прежде всего в памяти причудливые скачки Хворя. Его перебежка, перепрыжка... Из высокой травы... Под пулями... Когда он в шесть или в семь блошинных прыжков перебрался в БМДэшку и крикнул засидевшемуся там водиле — жми! (Боевая машина десанта. Солдаты кличут танкеткой. Она относительно легка. Изящна! Ее можно десантировать на парашютах.) Но и мелкой БМДэшке вперед ходу не было. Чичи очень хитро подорвали фугасом головной танк, и он торчал в ущелье, как пробка. Не пройти... Как затычка. И весь дымился.

Ущелье уже было в огне. А Хворь выводил БМДэшку из колонны. Карабкаясь прямо на скос ущелья... С жутким креном... БМДэшка в наклоне, вот-вот кувырком. Я не знаю нутра БМДэшки. Не

знаю, на чье там место Хворь прыгнул и так сразу вписался. (Пять человек десанта, вероятно, уже раньше рассыпались по траве.) Колонна, как и в тот раз, была обречена... И все это знали. БМДэшку видели все. Хворь, покрикивая на водителя... своими командами (и его руками) вел боевую машину, как вел бы ее, скажем, пьяный. Покачиваясь... Дергаясь... И задом, задом!.. Смотреть страшно! Чудо началось цирковым номером.

Но еще страшнее было видеть, как следом этот же маневр с почти пятидесятиградусным креном стал повторять тяжелый танк, поползший сразу за БМДэшкой... Пятясь и пятясь, танкетка Хворя задом выползала из ущелья. Прямо по веткам поваленного чичами дуба. По его захрустевшей вершинке. Там, где ствол дуба не так могуч. И за БМДэшкой, за Хворем полз тяжелый танк. Один-единственный. Но ведь и тут везенье! Еще какое! Ну опрокинься танк... или замри, заглохни... зависни под мертвым углом!.. Ну что победоносный Хворь делал бы в одиночку на своей нелепой БМДэшке?!

Танк, копируя маневр, прошел за танкеткой след в след. Водила, несомненно, верил в Хворя. (В него слепо верили.) Танк повторял каждое микродвижение БМДэшки. И, в точности повторив, раком, ракоходом, выполз из ущелья... Не ввязываясь в стрельбу. Чичи даже не слишком взъярились на этих ракообразных. На этих пятящихся... свалятся!.. сами опрокинутся!

Но и тогда, когда обе боевые машины, не опрокинувшись, выползли из ущелья, чичи не слишком на них оглядывались. Чичи вели бой. Основная до-

быча оставалась в ущелье... Ну, спаслись, ну, дали деру две единицы. Ушли. Ну, пусть!

Однако, едва вырвавшись из ущелья, БМДэшка, а за нею танк и не подумали уходить — развернулись и быстро-быстро поползли на правое взгорье. Местами лысенькое... И более пологое. (Это как берег реки.) Обе боевые машины оказались над чичами. Выше их... Правда, ступенчатость ущелья не давала по-настоящему чичей обстрелять. Ни ближе к ним подползти.

И опять, что там ни говори, везение — опять чудо!.. Если о чуде, Хворь тут как тут.

Не мог же Хворь заранее знать про элеватор. Влезший на взгорье, он видел, конечно, внизу, в ущелье, свою зажатую и обреченную колонну... Но он видел и кое-что другое — он выполз к селению! А между его БМДэшкой и этим селением — прямо перед глазами — возвышался гордый параллелепипед зернохранилища. С плоской деревянной крышей. Что это было, если не подсказка?

Первыми же выстрелами, отвернув дула башенных орудий от ущелья к зернохранилищу, БМДэшка, а за нею танк (главный калибр) подожгли деревянную крышу. Горящая крыша рухнула вниз — а там, внутри, занялись переборки... зерно... Огонь вырос стремительно, высоко! Все запылало, загудело... Горели элеваторные пристройки, что рядом. Будки-халабудки.

Селение находилось за элеватором, подальше. Однако огонь был так силен. И конечно, крики. Вопли!.. Женщины! Они испугались огня... Селение не загорелось. Но именно кричащие, воюющие женщины придали полыхающему поодаль огню особый, безумный оттенок. Это совсем особое голоше-

ние. Кто-то выносил вещи... Кто-то поливал загодя заборы водой... Но в первую очередь женщины выбегали из домов с детьми, мал мала меньше, и кричали.

Большинство чичей, что в засаде, были крестьянами этого селения. Они вели бой именно на этой стороне ущелья (чтобы недалеко уйти от дома). Они видели, как там, за желтизной большого огня, мечутся их жены и матери. Это пугало больше смерти. И все они, большинство, — бегом, бегом! Спасать родные дома!.. Кинулись, побросав автоматы и тяжелые гранатометы.

Ну, некоторые все-таки с автоматами. Но уже не воевали. Они бежали к своим домам, не оберегаясь... Прямиком... Едва огибая танк и БМДэшку. Ни Хворь, ни (ему след в след) ведомый танкист не стреляли по бегущим. Пусть бегут. Пусть хилеет, пустеет засада... Не хотели чичей даже на секунду тормознуть. Все по домам!.. Пусть, в конце концов, помогут своим... огонь неподалеку! Огонь ревел в бетонном элеваторе, как в огромной печке. Рваный, стреляющий звук столбового пламени.

На бугре правого взгорья так и стояли сделавшие свое дело две боевые машины. Танк и БМДэшка. Уже не стреляющие.

Залегшие в ямах и в ближних кустах оренбуржцы (они сопровождали колонну) поняли, тотчас почувствовали, что есть маневр. Что правое взгорье от чичей освободилось. Как поняли?.. Не знаю. Опять же не знаю. Я сам лежал в канаве. На этот раз я был в камуфляже. И с автоматом, помимо пистолета... Но и на сломе этого боя я не видел сигнальной раке-

ты. Не слышал команды... Это факт... Так что оренбуржцы сместились, переползли, перебежали на правое взгорье сами собой. Бой как бой. Правое взгорье воевало с левым.

Через полчаса подоспели вертолеты. Рассеявшихся боевиков били с высоты. Чичам не повезло. Сгоревший в прошлом году лес не подрос. Лесок оказался редким, совсем жидким. Бежали на виду... Вертолетчики их били легко, как в тире... Так и подпрыгивали фигурки. Подпрыгивали и падали... И еще один упал. И еще... И уже не вставали... Только и уцелели сбежавшие на пожар крестьяне. Бог хранит простаков.

Но как же зловеще было начало боя! Головной танк горит... закрыл, закупорил дорогу. Два завязших БТРа с оренбуржцами на броне... Огонь по колонне и с правого, и с левого взгорья. Чичи под азарт стреляют лучше наших... Шквальный огонь! И где-то внутри этой длинной, растянувшейся, беспомощной кишки-колонны маленький джипик капитана Хворостинина, старенький «ГАЗ». Из этого джипика Хворь и перебирался к БМДэшке какими-то странными скачками. На моих глазах. Я думаю, на глазах у многих. (Гляделось нелепо. Он прыгал, как блоха, еще и пошгустрее! Взлетит — ляжет!.. Да как проворно. Взлетит — и опять ляжет... Герой! Он дал бы фору десятку здешних блох. Пока не впрыгнул в танкетку.)

Я в ту минуту уже решил, что мой последний день. Колонне отсюда не выбраться. Я лишь облизывал сухие губы. Я уже научился быстро-быстро оближивать губы. И думать про последний день. Мы все научились... Война.

На другой... нет... на третий день после боя я был зван на недострой Росликом, пришел, а его нет. Только-только я закурил, набежали старики-чеченцы. Только-только присел на подозрительно шаткий табурет... Старики буквально откуда-то возникли. Словно бы их кучкой выбросили ко мне из-за недостроенной стены.

Один из них — в высокой папахе, седой, весь в острых морщинах. Знакомый мне лицом, он подошел и по-горски обнял меня. Касаясь щекой о щеку... правой... левой. Двое незнакомых стариков тоже было сунулись, но я глазами дал понять, что хватит объятий. Не хочу... Старость здесь, как зона риска — букет болезней. Старики тотчас деликатно отпрянули. Папахи сняли. Молча. Держали в руках. Тоже знак уважения.

Но как только я поднял (вопросительно) на них глаза, старики разом замычали, заныли... Один даже подвывал. Это они так взмолились.

— Са-ашик. Са-ашик... Сдай Хворь.

Их стариковское разноголосие, как всегда, неотчетливо. Невнятно. Звучало, как в госпитале, когда ты на анализах, — *сдай кровь*.

По сути так и было... Не больше и не меньше, они предлагали мне сдать им Хворостинина. Его кровь. Его жизнь. И притом вежливо — все же это был визит просителей... Для этих жалких стариков я большой человек. Очень большой. Я хозяин бензина и солярки. Я все могу.

С другой стороны — комедия!.. Комедия не только в том, что я никого никогда не сдавал, но еще и в том, что эта сделка, предлагаемая ими затея, не казалась им странной — звучала в обращении к фе-

деральному офицеру вполне нормально... вполне деловито... как торг... как на вещевом рынке.

— Са-ашик... Сдай Хворь

Комедию я должен был играть. Мое имя обязывало, и я сейчас был не я, а Сашик. А Сашик не мог выгнать их пинками и криком... Сашик человек достойный, и Сашик должен был говорить о жутковатом деле — как о деле. Беседовать. И, возможно, обсуждать условия. Иначе бы уже завтра старики перестали Сашика уважать.

Изобразив лицом ход мысли, я спросил:

— Сдать Хворостинина?.. Это с какого такого праздника?.. А воевать с вами кто будет?

Они едва не зарыдали:

— Сда-аааай... Са-аааашик ... Он сжег наш хлеб.

— А вы сожгли его солдат в танке. В головном танке. Забыли, а?

— Мы не сожгли. Мы мирные люди... Са-аааашик.

Они опять устремились ко мне. Двое на коленях... Самые пахучие... Это не так просто, когда на тебя надвигается серебро седин. Оба в старинных столетних пиджаках. (Со стариковского же многоугольного плеча. Умер, а пиджачок передал дальше... Носи и помни.) Но даже коленопреклоненных, я не хотел их видеть и ощущать вблизи. Я люблю дистанцию. А они приближались... Я боялся, закружится голова.

— Стоп, стоп! — я прикрикнул. — Давайте о деле... Хватит ползать.

Другая картина — мой знакомый старик. Настоящий горец! Держался просто и благородно. Стоял, чуть склонив голову... И чуть стыдясь за своих.

(Но не унизив их замечанием.) Он стоял, лишь приложив ладонь ближе к сердцу.

Не сразу, но я углядел их главного. Мрачноватый чич, старающийся сейчас быть благостным и незаметным. Этот-то и пригнал ко мне стариков. Как овец. Пробовал меня купить... а почему нет?.. а вдруг!.. С ранней сединой на щеках и в бороде, он неплохо косил под старика. Он притаился, он прятался в кучке стариков. Он не был стар. И прятал смелые глаза.

— Са-ашик... Сашик.

Такой волчара ничего не боится. Пришел по делу. Старики ничто, старики только видимость, — он стариками пробовал меня... на покупку... а вдруг?.. Я на миг почувствовал себя чужестранцем — я это я, но внутри их тысячелетнего торгога. Внутри тысячелетней горской реальности. На чужом базаре. На чужой земле.

Меж тем эти жалкие, пропахшие потом трудяги-старики были мстители. И за ними, за их бляньем стояли деньги. (Уверен. Увесистая пачка. Восток!) Вот так и выглядят настоящие мстители. Они — на коленях... А я стою в рост... Тем удивительнее, как внятно я слышал, чувствовал их прессинг, их давеж. Их приглашение на открывшиеся торги. Приглашение, лишь чуть примаскированное их стояньем на коленях и стенаньями.

— Сдай.

Быть и оставаться Сашиком мне было важно не из игры, не из тщеславия... Из необходимости. Мне с ними жить.

И потому я был терпелив:

— Не могу. Никак не могу, уважаемые... Это на-

рушит равновесие войны. Наша вялая, тихая война может стать войной сумасшедшей... Зачем?

Я объяснял спокойно, с подробностями:

— Война, уважаемые, держится на особых людях. На больших людях. А Хворь, то бишь Хворостинин, как раз очень большой человек в этой войне.

— Он — капитан.

— Это для вида. Это как маскировка... Других таких, как он, сейчас у нас нет. Во всей армии нет. Сами это знаете... А ваш Басаев кто по чину?.. А?

Молчание.

— Он тоже по чину никто... Поняли?.. Всё, уважаемые. Точка.

Старики замолчали, натолкнувшись на неожиданную логику симметрии. Как всегда на Востоке... Теперь они думали и сожалели — неужели они, старики, не так начали разговор? Не с той карты пошли?

И тут я уже должен был разгневаться. На их затянувшееся молчание я просто обязан был обозлиться. Восток дело тонкое. (Гнев сильного — это его главная правда.) Именно в тишине... Именно когда просителям уже встать и уходить.

— Хворостинина сдать?! — вдруг заорал я. — Да вы охренели, отцы. Человека ценить надо! Вы же мудры... А сейчас вы прямо как братва горская... Вы своего Басаева прирежьте! А?!

Я гневался. (Работа...)

— Хворя им сдать! В войне баш на баш, — орал я. — Басаева как-нибудь прирежьте. В междусобойчике...

— Сашик... — заныл один из стариков заново.

— Ну, что мне вас учить... Прирежьте. Только

без подмен!.. Чтоб телевизор во всех ракурсах его трупак показал.

Я очень гневался:

... Чтоб на экране Басаев, а не завонявшийся чич. Личико чтоб. Лица ему не портить. Рожка чтоб читаемая. Ясно?.. Можно башку отдельно. Но уши не отрезать. Чтоб сразу узнали...

Са-аа-ашик.

Все. Все... Встали... Подъем, уважаемые... По домам!

Ушли... Едва не припрыжкой сходили старики по ступенькам опасной, шаткой лестницы недостроя. Без перил... Горцы!

Зато к машине, к «жигулю» шли медленно. Приуныли? Обговаривали неудачу?.. Один из стариков в брюках-галифе. Не пачка ли денег в гигантских карманах?.. А что?.. Они такие. Все с собой. Просто, как воды выпить. Старик опустил руки, вытянув их вдоль тела. Слегка контролировал деньги. На ходу. Едва касаясь галифешных карманов.

Вот там их «жигуль». Еще и с маленьким российским флажком на капоте.

Оренбуржцы в том ущелье не потеряли ни человека. Молодцы! Только и погиб, с экипажем вместе, приданный им головной танк... В штабе спасенную колонну обговорили с особенным удовольствием. Заметили!

В штабе вдруг припомнили (приятно при удаче припомнить одну-другую подробность), что именно генерал Шкадов на оперативке посоветовал послать с колонной компактных оренбуржцев вместо разрозненных в боях ментов. Не подвели пацаны... Шкадов при обсуждении скромно подтвердил: да...

да... его была идея. Шкадов говорил три минуты. И чем скромнее и короче он говорил, тем яснее было, что в эти три минуты он вот-вот схватит орден. И схватил!

Генерала Шкадова лишь немного кольнуло, когда в офицерской столовой в общей болтовне он расслышал, что *Хворь* опять не дал спалить колонну... Прямо за соседним столиком... Ох уж эта общая болтовня! Вояки не любят (а собственно, кто любит), когда чье-то имя, даже случайно упомянутое, вдруг укалывает их в области сердца. За соседним столиком!.. Да кто он такой! Захваленный капитанишка! Многие слышать о нем не хотели. Даже плевались... Только и умеет — провести колонну.

Хворь, так ведь прозвучало в офицерской столовой. Так его звали теперь. Что чеченцы, что наши.

Подъемник бочек (ура Крамаренке!) работал... Бочки так и взлетали на уровень пакгауза, можно и выше. А на скате легко прыгающую пустую бочку ждала куча желтоватых опилок, гасила скорость. Настил из досок с наклоном небольшим. Бочка разгонялась и прыгала... Прямо в объятия опилок... Однако пустую бочку еще надо крепко попридержать. Контузик Алик Евский, карячась, этим и занимался... А сверху уже слали вторую бочку. Не выждав... Шиза не щадя.

— Рядовой Евский!

Но им обоим ни фигу не слышно.

— Евский! — еще раз гаркнул я... Сегодня оба хотя бы в рукавицах. Не ло мают ногти.

Я не стал выдергивать пацанов из работы надолго, дабы их же не подставить. Солдаты на этот счет соображают быстро... Любимчиков не любят.

Отозвал их на коротко, на три минуты — только отдышаться.

Спрашиваю:

— Ну?.. Не тяжело катать бочки?

— Никак нет, товарищ майор... Ста... стараемся! Как рыба, раскрывает рот. Такая улыбка... И задышка одновременно.

Я еще не знал, что я придумаю. Чем занять эти три минуты... Я стал показ-но (и слышно для солдат) бранить за грязноватые гимнастерки. За болтающийся ремень. Что, мать их, за неряхи!

Оба тотчас, сразу подтянули ремни. Но не сразу после бочек налаживается солдатское дыхание.

— Вы, пацаны, отработали свой месяц... Однако колонны в вашу сторону пока что нет. Майор Хворостинин и майор Костомаров оба в госпитале... Знаете?.. Слышали?.. Оба поводыря в ауте, будем их ждать.

Я добавил:

— А пока что подыщем вам работенку полегче. Хотите на кухню?.. В охрану — нет... доверить охрану я не могу. Не имею права... А на кухню — пожалуйста.

Нет, они не хотели на кухню. У Алика даже глаза побелели. (Боевой солдат. Боялся оскоромиться!)

Слабым голоском запротестовал:

— Т-т-товарищ майор... Не н-надо кухню... Мы солдаты. Нам н-надо вернуться...

И этот дубоватый Олег-Олежка вдруг вытянулся по стойке «смирно». Сейчас вякнет, что долгу верны.

Я, опережая, сердито прикрикнул:

— Знаю, знаю про долг.

А инициатива у Алика. Как заводной:

— Отправьте нас... К своим... Т-товарищ майор. Вы обещали.

— Я обещал — значит, отправлю.

И ах как просиял!.. Весь засветился... Губы дрожат.

И тут же бросился назад, к бочкам. Счастливый!.. Готов работать и работать. Принимать летящую гулкую бочку на грудь. Настоящий шиз! И Олег за ним... Труба зовет. А ведь оба еле стоят на ногах.

Я ушел...

Ефрейтор Снегирев, попросту Снегирь, вроде бы их опекает. Как своих. Он их нашел — он их пригрел.

Снегирь (по рассказу Крамаренки) остановил над ними насмешку — пресек идиотскую шутку заскучавших курцов. Отменная солдатская шутка!.. Во время перекура... Когда сидели и смолили возле песочницы, мои солдаты-грузчики вдруг начали меж собой перемигиваться и переглядываться... То туда посмотрят, то совсем в другую сторону... И шепотком друг дружке: «Офицер... Офицер!..» — после чего Олег, то бишь рядовой Алабин, вскакивает... взлетает пружиной... Называлось у них *пугануть шиза*... Сидят себе и сидят. Курят. А рядовой Алабин так и стоит, вытянувшись и ожидая, в какую сторону отдать честь появившимся офицерским погонам.

Солдат Дроздов, выкупленный нами у боевиков на редкость удачно. Родные солдата не откликнулись слишком долго. Занятой нынче нарог!..

Я и Руслан сразу получили по штуке... \$1000 — внес я в свою книжицу. От комитета матерей. Гусарцев получил свою штуку позже (участие штабиста мы попросили матерей замолчать).

До холодов мы активно занимались меной или

выкупом наших пленных — безухих подчас, насилованных. Солдата Дроздова я видел только на фото, с улыбкой до ушей — везунчик, не покалечен, не обижен. Такое бывает... Война.

Мужики всё гуляют: Костомаров с дизентерией, Хворь с капельницей. Оба в загуле... И отправлять что-либо (или кого-либо) с колонной в сторону Ведено больше, чем риск. Молва дело скорое.

Обе фамилии слишком длинные. С четко разделенными слогами — Хворо-стинин и Костомаров. Иногда представляю их написанными. Фамилии проводников гнутся, изгибаясь перед моими глазами... Как гнутся и изгибаются в дороге колонны, которые они ведут.

Разгрузки-погрузки нет уже третий час. Кайф!.. Сидят в тени на скамейках мои краснолицые. Смеются. Рядом с песочницей... Чтоб было куда воткнуть окурок. Место для расслабляющей солдатской болтовни о девчонках. О взрослых, опытных женщинах.

Я иду вдоль пакгаузов. Не тороплюсь. Под солнышком.

— Ну, вы!.. Обхохотались уже! — начальнически кричит вдруг ефрейтор Снегирь на солдат.

Я слышу, но, конечно, не оглядываюсь. Не хочу. Не вижу и не слышу. Это их дела... Так устроена, так налажена самодостаточная солдатская масса.

Ага!.. Снегирь в очередной раз защищает контузика.

— Олежка! — грозно восклицает Снегирь.

Притихли.

— Олежка!.. Ну-ка поди к турнику... Покажи пример этим толстожопым!

И рядовой Алабин, он же Олежка, идет к турнику, что в двух шагах от песочницы... И начинает подтягиваться. Демонстрация не силы, но хотя бы ловкости!.. Дело в том, что солдаты-грузчики после ночной тягловой работы слишком много едят. Врач объяснил... Жрут!.. От ночных перенапрягов сердца... надо или не надо, тело грузчика набирает силу и массу впрок. И потому на турнике такой солдат висит тяжелым мешком... Ну, три раза подтянется. Ну, четыре.

— Девять... Десять... Одиннадцать, — считает громко Снегирь.

Даже в такой миниатюре покомандовать сладко. Еще как сладко!.. Снегирь явно доволен уроком, который он так наглядно дает солдатам. Искусство управлять!

На идущего мимо майора Жилина ефрейтор Снегирь не оглянулся. Хотя, конечно, видел меня. Смышленный и чуткий, Снегирь все понимает.

— Четырнадцать... Пятнадцать...

Косым взглядом вижу, как подтягивается к перекладине тонкое солдатское тело. Как гнется... Как трудно дается рядовому Алабину каждый следующий раз... Я иду стороной. Это их дела. Но в такт и вдогон каждому следующему числу про себя повторяю. Как бы невольно: «Давай, солдат... Давай!».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Меня вызвала охрана, мол, на въезде непорядок. Я чертыхнулся, но поспешил к воротам, по пути туда уже слыша сигналы БТРов. Эти их гундосые бэ-бэ-бэ. По мозгам били... За воротами две боевые машины с солдатней. Будут сопровождать мой бензин. Ждут... Так что им и не надо въезжать к нам в

ворота. Они, сигналив, просто баловались. Просто скучали!.. Первый БТР выдавал подчеркнуто прерывистые бэ-бэ-бэ, второй БТР отвечал, предпочитая длинные... Общались морзьянкой.

Солдаты, ожидая, сидели где пришлось, на камнях... на траве... на бревне... Но как сидели!.. Не просто небрежно, а отвратительно. Похабно сидели! — вот точное слово. Расставив колени. Как бы выставив, выпятив член вперед... Бугром... Так сидят солдаты, разминувшиеся с пулей. Их дважды, как я знал, уже поутру обстреляли. По похабной посадке обстрелянных сразу узнаешь. Никаких же сомнений — именно они, уцелевшие, должны зачать детей. Они ведь должны передать потомкам свое умение выжить. Для следующих поколений... Член вперед, уцелевшие! Пережравшие боевого адреналина!.. При этом какая густая, какая сгустившаяся тоска в глазах. Они ждали женщину, бабу... дайте бабу!.. любую, всякую... а не этого сучару, майора Жилина, чего он *вообще* из ворот вылез!

БТРы перестали перебрасываться дурашливой самодельной морзьянкой. Завидев меня... Не гудели уже... Но лица солдат, рожи их не перестали быть презирающими меня и растленными. Я для них — складской... Солдаты не вскочили с травы, с камней. Не встали... Они меня *не видели*. Сидели, сплевывали куда-то набок слюну. Они такие. Только-только из боя.

Въедь солдатика в ворота, на моей территории я бы их вмиг обуздал и укротил. Но здесь кричать было чревато, даже опасно... Это было взрывно... Да и, сказать честно, я их понимал. Их и их похабную тоску — правду выживших.

Я только бегло оглядел пространство за ворота-

ми. Лишь скользнув глазом по раскорякам-солдатам... Я как бы искал на въезде знакомый джип... не он ли только что мне сигнализировал?.. Я и впрямь ждал Гусарцева. Конечно, я и на слух отличал, знал его машину. Но можно же и глазом поискать.

Я вернулся на склад...

Погрузка срочная. Бочки закатывали сразу в два грузовика. Их и будут сопровождать те два БТРа. Которые бэ-бэкали. И которые заново помчат под обстрел тех картинных солдат-раскоряк с автоматами на коленях.

Но не моих солдат-грузчиков... Мои все в трудах! В грохоте бочек, в мазутной черной (с бортов) пыли, солдаты трудились, как в аду. Таких красных лиц я у своих давно не видел. Они даже не матерились. Они дышали открытыми ртами... С такой скоростью загружались обе машины. Шевелись! Шевелись! — подгонял их Крамаренко, знавший утренний приказ.

Конечно, моих двух шизов и здесь удостоили круто... определили!.. Алик и Олег... ну, этим-то поблажки нигде не будет. Дураки, как известно, вперед!.. Они оба в кузове — пристраивали одну к одной мчащиеся на них с припрыгом, пританцовывающие бочки. Эти железные с приплясом подлюги!.. Танцы с солярочкой! Ефрейтор Снегирев хотя и оберегал контуженных, но не сейчас. Не за счет танцующих бочек. Ефрейтор Снегирев здраво считал, что на то и лычка, чтоб привычка... Вкалывай, где стоишь!

Я жалел, что взял их на работу. Промах!.. Но и оправдание промаху было — ведь слышал я от врача, что физическая работа лечит контузию... От

толкового врача слышал. Физический, мол, труд постепенно меняет лицо контузии. Один недуг уходит — другой проявляется. Исчезает другой — выныривает третий... Таков непростой путь врачевания. Самозаменяющиеся недуги... Так исходят травмы духа.

«Присяге верны! Автоматы при нас!» — вскрикивает Олег иногда, мол, оружие не бросили. Окаменевшее чувство вины... И хватается рукой за пустое плечо, хлопает ладонью... ищет... ищет автомат на своем плече. Автоматы мы у них, конечно, забрали и унесли сразу. Подальше. Поглубже. Туда же, где отдыхают автоматы солдат-грузчиков.

У Алика, кроме заикания, из внешних признаков только слезоточение. Из левого глаза. Без повода... Одна струйка, но практически непрерывная... Потихоньку... Течет и течет. Однако если бы только это... Внутри Алика невнятный страх. Целый букет страха из неизвестных цветочков. Алик как-то проговорился. Ему бывает страшно ни с того ни с сего. Его вдруг накрывает с головой темная волна. А из этой тьмы — вдруг россыпью желтые осколки. То ли солнца осколки, то ли луны. Как зайчики от маленького круглого зеркальца. Желтые кусочки света врываются ему прямо в глаза. В самые зрачки.

У мальчика что-то там, в башке, слегка сдвинулось, это ясно.

Не при солдатах... Я вызвал их обоих к себе и предложил позвонить родным. Я расщедрился. Они входили в мою офис-квартиру заметно боязливо, стараясь не следить солдатскими сапогами. В жару это нетрудно... Почти на цыпочках.

Обадали... Смотрели на мобильный телефон, как на чудо. Сто лет ни с кем не общались.

Олежка вдруг развел руками и сказал, что у него ведь никого. Мать и отец уже умерли. Да, да, так рано... Никого... Есть только дед, но Олежка едва ли вспомнит его телефон. Он вертел в руках трубку.

Зато Алик в нетерпении повторял, весь сразу взвинтившийся: «А у меня мама... мама... мама...».

Но именно Олежка телефон деда вспомнил. Он дозвонился в подмосковный поселок... Надо же!.. Вот только он не знал... О чем говорить. Ему слегка ударило в голову. Волнение... Их с дедом разговор никак не мог стронуться с места. «М-м-м, — мычал Олежка. — Дед, это я. Привет... М-м-м...» Дед тоже плохо его понимал.

Дед наконец спросил, придя в себя первым:

— Ну и ладно. Что ты там делаешь?

Стоя с Олежкой рядом, я хорошо слышал далекого деда — его мирный, спокойный, я бы даже сказал, сыто-спокойный, подмосковно-дачный голос.

— Воюю.

— А-а... В окопе, что ли?

— Не. На складе сейчас...

Дед, подумав, высказался:

— Ну и мудака.

— Почему?

— Ну а баба? А девчонка у тебя есть?

Разговор, похоже, стремительно становился интимным, и я отошел на пару шагов.

Однако еще с минуту невыразительно в трубку помычав, Олежка уже дал отбой. Дед его ошеломил... Старый козел! И не подумал сказать солдату что-нибудь родственное... Сказал, что, пока пацаны

воюют на складах, они, старые козлы, перетрахают девчонок.

— Живой у тебя дедок! — я засмеялся.

Трубку взял Алик, но вот его-то память как раз подвела. Он, вроде бы, знал номер. Он тыкал пальцем в цифры... Он, сколько мог, тыкал... Сердился. Вдруг шипел на случайный чей-то голос: «Да заткнись же!.. Брось трубку, кретин!.. Не тебе звоню!». Алик снова и снова пробегал пальцем по цифрам. Уже ощупью ища полузабытый номер... «Мама?! — спрашивал. — Мама?!.»

Он вдруг замер. Смотрел на трубку. Весь сокрушенный... Он словно знал, что чудо не для нас. Вот оно, в его руках, чужое чудо... Я вдруг подумал, что он шмякнет мою трубку о пол. Мне не понравились его глаза. Они наливались белым цветом.

Я протянул руку, а он не отдавал.

— Рядовой Евский!

Я грозно рявкнул. И сам, шагнув ближе, забрал трубку из его оцепеневшей руки.

Я сразу свернул на складскую дорожку. Контузики шли следом за мной.

— Подумайте все же о кухне, — сказал я пацанам.

И прибавил ходу.

Возник у ворот Крамаренко:

— Александр Сергеич! Сейчас Гусарцев подрудит!.. Звонил!

— Иду, иду! — крикнул я.

Я шел резво, шел ускоряясь. Но оглянулся... Бог мой! Лучше б я этого не делал... Какие они жалкие. Согнутый, сгорбленный, как червячок, Алик...

И Олежка не краше — длинный, но сложивший плечи, ссутулившийся.

Сердце у меня сжалось. Вблизи они иной раз раздражали. Скажем, своей неопрятностью... Но издали... Не надо бы мне оглядываться. Надо бы о чем-то далеком и постороннем. О небе и о Млечном Пути?.. Как только я видел их издали, меня прихватывало жалостью. словно бы сердце реагировало на некий новый медикамент... У меня не мягкое сердце. Ничуть! Оно, и когда надо, необязательно сожмется.

Я вышел за складские ворота. Ага!.. Грузовые с бензином и сопровождающие их БТРы отбыли... Никого.

Глаз хочет пустоты. (Если долго шастаешь по складам, глазу надоедают предметы.) И когда здесь, за воротами, машин нет, сразу открывается даль. Незаполненное пространство. Глаз хочет, жаждет бесконечности. Или хотя бы легкой полупрозрачной пыли. За которой бесконечность от тебя скрылась, но не совсем... Играет в прятки.

Так!.. Вот и Гусарцев подрулил. На своем шустром джипе. Ах как он подрулил! Как все штабные!.. Конь, а не машина. Конечно, никаких реальных джипов здесь, в Чечне, нет. «ГАЗ-69», старенькие армейские козлики, которых в воюющей Чечне полным-полно... и которых горделиво все называют джипами.

Притормаживая, Гусарцев зычно мне кричит — вторая колонна сегодня формироваться не будет... Ни сегодня, Саша, ни завтра!.. Причин он не знает! И позвонить он не мог. (Такое не говорится по телефону.)

Стал, продолжая кричать мне лихо и молодецки:
— Саша, едем!.. В штабе разнарядка будет на час раньше.

— Возьму машину.

— Зачем!.. Хватит моей!.. Я тоже буду возвращаться.

Коля Гусарцев вынул платок и отер пот с лица. Трудяга. Трудовой пот... Остыть!.. Он только за этим и вылез из машины. Постоять на ветру... С платком в руках.

Через минуту-две мы уже выехали. (Я успел смотреть на склады за кой-какими бумагами. Оставил распоряжения Крамаренке.)

Колонны не будет, это огорчало. Дожили... Со всем, что ли, некому вести караваны?.. Бочку с солярой, и ту хорошему человеку не подбросить! Нет движения — нет жизни... Огорчал даже пустяк, вроде того, что не постою, не покайфую на выезде боевой колонны. Не увижу пыль за уходящими машинами. И летящих выше колонны диких гусей.

Коля подтвердил: чичи в эти дни развоевались. Чичи всюду. Они лезут даже к связистам, проникают в нашу шифровку. А перешифровка — это тихий дурдом!.. Скоро чичи будут знать все — кому и что. И какой дорогой повезут со складов.

Коля болтал, но Коля все еще не сказал мне о продаже тех автоматов чеченцам. Про утопленный мой уазик, набитый обломками рельс... Ни слова... Не сказал, но сказать, похоже, хотел. Он, кажется, подготавливал меня. Возможно, проданные под молчок автоматы уже не давали ему сладко спать.

— В Старопромысловском районе, Саша, выгорел склад. С оружием по большей части... Выносят там все спешно и запросто, давай-давай.

И что?

Не взять ли нам тоже часть?

Я не откликнулся никак. Дорожный разговор, если нас двое, самый уравновешенный.

Но следом же Коля завел речь о продаже оружия неким «тихим» чеченцам с гор. «Тихие» — это как бы ничьи, то есть нейтральные. Может, они даже за нас... И потому продажа им — не обязательно криминал.

— Но, скорее всего, это завтрашние боевики.

— Да какое наше дело, Саша!

Похоже, он хотел от меня получить хотя бы общее, приблизительное согласие.

— Ты, Саша, сам говорил — бизнес, если он серьезный, сам собой норовит расширяться... И значит, нам надо пробовать. Разве нет?

Гусарцев, уговаривая, уже слегка давил. Но я знал свое. У нас бензино-соляренный бизнес, неплохой, прочный... чего же еще!

— И пробовать не станем, — я почему-то засмеялся.

Коля, не сумев скрыть досаду, повел джип быстрее. Погнал.

— Все равно чеченцы у тебя сегодня попросят... Вот увидишь. Услышишь... Сегодня же.

Вполне возможно... Помимо разнарядки, в штабе нам предстояло короткое совещание с местной властью — с чеченцами, воюющими на нашей стороне. Там могут быть и «тихие». Будут просить... Гусарцев, вероятно, об этом и думал. Об автоматах... И о «тихих». Конечно, сколько-то АК и на наших складах наскрести можно.

Не знаю, о чем думал Коля, а я, выдернутый им из дорожной нирваны, раздражился. Складской че-

ловек обязан быть и скуп, и осторожен. Блюди, складарь, девство... Потому что нашенские чеченцы уже завтра запросто продают оружие ненашенским. Тем более блюди!

Обмундирование чеченцам дам, бензина малость дам, а оружие — ни ствола. У меня и точно оружия почти нет. У них у самих — больше! В любом горном селе... У них — без счета. Даже на чеченчке-мальчонке, на каждом десятилетнем, «калашников». И при случае пуляет мальчонка, не разбирая. Реагирует, как гончая, на любой быстро движущийся предмет. Кто бы и куда бы ни рванись бежать — мальчонка (за тобой!..) тотчас дулом. Выстрелит или нет, неизвестно, а дулом вслед поведет обязательно. Как за взлетевшей уткой. Уже инстинкт.

А вот чтобы тебе вслед (и тебе встречно) не дернулось чье-то дуло, не делай сам резких движений... Здесь только так.

— Без резких движений, — озвучил я вдруг вслух.

— Понял, понял, — недовольно проворчал Коля Гусарцев, принимая сказанное на свой счет.

Я засмеялся. Каждый о своем!

Мы как раз пропускали встречную колонну в узком месте. Ползут к нам в Ханкалу из Грозного... Джип с начальством, грузовики, два БТРа, на броне густо омоновлены. Смеются. Война дело веселое... Иногда.

Гусарцев опять про свое. Посматривая на БТРы... Коля, видно, настроился меня потрясти. Как трясут яблоню. Чтобы хоть что-нибудь упало.

— А что, если ты, Саша, поговоришь с этими чеченцами помимо штаба, а?

Машина шла гладко. Как раз под его гладкий вопрос. А я все еще думал, что он просто болтает.

— Не о чем... Не о чем говорить, Коля.

Я привык и люблю эти выезды в Грозный... Особенно когда солнечно. Особенно когда сам за рулем... Прибавил скорости — и получи навстречу пьянящий летний ветерок.

Такой теплый, пьяный, обвевающий, облизывающий тебя ветерок!.. Небеса его делают только на сегодня и только для тебя. (Как нечто одноразовое в середине лета.) И первое, что думается, — войны нет. Нет ее — и все. Нет. Стреляют или не стреляют — неважно. Считаем, что ее нет.

Перелески... Небольшие, но коварные местечки. Дорога на Грозный здесь самая невнятная. И видно все вокруг — и не видно. А слева совсем развалины. Но чужие, не родные глазу... Где-то здесь, вдоль по прячущейся в буграх дороге, мой бравый сержант Снегирь подобрал обоих, Алика и Олежку... В этих перелесках... Оба были с автоматами. Издали пацаны как пацаны.

Да ведь и вблизи не калеки. Если не считать больных глаз — слезящихся и немного безумных у одного и напряженно одеревеневших у другого.

Сегодня на обратном пути хорошо бы проехать эти неродные развалины засветло. Нам с Колей хотелось думать, что мы вернемся скоро.

Возле штаба полно машин, но место нашлось.

В/ч за номером ... — Бензин, солярка... *Но они под Вегено. Не добратья.*

В/ч за номером ... — Масло вязкое приборное

(МВП... Полбочки... Для приборов ориентирования...) *Легко! Под Гудермес. Им пошлем сразу. Чего жалеть! Масло может загустеть, потерять свое качество, а с качеством и смысл.*

В/ч за номером ... — Пехотный огнемет «Шмель», 10 штук... *Эти ребята недалеко. С первой туда колонной. Где-то у меня «Шмели» были. Для этой в/ч Крамаренко как раз, помнится, и заказывал...*

В/ч за номером ... — Старая заява. Солярка... *Они расположены после Шали, но до Ведено. Здесь Руслан, вроде бы, навел контакт... Вроде бы, чеченцы пропустят. Вот только что придется за это у них сбросить... Или деньгами?.. Побольше соляры, и проскочим! И тем, и этим соляры должно хватить...*

В/ч за номером... — Вертолетчики. Летный керосин... *Василька не забыть. У него керосин есть... Но пусть с запасом. Пусть Василек будет мне должен.*

Кому, чего и сколько. Разнарядка списком... Я редко в штабе. (Рангом не вышел.) И потому я сам по себе... Мои склады старого типа. Конечно, можно поискать и то, и другое. Но практически в развозе только горючка.

Внеся заказы (и пожелания) в записную книжницу и, по сути, освободившись, я пошел побродить по штабным коридорам. Это особый мир. Не мой... Чужеватый мне... Слишком блестящий мир, если сравнивать с моими хлевообразными складами. (Мой мир воняет.) Но иногда меня вызывают... И, пользуясь случаем, я, как и многие, не прочь поглазеть... На двери кабинетов с табличками и на настоящих вояк. Чья слава гремит, чьи имена на слуху... Война!

Пошастав для вида туда-сюда, я сунул нос в тор-

цевую, самую большую в этом здании комнату. Заглянул... Туда, где шла оперативка. Заглядывать не возбраняется. (Возможно, ты кого-то срочно ищешь.) А затем я оставил дверь приоткрытой на толщину пальца. (Возможно, кого-то высматриваешь.)

Докладывал Мамаев... Штабной генерал. Считается, что у нас нет другого штабиста с таким талантом речи, с умением разъяснить. Из каждого своего выступления Мамаев делал маленький шедевр. Слова звучны! И какие сравнения!.. А как волнующе он медлил, даже слегка изящно мямлил на важной, на ударной — на удавшейся ему фразе. (Но меж вояками Мамаев, конечно, в большой цене не был. Каждому свое... Меж офицерами, нюхавшими каждодневно порох, его прозвище было *Млямяев*.)

Вояки... Они слушали штабиста с едва скрываемой скукой. Сидели характерно. Точь-в-точь как у моих ворот сидели нынешним утром обстрелянные по дороге солдаты. (Солдаты с тех двух сигналивших, бэ-бэ-бэ, БТРов.) Какое совпадение!.. Казалось, старшие офицеры *косили под тех солдат!*.. Расставив ноги и колени. Сидели вразвалку. Выставив вперед и напоказ бугор члена под брюками... Боевые полканы и подполканы. Именно так они сидели. Членом вперед... Они, надо думать, пахли кровью и спермой. И презирали всех, кто пахнет иначе.

А блестящий, умный штабист Мамаев все говорил. Он быстро, даже очень быстро, глотнул воды из стакана... всего лишь миг!.. но за этот его быстрый, красивый академический миг-глоток из зала слиняли сразу двое. Один из них знаменитый «окопный» генерал Трошин. (Я еле успел отпрянуть от двери.) Трошин, выходя, крепко хлопнул этой две-

рюю. Невольно. Нечаянно. Но звучно... Расшиб бы мне лоб, не отскочи я загодя.

Не он один дал деру. Часть слинявших расселась в буфете. Туда ушел и я... В буфетной свободе офицеры сидели, уже обмякшие, хорошо наглотавшиеся чаю. Были на стойке еще и бутерброды. Неплохие!.. Я разглядел за угловым столиком двух знакомцев, невысоких чином... И подсел к ним... И к чаю.

На улице поодаль штаба топтался чеченец из «наших». Ждал меня... Он уже знал о заказах. У чеченцев свои информаторы... Но попросил скромно. Крошки со стола. Как всегда — бензин и немного патронов к АК-74. Я пообещал, *если найду*.

Едва отошел дальше и включил мобильный — звонок. Крылатый Василек просил горючего. Не для себя... Для некоего своего дружка (еще по Афгану). Дружка перевели к нам из-под Питера. Летчик-ас. На «Сушке»... Отличный вояка. Но он новенький, и ему никто ни фиги не дает.

— Василек... Ты же помнишь. Я со слов не доверяю. Я должен знать человека в лицо... Устраивай встречу.

— А можно такую встречу на бегу?

— Можно на бегу. Можно на лету... Но я должен видеть и знать его в лицо.

— Он сейчас в Грозном. Хочешь, он подскочит к штабу?

— Хочу.

— Он тебя найдет?

— Я у въезда.

Состоялось скорое знакомство. Летчик-ас держался неуверенно. Но лицо мне понравилось.

Затем я отправился к Гукаеву и его брату. Это Промысловский район. Лояльные чеченцы. (Хлипкий, слабенький горный тейп. Их всегда обделяют с горючим.) Разговор на квартире... Эти договорные встречи в полуразрушенных и обесточенных грозненских пятиэтажках... Любого напрягают! Темные комнаты. Под тобой шаткий табурет... И сразу же стремительный торг. При фонариках.

Да, опасно!.. Но эти разговоры нужны. И я нет-нет веду их. Пистолет при мне.

— Тебя ищет мать Владимирская.

Как об иконе... Так это прозвучало. Такая здесь ласковая шутейность. Но речь, конечно, о земном: о солдатской матери из Владимирской области. Мы вытащили ее сына из чеченской ямы. Руслан пленного отыскал, я и Коля Гусар-цев помогли его выкупить. Возможно, она привезла деньги.

Чеченцы вернули ей сына под Гудермесом... Через лояльных, вот в чем подробность. Лояльные чеченцы, при торге поспешив, проплатили вперед, и теперь сами ждали деньги. Однако выкупленного солдата в реальности еще не существовало. Он исчез... Фантом... Бывшим ямником занимались фэзсы. Пока он свеженький, пока не зашоренный спросом со всех сторон, люди ФСБ должны были его *высветлить*.

Их право — право первой ночи. Что он помнит?.. Реку? Горы?.. Кого видел из известных, объявленных в розыск чичей?.. Кого из наших пленных?.. Нелегкий, я думаю, спрос. Ямник-раб страшно шепелявил. У него после ямы, как рассказал Руслан, не было ни одного зуба. И отек в горле... Но вот мать уже могла к нему ехать. Так ей сказали.

Почему мать к сыну не любят пускать сразу?.. Мать расслабляет пацана. Мать особенно расслабляет. И подавляет память... Но, надо полагать, всю нехитрую информацию фээсы из него уже выдоили. Теперь солдат мог думать о постороннем, о чем хочешь. О звездах на ночном небе.

Я вернулся к штабу. Поискал... Обошел охраняемую площадку, где все машины, но гусарцевского джипа не видно.

Значит, у Коли еще какая-то забота в Грозном... Надолго ли он там?

Сделав дела, я тоже мог думать о чем угодно — о ночном небе... Но я уже подумывал о моих, подомашнему пахучих складах. О моей там офисной квартирке... О лунной полянке... О звонке жене... И о том, как я тихо и одиноко (и в общем счастливо!) скоротаю вечер — в обнимку с памятью. О двух-трех чашках горячего чая... Спиртного разве что чуть.

— Ну вот! — все же ругнулся я. Коля как Коля. Надо, конечно же, было ехать сюда своей машиной.

Подошла солдатская мать (владимирская) и с ходу, не поздоровавшись, стала проситься, чтобы я отправил ее к сыну. Сын уже ждет... Под Гудермесом. Она слышала — туда будет большая колонна... Через день-два, да?.. Любой колонной... *Хоть на парашюте*, — так она сказала.

Она сияла. И впрямь, как икона.

Вытащила откуда-то из груди пакет. Деньги. Восемь тысяч долларов.

— Как вы носите деньги, Ксения! Вы с ума сошли!.. Ксения Петровна!

— А ничего, ничего, — улыбалась она.

Должны были оставить деньги в вашем комитете! Я бы после взял.

А ничего. Мне люди помогают... Мне все помогают.

Она так сияла, так была счастлива найденным сыном, что из денег выделила мне лишнюю тысячу. Это, мол, вам, майору Жилину, лично... Я не взял. Я за труды уже получил эту сумму от комитета. Такая такса — одна тысяча.

— Не надо восемь. Семь — вы же знаете. Семь — это чеченцам как раз.

Она навязывала. Как благодарность... Но я взял только необходимые семь.

Я с матерей не беру. Семь! Что за хитрая у чеченцев цифирь!.. Переговорщику... Посреднику... Полевому командиру — какая-то немислимая горская дележка.

— Возьмите... — я на этот раз решительно вернул ей ее тыщу. — Вам, Ксения Петровна, самой пригодится... Может, сыну, с его зубами, уже здесь придется помогать?

— А что с зубами? Что? — она всполошилась.

— Да нет. Это я так... Какой-то разговор был.

Она на миг успокоилась. Сияла.

— Может, мне закурить. Я никогда не курила! — она была на немислимом взводе.

В такие минуты душе хочется какого-нибудь дурмана. Хоть копеечного.

— Не надо бы вам привыкать.

— Закурю...

— Ксения Петровна!

Мы больше часа ждали Гусарцева. Когда появился Коля, она опять курила, опять кашляла.

Можно возвращаться... Коля скороговоркой мне дал понять, что не зря мотался по городу Грозному. По раздолбанным его пятиэтажкам... Подробности после. (Не при матери.)

Обратный путь в Ханкалу оказался непрост. Слишком припозднились!.. По счастью, Коля Гусарцев, ведя машину, сам и вовремя заметил при дороге звездочку огонька... Уже на полпути домой. Уже глубокой ночью.

Угадать сигарету нетрудно. Курящего и я угадал издали, едва в кустах он на секунду повернулся лицом.

Гусарцев резко осадил машину:

— Эй. Кто там?

Из тьмы голос. (А могли и не ответить.)

— Поговорить надо.

Ночной, решительный чеченский голос. Акцент — круче не бывает...

— Сидеть в кустах будешь? — крикнул с насмешкой Коля, поглаживая руль. — Выходи на дорогу. Посмотрим на тебя. Тогда и поговорим.

— И ты немного выходи... подъезжай.

— Согласен.

Но для начала я, перегнувшись, ощупью тронул затылок солдатской матери. Она сидела на заднем сиденье... Она нагнула послушно голову. С пониманием... Но склонить голову — этого мало. Я сильнее надавил рукой. Она полулегла на сиденье... «Да... Да... Да...» — повторяла она шепотом.

Теперь мы смелее приоткрыли дверцы машины, Гусарцев свою левую — я правую. (Автоматы были на коленях.)

Гусарцев повторил, крикнул им громче:

— Согласен... Выходи.

И тронул машину вперед на пять-семь шагов, не больше... В кустах движение. Но на дорогу никто не вышел. Значит, сейчас начнут стрелять.

Стоп, стоп!.. И сразу же Гусарцев и я по кустам из автоматов. Выставившись дулом каждый в свою дверцу, привстали (одна нога на земле) и огонь... огонь!.. Мы их опередили. Секунды на две-три.

А едва стрелять начали они, мы задом... быстро-быстро!.. Отъехали назад.

Успели.

Стихло на миг. А затем в кустах наконец крик. Это был настоящий вопль. Кого-то мы при стрельбе зацепили пулей... Ах, как он вопил!.. Ему, похоже, заткнули рот. Но он кляп выбил, вытолкнул и опять вопил.

Его уносили... Вопли отдалялись. Даже нам с расстояния было хорошо его слышно.

Вся ли ушла засада?.. или часть?.. У нас еще был подствольник на заднем сиденье. Я взял его в руки... Но Гусарцев сказал — погоди.

Мы стояли, как бы испугавшись тишины и вдруг закончившейся стрельбы. Чуть рокотал мотор.

Солдатская мать подняла голову. Я дал ее шее отдохнуть... Но затем снова пригнул ее голову на сиденье. Она там тихонько чихала. На сиденье много пыли.

Выждав минуту-две, мы медленно двинулись вперед... Туда, к тем кустам... Готовые к вариантам — и дать задний ход, и рвануть... А они, конечно, нас караулили.

Им все равно, кого караулить. Вряд ли это боевики... Чтобы забрать оружие... Чтобы забрать ма-

шину. Чтобы раздеть тебя, в конце концов. Когда сидишь в кустах, мимо проходит и проезжает много интересного.

Но им не повезло. Не каждый же раз с добычей.

Нам даже не пришлось пострелять повторно... Оказывается, мы еще кого-то ранили первыми пулями... юнца... Такой жалобный был плач. Нежный. Так плачут только юнцы. Их плач, если вслушаться, обращен не только к своим. Но и к нейтральным. Но и к врагам. Просто плач в кустах... Среди глухой ночи... Душа притихла. Душа моя ему сочувствовала. Но что поделать, дорогой?! Война.

В кустах опять занялись плачущим... Он до небес доставал всю округу своим тонким голосишком... А мы воспользовались. Момент — из лучших. Я подтолкнул Колю. И наш джип рванул мимо засады. Жмясь к противоположному краю дороги. Даже выскакивая опасно за край... Проскочили.

Ехали, и теперь вместо звонкого раненого юнца тихонько голосила солдатская мать. «Вы можете сесть», — сказал я ей. Но она так и лежала, припав к пыльному сиденью. Плакала. От пережитого.

Вряд ли нас стерегли боевики... Просто напасть и просто пограбить. Голодные. Из пригорода. С кучей детишек... Работы у них никакой. Руслан-Рослик презрительно звал их — селяне.

Едва только ворота открылись, мне сказали. Охрана сказала. Доложили, что мои контуженные, мои тихие солдатики, дали деру. Сбежали. Сегодня... На ночь глядя...

— Б....! — ругнулся я.

Глупо. Просто глупо... И как досадно. Ну, не засранцы оба?

— Обойдется, т-рищ майор. Хлопчики в бою бывали, — утешал Крамаренко.

— Какой, к чертям, бой, если они без автоматов!.. Что за кретины!

Один с автоматом...

Я даже не мог бы сказать, лучше это для нашего случая или хуже.

— Выкрал как-то, т-рищ майор. Ефрейтора Снегиря надо поспрашивать.

— Вот ты и поспрашивай!

Я устал... Немыслимо хотел спать. Я еще велел Крамаренке — солдатскую мать на ночь определи! Устрой. Чтоб выспалась!.. Ей к сыну — в спокойную сторону, до Гудермеса... Дня через два будет туда колонна. Понял?

Я ушел к себе на ночь. Повалился спать... Но теперь сон не шел.

Где сейчас пацаны?.. Из Ханкалы эти засранцы выбрались, это уже ясно. Или уже взяты патрулем и кукуют где-нибудь глубоко в комендатуре, в недрах... Сидят... Нет, нет, за пригороды Грозного на большую дорогу они, опытные, выбрались... А дальше?.. Ничейное срединное пространство... Будут проситься в машины... Колонна, идущая сейчас из Ханкалы в сторону Ведено, только и обязательно боевая. Только если на дело... Колонна, если на дело, вряд ли их подберет. Проскочат на скорости... Даже таракана на бронь не посадят. (Разве что на обратном пути.) А без брони, без какого-никакого БТРа пацанам до Ведено не добраться. Там непролаз... Там чичи. Или, на выбор, к крестьянам чеченским в яму. В рабы!.. Поработайте теперь там на природе! Не все же бочки катать.

Я все-таки позвонил в грозненскую комендатуру. Ночному дежурному. И даже попросил разбудить офицера. Побег есть побег... Вполне могло быть, что пацаны патрулю где-то попались. Могло быть, их расспрашивают — трясут по полной программе.

— Двое солдат... — повторил я офицеру. — Они у меня работали... Евский и Алабин... Рядовые... Нет, ничего не совершили. Нормальные солдатики. Но малость шизанутые.

В комендатуре о них ничего не знали.

Я еще позвонил на узловый пост по той дороге. Тоже нет... Нигде их не знали, не видели... Пусто... Неужели сумели из пригородов Грозного выбраться — и уйти достаточно далеко?

Было противно, тускло на душе. Я звонил еще и утром, но все пусто... пусто. И только обязательно переспрашивали фамилию Алика. С удивлением:

— Ебский?

Их не было трое суток.

Но на четвертые они вернулись. Охрана пустила их на склады как своих... Голодные, измученные, а главное, пристыженные неудачей... Хотя что за неудача?! Это же как смотреть!.. Ведь не попались. Ведь трое суток. Если знать грозненские реалии, для контуженных солдат это ничуть не было их личным поражением в игре с недремными патрулями — разве что изнурительная, долгая ничья. Я и впрямь подумал тогда об их прошлом недолгом (месяц, что ли) опыте в разведроте. Что-то ценное (бесценное) они там, в разведроте, за тот один месяц имели. Как-никак! Прихватили себе в ноздри... Что-то сверхосторожное, роднящееся с волчьим ню-

хом... Вело их. Подсказывало... Что-то удержалось в уголках их ноздрей.

Что-то вело их, хотя так и не вывело.

Я не стал в первый день ни бранить их, ни попрекать. Ни повторять, что без меня — им не уйти... Я даже не захотел с ними поговорить по их возвращении. Я велел им прийти только на третий день... Когда они малость отлежались. Когда они уже со всеми вместе катали бочки.

Ко мне в кабинет их привел Крамаренко. Сам он вышел, стоял у дверей, притаившись. На всякий случай... Он хорошо чувствовал, когда во мне собирался гнев.

Гнев и злость. Как я на них орал!

Я начал с Алика, он все-таки более вменяем:

— Ты же, сучонок, на краю стоял... Мать-перемать! Я даже не говорю о чичах. Я о наших... Что? Соскучились по допросу? Соскучились по хорошо проветренной холодной камере?.. Ты же шел без автомата. Мудак! Засранец! Сочли бы дезертиром... Ты знаешь, что такое попасть в дезертиры?

Я не все помню, что я орал. И даже Крамаренко, стоявший за дверью, не помнит. Он только сказал, что его прошиб пот... Он вынимал платок. И много раз прикладывал ко лбу, к шее... И разок-другой его даже качнуло моим криком. Крамаренке казалось, что ему в голову вбивают гвоздь.

Когда на кого орешь — привязываешься. Брань роднит, не знаю уж почему. С каждой угрозой, с каждым моим матом-перематом они оба на копейку становились мне дороже. Так получилось.

Я выгнал этих контуженных чуть не пинками, а

потом позвал Крамаренко и вынул водку. Чтобы не пить одному.

Спрашивающий сразу возьмет их за жабры — как отбились от части? Беглые есть беглые... Что это был за разрыв снаряда, когда контузило сразу обоих? А что за калибр? А есть ли вообще у боевиков такой калибр?.. И как это они, контуженные, при таком разрыве не потеряли друг друга... или держались за ручку... как детки? Не помните?.. Как это не помните?

Одного от другого отделят. Отыскивать скрытую вину... Скрываемую вину... А где шлялись так долго? А в каком ущелье чичи напали? Отыскивать вину солдата — это почти в радость. Дезертир?.. Или всего лишь трус?.. Или, может, из тех, кто зовет офицеров шакалами и при случае стреляет в спину?

Спрашивающие все таковы. Они сперва наслаждаются.

Пацан будет каяться. Пацан будет ползать у его ног. Да, он виноват. Он виноват, что его контузило... Согласен! Согласен!.. Пацан даже поторопится что-то подписать. Вот, мол, не спорю. Видите, какой я согласный и весь вам открытый!

Только не оставляйте, не бросайте меня... *Не бойсь, солдатик, не бойсь! Тебя не оставит и не бросит подписанная тобой бумажонка.*

Надо уже было перестать думать о них. Надо уйти... На свою сонно-лунную полянку... Потрогать рукой куст боярышника... Позвонить. Как там живет-поживает, как строится моя женка?

— Что случилось, Саша?

Как ни припрячь, в голосе остается.

— Да ничего.

— Расскажи...

— Ты расскажи... Как дочка?.. С новой школой определились?

После обеда привезли опознать солдата охраны, подстреленного чеченским снайпером на окраине Ханкалы... Мой солдат... С моих складов. Этому чего недоставало?.. Сыт и в тепле. Чего беглец хотел?.. С пятном под сердцем его пронесли на брезенте. Показали мне. И понесли дальше.

Голова на брезенте живо подпрыгивала... Белокурые, совсем молодые волосы!.. Вот и пацаны, если будут добираться сами... Я уж не говорю, что на полпути. На первом же ничейном километре под пулю! И еще хорошо, если мертвая голова Олежки или этого зайки Алика будет вот так подрагивать на брезенте. На чьих-то несущих руках... А то ведь проще: за руки-за ноги, раскачали и выбросили... В канаву... Его в траве и не видно. Там и истлеет. И никому ни малого интереса — зачем они, эти два дурака-шиза, горбились на складе... зачем жили-были... зачем катали так старательно бочки?

Я встал рано, Крамаренко еще раньше — он встретил меня уже у ворот. Мы почти столкнулись.

— Шофера трезвые?

— Так точно, т-риш майор. Каждый дыхнул.

То есть дыхнул в лицо Крамаренке, в его острый нос, контрольным выдохом.

Мы отправляли четыре грузовика с бочками солянки. В колонну нам велено влиться уже на пятачке последнего построения — на выезде из Ханкалы. Гушин велел, он ведет колонну.

— Выгоняй машины.

— Уже ползут, т-рищ майор!

Поодаль я увидел Алика и Олежку. Эти-то чего встали?

— Ты, что ли, их разбудил? — спросил я.

— Никак нет, т-рищ майор... Сами... С ночи узнали, что колонна будет.

— Колонна в Гудермес идет!.. Ты сводку слушал?!

Крамаренко заморгал глазами. Он слушал сводку... Он отлично все знал. Но вдруг перемены... Вдруг приказ, и колонну перенаправят в чертово Ведено. Мало ли что и как!.. Отправить пацанов поскорее. Забота о контузиках, как я понял, его тоже достала.

— Сами... Сами, товарищ майор. Кто их будил!

Они переминались с ноги на ногу, эти шизы, эти выбежавшие к воротам поутру пацаны. В такую рань... На всякий случай они проснулись!

Я сказал Крамаренке: пацанов отошли. Пусть дрыхнут... Но зато найди срочно мать Владимирскую. Она же — Ксения Петровна. Где-то она ночует, я же велел ее устроить... Где?.. У охраны спроси... И быстрее!

Первым грузовиком я командовал, стоя на подножке. Вывел за ворота... Поставил, давая в запас место трем другим. Маневр!.. Важно, как рулит первый. Дальше шофера на пяточке разберутся сами.

И где-то тут, в суете, в полутьме утра, случилось смешное.

Я вернулся на складскую территорию, шел дорожкой, уже не помню, зачем. Иду шагом, неспешно... Я здесь хозяин. Иду, как хочу... К этому моему

хозяйски-медлительному шагу как раз и пристроились Олег и Алик. Двое моих контуженных... Шли бы хоть теперь поспать! Но я их даже не ругнул. Было не до них.

Алик уже рядом со мной. Сейчас будет клянчить.

— Т-т-товарищ майор... — У Алика текли слезы.

Но ведь они у него всегда текли. Левым глазом... Зная об этом, контуженный солдат уже умел от соленой течки на время избавляться. Научился... Алик вроде бы куда-то оглядывался — и вдруг стряхивал водицу таким легким движением головы. Ловко у него...

Одну из слезок я даже проследил. Она пролетела, как трассер. Заметная... Над зашарпанным складским асфальтом... Слезка смачно тюкнула в пыль.

— Нам п-п-пора в свою часть... Товарищ майор... В-в-время идет.

А его дружок, рядовой Алабин, заметно приотстал. Олежка приотстал и шел теперь сзади нас. Деликатность?! (И заодно защита с тылу?... Защита нашего с Аликом разговора.)

Я вдруг догадался. Мне стало смешно... Сейчас эти чудаки предложат мне деньги.

Если дело никак... Если дело не движется, не подмазать ли это дело?... Гениальная мысль осенила моих пацанов.

Убеждая меня, что им обязательно надо в родную в/ч, и нет-нет опасливо оглядываясь, Алик приостановился. Я — невольно тоже. Мы на миг рядом. Алик полез рукой в свой кармашек-пистончик... Солдаты сами себе делают такие кармашки. (По подсказке из дома. Хитрые кармашки...) И оттуда, в

восьмеро сложенную... извлек... хрустящую бумажку.

Я не знал, рассмеяться или умилиться. Я не одернул. Я только за улетевшей солдатской слезкой еще раз проследил. За плохо на этот раз улетевшей... Слезка сплонулась ему же самому на носок сапога.

Извлек, выудил... Сложенную в восьмеро зеленую бумажку. «Отправьте нас в нашу ч-часть. Обоих. П-п-пожалуйста...» — он заикался с какой-то новой силой.

От волнения... Еще и объяснил... Мать, мол, ему советовала. Будет трудно — вынь денежку. Люди, мол, и на войне люди. «Мать у меня с-с-смешная. Учительница в школе... В самых н-начальных классах. Про всякую к-к-купюру говорит — д-денежка...» Еще одна мать, подумал я.

Я взял, чтобы не спугнуть доверие пацанов. Так надежнее... Пусть успокоятся... Я чувствовал незримое присутствие Аликиной матери. Надо же как хитро, как сметливо придумала ему мамуля. С пистончиком-карманом и с выручалочкой-сотней это наверняка она удумала. Питерская мама!

Я взял — я верну. В моем кармане целее, сохраннее будет... Как это наши выпивохи-грузчики не учуяли \$100!

Секундной вспышкой мелькнула мне картинка будущих проводов. Когда Хворь поведет в Ведено или Костомаров (кто-то из этих... из длиннофамильных!)... Вот как это будет. Когда я пристрою их в уходящую колонну, когда уже закину обоих пацанов на броню БТРа, я денежку верну.

Я вдруг вспомню, словно спохватившись... Ах, черт!.. и протяну, втисну, затолкну одному из них в

руку эту сотенную... Она вам еще сгодится, пацаны. Растерявшись, они даже отнекиваться от бумажонки не станут.

Еще и крикну им вслед — вслед весело пердящему БТРу:

— Большой привет питерской маме!

На своем джипе-козелке я медленно вырулил на дорогу. Оглядываясь, отслеживал, как ползут мои четыре машины с горючкой. Я прислушивался. Бочки закреплены, не тарахтели. Шофера надежны и трезвы.

Ага! Вот и мать Владимирская. Выскочила из ворот и сразу ко мне. Легким бегом.

Я притормозил, посадил рядом.

— Не проспала чуть, — она немного задышалась.

Я кивнул.

Мы двинулись к месту формирования колонны, что на выезде из Ханкалы... Рассвело... Солдатская мать приделась ко встрече с сыном. Я заметил. Одежда скромна, добротна. А все же и по одежде чуть-чуть праздник!

Едва я вывел грузовики за Ханкалу на пяточок, молчаливая мать словно пробудилась. Едва мой джип стал... Слова посыпались из нее горохом... Она увидит сына! Увидит! Увидит!.. Она не замолкала. Она уже успела разузнать о сыне — от Крамаренки, что ли?.. Тараторила без единой запинки. Ее трясло... Беззубый сын еще и глух. На одно ухо. На левое... Ей придется все время говорить с ним, сидя справа... Да, да, деньги мне она все-таки отдаст... После... Это так порядочно, что я вернул ей ту тысячу, когда деньги ей (она теперь это знает) будут так нужны. Майор Жилин так помог, так помог... При-

том сам... Без просьбы даже. Она всем скажет. Добрых людей не так много... Но они есть. Они есть!

Я уже не мог слушать и вышел из машины. Вроде бы покурить. Но она за мной... Она не замолкала... Ее совсем не раздражает дым. Майор Жилин мог бы покурить в машине... Она и сама иной раз пробует. Сын тоже курит. Если не отвык, пока четыре месяца сидел в чеченской яме. Вряд ли его там баловали... Сквозь ее говор я вдруг расслышал треск цикад.

Дивное стрекотанье, куда лучше горестной человеческой речи!.. Я смотрел вдаль. И уже видел колонну из Грозного. Она шла с малыми огнями.

— Идите в машину, — сказал я.

И мать тотчас поспешила на место. Ксения Петровна даже побежала. И продолжала на бегу говорить. Бывают же безгрешные матери. И надо же им когда-то высказаться.

Показались БТРы... И грузовые. (Боеприпасы и топливо.) Уже виден и замыкающий колонну танк.

Мои четыре грузовика нацелились носами туда, где им давали место в колонне. Однако Ксению Петровну к ним в кабинку не посадить. Гуцин зацикленный. Гуцин не потерпит. Женщина и горючка — несовместимы.

БТРы почти не двигались. В паузу перед маневром я успел пристроить мать. Важная минута!.. В джипах, а их три, места для Ксении Петровны не нашлось. Джентльмены, похоже, еще не вполне проснулись, не побрились лезвием «Жиллетт», не поодеколонились и потому не успели с утра подумать о женщинах.

Еще и косо смотрели кое-кто. Сердито! Для большинства это была моя баба. Которую я хотел посадить помягче... Так что извини, майор. Так что только БТР.

— Ребятишки! — крикнул я повеселее ближайшему БТРу. — Потеснитесь. Это мама... Надо маму сберечь.

— У-уу... Угу-уу! — загудели на броне. Оживились... Маме было лет сорок, чуть больше. Поутру, приедая, она выглядела еще и помоложе.

Но не ехать же ей на броне. Такой приедетой... В юбке... Солдаты были щедрее, чем те, кто успел вовремя забраться в джипы-козелки. Кого-то одного из своих солдаты тотчас выдернули из нутра БТРа... Кого-то из там пригревшихся... И помогли матери забраться в гудящую боевую машину. Все быстро. Все умело. Выдернутый из теплого места солдат влез на броню, уселся, автомат на колени, и отчаянно зевал. Блин, думал он... Если что, опять под первые обстрельные пули.

Гущин из своего джипа выглянул на пять секунд. В руке мегафон... Скомандовал БТРа... Увидел меня — помахал рукой. Что-то радостное мне крикнул, но не в мегафон (чтобы не спутали с его хрипылыми командами).

Вовсю рассвело... Колонна тронулась, и я видел, как на ходу мои четыре грузовика вписываются в ряд, в ускоряющееся течение боевых машин. Никого не тормознув... Гладко все вышло. Чисто!

Набирая и набирая ходу, колонна становилась одной-единой и вытягивалась. Красиво выгнулась на небольшом повороте дороги. Зрелище!.. Я услышал, как застучало сердце. Уже скорость. Уже пом-

чались... Иногда война торжественна, чувственна. В такой исключительный миг война впечатляет. Война даже что-то обещает... помимо смертей.

Вот-вот солнце.

Ага... Крупная птичья стая пересекала по воздуху стаю машин. Под острым углом. Колонне и стае почти по пути... И поскольку машины, удаляясь, стали стихать, расслышался птичий клекот.

Мой джип стоял на дороге в совершенном одиночестве. Я держал в руке бинокль и какое-то время следил за птицами. Их еще было видно... Гуси.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Наконец он открылся. Не может он больше молчать, не хочет молчать и...

И вот милейший Коля Гусарцев ошарашивает меня признанием, что он не отдал, а продал чеченцам автоматы, набив ими тот мой уазик. Продал немного оружия... Да, да. И еще он продал побитый танк... Да, да, он хотел бы затеять бизнес. Да, со мной вместе... Параллельно бензину и солярке... Он таился, он скрывал от меня, потому что хотел попробовать сначала сам. Хотел убедиться, что он может. Хотел первую удачу... И вот ведь получается! Вроде бы, получается, разве нет?

— Ну ты даешь, — говорю я, сдерживаясь.

Он же меня подставил своей идиотской торговлей!.. Ну, штабист! При неудаче, при его срыве я бы даже не знал, за что меня взяли. И я, и Руслан... Так бы и загремели... Партнер, мать его! Я озлен. (Но ссоры не надо. Ни в коем случае!..) Ну-ка, подробности. Ну-ка, Коля, рассказывай...

Какое-то время я сижу, не поднимая глаз, чтобы не выдать гнев. Надо быть спокойным... Он не сука. И не хапуга. Он просто Гусарцев. Так бы и загремели все трое. Он просто молодой... Дурачок!.. Надо с ним холодно.

Спокойно и холодно объясниться. Рассказывай, Коля... Теперь уж чего!

Тот мой уазик, набитый автоматами, — весь его успех... Да, да, за хорошие деньги. Да, быстро... Однако все это легло и проскочило под шальной случай. Я объясняю... С «уазиком» он чудом не прокололся, когда следователь Луковкин обшаривал болото. «Клинтон», так ведь он называется — длинный специализированный крючок для поиска?.. Я объясняю милейшему Коле Гусарцеву, обманувшему меня... А теперь оглушившему меня своей дурной удачей.

Солдаты следователя, крепыши сибиряки, за просто могли своим крюком подцепить тяжелые железяки. Вместо якобы утопленных в болоте автоматов... Кусок рельса крючком им не подцепить, это так, но кусок арматуры — легко. Арматура, Коля... А!.. Что тогда? Решали секунды... Представляю вопль! Когда из утопленного «уазика»!.. На самую поверхность болота... Вместе с гниlostными светлыми пузырьками... То-то радости! Всплывает не-лепая ржавая железка. Мрачно-ржаво-темная, бьющая в глаза откровенным обманом.

Чем еще похвастаешь, Коля?..

Еще он продал побитый танк... Но ведь тоже не бизнес. Танк Гусарцев продал грузинам, сплавил боевую машину неплохо, если о деньгах. Однако чтобы танк перегнать, Коля нанял контрактников,

храбрых, отчаянных, но ненадежных. Парняги на-чисто лишены страха, без нервов, на зверском ад-реналине... Но что в итоге?.. Грузины контрактни-ками недовольны. И было за что! Пока добрались до Панкисского ущелья, танк ощипали. Сняли всю электронику... Танк «Т-80»!.. Хорошо, что деньги дадены были Гусарцеву вперед. Хорошо, что грузи-ны были лохи!.. Но другие грузины лохами не бу-дут. У лохов злая память, Коля.

Я объясняю ему, что эти его дела — не бизнес. Я спокойно ему объясняю. Сдерживаясь... Что это даже отдаленно не называется бизнесом.

Мы пьем водку у меня, в маленькой служебной офис-квартирке, прилепившейся прямо к Первому складу. Коля Гусарцев, видно, давно хотел этого разговора... Пусть получит. Пусть все получит. Уже то хорошо, что он открылся.

— Что молодец, то молодец, — хвалю его я и под-нимаю полную стопку.

Чуть спешно, чуть нервно он тоже вздергивает свою стопку со стола — чокаемся.

— Саша, да я просто попробовал!.. Денег же нет и нет. Он слишком легко оправдывается.

— Брось!.. Зачем ты тогда гонишь все это мне только сейчас?.. Под водку, а?

— Я же хочу вместе.

— Понимаю... Вместе... И теперь, ради этого «вместе», хочешь знать мое мнение?! Ты хочешь услышать про продажу оружия... Пж-жалста!

Я круто набираюсь гневом. Но холодным гне-вом.

— Вот мое мнение... Получи.

— Погоди.

Нет, ты погоди... Слушай внимательно... Чеченцы будут не просить продать — а требовать продать... Разницу слышишь?.. Уже со второй с ними сделки. Со второй, Коля!.. Как только ты наладишь первую продажу со складов...

Я говорю негромко. Я тихо:

— Продажей оружия занимаются другие люди, по-другому организованные. По-другому денежные. Не нам чета... Как только станет известно, что на рынке оружия новый игрок... Игрочишка!.. Подключатся чичи. Чичи не станут просить. У тебя, дурака, будут требовать. Ты очень-очень скоро обобщишься, Коля... Извини.

Пусть услышит:

— Это у вас в штабе говорят — *я наложил в штаны... мы наложили в штаны...* Здесь, Коля, никаких штанов. Здесь грубо. Ты обобщишься, Коля...

Я нарочно повторяю жесткие слова:

— Я уж не говорю про пакостность этого дела... Маленькие люди не могут торговать оружием. Запомни. Торговля оружием — это твоя смерть. Очень скорая смерть, Коля.

Я продолжаю тихо. Я хочу подсказать ему ключевое, главное, и совсем-совсем тихо — ты, Коля, маленький человек. Мы с тобой — маленькие люди.

Он побледнел. Хотя изрядно полон водкой.

После тягучей, долгой (ему на осознание) паузы я мягчею. Я уже, можно сказать, предлагаю примирение:

— Займись, Коля, делом себе вровень. Если уж так хочется другой бизнес... Себе, маленькому, вровень.

Чем выискивать автоматы и гранатометы по

складам и по приходящим в Чечню составам... Чем боеприпасы... Лучше бы тебе, милый Коля, доски-гвозди. Шифер и кирпич. Мешки с цементом... С тех же самых прибывающих в Грозный составов... И не спешить, не хапать... Войти в контакт с грозненцами. Постепенно... Окучивать под себя какой-нибудь строительный бизнес. Хиленький с виду, никак не блестящий, но всегда надежный и всегда востребованный бизнес со стройматериалами... Чем не дело?.. Завести знакомство на товарняках... В тупики заглядывать. В вагоны.

Гусарцев, весь бледный, слушает меня молча. И вдруг жестко перебивает:

— Никогда больше не предлагай мне такого. — Тщеславный.

Я только пожимаю плечами — ладно... Живи сам. Не буду предлагать... Не хочешь — не буду.

Мы пьем молча.

Наконец, я вижу, он собирается с духом. Говорит:

— Саша... Я не выдерживаю. Денег ноль!.. Мне скоро в отпуск...

И еще:

— Саша... Ну, ты подумай, что у нас сейчас за полоса! Хворь после операции... А теперь Костомаров опять запоносил! Хорош сталкер! Сталкер-дри-стун, а?.. Как жить?.. Я совсем без денег. Скоро отпуск. Как жить?

Он лез в душу.

— Живем же.

— Это ты живешь, потому что с талантом. Ты ждешь свое время... Ах, как ты ждешь, Саша! Как красиво ты ждешь!..

Психотрюк мил и, конечно, мне знаком... Когда

человек вот так за водкой себя, любимого, умаляет. А тебя, сидящего и пьющего напротив, — соответственно, возносит до высот. И значит... Значит, он еще не все свое выложил. Что-то еще он скажет. Что-то на уме...

— Коля... Давай прямо.

Он вдруг смеется:

— А я прямо. Прямее не бывает... Ты родился с талантом, а я нет.

Я фыркаю. Я не родился с талантом. Это мое нынешнее умение (каким словом ни назови) родилось само собой и прямо здесь. Прямо на войне... Бог прищелкнул пальцами. На только-только начинавшейся тогда войне.

Бог в ту минуту прищелкнул пальцами, чтобы человеческое ухо услышало (а ближе других ухо оказалось мое), и тогда же Ему, щедрому, подумалось — а не послать ли кой-какое умение этому майору Жилину. На войне и дурачку надо же что-то послать. Хотя бы иногда. Хотя бы однажды.

Пьем... Все же Колина лесть стала попадать в меня. Ближе и ближе к разогревшемуся водкой сердцу.

Но тем внимательней я следил, куда гнет милый Коля Гусарцев.

Он явно хотел что-то досказать. Но смолчал... Сегодня смолчал. Мол, на сегодня и без того круто.

Молодой!.. Оставаясь со мной с глазу на глаз, он часто говорил о чужих успехах. О Шуманове... О Хворостинине... А ведь и сам он, майор Гусарцев, достаточно заметен (если о штабистах) — и храбростью, и манерами. Он мог бы, я думаю, понравиться многим, если бы не эта спешка взять свое.

Человек внушаем. Иногда кажется, что челове-

ка дразнит его собственная, очень ему по жизни подходящая — звучная! — фамилия.

Мы еще говорим... И Коля опять с переживом! Он восхищается Крийко, а этот Крийко попросту и примитивно вездесущ — подполковник, который носится по Чечне как одержимый. Который слишком быстро, суетно делает себе имя. Меняет пленного араба на контрактника... Трупы трех боевиков — на одного нашего раба из ямы... На часть денег (с каждой сделки) он выкупает еще и солдатские жетоны, знаки мертвых. Горстями!

И опять я Колю одергиваю — этот Крийко безумен, слишком суетен. И наверняка недолговечен. Он из тех, кто жрет пыль. Мельтешит... Грех говорить, но не сегодня-завтра такого убьют.

Перед уходом Коле Гусарцеву хочется, чтобы мы пили, многократно чокаясь. Это подчеркнет, что теперь, после откровенного разговора, мы стали еще ближе. Я согласен — пью с удовольствием, надо расслабиться. День, и впрямь, выпал трудный... Меня уже разбирает на части ночь. Хозяйка-ночь!.. Отправить Колю спать... А самому на лунную полянку... И цифра за цифрой медленно в темноте набирать жёнкин номер. Дочка ночью спит, не откликнется... Но я сейчас только и хочу голос жены.

Однако Коля еще не ушел.

— Ты объяснил... Ты хорошо мне объяснил, Саша.

— Ну-ну.

— Мы же друзья? — и он глядит мне в глаза. Но я начеку.

— Мы в деле, Коля. В серьезном деле.

Он опять хочет что-то сказать. Но не решается... Что-то еще у него. Что?.. Так ведь и не сказал.

Спохватившись, Коля хочет какой-нибудь своей подмогой еще и еще загладить жесткий наш разговор. И предлагает:

— Давай, твоих контуженных отвезу... Я сам отвезу.

Он знает эту мою возникшую заботу.

— Отвезу... Свалю обоих в их воинскую часть... Базанов как раз шлет меня в сторону Ведено.

Там, под Ведено, наши в/ч плохо снабжаются. Даже с консервами, с тушенкой проблемы... Генерал Базанов, отвечающий за «контакты с местными жителями», посылает Гусарцева — попробовать наладить закупки. Но не у чеченцев... а, скажем, у дагестанцев, проживающих в том районе Чечни.

А что?.. Он, Гусарцев, запросто отвезет пацанов, раз уж ему по пути. Он смеется. Штабистам, мол, все запросто! (Сам я в этом смысле невыездной. На блокпостах не поймут. Складской начальник из Ханкалы не ездит так далеко.)

— Прихвачу их с собой... Я еду в джипе. Один. Без сопровождения.

— Лихой! — похвалил я.

Я вынул карту и провел пальцем, а потом ткнул, показывая, куда ехать. В родную в/ч моих шизов.

— Саша. Спрячь карту... Я знаю эту часть.

В те дни становилось модно мчаться, гонять по дорогам без грохочущего тяжелого сопровождения. Модно и притом оправданно!.. Было даже негласное предписание — офицерам пересесть на козелки-джипы. Слишком часты стали подрывы бронетехники. Слишком гибнут!.. Обстрелять, понятно,

и джип могут. Но одиночку засада чаще всего пропускает. Без БТРов одиночке счастья больше.

Лихо!.. Штабисты смекнули первыми и первые пересели на джипы. И знай катают. На больших скоростях! У чичей таких козелков-джипов (отнятых в свое время у федеральной милиции) тоже полным-полно. И в камуфляжах чичи точно таких же! А мчащий по дороге джип (в котором непонятно кто) пылит, не притормаживая!.. Отличи-ка своих.

Гусарцев крепко пожал мне руку:

— Отвезу, Саша... Обещаю.

И добавил:

— Найди, Саша, пацанам камуфляжи старые, какие сейчас в ходу у чичей.

— Найду.

— Чтоб самые потертые. Чтоб вонючие!

Костыев... с ударением на «ы»... это с ним вместе (и с ним в дружбе) мы построили те известные, а сейчас в дым разрушенные дома в двух шагах от Минутки. Где проспект упирается в площадь. Их звали *Журавлиные* дома... Не знаю, почему. Крыша, как слегка искосившееся птичье крыло... Возможно, людям, идущим со стороны проспекта, вид запоминался... этот запараллеленный скос крыш.

Но кому нужны в то время в Грозном дома! Нам с Костыевым велели строить склады. Два, три склада... Пять... Лепя один к одному.

Мы крепко сдружились. Жилин и Костыев. Два инженера-строителя... Я всерьез и уже нацеленно думал, отработав положенное в Грозном, переехать жить из моего уральского Ковыльска навсегда в его Питер. Перевезти мою жену с ребенком — к его жене с ребенком. А с квартирой Костыев в Питере

обещал помочь. Мы так и дружили: строили склады и строили планы. Вечерами Костыев слушал музыку... Идиллия.

А затем мне и Костыеву было велено нами же построенными складами управлять — называлось *заведовать*. Мы оба легко согласились. Склады как-никак — пядь мирной жизни. Костыев инженер вольнонаемный. Я — в инженерных войсках... Меня, конечно, приказом... Два зава, русский и чеченец. Как и положено.

Костыев чеченец, но старого питерского разлива. Над фамилией, я думаю, хорошо поработало петербургское произношение. Изначально был Хасыев... Газыев... Не знаю... Тем не менее уже с первых дней смуты именно Костыев следил за Джохаром Дудаевым по-чеченски чутко, настороженно. И как только генерал Дудаев шагнул на очередную ступеньку выше, в какой-то взбаламученный Совет, а затем в некую Комиссию по оружию, Костыев сказал мне: «Саня... Дуда — это война...» — произнес он негромко и тер кончики пальцев. Пальцы о пальцы... Такая у него малозаметная привычка. Интеллигентные чеченцы уже в самом начале Дудаева звали Дудой, что звучало серьезно и значительно. Не дудка, мол, а Дуда... Труба... Горн!

На наших складах настоящий затор. Что пустые углы, что зияющие пространства по центру, — все было теперь завалено оружием. Здесь же и бензин-соляра. Бросали как в сарай. Как ворованное!.. А охрана — жиденьякая. Мы с Костыевым и на четверть не успевали сделать опись. Целый арсенал!.. Начальнички (что московские, что чеченские) хотели, чтобы мы двое продолжали этими тысячами стволов заведовать и за них отвечать. Казалось нелепостью, но нелепостью это не было... Костыев оше-

ломляюще рано, первый понял, что наши склады — подстава. Чеченец! Ноздри у него были будь здоров. И трепетно чуткие кончики пальцев... Как дополнительный орган.

И в первый же вечер, когда стало известно, что Дудаев захотел величаво шагнуть в Совете на самую верхнюю ступеньку... В тот самый вечер... Теплый был вечер. «Знаешь, Саня, — мой друг Костыев потер кончики пальцев. — Я не уверен. Я уже не уверен, Саня, что мы с тобой успеем перебраться в Питер...» Этим же вечером мы с ним крепко выпили. И крепко поговорили. Разошлись на ночь в сомнениях. У меня были доводы *за*, были *против*. Я не спал ночь.

Я и сквозь ночь думал — так... этак... Хотелось (я даже заспешил) поутру все снова обговорить... А было уже не с кем. Ранним-ранним утром мой друг Костыев сбежал к себе в Питер. Что такое чеченская стремительность, я прочувствовал намного раньше наших генералов.

Я-то остался. По сути, уже никто не начальствовал. Склады были брошены... Ко мне ломились с какими-то самодельными приказами, с фальшивыми бумагами... Или вовсе без бумаг. Или даже с настоящими бумагами и печатями... Были бумажки и за подписью генерала Дудаева. Какие угодно! Возле склада кучились пришлые люди... толклись небольшие бандочки... Все они хотели только и только — оружия.

А как они орали!

С Дудаевым я уже познакомился прежде, на одном из совещаний, где он бросил на меня быстрый, цепкий взгляд. Его интересовали строители... Не

знаю, почему. Может быть, он уже знал про склады. Что склады пойдут под оружие... И что хватит строителю строить. Они (которые сверху) уже чувствовали, как выразался Костыев, *бесмыслицу возведения стен*.

И однако же спокойно, вкруговую, лгали друг другу — и на бредовых своих совещаниях все жевали жвачку... Надо строить так... Нет, надо строить этак... Я, оставшийся без Костыева, помалкивал. Мне, помню, сделали замечание, почему это он — *складской* — молчит. Чего это он?.. Но я и не подумал им подыгрывать. Я так и не открыл рот. Меня тошнило от их фальши.

В перерыве Дудаев подошел. И сказал, похлопывая меня по плечу, — мол, ты, майор, молодец. *Хорошо молчал, майор*. И добавил, улыбаясь:

— Тенево-оой.

Дудаев быстро и легко разбирался в людях. Он говорил со мной с легким даже заигрыванием. Но при этом без уважения. То есть совсем без уважения. Пока что так.

Нечто было мне свыше. Щелк! Щелк!.. Это когда Бог со своих гениальных высот, снисходя к такому говну, как мы, вдруг звонко прищелкнет пальцами.

Хотя бы и в парах алкоголя, я думаю о себе достаточно трезво... При удаче талант (как там ни назови это мое умение) сам находит человека себе ровень. Талантишко нам дается нашей же дозой. Человек на свой талантишко вдруг натывается, как на камень. А дальше — спаси и сохрани.

Если бы я в те взбаламученные, забубенные дни затеял продажу оружия (хотя бы затеял!.. а случай-

то был!), меня бы давным-давно не было в живых. Бензин-солярка — мой потолок. Но это еще надо было уметь слышать. Щелк, щелк!

Лесть Коли Гусарцева под водку насчет моего таланта. И страх за Колю... За дурацкий уазик с автоматами.

Мне хочется еще выпить. Но так, чтобы высоту опьянения не потратить на пьяный бред. Волну, которую я наберу вместе с водкой, чтобы не расплескать... Как раз и Коля ушел... Никого... Сберечь вольную волну в себе (и для себя). Чтобы там колыhalось. Взлетало и падало. Волна... Когда она бьет и облизывает камень.

Или уже утро?.. И птички уже ожили на утренних ветках — щелк! щелк!

А когда поутру Рослик-Руслан заводит, как пластинку, разговор о настоящей горской дружбе, я посмеиваюсь. И рассказываю о вовремя удравшем в Питер моем друге Костыеве... Какой стремительный! Уехал, до утра не дождался... А ведь была, Рослик, настоящая дружба!

Рослик взбеленился:

— Сколько воды утекло, а ты все помнишь!.. Не-хорошо!

Уже весь вспыхнул. Глаза горят... Размахивает руками:

— Костыев!.. Да кто такой этот твой Костыев! Да он и не чеченец. У него и фамилия не чеченская!

Воинственный националист — мужчина, как правило, мелкий, ущербный, иногда уродливый и всегда рвущийся к оружию, потому что иным спо-

собом ему от жизни взять свое не дадут. Таково подсознание... Это у всякой нации... И я мог бы предвидеть. Но то, как и какие неполноценные обрушились на меня с первой же волной... все-таки!.. все-таки перебор!

Было слишком... Одноглазые. С заячьей губой. Или росточком едва за метр. И через одного каждый с нервным тиком на лице. И как пугающе держалась его шея... Таких держать дома. Зачем выпускать?.. Трясаясь сами, они еще и трясли малограмотными бумажками, где предписывалось дать им оружие на законных основаниях... Были даже горбуны. Но я выстоял. Не дал. Тогда эти уроды подставили русских. С витиевато написанными, но тоже липовыми бумажками. Этих я и вовсе послал.

Крикливое и уродливое воинство лезло в склады, бросаясь из пакгауза в пакгауз. Палили из автоматов, правда, пока что в небо. Со злости. Мой сержант орал: «Майор! Товарищ майор! Сюда!» — и я бежал «сюда», а потом «сюда». Не шел, а бежал... Я тоже хватался за кобуру. Но не вынимал. (Угроза сильнее, чем ее выполнение.) А чичи уже всюду... У каждого пакгауза четыре-пять человек. Ищут поживу... Если не оружие, так дай бензин, убью!

Все мечутся... И я мечусь... И то там, то здесь из автомата в небо. Просто так. Для музыки!.. И вот среди этой музыки и криков я вдруг увидел кожан. Сначала спокойную большую кожанку... Вертолетчик... Русский.

Весь поразительно спокойный, вертолетчик стоял себе и нажевывал что-то. Отбить запашок. Знаем!.. Листиками кинзы. (После вчерашней поддачи?) Я кинулся к нему: «Вам, пардон, чего?!» — спросил с яростью. С опережающей злостью... На

кожане звезд нет, чина нет. А он протянул руку. Еще чего!.. Я не пожал. «Керосину бы... Летать-то надо». Он улыбался. Было ясно, что он из Ханкалы. Они там чувствовали себя гораздо уверенней, чем мы в Грозном.

Так ясно, так свежо он улыбался. Фантастически спокойный среди всех этих с нервным тиком. Человек с неба... Погоны под кожаном я, конечно, не усмотрел. Но мысль про достоинство, про незримые погоны, которые носит каждый человек, уже кольнула меня... Ишь, он какой!.. Да и что мне эта говенная горючка! Чего я на ней сижу?.. Чичи вот-вот устроят внутри склада прицельную пальбу... Бочки с бензином! Сгорю вместе с ними.

И вот — исключительно из складской противопожарности (меня словно обдало несуществующим пока что большим огнем!) я заорал на него:

— Забирай! Забирай все!.. Только быстро

Погрузили. У меня и было на том складе бочек шесть-семь. Нет, восемь. Восьмую выкатили помятую. Почти треугольную... Подпрыгивала... Забросили в машину легко, как перышко. Не грузчики, а летчики!.. С ним приехали. Надо же! Ах, ах!.. Все в кожаных... Василек, кричали ему... Василек! Оказывается, он уже тогда был подполковник!.. Молодой! У них, у небесных, чины быстрее растут. Засранец, подумал я. Хоть бы спасибо сказал. Нажевывает кинзу! Лишнего слова для человека жаль!

А следом, завидев увозимые бочки, на меня кинулся чич. Ему — тоже. Ему тоже бензину!.. Как на женщину. Дала — значит, уже дала... У этого ни тика не было, ни горба. И не заикался. Вроде бы и не наш человек. И вдруг меня осенило — *перекошенный!*.. Одно плечо выше другого сантиметров на де-

сять. За счет искривленного позвоночника. Запомнился!.. Чич хотел почесать у себя под левой коленкой. Так казалось. Левую руку сильно оттягивал вниз. Этим скособоченным, я запомнил, закончились наезды первой волны.

Я сказал ему — бери. Впустил сам его внутрь... Чтобы дорогой гость посмотрел на пустые углы. Там, в углах, все еще воняло бочками. Но бочек не было... Озлясь, чич поднял автомат и стал стрелять вверх. Просто вверх. Дырок в крыше наделал... Но и дырки были, я помню, с перекосом влево. В западную сторону.

Зато вторая волна впечатляла — рослые, плечистые и лицами хороши. Стремительно сбрили бороды. Казались актерами, которых ты где-то и когда-то уже видел... Я даже всматривался в лица. Чеченцы, вообще говоря, красивый народ.

Красавцы вроде как засиделись в горах, заждались мне показаться — но зато теперь они быстро спустились, буквально свалились с горных перевалов. И сразу хотели оружия. И автомат красиво в руке держали... Один целил мне сразу в лоб, другой — в пах... Такая раздвоенность прицела особо напрягает мужчин, оказавшихся под дулом... А они, целящиеся, смеялись. Эх, ах, Костыев-друг!.. Быстро исчез!.. Стоя под дулом (под двумя дулами), немеешь, нужда острая именно в чеченце, чеченец нужен... с языком... с повадками... для того нас двоих и срастили на складе вместе!

Он бы с ними базарил, а я бы надувал щеки, мол, ладно, ладно... мол, позвоню. Уточню насчет оружия и насчет вас... Эх, Костыев!.. Я тогда даже двух слов не понимал, когда чеченцы меж собой орали. У этих, с автоматами, у них не было нервного тика в

подглазье, зато я теперь моргал вовсю... Слюна летела мне в самые зрачки. Злая слюна их криков. Эти суки ссорились, решали — прикончить меня или только отстрелить мне яйца... чтобы голос майорский был нежнее... евнух майор Жилин, а?.. Звучит?

Но и этих я тормознул. Пока что тормознул... Кое-что растащили... Ну, там автоматы, но десятками. Не сотнями же. Пришлось кинуть им хоть что-то. В каждом пакгаузе я приманкой держал несколько как бы забытых стволов. Как бы кому-то обещанных... Чичи их жадно хватали. Они балдеют от АКМ.

Крикливые небольшие отряды-банды, с непонятно каким горским языком. Бесноватые, они врывались в пакгауз!.. Орали... Пугали... Мои солдаты охраны и солдаты-грузчики становились тихими и все больше немели. Слухи об отрезанных ушах... о посаженных в яму рабах... Солдатики покрывались потом. И помалу ударялись в бега... Строй таял с каждым утром. Вскоре сбежал сержант. Не сказал до свиданья, боялся, что его запру.

Но пока бандочки ограничивались десятком «калашниковых», я откупался... Коллапс... Ничего удивительного! Склад был похож на страну, а страна на склад. Начальство мое, полковники Фирсов и Федоров, только обещали усилить охрану... Прислать даже пару БТРов... Я кричал, причитал, вопил. Однако в ответ только их легкий полковничий треп. Телефонное фуффло.

Начальству, как известно, виднее. Вывезти оружие в Россию чеченцы не дадут, это ясно. А оставить стволы чеченцам — значит, после за кровь от-

вечать. Поэтому начальнички попросту убегали, оставляя дело и ответ на нас, кто чином поменьше... Им же виднее!.. Бежали, а я? А как же я?.. А я, разумеется, был оставлен... Приказом... Каждый поздний вечер, вместо сна, я погружался в проклятую писарскую склоку. Писал бумаги-жалобы! Одна глупее другой!.. И звонил, звонил... На что мои начальнички, мои два полковника, Фирсов и Федоров, только сердились:

— А что, собственно, ты хочешь, майор?! Война! И собирали чемоданы.

Наши, по сути, уже ушли... Все стройки замерли, а все склады напряглись и дрожали в ожидании грабежей. Мне меж тем было велено оставаться на месте и мужаться. Стоять стеной.

Стоять стеной в одиночку, это как понять?.. А вот как!.. Меня оставили зав-складом, чтобы после отдать судить — судить и упечь в тюрягу. Когда склад окончательно разворуют... Они решили мою судьбу легко. Они, эти два полковника — Фирсов и Федоров, мои начальники. Я их случайно подслушал. Они не стеснялись в выражениях. «Если федеральные войска в Грозный вернутся, отдадим его под суд за разворованное». И был альтернативный вариант: «Если федералы не вернутся, оставим его здесь... *Забудем его*. Отдадим чеченам. Пусть его порвут».

Формально они дали мне знать. Уже уезжая, они меня все-таки позвали на ту их пьянку вдвоем. (Вызвали под приказ.) Вроде как по-дружески прикрепить мне звездочку майора — новый чин... Представление на майора было уже много-много раньше, еще Костыев не сбежал. Но теперь вроде бы об-

мыть. На деле же им, полковникам, был нужен факт — мол, они меня официально оставили... Как бы передача дел... И разумеется, в будущем один полкан будет свидетельствовать против меня, защищая другого, — и наоборот. Если вдруг что. Если спрос.

Простенькая, в сущности, схема. Втроем, мол, мы все тогда обговорили, решили окончательно. Честь честью. Посидели вместе... Плюс выпивка.

Я, сидя тогда с ними за столом, понимать понимал, но все еще оставался дурак дураком. Так бывает... Они, знай, наливали по полной. А я думал, что, собственно, дальше. Тупо думал... От неожиданности на меня свалившегося. И только много пил с ними. И мало закусывал.

Зато я все услышал.

Они, конечно, предвидели и мою маяту, и какой головной болью я, остающийся здесь, буду болеть. Отдавая чеченцам каплю за каплей бензин... ящик за ящиком патроны. В конце концов я с чичами не полажу и меня убьют... Порвут.. Таких капитанешек-майоришек — море... Не жалко... Даже если уцелею, я буду виноват тем, что отдавал оружие чичам все больше. Когда нож был у горла. Когда пистолет был всунут мне в рот...

— Времяша так и оставляем. Одного?

И неважно, кто из полковников так сказал первым, потому что второй ему только поддакивал:

— Времяш хоро-ош!

— Догадается?.. Не-еет!.. Ни в коем случае! В его репке мысль вообще не сосредоточивается. Настоящий майор!.. Но если он чего и надумает, то это уже не для нас информейшн...

— Не успеет надумать. Он ничего не успеет... Им, оставшимся, здесь быстро рвут жопу.

Так они говорили... Два полкана, Фирсов и Федоров, а я, времянка, времяш, которому скоро порвут жопу те или эти, лежал под высоким и красивым крыльцом их чистенького штабного дома... Лежал в собственной неожиданной блевоте и их слушал. Я тогда слишком уважал моих полковников.

Я уважал... И было стыдно, что я так торопливо напился. Напился плохо, мутно. Хотелось, чтобы какое-то время, минут пять-десять меня не видели, пока проблююсь. Хотелось в пять-десять минут выправить и выровнять вдруг покосившуюся майорскую удаль.

Они, полковники, сами поторопили меня. Они дружелюбно погнали меня в кусты: «Поди, капитан, проблюйся. Но не сворачивай на плац!» — «Он уже майор, ты забыл?! Поди. Поди, майор». — «Не сворачивай на плац, майор. А сразу в кусты. Сирень от шиповника еще отличаешь?... В сирень нельзя — в шиповник валяй!»

Тяжелый, я вышел. Асфальтовый плац показался мне бесконечным, не дойду. Но и кусты шиповника росли почти на горизонте. Так казалось. Так меня подпирало... Не дойду... И я не пошел в кусты шиповника. Не полез... Я попросту сунулся под крыльцо (как когда-то в моем детстве мой отец), — под высокое крыльцо их дома, где меня выворачивало, крутило, подбрасывало, исторгало из меня непонятно что... и не ел я этого... не пил!.. А оно из меня летело и фонтанировало.

Зато услышал... Они меня заложили, батя, меж

двумя стопками водки. Местная поганейшая водка, под колбасу и сырок, еще рыбка была копченая... а-а, вот чем рвало... Рыбкой привозной. Копчушкой... Они меня, батя, сдали. Списали, как на складе... Заложили, закусывая... И запивая... Им было все равно, что у меня остается жена и малая тогда дочка. Им было без разницы, что я живу некую свою жизнь, что и сам я был (как и они) когда-то пацаненок... что у меня была мать, и что ты учил меня удить, вырезать удилице... мягко, но быстро выбирать лесу, когда она, скользя в воде, обжигает пальцы... Им было начхать, батя... А я был под их крыльцом. Твой опыт.

Ты не помнишь, батя. Зато я помню. Ты принагнуллся и вдруг быстро-быстро полез под крыльцо. Вроде по делу... Давно это было... Шмыгнув туда, ты там спокойно и честно блевал, чтобы мальчишки, пацанва, выбежавшие следом, не видели тебя. Чтоб не заулюлюкали... Я видел тебя там. Глазастый мальчишка видел тебя, а они нет. Ты очень хорошо притих под крыльцом, батя. Хорошо спрятался. Настоящий честный совок. Стыдливый.

Много позже Фирсова и Федорова отдали под суд, за то, что они оставили склады. Нет, нет. Не за меня, разумеется... А вообще... Ими кто-то высокий прикрылся, как собирались они прикрыться мной. Но все-таки они получили свое. Война — справедливая вещь... Иногда.

Может быть, когда их судили... Жалким и похуdevшим, с оборванными погонами, может быть, им припомнилось, как они сладко ели и пили, удирая из Чечни... как жировали... бросив одного... приказом!.. оставив человека, с которого обязательно

спросят... сейчас спросят те, а после эти... Щелк! Щелк!

И не будь тогда свыше этих звонких щелк-щелк пальцами, как бы уцелел майоришка, обреченный на выбор — либо быть судимым за расхищенные склады, либо за предательство, пособничество сепаратистам... Либо еще проще — быть пристреленным крикливыми чичами еще той, еще самой первой волны. Откуда их тогда набежало?.. С заячьей губой. С одним ухом... Редко-редко кто без нервного тика... Для большинства людей нет разницы, убил тебя красавчик или урод уродом. Но из опыта я-то знаю. Все-таки приятней, когда на тебя наводит дуло человек красивый... Как-то спокойнее.

Наконец ворвались. Они носились по пакгаузам, кружа возле ящичков с «калашниковыми». Третья волна... Это был бы полный финиш, конец. И для меня. И для складов. И то, что этот человек с усиками сумел хотя бы временно их построить и ими покомандовать, говорит в его пользу. Генерал, он делал дело с умом.

Я тогда и к нему обращался. По старой памяти... Я же складской, я... на ничьей земле. Помогите, товарищ генерал, унять своих бесноватых.

Ответ был краток — не могу.

И кратко же Дудаев пояснил:

— Я сам случаен. Я тоже случаен. Поверь, майор... Лидер — это большая случайность!

Он умел скромничать. Как все люди с безграничным тщеславием. Но спустя время мне подумалось — а вдруг человек говорил правду. Правду, которую он знал. Правду, которой он не стеснялся.

Оседлать волну... Только не спешить, не хапать —

вот и весь талант лидера. Накопить, насобирать, надергать себе, намолить правдой-неправдой побольше звездочек на погоны, дождаться волны и... и... и не спешить.

Он тонко чувствовал боль своего народа, униженного и оскорбленного (прежде всего высылкой из родных мест... полными составами!). Он улавливал минуты гнева. Виражи противостояния... Те минуты и те особые виражи, когда гнев уже надо унять. Направить!.. Отсюда и особенное, уважительно-насмешливое его чувство к врагу. Это у него классно получалось!.. РУССКИЕ — В СИБИРЬ... Он заметил надписи и запретил, велел подправить. РУССКИЕ — ДОМОЙ... Это красовалось на стенах, на торцах пятиэтажек, на заборах. На общественных полуразрушенных зданиях.

Он грамотно раскачивал лодку.

Так что возможно, что и сам Дудаев не смог бы на них в голос прикрикнуть. По пакгаузам, по всему складу чичи бегали, как отвязанные. Уже сами по себе... Как муравьи... Лезли. Что-то волокни... Мои последние два солдата охраны вырывали у них ящики, но отнести на место уже не успевали. Хотя бы вырвать из рук... Оставались еще солдаты-грузчики, но те тоже таяли. Тоже в бега! В Россию... Ничто там и тут не убиралось... Ящики где попало. Я уже и не пытался отыскать по описи, где что лежало. Опись только мешала и путала, такой был бардак!

Что-то немислимое. Бесноватые! Чокнутые! Метались по складу... И дрожали плотской дрожью, как только приближались к ящикам с оружием. Их трясло. В них ничего не было, не осталось от тех че-

ченцев (их дедов), которых, тихих-мирных, выселяли в степи Казахстана и в Сибирь семьями и целыми селами.

Мои последние два солдата жили, совсем онемев, оглушенные чужеродной силой. Молчали. Я тоже онемел... На моих глазах! Никогда и нигде, ни одна женщина не притягивала так мужчину, как притягивал чеченских юнцов новенький, пахнувший смазкой складной «калашников». А гранатометы!.. Это же чудо! Это пляска и транс!.. Невероятно, но я видел, как один из этих бесноватых гладил, а потом и поцеловал угол ящика, где в щель меж досками проглядывала «труба» реактивной РПГ-26.

Теперь я откупался целыми ящиками... Автоматы, патроны... Но оружия все еще было очень-очень много. Переполненный склад был беременной женщиной. И одним из тех предчувствий, какие случаются у переживающих свой срок беременных, было то, что вот-вот к нам сюда явится сам Дудаев... И встанет вот там... На входе... С улыбкой. Она была холодная, его улыбка. Напряженно-холодная... Улыбка больше, тревожнее напрягала, чем все эти дурацкие угрозы юнцов — отрезать мне оба уха, *по очереди*... Размозжить голову, *зажав ее дверью*... Технология каждой угрозы подчеркивалась. Технология была серьезная, судя по гроыхающей вслед горской ругани... И так милы казались вкрапленные там словечки русского мата.

Один ящик с верхней полки, вырвавшись из ручича, упал с трехметровой высоты. Грохот оглушил. И чеченцы, и мы — разом притихли, подумав, что рванул... или вот-вот начнут рваться снаряд за сна-

рядом. Кое-кто бросился на пол... Снаряды были как раз на верхних полках. Облако белой пыли запудрило нас. Это была известка... Всего лишь!.. Страх отпустил. Минута мертвой тишины взорвалась радостными пронзительными криками. Вопили... Плясали...

От той известковой пыли мы отплевывались еще сутки. Ночью в горле стоял ком.

Взлететь на воздух мы могли в любой день. Я поглядывал на ворон, привычно сидевших на коньке склада. На голубей... Успеют ли хотя бы птицы взлететь при взрыве?.. Мои оставшиеся два солдата (один из них сбежит этой же ночью) мрачно черты-хались. Глаза у солдат ввалились. На лбу непреходящая испарина страха... Мои слова их уже не успокаивали.

Одноглазый чеченец, этот, несомненно, чокнутый... Он сидел на моем стуле и, нет-нет стреляя, делал дырки в крыше (вверх стрелял, просто вверх, непонятно, зачем)... Проходя мимо, я окликнул его и пугнул: если он выстрелит случайно в тот верхний, с полоской, ящик, где снаряды, нам конец. Нам обоим... Мы с ним оба и разом отправимся к Аллаху... Я так и сказал. Взлетим к Аллаху... Уцелеют только вороны и голуби. Но и голуби не все — только те, что в эту минуту в полете... Чеченец засмеялся. Он громко засмеялся.

И поклялся, что может четыремя одиночными выстрелами открыть этот мой опасный ящик... Сбить углы... Не задев при этом ни одного снаряда и Аллаха не потревожив... Он тут же и выстрелил на показ. У меня сердце едва не остановилось... Маньяк, но одноглазый! Без повязки. С какой-то смор-

щенной, зашитой дыркой вместо глаза... Однако он, и правда, вогнал пулю в самый угол ящика. И одна из досточек ящика — вот фокус — медленно приподнялась с левого края. Ящик приоткрылся... Вот был стрелок! В меня, помню, закралась нелепая мысль, что, может, с одним глазом стрелять и целить проще. Не надо прищуриваться.

Последнего моего солдата изнасиловали. Без суматохи. По ходу дела. Требуя какой-то ящик... Солдат этот был болезненный, весь в чирьях. Теперь я знал наверняка, что и он, последний, сбежит. Подальше. В Россию. Зароется там поглубже.

Он был удручен, но не жаловался. Молчаливый. Зато у меня даже слеза нервно брызнула, когда я узнал... Я за него испугался. Я к тому времени очень устал. Устал быть цепным псом при оружии. При стволах «АК» и гранатометах. Уже и неважно, чьи они.

— Серега!.. Серега! Это я... — окликал его несколько раз.

Я нашел его за складскими сараями. Он курил. Я сел рядом. Он оглянулся, увидел, что я угрюм и зол... Вынул пачку и протянул мне паршивую сигарету. «Пробьемся, майор», — сказал он негромко. И тяжелый слотнул ком... Он меня утешал. Он сочувствовал мне. Он подсказывал мне, чтобы я тоже уносил ноги отсюда.

Он ничего не сказал про насильников. Он старался смотреть на жизнь проще. Да, да, у него простое, незлое сердце. И у меня тоже простое, незлое. И что из того?.. Что имели мы с ним теперь взамен всеспасающей злобы и ярости.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дудаев появился вскоре. Пришел на мои уже не охраняемые (последним солдатом) склады. Конечно, внезапно... Пришел он, впрочем, тоже один, оставив свою охрану в машине. Вошел... И смотрел.

Он достаточно повоевал, чтобы увидеть оружие, чтобы его оценить, к стволам не приглядываясь и к смазке не принимаюхаясь. Профи!.. Он там и стоял, где мне заочно виделся. На входе в Первый склад... Ожидаемо... И улыбался, но улыбка его была прямее, лучше, чем в моих ожиданиях-видениях. Улыбка была теплее.

Сомнений у него никаких не было. Он и не смотрел впрямую на море разлитое оружие, не смотрел на меня... смотрел куда-то вверх — на крышу склада в дырках от пуль. Однако насчет оружия все увидел. Все понял. Ничего не взял. Только потирал кончики пальцев. Пальцы о пальцы. Незаметно. (Но не для меня.)

— Ты хороший мужик, Жилин. Мы поладим с тобой, — сказал он простецки. — Еще как поладим!

Он сделал рукой широкий жест. Как бы до самого горизонта... И напоследок потрепал меня по плечу доброжелательно, по-приятельски. Даже, пожалуй, сердечно. (Но без уважения... Все еще без уважения. Которое в подобном случае сразу почувствуешь, если оно появилось.)

Почему же не выждать еще и еще, если сила прибывала к нему сама собой. Дудаев выждал. С перегретого, распаленного митинга он (лидер толпы) приходил в Совет. Строгим своим шагом. Он умел... Усики! И сдержанная улыбка... Усики вдруг раздвигались! Расплывались. В жесткий и немного хищ-

ный рас-плав... Но с теплой улыбкой. Он никого не пугал. Он охотно беседовал с еще не получившими пинка и не разогнанными совчиновниками. Выдвигал им некие новые идеи... Предлагал... Между прочим.

Почувствовав человека в силе, я в тот приход Дудаева на склад с ним заговорил. Поддался его теплой улыбке (и после не пожалел). Я в те дни намолчался. И как-то вдруг, с прорвавшейся обидой, я сказал Дудаеву, что меня здесь предали... Все... И сбежавшие полковники... И те, кто были рядом... Даже друг. Лучший друг.

Дудаев кивнул: «Твой Костыев... Знаю... Помню... Удрал в Питер», — он меня сразу понял.

Я отнюдь не жаловался, только взял ноту выше. Я знал (еще по советским совещаниям), что Дудаев любит высокие слова. Кавказ тому способствует. Предатель — это черное. Друг — это белое, белее не бывает.

Дудаев посерьезнел:

— Предают друзья, майор... Лучшие! Предают именно друзья...

И генерал заговорил. Он слегка взволновался. И слегка тер пальцы о пальцы. Его слова зазвучали. Хотя, по сути, он только повторял и повторял про лучших друзей. Которые нас предают... Почему?

А потому что все прочие нас *сдают*. Приятели *сдают*... Товарищи *сдают*... Сослуживцы *сдают*... И если ты накололся на них, на всех прочих — это ничто, это норма. Это жизнь. Если делают подянку приятели, товарищи и все прочие — это просто люди как люди. Это мало что значит... Это ничего не

значит. На Кавказе есть притча о волке и буланом коне...

Дудаев не изрекал и не поучал, он легко и с удовольствием рассказывал горькую притчу... При этом оглядывал склад, ящики. Я вдруг понял, что он здесь такой же, как все. Его возбуждало оружие.

Человек выкормил раненого волчонка, полагая, что тот станет ему собакой. Волчонок, разумеется, стал волком и сбежал в лес. Когда человек встретил его однажды в лесу, он с укором сказал: «Ты предатель», — на что выросший волк ответил: «Не нагружай меня чужим именем. Я просто волк. Я не был твоим другом».

«Я же не был твоим другом, — продолжал волк. — А вот твой конек буланный, который был твоим дружкой и которого ты так любил... Которого ты кормил и поил слаще, чем самого себя... Которого ты из жалости не выхолостил... Который каждое утро ржаньем тебя будил... И который вчера, забыв тебя, увязался за молодой кобылой, ушел по тропе до самых гор... где наши леса... где как раз вчера я перегрыз ему горло, вот он — предатель».

Но притча не про нас с Костыевым. И что там ни говори, дома мы с ним сработали чудесные. Ляпали-стряпали, и вдруг — вот оно! Удалось!.. Возможно, и впрямь горстка домов была, как малая стая птиц, напрягшихся крылом... перед взлетом. Журавлиные, надо же!.. Костыев, хоть и питерец, цокал языком:

— Капитан. Какие дома получаются!

И я, в те дни капитан инженерных войск, отвечал:

— Какое время — такие дома.

Недолгим было то время. Камень подбирал я. Для горного солнца. Чтоб играло. Чтоб дома высокие, играющего, серебристого цвета... Все четыре дома были вытянуты. Почти башни. Вот-вот взлетят в сторону гор.

Сейчас сплошные руины. Если мне случается проехать мимо нынешних там разрушений, я только на миг зачем-то сбавляю ход машины. Вглядываюсь.

Стремительность — восхитительная чеченская черта. Завораживает!.. Сразу же после рассказа о честном волке и предателе-коне Дудаев решительно двинулся в глубину склада... Накормив меня вкусной притчей. Зажигая по ходу лампы освещения. Одну за одной... Был в форме. Красиво пронес рядом со мной генеральские погоны. И вперед, вперед!.. Не оглядываясь, иду ли я следом... реагирую ли.

Раздвинув усики, улыбнулся — он забирает из гаражной части БТРы, это ясно... оба танка, больше их нет... грузовую машину, полную автоматов, и... и малость провианта в консервах... А где складской бензин? Впрочем, бензин пока ему не нужен. Ну ладно, немного солярки... Патроны... А солярку про запас в горах запас — это неплохо!

Я молчал. Ясно, что я никто. К этому времени за строптивый базар пристреливали на месте... Все служаки жили в дурмане страха. Не были уверены в понедельник, что доживут до среды. Я такой же. Я все еще каждое утро названивал в верха, прося уже не охраны и не помощи, а просто жизни — чтоб отозвали... Чтоб я имел право удрать в Россию... Потихому, как мой изнасилованный солдат охраны.

Он только и сказал мне: «Пробьемся, майор...» — и исчез. Последний солдат.

Дудаев забрал, сколько хотел и сколько мог. Генеральский мундир нарядный. Еще советский!.. Мундир узаконивал, где мундир, там и право. Но все же не настолько, чтобы опустошить мои склады... Ведомства все-таки разные.

Но что мне!.. Кто я?! И что я?! Подполковник забирает или генерал забирает, русский или чеченец — все без разницы, потому что пуля в стволе... потому что я никто и меня вот-вот пристрелят за лишнюю бочку бензина. Вот теперь право. Вот мундир.

По сути, Дудаев, опустошая склад, предлагал мне дать деру. Гуманно предлагал. Еще и прикрывая сколько-то меня, майора, генеральским словом и иммунитетом.

Он меня щадил. Он мог и вовсе ничего мне не говорить. Обычно интендантов, комендантов, начскладов и прочее говно Дудаев просто запирали в красный уголок, вместе с бюстом Ильича (чтобы тот не скучал), и брал все, что надо, без слов.

Четыре пакгауза он и здесь обошел молча. Только после заговорил, но не об оружии... Обо мне.

— Я тебя ценю, майор... Я тебя помню...

Я смолчал.

— Ты ведь не вояка.

— Нет.

— Почему бы тебе, майор, не построить дачку. Уйти со службы... Совсем уйти. Самое время... Дачка — это хорошо бывшему майору.

Он повторил, нажимая на слово «очень».

— Дачка, это *очень* хорошо бывшему майору.

Он мне подсказывал.

— На берегу большой реки, а?

— Что? — я заторможенно недоумевал.

— Почему тебе там, у реки, не постройться... Там у вас места полным — полно. И сколько красоты!.. На берегу какой-нибудь большой русской реки, а?

Он, кажется, любил эффектно подсказывать. И минута удачная... А все, что он на складе хотел, он уже высмотрел.

Свою полуколонну, которую он дополнит моими БТРами (и которая станет полной колонной), он вызвал загодя... Она уже стояла, разинув рты, то бишь задние борты. Стояла с уже откинутыми, открытыми задними бортами, как раз когда мы толковали о настоящих друзьях. Когда он потчевал меня конем и волком... И ворота складские тоже уже были настезь открыты... Бери-неси.

Его люди выплеснулись из машин без сигнала. Дудаев лишь выглянул в ворота... Забегали туда-сюда, как муравьи. Вмиг всё вынесли — вмиг все загрузили... Выползли и боевые машины. Дудаев что-то своим подсказывал, но опять же без слов. Вытягивая руку. И сложенные два пальца.

Вернувшись ко мне, Дудаев стал строже — сказал, что прощается. И что майор Жилин не должен дергаться... И что вообще он разговаривает с майором Жилиным только потому, что уважает майора по прошлому.

— Только потому, что ты строил Журавлиные дома. Понял?

Усики легко улыбнулись, и он дал мне в придачу щедрый генеральский совет!.. Запиши, мол, — взято генералом Дудаевым то и это... То и это... Взято там и тут... Понял?.. Если будешь вести такие запи-

си, наши люди отрежут тебе башку, но все-таки не сразу. Отрежут на неделю, а то и на две недели позже. Времечко тебе будет исчезнуть... Отступ... Понял?

Грабеж с улыбкой... С усиками... Твой любимец, батя, он был эффектен. Не спору.

Колонна, за счет моей бронетехники отяжелев, разворачивалась медленно. И что-то мне стиснуло сердце. Невнятное чувство. Мне стало досадно — обидно, что ли?

Поначалу, уверен, сработало обычное складское жлобство. Да, да, жадность... Стало вдруг жлобски жалко эти стволы, эти гранатометы, эту броню... Ящики патронов. Жаль, как будто из моего детства уворовывали коробки с сухим печеньем, надо же!.. Цвет хаки стал пронзительно родным. Цвет кричал. Ущербный, ящеричный цвет... Солнце висело бледное, тем охотнее цвет хаки прятался от присмотра лучей. Вся колонна дудаевская охотно пряталась от солнца... сама собой подальше... пропадала вдруг!.. такой вот цвет! Странно, батя, но правда: я любил этот прячущийся цвет.

А Дуду распахнуло. Ну, открылся человек. Все-таки он волновался, пока не получил оружие. Душа его пела. Оружие — наркотик... Горец открылся!.. Не стесняясь, уже победитель, Дудаев привычным движением крутого вояки открыл свою планшетку. Тоже цвета хаки... Призадумался... Мне вдруг крикнул: «Поди к ангару. Перепиши свои БТРы... Все большие стволы», — крикнул, а сам склонился над планшеткой ниже. Прилип.

М-м... М-м... Вот-вот... Так-так... Прикидывал

Дудаев себе путь в горы. Генеральское мышление!..
*Вот здесь и пройдем... М-м... Здесь будем в шесть...
Значит, здесь, м-м... В семь тридцать...*

А я стою, не ушел. Я подзадержался. И тупо стою. С ним рядом... Он, генерал, хозяин гор и ущелий, водит карандашиком по карте — по самой ходкой для него дороге Шали — Ведено... А я вроде как ищу складские ключи. Склады ограбленные запереть. Перебираю... Позвенькиваю... Я ж для него никто. Для Дудаева я еще бульшая временка, чем для оставивших меня здесь полковников, Фирсова и Федорова. Заранее мертвый. Считай, что поблизости от него трупак, только стоит трупак на ногах и почему-то пока что не воняет...

Окликнул:

— Эй. Не бренчи ключами.

И размышляет над картой вслух:

— Ага. Здесь в семь тридцать... Как раз будем.

Дудаев на миг оглянулся на меня — мол, временка, а ключами опять бренькает. Но я уже, и правда, завонял, пахнул на него своим нервозным потом. С расстояния даже... Такого со мной никогда не было. Но и мысли такой отчаянной тоже ведь не было.

Мысль... И какая!..

То-то пот прошиб... А Дуда на меня оглянулся. От планшета, цвета хаки, оторвавшись. Конечно, генерал был слишком занят дорогой на карте. Зигзагами путей и перепутий... Так что, оглянувшись, он только на миг задержал на мне удивленный генеральский взгляд: стоит, мол, времяш, временка, еще живой, а уже воняет, смердит... странно!

— Поди, поди, — ласково сказал. Воняет не захотел. Остерегся времяшу крикнуть строже — вре-

мяш ведь не вояка, времяш и реально в штаны наложит.

А в моих ушах щелкнуло. В слуховом пространстве левого уха... Щелк! Щелк!.. Но уже звонче. И уже много выше моего уха... Так что после я легко счел, что этот звук — с небес. Там прищелкнули чьи-то громадные звонкие пальцы. Там возникло мое рыночное умение, мое *оно*, которое Коля Гусарцев, когда хотел мне льстить, называл талантом.

Я вдруг понял свой пот. Запах пота. Смысл... Моего пота!.. Вот как с Дудаевым надо... Более того, я понял не только про Дудаева, а сразу про многих-многих дудящих... вот ведь как с ними надо... независимо от их лиц... званий... национальностей. Да, с Небес... Божья подсказка.

Колонна ушла. Дудаев на первой машине... Чуть что, он успеет выпрыгнуть в кусты. При атаке с воздуха. Сообразит... Профи!.. Малость оцарапает свой мундир... Нос... Так что я, уже конкретно подумав про укрывающие его кусты и его оцарапанный нос, пошел к складской рации.

Каменным, медленным шагом шел. *Вот как с ними надо.* (Но весь был в жару... Пылал. Щеки и уши, лицо горело.) Нашел бумажку-квиташку с фамилией, оставленную тем подполковником в кожане... Тем, жующим кинзу Васильком.

Василька в Ханкале полковые связисты нашли мне по рации в минуту. Известен!.. Теперь он не жевал, зато говорил жутким басом. Важный... То же, как стало понятно, он вынул планшетку. Я ему кратко... Про грабеж. И про усики. И про дорогу Шали — Ведено очень кратко и точно. Про всю ящеричную колонну с так любовно подобранным грузом цвета хаки.

Василек ничего не пообещал, а просто дал *конец*

связи. И как обрубил — я стал далек от всего окружавшего.

И холоден, до зябкости холоден. Я стал лед. Ни кровинки тепла... Я, помню, разом обессилел, сделав тот первый самостоятельный шаг... Колонна с моим складским добром еще в пути. Колонна еще пыль за собой тянула. Сопли не убрала... Они еще были недалеко. Сейчас, в шесть с минутами, они были близко. Но я ведь уже знал наперед. Знал, где они будут в семь тридцать... Ровно в семь тридцать. Где и в каком виде.

В виде каши.

И тогда же Бог упрекнул меня этой кашей и остановил меня. *Не воюй...* Бог подсказал мне третий путь.

С тебя хватит крови, майор Жилин... Ты не во-яка и не мститель. Ты обычное честное дерьмо. И хотя ты никто и ничто, майоришка Жилин, ты не сразу сгинешь в уже начавшемся непредсказуемом кровавом бардаке... *Продавай...* Тебе не выжить иначе.

Предлагай — и продавай... *С гудящими* только так. И не стесняйся... Твоя миссия!

Дудаев примчался. Без мундира... В пиджачке. Каким был в дороге, такой и примчался.

Но вот ведь чутье!.. При атаке с воздуха ему не пришлось сигать в кусты, царапая мундир, нос и лоб. Оказывается, он не отбыл с собранной и пополненной (у меня на складах) колонной в горы, он только отправил ее и... и правильно сделал. Сам он поехал сразу по другим делам. Но пришлось вернуться.

Потому что от отправленной им колонны уже в семь двадцать девять осталась пыль. В семь тридцать его бойцы, сопровождавшие награбленное, уже рванули на небеса — все разом. В семь тридцать пять, я думаю, их там уже встречали. Расселись... По комнатухам... По койкам... Гурии уже заждались и готовы были их обласкать... Впрочем, частично боевиков этой колонны Дудаев сохранил. Сами сохранились!.. При виде (и при реве) вертушек Василька часть чеченцев разбежалась в кусты очень грамотно. Ну, понятно, служили в рядах... Учились в учебках... Когда-то.

Дудаев, хотя и без погон, хотя и переодевшийся, в пиджачке, владел собой и ситуацией. Он не знал в те дни поражений... Он довольно спокойно сказал мне, что он снова придет с бойцами к моим складам. И снова заберет себе оружие... Сегодня же!.. Точно так же... Столько же БТРов. И гранатометов столько же. И «калаши», само собой. И патроны.

Затем, чуть хмыкнув, он решил не мелочиться:

— Я заберу все.

И только затем спросил, глядя глаза в глаза:

— Кто мог меня предать? — и так странно, так колюще он смотрел на меня.

И знал вроде бы ответ. Но верить в такое не верил. Чтобы этот времяш мог так быстро, так мгновенно в ситуации разобраться?.. этот никчемный, пропахший, подванивающий честным потом, всеми брошенный майоришка?.. он?.. это складское дерьмо?!

Однако!.. Однако при этом Дудаев впервые (первые за годы) смотрел на меня, нечеченца, с настоящим уважением.

Я пожал плечами:

— Предают только друзья. Вы же сами сказали...
Предают только лучшие, верные друзья.

Он все еще смотрел на меня. Безотрывно.

— А все остальные сдают, — продолжал я. —
Просто гадят, и это нормально... Что удивляться!
Люди как люди... Сами так сказали.

Я же, мол, не твой друг. Если даже это я, времяш,
такое тебе устроил — я же из остальных. Я же не из
числа друзей. И значит — не предатель... Чему
удивляться!

Он вынул бумажник, легко сбросил мне на стол
тысячу долларов. Сотню за сотней.

— Неплохо, а?

Однако же и при столь царском движении ру-
кой, уже давая деньги, уже покупая у меня, он не
вполне верил, что разнос на дороге его колонны (в
семь тридцать по времени) связан со мной... Ну, не
мог он поверить! Чтоб это дерьмо... Чтоб этот майо-
ришка. Может, за его спиной кто-то серьезный?..
Да, да, кто-то серьезный.

Иначе б он, Дудаев, вынул пистолет. Если б впол-
не поверил. Он бы застрелил сгоряча... Но он не за-
стрелил и даже не вынул пистолет, а вынул штуку
зеленых... И еще спросил — неплохо, а?

Я сказал:

— Неплохо... Если половина колонны дойдет до
гор. В горах ведь и половина колонны тоже неплохо.

И Дудаев вновь — опять же не веря (в меня) ни
секунды — вынул из бумажника еще одну тысячу и
положил на ту, на предыдущую. Еще полцены. На-
перекос положил. Чтоб не считать. За вторую поло-
вину колонны. Так на столе они и лежали крестом.
Мои первые тыщи.

А потом они, его люди, пришли... Загрузились полностью. Не оставив даже пол-ящика патронов. Ни ствола... Выгнали в ворота БТРы, до последнего. Там и было-то два... Три грузовика. Два джипа... Вот и опять получилась колонна. Взяли все и ушли.

Я стоял в открытых воротах вчистую разграбленного склада. Колонна запылила... Чеченцы уходили. Ворота так и остались распахнуты. У меня уже не было ничего и никого. Ни солдат-грузчиков. Ни солдат-охранников.

У меня были только распахнутые ворота.

Там у ворот мы и стояли — Дудаев и я... Стояли не спеша. И молча... Вроде как поладили и тем самым навсегда прощались.

И тут, вот минута, ему позвонили. Он вынул мобильный телефон. (У чеченцев мобильники появились раньше, чем у нас. Но тогда их еще вовсе ни у кого не было.) Просто чудо. Такой блокнотик. Без проводов, без антенны!.. Вроде плитки шоколада. И так плавно шоколад-блокнотик разносил вокруг свои позывные — мелодичный, как бы щенячий звон. А Дудаев — сразу важный, усики сделал строго — поднес телефон к уху и коротко сказал кому-то:

— Мы вышли.

И зачихлил блокнотик.

Возможно, генералу показалось, что во мне маловато эмоций по поводу мобильника. Восторга моего мало. Снисходительно глядя, он мне подсказал, что я сейчас должен чувствовать — мол, видал диво! вот теперь какая связь будет... связь в горах — ты, майор, и представить себе не можешь, какое это чудо для войны в горах!

Я на всякий случай по-горски восхищенно поцокал, пощелкал языком. Мол, диво дивное.

Дуда сказал:

— Вот мой лучший друг теперь. Вот кто не предаст.

А я как в воду глядел. Сказал машинально:

— Еще посмотрим, товарищ генерал.

Иногда (мысленно) я рассказываю отцу о своей фантастической (и однако же реальной) продаже оружия. И что не кто-нибудь, а Дудаев стал повивальной бабкой моего торгашеского таланта. (Сам того, впрочем, не сознавая.) Отцу всласть было бы послушать. Наверняка!.. Старенькому выпивохе польстило бы!

Как он, отец, там в Ковыльске?.. Закрываю глаза. Вижу его, идущего меж пятиэтажек в сторону магазинчика. И какой легкой походкой!

Первая моя сделка по оружию так и осталась единственной. Я словно бы потрясен был сам собой. Я обомлел... Я больше никогда ни ствола не продал... Возможно, социологи сделают наблюдение. Возможно, не один я в те дни попытался скачком совершить торгашескую метаморфозу. Не знаю!.. Я как бабочка, только-только освободившаяся от кокона. Бабочка совершила свой первый полет. Свое первое кружение... И замерла... И сидит... Мимикрируя на цветах разнотравья. Схожих с ее крылышками.

Да и обстоятельства от меня отвернулись. Война!.. Грозный в огне... Время то ползло, то немислимо ускорялось. В мятежный город с двух сторон во-

рвались десантники Бабичева и десантники Рохлина. И эти «клещи» — единственное, что в те дни уперлось в меня вплотную.

Конечно, война, становясь гражданской, жесточеет. Понять ее невозможно... Воюющий невоенный человек, я лишь для себя (для внутреннего пользования) все-таки нашел войне объяснение. Оно простое: *война сама по себе абсурдна... Пока она не кончилась.*

Нет, нет, вот так будет правильнее: *война абсурдна, пока нет победителя...* Пока победителя нет, не задавайся вопросами. Почему? Да как? Да кто виноват?.. Да кто в драке ударил первый... Детские споры!

Вот выявится победитель, и сразу (или постепенно) найдутся понятные причины, неизбежные следствия... События встанут по росту. Победитель расставит все и всех по своим (по своим) местам. Появится логика победителя. А другой логики у нас, у простых людей, не бывает.

Шел 95-й... Логики еще не было. Грозный разрушен, раздавлен... Черепки домов. Сожженная бронетехника. Десантники Рохлина, разрушая или сжигая дом за домом, вдруг натываются на сгоревший цементный завод и на несгоревший (!) склад с бензином. Чем не абсурд!.. Склад, забитый бочками с бензином, целехонек. Бензиновое спокойное море. А кругом огонь!.. И безлюдные пакгаузы в ряд. Никем не охраняемые. Если не считать одного шизанутого майора, который с пистолетом в руках бежит у распахнутых ворот и вопит, что эти бочки не отдаст... бензин не отдаст!.. Никому!

Рядом, там и тут горят дома, рушатся стены... на

воздух большими птицами взлетают крыши... А майор кричит, загораживая собой склад с бочками:

— Мое!.. Мое!

Я и был тот шизанутый майор.

Десантники скрутили меня. И один из них, добрая душа, успокаивал мою безумную складскую алчность: «Мы их заберем, майор... Не бойсь!.. Мы все твои бочки заберем».

Мне дали отпуск на целый месяц, и я уехал в родной Ковыльск к жене и дочке. Ну и к отцу, конечно... Отцу я привез первые байки о Дудаеве, а жене — две дудаевские тыщонки — доллары... Которые я сохранил, несмотря на острую шизоидность тех моих дней (одиноких, у ворот склада). А может быть, сохранил благодаря той шизоидности. В обычной пятнистой куртке. В обычном грудном кармане.

Дома я рассказал жене о совете чеченца построиться на большой неназываемой реке. Ночью рассказал... В постели. В любовном затишьи... Дудаев, вот кто уже тогда чутко понимал, что выбравшемуся из Чечни майору свою реку, где жить, лучше не озвучивать. На всякий случай... Тогда же, в постели, мы с женой решили — мысль хороша... Какая интересная, Саша, мысль, *с полетом!*.. Что значит генерал!

— Генерал авиации, — подтвердил я.

Но только через год, когда в Чечне сделался какой-никакой мир, мы с женой созрели вполне. И, не промедлив, уже в следующий мой отпуск, я выбрал большую реку. И по-быстрому съездил, присмотрел местечко на ней. Но начинать там стройку жене пришлось одной. Меня вызвали...

Не отпускали. Замирение в Чечне, все чувствовали, было непрочным... Меня перебросили в Моздок, строить дома возле Чкаловского аэродрома... Дома и казармы... Чкаловский становился очень востребован.

То там, то здесь разбег и взлет самолета. Свист, рев двигателей. Я на стройке общежития, и вдруг... знакомый голос. Окликает меня, а с какой стороны, не разобрать. Из-за рева самолетов... Я верчу головой... Ищу... И вдруг ах! Костыев!.. Стоит, улыбается! Его, питерца, тоже бросили на здешнее приаэродромное строительство. Вернулся мир — вернулись стройки. Видно, на чьей-то начальнической бумажке (или в чьей-то начальнической башке) мы так и числились, так и жили парой — *Жилин и Костыев, инженеры*.

Мы обнялись. Никакой у меня, конечно, обиды... Ну, уехал! Ну и что?.. Тем более что Костыев объяснил. Его тогда выдернули прямо в ночь — либо уедешь сейчас в свой Питер, либо вообще не уедешь!.. А он, среди ночи собравшись, попросил некоего Исмаилова. Просил рассказать мне... Записку написал!.. И крупно поверху: МАЙОРУ ЖИЛИНУ... Но Исмаилов, это я тоже помнил, тогда же исчез. Говорят, убили.

Костыев все умел объяснить легко и толково. Питерская школа... Да я и не таил обиды. Время разбросало. Время не для обид... Где оказался. Кого потерял... Кто пожил в Чечне, уже не вели счеты. Война!

Наша дружба возродилась с первого же дня. Словно и не расставались... Строить на пару, это у нас с Костыевым получалось. Вспоминали, конечно, и Журавлиные дома. Глянуть бы глазком — целы ли?.. Съездить невозможно... Грозный был не

наш. Зато возникла романтическая идея (под вино, конечно! в Моздоке с вином было нормально! отлично было!) — слетать туда. Уговорить вертолетчика... И пролететь краем города.

Сбить не собьют. Самолетный парк Дудаева был практически нулевым... Набрать как следует высоту... Пролететь. Нам бы с Костыевым на полминутки. С биноклем в руках... Только бы глазком глянуть!

— Узнаем мы их сверху?.. наших красавцев?!

— Еще бы!

И мы чокались.

Нам в Моздоке предстояло строить очередной дом, в три этажа, для все растущей аэродромной обслуги. Дом предполагал два флигеля — и вот меня ужалила тщеславная инженерская мыслишка. Амбициозен вдруг стал.

Спланировать дом — как самолет. На долгую память о нашей здешней совместной работе. Чтоб два флигеля, как два крыла. Ну, и нос... Такой туповатый (небольшой) выдвиг в центре дома. За счет эркеров в выдвинутых квартирах. Эркер на третьем будет сам собой глядеться, как полупрозрачная кабина пилота... А?

— А? — сказал я сам себе. — Клево?

Мысль пришла на ночь глядя. Я уже ложился спать... Я покрутился, поворочился в постели не меньше часа. Сна нет. Намял бок... Потом другой бок... А потом встал, оделся и среди глубокой уже ночи пошел к Костыеву.

Он квартировался неподалеку, у одной старушки.

Да, да, я еще и вина взял. Под хороший разговор. Пару бутылок... В Моздоке было с вином отлично!.. Костыев в нашей паре считался все-таки главным

планировщиком. И если дом нестандартен, Костыева надо было убеждать... Уговаривать. Желательно с вином.

И вот я взлетел по лестнице, держа по бутылке в руке — в правой и в левой. Бутылки (как все помнится!) были по-вечернему прохладны, не липки.

На мой несколько нервный (вдохновенный!) стук дверь открыла старушка. И сказала, что ее постоялец, мой друг Костыев, уехал в Питер... У меня запершило в горле... Старушка выговорила название города тщательно — в Санкт-Петербург... Час назад. Да, насовсем... С вещами.

Уже утром узналось, что тихо тлевшая война вспыхнула наново. Вторая Чеченская.

Едва Грозный и его пригороды были с боями взяты, меня выдернули из строительства и опять воткнули в склад. В склады?... Но не в Грозный, там живых складов пока что не было... в Ханкалу... Где я довольно быстро развернул бензиновый бизнес. Что получилось само собой.

Но в первый день я ходил по вверенному мне ханкалинскому складу крайне недовольный. Склад был дерьмо, ни в какое сравнение не шел с моим грозненским... Во-первых, не приспособлен к хранению бензина-солярки. (А именно бензином-соляркой склад только и был забит.) Пакгаузы не приспособлены к накату и выкату бочек. (Пакгаузные выступы не вровень к бортам подъезжающих машин.) Автоподъемники скрипели, хрипели и ломались ежечасно. Чуть что — погруз-разгруз вручную... Каменный век!.. Но выбора не было. Война!

Залив бензовозов был тоже плох. Но зато бочки. Бочки!.. Вот что меня подвигло... Я вдруг узнал их.

(Или мне показалось, что я их узнал.) Родные мои. Их действительно вывезли из грозненской жаровни. (Или мне показалось...) Я весь встrepенулся. Это были мои бочки. Мой бензин!.. Именно так я кричал десанникам Рохлина.

И никакого оружия. Как благодать. Только горюче-смазочные. Я даже потрогал бочки рукой. Эти чумазные бочки мне нашептывали. А я их касался. Ласково... В тот первый день, когда я сюда прибыл.

Бочки стояли, лежали. Бочки всюду... На этот раз я прочитал подсказку.

Если я впаривал офицеру-деляге или напрямую говорил разъяренному полковнику (или чеченцу-посреднику) — да, я дам тебе солярку... Бензин тоже дам ... Я дам смазочные масла. Немного, но я дам... — они меня не понимали. Они меня не слышали. Ни наш дяляга, ни заинтересованный чеченец-посредник... Они одинаковы. Война!.. Они тут же начинали требовать больше. Качать права... Грозить... Еще и еще больше! И совать вдруг появившийся в руке пистолет мне в ухо.

Но если я им говорил, — да, я дам солярку, бензин, другое-третье, но ты заплати... Если говорил, я продам... Вдруг оказывалось, что меня понимают и меня слышат. Все. И те, и эти. И третьи, и пятые. Я продам — и они соглашались. Да, да, спорили, жалась за копейку, однако понимали. Они тоже грозили, наставляли иной раз в ярости пистолет, сколько я повидал этих дул!.. этих черных и серых отверстий!.. но весь этот балаган был уже иным. Уже ради цены.

И ведь они не бесновались. Не палили в потолок. Даже чеченцы. Самые буйные. Одноглазые... С тиком в ноздре... Они становились вполне вменяемы. И все-все очень хорошо понимали, когда я им говорил:

— Я *продам*. Все пять бочек. Но заплати.

Или натуральным путем. Если я был обязан по разнарядке:

— Получишь. Все получишь... *Продам*... Однако в том перерасчете, что каждая десятая бочка — моя.

Армия была все еще в полураспаде... Не будь майора Жилина, где-то стояли бы горы бочек с бензином и мазутом, а где-то — ноль. Как при коммунаках. Застой.

Я брал каждую десятую бочку не потому, что я хозяин склада и вор, а потому, что я обеспечивал доставку. Да, я зарабатывал... Но ведь я круто работал. Но ведь у меня информация. У меня осведомители на дорогах, им надо платить. Война в горах — непростое дело... Иной раз я продавал бензин-мазут чичам, но зато и полевые командиры нет-нет и пропускали те колонны, где были машины Сашика. Я, как никто, обеспечивал, чтобы горючка попала в точности в те наши воинские части, в какие она должна попасть. (На чеченских дорогах отслеживал Руслан, на наших — Коля Гусарцев.) А в тяжелых, тяжелейших случаях (дорога на Ведено) я самолично находил проводников, таких, как Хворь... Таких, как Костомаров... В сущности, я ввел цену за *гарантию* горючки. За *гарантию* ее доставки. Я и такие, как я.

Не скажу, что я ввел рынок. Это смешно. Это не-

скромно... Но я и такие, как я, ввели в условиях войны цену как таковую... ввели доставку... оплату деньгами... ввели оплату натурой в параллель деньгам (каждая десятая бочка)... Мы ввели начальные рыночные отношения. А рынок возник, конечно, сам. Рынок всегда сам.

Однажды в штабе кто-то впрямую на меня сказал. Все-таки стукнули. «Жилин» — прозвучало. «Три бочки бензина чеченцам за провоз...» И как некая сверхугроза прозвучало «коррупция». Присутствовал сам Трошин. Присутствовал сам Шуманов. И другие могучие.

Но штабисты сами же меня прикрыли. Я был им нужен. Там уже появились неглупые люди... Что ни говори, академии кончали. Сначала Мамаев эффектно выступил. Тогда и прозвучало впервые, что ничего нет хуже на войне, чем хаос... чем распад армии, который как раз сейчас мы едим большой ложкой. Коррупция — это стократ лучше, чем хаос. Коррупция — это уже какая-никакая культура...

— До коррупции нам еще надо дожить, — эффектно заключил Мамаев.

Но напряженная пауза вновь повисла. Штабисты молчали. Мамаев все-таки слыл за краснобая.

Затем Гусарцев отважно выступил — иногда, мол, мы все это знаем, бывает нужна обеспеченная дорога. Предгорная... Тем более горная... Кровь из носу, но нужна дорога.

Неплохо выступил, но опять пауза. Уж очень малый чин у нашего Коли.

Но вот, откашлявшись, Трошин заключил — сказал баском:

— Ладно, ладно, не стройте из себя девочек... Дорога бывает нужнее бензина. Давайте смотреть на эти две... или три... сколько там бочек?!. Смотреть не как на торговлю майора Жилина. А как на подкуп полевых командиров. Все облегченно и разом расслабились. Засмеялись. Расценили слова Трошина как кутузовскую мудрость и неспешность. Меж тем я был в шаге от кары.

Конечно, конкуренты по горючке подвергались сильнейшему искушению избавиться от меня. Интенданты, которые в чинах... Убрать меня... Подпихнуть локтем, локотком под военный суд. Еще как ревновали!.. Ведь целых две цистерны с горючкой! Стояли же на вокзале!.. Прибыли с товарняком из России. Две!.. Громадные. А я им, хоть и в чинах, не отлил, не плеснул по малости даже в канистру.

Соляру я пожирал еще быстрее. (Чеченцам она ценнее, нужнее. На полевых, скажем, работах.) Мазут... Даже мазут... Солярка спецзаказом для моих конкурентов. Она исчезала запредельно быстро, уже на подъезде к Грозному. Уже на рельсах. Вместе с цистерной. Они не успевали цистерну даже заметить... Была ли?.. Мираж... Для конкурентов-перекупщиков от меня оставались только бензиново-солярные разводы на рельсах, вот и все. Меж рельсами. Цветовые, радужные пятна на темной земле. Как запоздалая отметка в просроченном паспорте.

Разруха и частая смена начальства — два фактора, которые шлифуют нас, рыночных, до блеска. Но не всех.

Откуда им, интендантам, было знать про божью подсказку, про тот удивительный звук в самом на-

чале откровения... Щелк! Щелк!.. Задолбанные, истеричные, трясущиеся за погоны, за лишнюю там звездочку... Откуда им было знать про неожиданную параллель бензина и бесстрашия. Дудаев (сам того не зная) научил меня при сделке смотреть глаза в глаза. И не застрелил же он меня, не смог... А ведь потирал пальцы о пальцы. Он только потирал свои пальцы, хотя они тянулись к пистолету.

Дудаев погиб, его подставил, предал его собственный мобильный телефон. Лучший его друг. Именно как настоящий друг — разом и подло. Притом что сам уцелел... Когда федеральная ракета шарарахнула, среагировав на подсказку (на импульс мобильника), все, что вокруг и рядом, взлетело. Фонтан земли!.. Все в клочки и в пыль... Уже не склеить... Земля, джип дудаевский, какая-то его еда, разложенная на скатерке, разостланной прямо на траве. Все взлетело. Все фонтаном... Самого Дудаева не разорвало, но так сильно отбросило, что убило. И тоже не склеить... Зато дружок его верный остался цел, хотя вместе с фонтаном земли тоже взлетел до небес. Бывший верный.

Родные и подумать не могли на маленького предателя. Напротив! В час похорон они с полным уважением положили в могилу вместе с покойным его мобильник. Там же всем известная его пилотка... Оружие, конечно! Любимый планшет!.. Чтобы помнили, кто был хозяин пространства цвета хаки. Хозяин гор и горных дорог. И засадных глубоких ущелий.

Однако же, увы, не вполне хозяин своей небольшой могилы. На могиле ничего. Тайна... На могиле ни буквы, ни знака... безымянная, чтоб не нашли

недруги... Закопали тайком... Настолько тайком, что вдруг потеряли могилу. (Пустили такой слух.)

Возможно, мол, есть два-три человека, кто место могилы знает. Но ведь война!.. Эти двое-трое могли быть где-то в отсутствии, где-то востребованы... А возможно, и убиты. Война то надвигалась, то отступала. Так что про могилу Дудаева уже вроде бы никто не знал... Но вдруг ракеты опять стали бить по некоему месту на взгорье. Две ракеты... И обе легли рядом с могилой.

Дело в том, что лучший друг Дудаева продолжал жить и в земле. Он и в земле вдруг стал попискивать... Включенный малым током. Вдруг ожил. Какой-то особый глинозем... Воздействовал как статическое электричество. Слабенькие, но сигналы. Ракетные взрывы вновь подняли землю... и все, что в ней, фонтаном. Вновь до небес.

А мобиле опять хоть бы что. Старомодный. Один из первых. Не бог весть какой с виду. Покувыркался на взрыве, шлепнулся в траву — и все еще попискивает. Опять за свое. Пока наконец сам собой не выдохся. Пока не успокоился... Настоящий друг мстит долго.

Я пью чай... Облака за окном поражают белизной.

Под этими облаками где-то там, подальше, вьется дорога. (Недалеко, в сущности. Чечня невелика.) Там по дороге мчит джип. Знакомый мне джип, за рулем еще более знакомый Коля... Коля Гусарцев. Мурлычет песенку... За его спиной на заднем сиденье мои два шиза.

Олег стискивает ствол и гоняет желваки. Ах, как он сейчас доволен собой! *Остались долгу верны!*

У Алика автомат, я думаю, на коленях. Своим левым, плачущим глазом Алик сбрасывает слезинки на каждом встряхе машины. Не отслеживая, куда... На каждой кочке. На каждом подпрыге джипа.

Я жду звонка, хотя звонка может и не быть. Коля Гусарцев начеку... Сумеет ли он мне звякнуть? Решится ли?.. Не очень-то тянет звонить, если звонишь, уже мчась по дороге на Ведено.

Лишь в самом начале моего бензинового бизнеса конкуренты-перекупщики меня все-таки однажды кинули. Ровно один раз... Да и то — не на деньги. Это бы им слабо.

Петров... Нет, Петряев... Нет-нет, Петрушин, подполковник. Интендант высокого чина. Прислал девчонку с ефрейторскими лычками и с ней бумагу за лишние три бочки моего бензина. Эти три бочки он, пройда, уже получил вперед.

«И отправь ее завтра...» — разрешил он мне по телефону, с улыбкой в голосе.

Хотя и ждал, я с некоторой растерянностью смотрел теперь на живую оплату. Ефрейтор-блондинка. Едва глянув, я обалдел. Был ошеломлен... Никогда здесь таких не видел... Чтобы живьем. Чтобы в двух шагах.

Однако слишком скоро грянул новый звонок — уже свыше. Уже приказом!.. Срочно отправить связную к генералу Коробейникову. Нет, до утра никак не терпит... Отправить сегодня же, до обеда. И не удерживай ее, майор! У связной важные бумаги...

И бросили трубку. Еще бы!.. Еще бы бумаги у нее не были важные. Такие ноги. Такие глаза!

Мы — двое — были с ней как раз на моей лунной

полянке. Отделенные от войны боярышником. И от всего шумного мира тоже. Надежно отделенные... Когда раздался звонок... Я только-только распускал свои перья. Хвост... Показывал ей это чудо — мою полянку. Обрывчик к малому ручью... Луг с разнотравьем. Виды... Все мое и уникальное.

Она молчала. С легкой согласной улыбкой молчала: «Какое лето!..» — вдруг сказала. Я потрогал ее груди. Они были маленькие. Она осталась спокойной. Она даже не задышала заметнее. Только вдруг значаще кашлянула... Потому что уже случился тот звонок. Потому что эти ее грудки уже были не мои. И не ее... И вообще грудки были не здесь.

Грудки уже были у генерала Коробейникова. Мощного. Лысого. Умеющего пить коньяк прямо из горла... Еще и басок густой. Чтобы пугать до смерти прапоров.

Девчушка-ефрейтор тотчас и уехала. А я остался один на один с красотой своей личной и уникальной полянки. Ходил взад-вперед... Ручеек булькал мелкий-мелкий. Полянка благоухала.

Форева... Крамаренко вбегает, весь в своих заботах, но счастливый. Привезли автоподъемник.

— Александр Сергеич!.. Додавили мы их.

«Их» — это техбазу штаба.

Крамаренко, не присев, — готов опять бежать.

— Я хочу насчет запчастей. Ребятки с базы нас дурят, Александр Сергеич... Глаз нужен!

— Да остынь ты.

— Ни. Невозможно... Я чего думаю — я попрошу у них запчастей побольше. Выпрошу... И с этим запасцем мы доведем до ума, починим еще и наш сломанный подъемник. Заодно!

— Ну, давай.

— Можно, я их подмажу малость нашей солярой?.. Это ж нам, т-рищ майор, много дешевле выйдет.

Мне не до Крамаренки. Но он прав — два автоподъемника лучше, чем два солдата с хроническим плечевым вывихом.

Килай — довольно безликий на этой дороге пунктик, излюбленное место для засад. Начиная с Сержень-Юрта вся дорога на Ведено из самых опасных... Но в прошлом году (да и в этом) засады случались чаще всего как раз за Килаем. Нет-нет и щеголявший английским словцом, Коля Гусарцев прозвал это безликое место *Форэва*. Новое имя звучало ласково и женственно. И чем-то смутным слегка волновало! (Возможно, красиво припрятанной опасностью. Тебя обманывали созвучием.)

Однако же пригодилось.

По загудевшему, затрясшемуся мобильнику я вижу, что звонит Гусарцев. Ага!..

Примерно полминуты он молчит. Это тоже их штабной прикол. Только дышит в трубку... Молчком... Наконец подает голос, но не словом, а пением. Вдруг я слышу, он чуть дурашливо напевает:

— Навсегда, навсегда, навсегда-аа-а...

Это значит, Форэву проскочили удачно.

— Молодцы! — говорю я.

— Стараемся!

Я перебрасываю запотевшую трубку в другую руку. При этом гляжу на нее с уважением, даже с восхищением. Как же она, попискивающая, позвенькивающая трубка, облегчает жизнь... Чудо войны!

— А что наши шизы?

— Нормально. Они на заднем, — Гусарцев снижает голос до полупшепота. — Дремлют... В обнимку с любимым стволом.

Ну, наконец-то!.. Я вдруг взволнован. Я вдруг ображаю, что уважения заслуживает не только мобильная трубка — но и сам Коля. Заодно, конечно, вспомнилось, как я суров был с ним три дня назад. (В том откровенном разговоре под водку... Или это уже четыре дня?)

— Коля... Хочу сказать... Я благодарен тебе за пацанов.

— Да ладно, Саша.

Он так запросто это сказал:

— Да ладно, Саша.

И больше голос его я не слышал. Уже никогда.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Известие передали по рации... Боевики сожгли федеральную колонну в ущелье Мокром. Ни бензина с нашего склада, ни нашей солярки там, в колонне, не было. Но саму эту небольшую колонну мы не раз удачно использовали. А теперь потеряли... Едва войдя, Руслан бранится, забыв, что бранится на своем языке. Еще и сверкает на меня глазами!.. Но и по-чеченски мне все понятно. Неудача понятна на любом языке... Да что ж за невезение нам!

Обсуждаем.

Я встревожен вдвойне. По этой же дороге, но чуть отставая по времени, вез пацанов Коля Гусарцев... И после Форэвы звонка от него не было.

Вот и Руслан, чуть остыв и сев на табурет, спрашивает:

— От Коли звонка нет?

— Нет.

Новости продолжают поступать. Но разрозненные.

В Мокром устроил засаду и сжег колонну Горный Ахмет... По горским понятиям, он больше свиреп и мстителен, нежели деловит. (В отличие от Гудермесского Ахмета...) И все же засада была на захват! Захваченный федеральный бензин Ахмет наверняка хотел кому-то продать.

Горный Ахмет и его братан. Это они... Но вот оказывается, следом их атаковал наш полувзвод... Был бой... По рации так и сказали — бой. Что за полувзвод?.. Полувзвод лейтенанта Коржацкого? Это еще кто?.. Откуда он там взялся?

Сведения прежде всего от двух боевиков Ахмета, которые из Мокрого бежали. Которые уже среди своих... Рассказали про засаду и бой. Однако почему эти двое бежали отдельно, бежали сами по себе, если у них победа и колонну боевики сожгли? если засада удалась? Про это бежавшие пока что молчок... Зато оба боевика охотно (и достоверно) рассказывают о федеральном полувзводе и о некоем стрелявшем нашем слепце, ранившем брата Ахмета... Ага! Братан Ахмета ранен! Неплохая новость.

Лишь постепенно бой начинает выстраиваться. Но логики боя еще долго нет. Потому что нет победителя.

Надо ждать... Пока нет победителя, всякий бой абсурден. Руслан с этим не согласен, но для меня это дважды два.

И снова подробности. Это уже от уцелевших наших.

В непосредственной близости и даже в виду ущелья Мокрого был, оказывается, загодя расположен взводный ОП. Опорный пункт обычен. Полу-взвод солдат скучал и занимался стрельбой по пустым бутылкам... Как раз на дороге Шали — Ведено.

Полувзвод, которым командовал лейтенант Коржацкий, имел, впрочем, боестолкновение с разведкой чеченцев. И притом удачное!.. Можно было считать это некоей предварительной победой... Трое раненых у нас. Двое убитых чеченцев... Итого пять освободившихся автоматов. Жаль, ранен могучий Жора. (Громадных пацанов пули находят быстро.) По счастью, раненых, включая Жору, удалось отправить в Грозный с встречной нашей колонной. Так что нет с собой раненых и есть лишние автоматы. И есть чувство легкой победы. Мало ли?!

Кто-то из бойцов вспомнил, что видел кур в ближайшем селе... Победу надо обмыть. Паленая водка и куры!.. В чеченском селении бойцы Коржацкого выменивают себе за пять автоматов все, что надо: и выпивку, и закуску.

Решают отметить удачу, выставив караул. Садятся кружком... И только один из бойцов, по прозвищу Мудило Мухин, стреляет по бутылкам. Пусть!.. Он любит пострелять.

Меж частыми выстрелами Мухина раздался выстрел, совсем негромкий и как бы отдаленный. Этакий хлопок. Чмок!.. Лейтенант Коржацкий был убит наповал... Если это снайпер, то где он?.. Все вокруг было тихо... Выждали... Конечно, снайпер... В ответ постреляли по кустам... А затем принявший команду сержант с двойной фамилией Борзой-Баб-

кин велит полувзводу выдвинуться к ущелью Мокрому ближе.

Из переговоров лейтенантика (мелкий, щупленький был этот Коржацкий) сержант знал, что главное в эти дни — само ущелье... Прикрыть!.. Там пройдет колонна! И потому полувзвод опорного пункта должен быть наготове.

Сержант Борзой-Бабкин доложил по радиации и повел полувзвод к ущелью, но, разумеется, не вдоль дороги, где их могли заметить. И где запросто мог приклеиться снайперок (так бы и тянулся по дороге за ними, выщелкивая одного за другим)... Борзой повел пацанов правильно — в обход, лесом... И вот чуткий, как зверь, рядовой Колесов, с детства охотник, послан идти первым, и он уже шел, шел, шел, шевеля таежными ноздрями... Обнюхивал путь.

Пришли. Но опять же не входя, не втискиваясь в само ущелье. Все правильно.

И только тут сержант Борзой-Бабкин разрешает отметить вчерашнее удачное боестолкновение. И заодно помянуть командира. Они принесли его с собой. Мертвый Коржацкий отяжелел. Не был он перышком... Щупленький, легкий в жизни, лейтенантик был, однако, напряжен и строг насчет выпивки. Суровый! Но сейчас он не мешал... А самогон был. И еще в плюс чувство легкой победы!

Новое место для солдат, как новая планета. Выпивка здесь получилась классная. Клонило в сон... Они бы сразу и рухнули в траву, но водка уже терзала кишечник. Водка была плохая, ужасная... Ужасная была и дрисня. Их всех несло. И все время сложный выбор — упасть в траву спать? или бежать в кусты, снимая штаны?.. Чуткий, как зверь, рядовой Колесов, с детства охотник, стонал. Даже

его сибирский желудок дал сбой... Командовавший полувзводом сержант Борзой-Бабкин, садясь в очередной раз в кустах, тоже честно недоумевал:

— Все у меня вывалилось. Что там еще может быть?

Полувзвод наконец уснул.

Горный Ахмет (в отличие от Гудермесского Ахмета) был не только отважен и предприимчив, но и осмотрителен.

И потому казалось абсурдным, что чеченцы Ахмета, выстраивая в ущелье Мокром засаду, не заметили и даже прошли мимо полуспящего полувзвода, которым командовал сержант Борзой... И расположились чичи с федеральным полувзводом, в сущности, рядом, с той же стороны обложив ущелье. Со всем рядом. Бок о бок.

Когда колонна ожидаемо вошла в ущелье, фугас сразу же заготовленно сработал — под днищем первого БТРа. Повалил дым... С брони бойцы сопровождения прыгивали прямо под автоматные очереди... Дула изрыгающих огонь чеченских автоматов торчали из ближайших кустов... Когда хотят похвалить, такую засаду называют классической.

Колонна небольшая — и вооружена не ах. Ее разгромили в течение получаса, даже чуть меньше... При этом предприимчивый Горный Ахмет оберев машины с соляркой. Две было машины, и обе он не дал сжечь во время разгрома. Деловой.

Проснувшийся (очнувшийся) от стрельбы в кустах полувзвод сержанта оказался совсем рядом, чуть ли не в трех шагах от побоища. Но что делать, если чичей в кустах видно не было — чичи расста-

вились вдоль всей дороги... Сержант Борзой-Бабкин не знал, как атаковать рассредоточенного противника... Кто где?! Колонна уничтожена, а чичи там и тут уже добивали раненых и рылись в их карманах... Бой кончен!.. Чичи сейчас уйдут... Но остаться совсем уж в стороне сержант тоже не мог. Потому и двинулся вперед всем полувзводом, взяв с собой наскоро только один крупнокалиберный пулемет.

Но и пулемет он велел взять только потому, что его будет нести солдат Мухин, которого сержант недолюбливал и принципиально звал *Мудилой*. Кличка. Как удобно! Впрочем, Борзой-Бабкин всех своих солдат считал малоразвитыми и звал, как ему хотелось... Для простоты... Не для обиды... Сам Борзой взял подствольный гранатомет. После чего, недолго думая, поднял солдат в атаку. Прямо из кустов на врага. Он не забыл еще раз прикрикнуть: «Мухин! Мудило!.. Берешь пулемет!» — а уж потом завопил: «Ур-ра-аа!».

Полувзвод заорал: «Ур-ра-аа!», но без эффекта. Их встретили огнем... Тотчас пришлось залечь. Но и залегших их истребляли. Солдаты слишком подставились. Прятаться уже поздно. Пьяноватые, они еле продирали глаза. Чичи, напротив, — были свежие и возбужденные в самую меру. Самую чуть накурившиеся. Косячок, не больше. Перед боем!

— Мудило! — орал уже под пулями Борзой-Бабкин. — Прячься за сосной!.. Хрен с ней, что горит!.. А ты за ней прячься, тащи туда пулемет!

Мухин был кряжист, ухватист, он запросто тащил крупнокалиберный — мог бы тащить и побольше. Жаль, он все время хотел спать.

Сосна стала главным местом боя. Сосна лежала огромная. Сосна с треском горела своей верхушкой.

— Мудило! Слышь меня!.. Смотри не усни!

Сержант прилег рядом с Мухиным, нет-нет и тыча солдата кулаком в сонную скулу. Мухин изготовил пулемет... Прямо на гнилом пне... Давай! Чего медлить!

Первым из-под поваленной сосны выскочил чеченец. Чуткий, как зверь, рядовой Колесов, охотник с детства, затаившийся под той же сосной, выскочил навстречу — он и чеченец в упор разрядили друг в друга автоматы. Кто первый умер, неясно. По присказке — обе души бойцов вместе взмыли в небо... Рядом... Они могли бы взяться за руки. Душа чуткого Колесова и душа чеченца. Плывя к разным богам, они пока что были близко друг к другу... Тропы (небесные) еще не разошлись далеко.

Сержант Борзой-Бабкин отбросил свой отработавший подствольник и ма-тюкнул засыпающего Мухина. Оттолкнул Мудилу от пулемета и припал к пулемету сам... Сейчас он им покажет! Ну-ка!.. Но сержант не успел. Именно тут кто-то из чеченцев удачно бросил гранату. Как раз!.. Граната разорвалась. И сержант, и Мудило Мухин, оба уткнулись башкой в землю рядом с пулеметом. По ним прошлись еще пулями... Одежда обоих задымилась. Загорелась... Язычки пламени вытанцовывали на их камуфляжах.

Бой был окончен.

Сонные, пьяноватые солдаты не могли сопротивляться. А чуток накурившиеся для куража чеченцы добивали их. Добивали с победным азартом — ведь чеченцы только-только разгромили колонну!.. А теперь и полувзвод федералов весь полег... Все четырнадцать солдат плюс сержант Борзой-Бабкин.

У чеченцев были убиты всего двое. И двое раненых.

Кураж победителей! Добивали... Искали в солдатских карманах. Забирали нож, если красивый. Тело для удобства досмотра поворачивали носком сапога. Легким толчком... Над холодным, давно остывшим телом Коржацкого склонился молодой чич и, разглядев офицерские погоны, срезал у него и один погон, и ухо.

Подъехал, кренясь на крутом склоне, «жигуленок». За ним грузовик.

Это прибыли покупатели, которых Горный Ахмет уже успел вызвать к месту боя по мобильному телефону. Не давший сжечь солярку в бою, Ахмет велел теперь потушить огонь всюду и везде. Чтоб не горело и не искрило даже в десяти метрах от добычи... Смотреть в оба! Две машины горючки!

Торг за солярку, однако, непрост, Ахмет препоручил поторговаться брату:

— Доку!.. Закончи дело.

Сам Ахмет направился пеший назад, ко входу в ущелье. Там еще одна сделка! Ахмет назначил там встречу федеральному офицеру, чтобы отдать деньги — расплатиться за полученные сапоги. Заодно... Раз уж он, Ахмет, спустился с гор.

Сделка с сапогами не имела отношения к бою, ни малейшего — просто дело. Просто бизнес. Ахмет, можно сказать, обул на зиму весь отряд. Предприимчивый!

Доку, братан Ахмета, хотя и ранен, накручивал в эту минуту цену боевой добыче:

— Или ты покупаешь соляру. Или я сейчас сам все захваченное сожгу... Не оставлять же добро на дороге.

Покупатель корил его дороговизной.

— Доку!.. Ты и так взял целую колонну.

— Что за колонна! Дерьмо!.. Мне эта соляра по фигу!

— Ну вот и отдай ее мне.

— Задаром?.. Лучше сожгу.

— А вдруг это солярка Сашика?

Братан Ахмета, весь в эйфории, — можно сказать, победитель сегодняшней, озлился.

— Опять!.. Когда он только нажрется, этот ваш Са-ашик!

— Если солярка Сашика, ты за нее скоро ответишь.

— За русских стал переживать?

— Я за тебя переживаю.

— Чхать я хотел на Сашика.

Оба знали, что майору Жилину захваченная солярка не принадлежит ни каплей. (Моего там не было — ни солярки, ни бензина.) Они просто базарили. Торгаши! — один повышал цену, другой занижал, вот и все.

Чичи тем временем обшаривали разбитую колонну уже по мелочам... Что дальше?.. Постепенно боевики скучивались возле ахметовского брата — возле Доку, ожидая, быть может, дележа покрупнее. Знали же, что солярка сейчас будет продана, притом задорого.

Едва приезжие покупатели с победителями сторговались, началась спешка. Мимо сожженных двух БТРов, скребясь о них краями, протиснулся за добычей первый грузовик... Чтобы перегрузить бочки из расстрелянного федерального грузовика в свой.

Ущелье не самое удобное место для перегрузки. Первый грузовик покупателей, а за ним второй —

они опасно маневрировали. Подъезжая-отъезжая, грузовики оказались совсем близко к ожидавшим денег чичам и к той полусожженной сосне... Когда вдруг очнулся (возможно, от шума моторов) Мудило Мухин. После разрыва той гранаты он стал безглазый. Он стал слепой... Сгоряча Мухин этого не понял. Он решил, что проспал... И что проснулся ночью. И что ночной бой всюю идет, а он заснул.

Он оттолкнул уже мертвого сержанта и ощупью припал к своему пулемету. И стал стрелять на чеченские голоса. Да, он проспал. Да, виноват. Но он воюет!.. Глаза ему нестерпимо жгло. Мухин подумал, что это мудило сержант плеснул ему в лицо спиртяшкой... Или даже йодом. С него станется! Сержант дурак — и шутки его дурацкие!.. Мухин услышал слева чеченскую речь и туда тоже заторопился стрелять.

— У-у, суки!.. У-у-у! — стреляя орал он.

Его убили нескоро. В том-то и дело, что стрельбы заново никто не ожидал.

Пули современного крупнокалиберного не ранят, а рвут человека. Кусками. Они так же, кусками, рвут и скалу, что рядом. Мухин навалял трупов, стреляя только со слуха. Стреляя на голоса.

Таков был неожиданный финальный аккорд боя.

— У-у-у! — орал Мухин, весь в окружавшем его слепые глаза (и непонятном ему) черном пространстве.

Горного Ахмета, отправившегося оплатить недавно полученные сапоги, близко здесь не было. А Доку, братан Ахмета, опьяненный победой и громче всех кричавший о справедливости дележа, первым попал под пули. У несчастного братана у первого

выскочили мозги. Голова с краканьем развалилась. Он даже не понял, откуда стрельба... Все вокруг орали, вопили. Паника на ровном месте.

Грузовики и «жигуленок» с потенциальными покупателями солярки тотчас умчались. Они-то были начеку... Они все время боялись подвоха. (К примеру, со стороны Ахмета.) Зато расслабившиеся без Ахмета боевики, оставшиеся к тому же без Доку, растерялись — стреляли беспорядочно. Чичи не сразу сообразили, что так или не так, а пулеметчика надо прикончить. Они думали, что к федералам пришло подкрепление. Они пока что лезли в кусты. Они висли на ветвях... Но теперь каждый их крик, вопль, каждый треск куста провоцировал ослепшего Мухина на новую пулеметную очередь. Не удалось бегство. Боевики вопили, они не понимали, почему они так обреченно попадают под пули.

Удрать!.. Зарыться... В кусты...

Мы с Русланом на недостроенном Внешнем складе. Мы сидим, постелив газеты, на грязноватых табуретах и мрачно гоняем чай рядом с бытовкой. Зато на воздухе... Выложив перед собой мобильники (на изготовку), обговариваем прояснившиеся подробности — и ждем... ждем... ждем подробностей новых.

Это я первый не выдержал — пришел сюда, на стройку... Прибежал... Чеченцы иногда знают больше. Руслан пришел следом.

На недострое как бы остановленное время. Зато здесь тихо.

Я гоняю желваки.

— Ущелье Мокрое... Это достаточно далеко за

Сержень-Юртом, уточняет Руслан. — Однако все-таки это до Ца-Ведено... Гиблое место.

— Я знаю. Это за Форэвой, киваю я.

— Да.

— Раньше там тихо было.

— Засада... Они знали и ждали колонну. А одиночек, не обнаруживая себя, они пропускали.

Этими словами Руслан подбрасывает мне (да и себе) кроху надежды. Гусарцева и пацанов засада, чтобы не обнаруживаться, могла пропустить.

Мы оба легко представляем себе карту, не держа ее в руках. Виртуальную вьющуюся дорогу. Зеленый лес... Коричневые отроги ущелья. Случился бой, но как? каким образом?..

Мы рассуждаем, гадаем, почему не было прикрытия... Ага!.. Там же ВОПы на горной дороге. Один из взводных опорных пунктов как раз в километре от Мокрого... Что за дела?! Почему не упредили чичей атакой?.. Там ведь и воевать много не надо. Только пошуметь. Пострелять... И засада сорвана сама собой!..

Вот подтверждающий звонок из Грозного. В ущелье Мокром... Потери. Полегло два с лишним десятка... Маленькая полуколонна. Подвоз б/т — боеприпасы и топливо. Четыре машины, два БТРа сопровождения.

Дело в том, что эту маленькую колонну, сожженную чичами в Мокром, мы многожды использовали для провоза солярки. Мы сами частенько ее захваливали. Даже хвастались! Колонна быстрая и удобная... Маневренность фантастическая, почти как у Хворя... Да еще наш особенный плюс — впереди колонны всегдашняя на случай приманка — две машины с соляркой. Чичи солярку никогда не жгут —

предпочитают брать... И боеприпасы. Даже если столкновение лоб в лоб. Без особых волнений чичи меняют план... Почти и без жертв с обеих сторон... Чичи захватывают первые две машины с соляжкой. И уходят.

Но на этот раз вместо джентльменского взаимопонимания кровь... мясорубка... Настоящая засада.

— Жаль! — мрачно повторяет Руслан.

Мрачно и честно... То, что в бою победили чеченцы, а не федералы, никак не компенсирует ему, чеченцу, ни потерю этой шустрой маленькой колонны, ни тем более (возможной) гибели Коли Гусарцева. Да и победили ли чичи?.. По первым данным — да. Но первые данные односторонние — и пришли эти данные как раз со стороны чичей.

Прежде всего Коля... Больше всего мы думаем и меньше всего говорим о нем — о Гусарцеве, — от него нет звонков, нет связи. Колонну мы уже потеряли, факт. Такая была надежная, ненавязчивая... Неброская, маленькая и никому не мешавшая. От такой колонны веяло теплом. У нее была настоящая душа! И я, и Руслан, мы это знали... Живое существо всегда жаль.

Вел колонну Сергеев, никому особо не известный и тоже никому не мешавший. А рыжий лейтенант Жуков, с которым я как-то играл в шахматышки. А какие водители!.. Один к одному.

Чудо войны, мобильник молчит. Время от времени я сам звоню Гусарцеву. Ответа нет... Ответа нет, а гудки есть. Это плохо.

Гусарцев с пацанами отставал от погибшей маленькой колонны где-то на час. Но он мог нагнать... Чтобы использовать колонну как прикрытие. (Коля

Гусарцев мог хотеть проскочить до Ведено вместе с колонной. Вполне!) И конечно, мог быть сожжен вместе с колонной... Прикрытие колонной — палка о двух концах. Он мог примкнуть к колонне, просто чтобы ехать веселее...

Он мог даже обогнать их. Когда ныряешь из ущелья в ущелье! Это же Коля Гусарцев!..

Ага!.. Известие, что в Мокром спецназ, ФСБ... Когда разбор полетов, дорога блокируется... Все на время перекрыто. И что там дальше?

Если Гусарцев уцелел, он, конечно, ждать дороги не станет. Развернется наш Коля и домой, поближе к Ханкале... Налегке!.. А пацаны?.. А пацаны, конечно, возвращаться не захотят. Мол, дальше они доберутся до своей родной в/ч сами...

Вот это «сами» меня тоже тревожит. Двое контуженных на горной дороге. Шизов не остановишь... Вперед! Вперед!

Самое лучшее, это если Коля Гусарцев по времени успел проскочить на своем джипе — мимо засады и до боя. Но это же как ему надо было разогнаться!

— Не мог он сильно опередить колонну.

Долго молчавший (но думавший синхронно о том же) Руслан бьет с досады кулаком по поручню строящейся лестницы. Потом сплевывает в пролет недостроя... в пустоту бетонного цоколя. Эх, Коля, Коля!

Звонок... Сведения с железнодорожной станции... Бой все-таки был. Взводный опорный пункт был там расположен не зря. Солдаты с ВОПа атаковали, хоть и были в меньшинстве... Их побили. Но и они отметились... Один из солдат, уже слепой (ос-

лепший, что ли?), поливал из пулемета чичей, как струей воды в жару. Валил рядами... Кто сказал?.. Рассказал один из солдат, контуженный, забившийся в кусты... Залез под дерево, под корни, когда чичи были в двух шагах.

— А как из-под корней он увидел?..

— Не знаем. Как-то уцелел!

Надо сказать, сведения с ЖД всегда достоверные. Все визнают, уточнят, потом звонят... Они звонили еще и с благодарностью. Это их бензин неделю назад я перегнал по трудному адресу. Это их двадцатка бочек, проинтуичив и осторожничая, я быстро-быстро тогда же отправил.

Ага!.. Спецназ успел захватить двух чичей. Заговорят!.. Сведений будет побольше.

Руслан протягивает мне чашку с чаем:

— О пацанах ничего?

Я пожимаю плечами — ничего. Вот где я не сотворожничал. Вот кого я не проинтуичил... Пацанов... И Колю.

Звонок Руслану.

— Рослик! — вскрикивает он, углядев номер.

И передает мне трубку.

Рослик не может по какой-то причине говорить обстоятельно. Вся информация наскоро. Торопливым голосом:

— Наши (то есть чеченцы, их внутренняя информация) передали. Убит майор Кусайцев... Кусайцев... Александр Сергеич, слышишь меня?.. Но, скорее всего, это Гусарцев.

Я молчу. Онемел... Кусайцев — это Гусарцев. Фамилия зажевана... По-чеченски смешная!

Коля Гусарцев в Мокром?.. Убит?.. Это неужи-

данно. Это нелепо... Это как-то совсем с другой стороны картинки. Это с другой стороны. (Но если честно, я ведь только это и держал в голове.)

Я тихо спрашиваю Рослика — голос у меня упал, почти шепотом:

— А пацаны?

— Ничего не известно, Александр Сергеич. Больше — ничего.

Звонки на наши мобильные продолжаются. Мои информаторы. Трудятся!.. Звонят и по рации... Подробностей о бое в ущелье Мокром все больше. Опять про слепого, про его пулемет... Но о Гусарцеве и пацанах ничего.

Я возвращаюсь на свои склады... Информация могла залежаться на моем служебном телефоне.

Едва въехал в складские ворота, ко мне бросаются меня давно ожидавшие. Ефрейтор Снегирь... И с ним вместе пара солдат-грузчиков... Они сразу обступают меня и вразнобой расспрашивают... Шизы! Наши шизы погибли? Говорят, наших шизов, а?.. в Мокром?

Уже прослышали.

— Ничего не известно, — отвечаю.

Солдаты по едва приметному знаку Снегиря отходят в сторонку. Что-то секретное. Сам Снегирь стоит, топчется.

— Чего тебе?

Ефрейтор, помявшись и потоптавшись, высказывает свою думку — они, солдаты-грузчики, хотели бы помянуть... Эти шизы были для них как свои... Нет-нет, у майора Жилина солдаты ничего не просят. У солдат есть в загашнике немного выпивки. Малость!.. Но солдаты хотели бы не тишком... не

тайком, а с моего разрешения... С разрешения майора Жилина... Все честно. Вечером... Утром на погрузке они будут как стеклышко. Это они обещают. Это он, ефрейтор Снегирев, гарантирует.

Я рывкнул:

— Рано хороните!

И отправил его. Ну, ловкачи... Не хватало мне воинской тризны. Ночной попойки!

Пришлю Крамаренко их проверить.

Я уже кожей ощущаю ползучий, притаенный ход новой поступающей, *поглощающей* информации.

Я выпил, но немного. Я знаю, что в информации еще не точка. Звонят и звонят... Вчистую расстрелянная, сожженная в Мокром колонна не сходит с языка. Все только и повторяют... Мокрое... В Мокром... Мокрое...

Еще новость. (Я уже ложился спать...) Там, в бою в Мокром, был убит Горный Ахмет... Ого! Завалили полевого!.. Теперь с утра с новой силой будут звонки — прямо захлеб! Теперь уж точно можно считать, что бой получился на равных... И ни с кого спрашивать не станут. Ничья!

Поименная сводка о погибших все обновляется. Еще один отсидевшийся в кустах раненый солдат передает, что видел своими глазами. Так же и по его словам, замыкал сводку наших погибших Мухин. Все тот же ослепший *Мугило Мухин*.

Когда боевики уже лазали по кустам, выискивали там запрятавшихся раненых и добивали их... Когда то там, то здесь контрольный выстрел... Когда раненых вытаскивали из орешника. (Кусты дело ненадежное. Кусты дело коварное — добить его

вроде бы добил, а он, глядь, выжил!) Так что сначала собрать добычу в кучу. Самое время для честной воинской поживы. Время жатвы... В это жатвенное время там, у поваленной огромной сосны, и очнулся — и высунулся из-за дымившегося пня — обгорелый ослепший солдат... Мухин.

На нем тоже все дымилось. Лицо в крови... Бел только подбородок. Ослепительно бел. И вот поставленный в самом начале боя на корявом пне пулемет ожил... Раненый Мухин в шоке наверняка... И плюс ослепший. Припав ощупью к пулемету, он начал стрелять... Машинально. И поначалу нелепо.

Выживший, отсидевшийся в непролазных кустах, наш солдат рассказал, что уже по полету пуль было видно, что Мухин пьян или слеп. Палил кругами... Вертел дулом туда-сюда... По верхушкам деревьев... По небу... Но случаем он все-таки зацепил чеченца, а тот, на беду, вскрикнул. И вот тут началось!.. Ослепший среагировал на вопль, на беспорядочные выстрелы... На крики... На голоса. Еще один боевик взвыл. И уж тут Мудило Мухин стал стрелять в сторону боя... Попал... И опять попал. Боевики лезли в кусты — от пуль, от вертящегося пулеметного дула... В тот же самый непролазный орешник. Своими криками корректируя стрельбу слепца все точнее и точнее. Ну, отвел душу!.. Ну, навалял трупов!.. Два с лишним десятка боевиков забрал на небо с собой вместе.

Из двух или даже трех гранатометов — несколько выстрелов с разных сторон понадобилось, чтобы наконец дожить очнувшегося обгорелого солдата.

Так что отрядную (для вояк) картинку оставил напоследок (на линии кустов орешника) рядовой Мудило Мухин. Как бы застыли в кустах. Труп к трупу... Он сравнивал счет по потерянными. Чеченцы

не смогли их унести. Не смогли скрыть потери... Арифметика боя налицо — живым не хватило рук, чтобы унести мертвых. Унесли только раненых. Не всех.

Так что геройский Мухин (об этом гудела рация) помог переоценке боя. Еще капитальнее Мухин помог своим высоким командирам... Об этом повторялось, но уже только в телефонных частных разговорах. С восторгом повторялось... Он спас и без того сильно подмоченные репутации двух полковников (одного вояки и одного штабиста), наметивших и теперь отвечавших за этот проход через ущелье Мокрое. Вот уж молодец!

О Гусарцеве и двух пацанах выживший в кустах раненый солдат не сказал, не знал. В телефонных разговорах тоже ничего не было.

Но чеченцы — по своим каналам — уже знали больше. Джип гусарцевский, в котором он увез пацанов, видели на дороге. Теперь в поступавшей информации не было смешного *Кусайцева* — был четкий *Гусарцев*... Его видели. Его джип видели.

И как мертвого Гусарцева из джипа вынимали наши солдаты — это тоже видели.

Успел ли Гусарцев отправить пацанов в их родную в/ч — тоже вопрос. Убили его вблизи Мокрого по пути туда? (И значит, вместе с пацанами?) Или его одного (в джипе) обстреляли?

Еще один уцелевший солдат после побоища в Мокром. Его кое-как нашли... Под перекрестным огнем он бросился, вмялся в кусты и залег. Он попросту врос в землю. Как червь... Чичи, пристреливая раненых и смеясь, ходили от него в двух шагах. Но он не кашлянул. Он не дышал.

Да, он контуженный... Да, с отклонениями. (Но ведь он мог быть уже ранее контуженный.... Это мог быть мой пацан. Алик или Олег.)

Снова звонит Рослик. Он уже тоже услышал подтверждение о гибели не Кусайцева, а Гусарцева. И сочувствует мне, потерявшему друга... Но если Руслан, сочувствуя, как всегда, безупречен и чуток, Рослик со своими чувствами словно взрывается... Он хочет дружить! Место освободилось!.. Не участвующий в моем бизнесе и жаждущий моей дружбы, Рослик не может и не хочет свое подспудное скрывать.

— Тебе, Саша, нужен теперь друг. Обязательно... Друг-чеченец.

Слова Рослика корявы, не слишком красивы и не очень сейчас уместны. Но искренни, горячи!.. Трубка телефонная раскалилась! Корявое, не слишком красивое сердце колотится, стучит мне прямо в трубку — жаждет настоящей горской дружбы

— Не обязательно я, Саша... Не обязательно... Но тебе нужен друг-горец, который понимал бы тебя с полуслова!

Он почти кричит. С яростью!.. А у меня перед глазами та дорога. Ущелье. Зеленка вдоль шоссе... Джип... И как Колю Гусарцева вынимают через переднюю дверь. Застреленных в джипе я видел не однажды.

И Коля такой же. Со свисшей к рулю головой. Если смерть недавняя, когда вынимают из машины, голова человека еще мотается... Туда-сюда.

Звонит генерал Базанов. Этот сразу с бранью... Без разбора.

— Вы!.. Вы виноваты, майор!

Я не оправдываюсь. И вполне понимаю его — если я со смертью Коли потерял правую руку, то читающий генерал потерял много больше — ногу! обе ноги! Потому что именно Гусарцев помогал генералу передвигаться по Чечне (хотя бы мысленно)... Именно и исключительно ногами Коли Гусарцева генерал Базанов наезжал — приезжал-уезжал, носился по Чечне, заботясь хотя бы о видимости контактов с местным населением. Именно Коля давал ему сладкую возможность читать и читать. Листать пахучие старые странички, погружаясь в волшебное прошлое... Забывая весь мир...

— Вы виноваты, майор... Я виню вас. Вас!.. Это вы упростили Колю отвезти ваших контуженных.

— Потеря Коли для меня не меньше, чем для вас, товарищ генерал.

— Давайте не сравнивать!

Базанов хочет что-то еще сказать, что-то личное, с болью, но в горле его забулькало. Он замирает... Генерал-ништо беззвучно плачет.

— Это война, товарищ генерал.

Но он уже бросает трубку.

И еще вот что я успел ему сказать:

— Есть же немного надежды... Никто пока что не видел, как Колю уби ли.

Я звоню в их родную в/ч. Туда, куда они при удаче могли добраться сами. Но, возможно, и с Колей. Я отсчитал им в запас дополнительное время. Допустим, шизы сами... При свете отсиживались, а ночью шли... Выждав и приплюсовав им полных два дня на дорогу, снова звоню.

Два ваших бывших солдат, говорю я... Отбившиеся от части после боя месяца три назад... Они

работали у меня. В Ханкале на бензиновом складе... Добрались ли?... Алабин и Евский. Оба контуженные...

— Нет. Нет таких, — ответили.

Тогда просьба: если солдаты к вам доберутся — дайте мне знать... Все-таки я тоже несу ответственность. Всегда ваш, майор Жилин.

Заведующего складами с горючкой майора Жилина, вернее, его имя, знали и там. Знали не слишком, но имя на слуху... На всякий случай я сообщаю, что оба контуженных солдата у меня потрудились на совесть. Я впрок их обоих хвалю. Хорошо их аттестую. Отлично аттестую!.. Но мои слова зависят. Я чувствую, как пустовато эти мои похвалы зависят... Мне отвечают вполне безлико... Да... Да... Да... А что за этим «да»?.. А ничего.

Сказал никому и низачем. Слил в чье-то пустое ухо.

Шаги... Многочисленные, но легкие. Мягко ступающие... Как детские. Мы с Русланом переглянулись... Это еще кто?

Руслан догадался первым:

— Старики... Щас нытье начнется!

И точно. По лестнице на наш недострой один за другим поднимаются седобородые и бедно одетые горцы. Не шагами, а шажками!.. Легкие худенькие горские старики! Их селение рядом с ущельем Мокрым. И за засаду в Мокром они пришли теперь ко мне каяться. Опять абсурд этой войны!.. Почему ко мне?... А потому что они прослышали, что там, в бою, погибло (или украдено) много моей солярки.

Ага!.. Это те самые старики, которых в прошлом году я выручил соляркой, когда их трактора стояли

и ржавели. Узнал их... Они обступили нас с Русланом и гадят все разом. Сперва совсем бессвязно.

— Ну-ну, отцы, — говорю я. — Успокойтесь...

— Сашик... Са-ашик! — гадят они, уже счастливые спокойным моим с ними общением. Счастливые, что я без ругани и крика.

Один из них подскочил ближе. Легок, как кузнечик:

— Асан Сергеич... Сашик... Мы старики. Ноги слабые. Можно нам сесть?.. Разреши.

При этом он глянул вверх, а зачем?.. а что здесь, на недострое, вверху?.. только небесная синь. За помощью туда, я думаю, он и глянул. У старика чудесные глаза!.. Легче все-таки поймать благословение Аллаха, когда над тобой сразу синь.

Полукругом, на жестких грязных табуретах, взятых в подсобке, они усаживаются, все пятеро... Под открытым небом пять старых чеченцев.

Руслан шагнул в сторону. Деликатность переговоров. Теперь я и старики, мы одни.

— Са-ашик! Са-ашик!.. — загундосили они, едва Руслан ушел (махнул мне рукой, попрощавшись). — Са-ашик! Да будет здорова твоя семья! Да будет и тебе легко жить...

Я прерываю. Абсурд, но хотя бы в меру.

— Ладно, ладно, отцы... В чем дело?

— Са-ашик! Са-ашик!

Старики из двух селений. Из тех двух сел, что рядом с ущельем Мокрым, вот гвоздь их прихода... Они, мол, были и есть ни при чем. Они в кровавой засаде не виноваты, и не надо им мстить и бомбить их...

Это тоже абсурдный окрас — всегда и прежде всего виноватят их, не участвовавших в проклятой

бойне. Да, засаду устроили Ахмет и его братан. Но проводники боевиков вполне могли быть из их селений. Любой мальчишка за горсть конфет. Проведет! И подскажет места для крутой засады и быстрые отходы по козьим тропам... Но все равно при чем здесь они все?! Они, для кого было и есть главное — косить-копать?

— Са-ашик!

Конечно, я никакой не мститель. Конечно, никто их не станет завтра бомбить. Возможно, они это знают лучше меня. Но на всякий случай... На всякий случай замолить Сашика. Я со своей солярккой для них всемогущий. Я полубог. А солярка амброзия.

Все их повадки, все их скромное бытие я давно знаю. И как знакомы улыбки! И как узнаваемы эти немногие, эти редкие в их ртах зубы... Ладно, ладно, отцы, будем искать мир. Рад! Рад всех вас, отцы, видеть в здравии. Двое из них прижимают руку к сердцу... Сидя... А крайний слева старик и вообще озабочен — роется в карманах старинного советского пиджака времен второй пятилетки — что-то хочет достать. Что-то мне... Гостинец!.. Тоже знаю.

— Не мы, Са-ашик... Мы не хотели... Это не наши люди... Это обман, Сашик.

Они загундосили хором. Песня гор... Они слегка завыли... Не мы. Это черные люди убили. Не наши люди. Не наш тейп. Поверь нам, Сашик... Не посылай, Сашик, вертолеты... Не мсти за погибших. Посылай нам солярку. Мы всегда с тобой ладили...

Горный Ахмет уже в небесах, уже с гуриями... Но старики клянутся, что они узнают, кто помогал Ахмету и его братану сжечь колонну... И первому скажут мне. Они бьют себя в грудь. Я должен им верить.

— Мы узнаем... Мы сообщим... Сашик!.. Мы его голову пришлем.

Вой... Полукомичный-полутрагичный плач продолжается. Когда будет мир, они построят мне дом. Найдут мне еще одну жену... Пусть будет твоя русская и пусть будет еще горянка... Если красивую не найдем, добрую найдем. Будет мясо готовить!.. И еще, Сашик!.. Главное — есть такая молитва. От нападений в горах... Пучха-путу-путуту... Я должен запомнить по-чеченски. Необязательно понимать, Сашик. Необязательно принимать ислам. Главное — повторять... Чтобы не напали в горах! Чтобы вражья рука никогда не отрезала твои чуткие уши... Пучха-пу-путуту-кургам... Пучха-пу-путуту...

Двое качают головами, повторяя нараспев мое имя. А тот озабоченный старик наконец перестал искать рукой в кармане. Нашел... Из пиджачного истертого кармана старик вытаскивает пару мандаринов и, привстав, протягивает мне — это гостинец, Са-ашик.

Чтобы не обидеть старика, я беру. Старик счастлив... И другие счастливы, улыбаются, щеря беззубые рты... Но я умело делаю отвлекающее движение. Вдруг оглядываюсь. И когда все они следом за мной пугливо оглядываются, я ловко возвращаю старику мандарины в его столетний карман.

К нам по шаткой лестнице недоостроя вбегают чеченец средних лет — пыш-ноусый рабочий.

— Прораб! — говорит он, пугая стариков. А потом мне: — Прораб Рослик!

Рослик обычно гоняет стариков со стройки.

Старики шумно и пугливо вздыхают: «Ах-ах-ах... Ох-ох-ох», — а рабочий открывает для них дверь бытовки. Там есть другой спуск по лестнице...

Как потайной вход-выход... Там можно уйти, не встретив грозного прораба. Удивительно, но маленького некрасивого Рослика старики боятся больше, чем представительного, сильного Руслана.

Рабочий с юморком. Подмигнув мне, он загоняет стариков в бытовку. Приговаривая: «Быстро... быстро... Прораб Руслан-Рослик лишних на стройке не любит... Прораб Рослик вас сейчас сожрет. Прораб Рослик с утра не евший».

Я люблю стариков, русских, чеченских... да пусть любых... все равно чьих! Старики ненадолго. Старики — исчезающее чудо природы.

Дверь в бытовку закрылась. Ушли.

С Росликом мы здороваемся за руку.

— Привет.

— Как ты, Александр Сергеич?.. Сочувствую тебе...

Но новых подробностей у Рослика нет... Мы опять о разгроме колонны в Мокром, о чем же еще?.. Опять *ваших* подстерегли. Сочувствуя... жалея Колю Гусарцева... понимая мою боль, Рослик все же не в силах до конца скрыть и некое торжество. Горцы нанесли сильный удар. Как забитый гол на футболе... Наши — *вашим!* Торжество войны.

Однако, человек чуткий (благородство по отношению к противнику), Рослик сгоняет с лица недо-развившуюся улыбку:

— Чертова война.

— Чертова, — киваю я. — А ты, Рослик, слышал о *ваших* потерях?

— Нет.

Я так и думал. Он еще не знает о смерти Горного Ахмета и его братана. О последней слепой стрельбе Мудилы Мухина.

Я мстительно молчу. Еще услышит... Я ведь тоже болею. Тоже за своих.

Но эти счета (разнонаправленные счета потерь) наши отношения с Росли-ком не затрагивают. В этом нет личного. Мы не стреляем друг в друга. Это не мы... Там, в Мокром, другие убивали других.

И сто раз правы старики, только что жаловавшиеся и гундосившие мне в ухо, — мстить и бомбить их село бессмысленно. Любому конкретному селу мстить бессмысленно. Наказывать там некого. Колонну сожгли другие... Всегда другие.

Рослик идет осматривать наш недострой. Шагает, чертыхаясь на медлительность работ и трогая углы. Сырость!.. Стены совсем омертвели.

Старики, спрятавшиеся в бытовке, оказывается, не ушли... Они там оживились. Тишина их оживила. Они чуть приоткрыли дверь. Манят меня к себе... Зовут шепотом: «Сашик... Сашик! Ушел прораб Рослик?.. Пусть он уйдет...».

Даже оттуда, из дверей бытовки, осторожно высовываясь, старики пытаются выразить любовь — сказать о своей благодарности за прошлогоднюю солярку. Они прикладывают руку к сердцу. Улыбаются мне. А тот озабоченный старик издали снова протягивает мне — на ладони — два тусклых мандарина... Это же тебе. Это же гостинец, Сашик!

Поначалу у чеченцев (у полевых командиров) мобильников (купленных в Турции, в Пакистане) было куда больше, чем у наших офицеров. Мы редко-редко, только случаем подбирали телефоны на бомбленных тропах. Но мне подсказала ход нестандартная смерть Дудаева. И я среагировал... Я был одним из первых, кто стал прикупать мобильники

впрок. Владеющий информацией — владеет миром. Я бы добавил... *и миром, и войной...* на дорогах.

Крестьянин за солярку, чтобы хоть как-то ожить в поле трактор и вовремя землю вскопать, все отдаст. Сельский чеченец такой же крестьянин, как и всякий другой. Его тошнит от крови, когда он с год повоюет... С соляркой вместе я предлагал такому крестьянину мобильник. По-тихому, конечно... Ему горючка — а мне позарез нужно знать про дорогу и про перекресток, что на подходе к его селу. Перекрестки — шахматные клетки горной войны.

Сначала крестьянин недоумевал. Бедняга *косить-копать* не знал, с чем кушать маленькую фиговину с кнопками. Боялся взять в крестьянскую ладонь. Выскользнет. Уж очень мелкая!

Иногда я думаю, что знаю, как кончится эта гнилая война, сраная бойня. Она изойдет вся на подставах... Как только мобилы подешевеют, а к тому уже идет (быстро и круто идет!), армейцы сообразят. Армейцы этого дерьма накупят и раздарят чеченцам в селах. Раздадут крестьянам мобильники в придачу к ведру солярки... к двум комбайновым шестеренкам... к тракторным запчастям... И крестьяне, которым осточертела война, будут в охотку закладывать всякого чужака, всякого полевого, кто вдруг спустится к ним в село с гор.

Хотя бы двое-трое таких, настоящих крестьян в селе обязательно найдутся. А уж дальше себя покажут наши храбрецы генералы!.. Село ночью окружают двойным кольцом. Минируют подходы. Особо минируют выходы-тропы. И вперед — начинай зачищать!

Что ни звонок крестьянина — зачистка... По те-

левизору это будет, как сериал с интригующим продолжением.

Что ни звонок по мобильному — три боевика уже лежат. В обнимку со стволами. Им, мертвым, еще и раскинут руки, чтоб узнаваемое свое лицо мертвяк не таил... Сегодня трое... А на той неделе четверо... А на следующей неделе один, но зато полевой.

С каждым звонком.

Но первый крестьянин помучал меня всласть. Этот симпатичный, улыбчивый недоумок, этот *косить-копать*, звонил мне беспрерывно... В селе кашляют. Салавды кашляет... Аслан кашляет... Умар... Он помнил всех кашлявших... Какая-то бабка нашла неразорвавшуюся бомбу.

Он добавил, что он может чаще мне звонить... Если я дам ему еще один мобильник.

Меня интересуют идущие мимо села отряды горцев — более ничего... Я ему сто раз объяснял. Отступил ли с ранеными отряд? Или, напротив, — спустился с гор и готовит засаду?.. Однако он звонил про дядю Висхана, который теперь, продав корову, лунными ночами стучится в запертый магазин.

Он выработал, спек выданную ему мобилу в неделю. Ну, стукач! Ну, информатор!.. И тут же приехал, примчался с попутной машиной опять за соляркой.

— Ты почему такой мудака? — спросил я его. — Почему мне всякий мусор в уши сливаешь?

Я его крыл, я его матом отборным крыл — не звони по-пустому. Не отвлекай меня. Но он только моргал прекрасными карими глазами:

— А хочется.

Поговорить ему хочется! А жена? А дети?.. С ними ему говорить не хочется. Не о чем. Настоящий крестьянин. Настоящий *косить-копать*.

Я дал ему подзарядное устройство. Объяснил, как. И настрого приказал звонить только об отрядах и об отдельных джипах. А главное — о грузовиках с мужиками в кузове... Я разжевал ему: джип — это маленькая машина... И важно, в какую она сторону — в горы или в Сержень-Юрт?.. О чепухе не звони — отниму мобилу, а солярки от меня не получишь даже полстакана! Дундило! Звонарь сельский!..

В результате уже вечером дундило спешно мне сообщил, что у соседки дяди Висхана потерялась в горах коза.

Я настолько был потрясен, что спросил:

— Козел не потерялся?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Проще всего было думать, что чичи обстреляли джип, когда Гусарцев с пацанами, случайно выбрав день, угодил в ту самую засаду в том самом ущелье... Но случайно ли он проезжал в тот день?.. Мама родная!.. Я даже ахнул.

И тотчас предположил кое-что посложнее: Коля Гусарцев оказался в Мокром не случайно, а ради сделки. Я сразу вспомнил. Я восстановил... Почти сразу!.. «Уазик» с автоматами... Игривые разговорчики о продаже оружия. Его азарт! И как Коля меня подначивал, когда пили водку. И как Коля мне что-то явно не договорил... Все сходилось.

И уже без труда я припомнил чеченца-посредника, над которым Коля посмеивался и которому собирался кое-что впарить — то бишь продать. Чеченец то общался с федералами, то опять убегал в горы... Туда-сюда... Именно этот немного чокнутый посредник *Туга-сюга* (не помнил я имени) был в родстве с Горным Ахметом... Вот оно!

И если Коля Гусарцев продал через посредника автоматы или что-то другое тейпу Горного Ахмета, то Горный Ахмет остался должен Коле деньги. Между тем денежный должок не пустяк... Ахмет свои и чужие деньги считать умел. Расплачивался всегда вовремя, без проволочек... И значит, Ахмет договорился по мобильному с Колей о встрече. Сам и лично... И сговорился он с Колей на вполне конкретное время — *после засады*.

У чеченских полевых командиров существует железная практика войны — расплачиваться за сделку лично, передавая деньги из рук в руки. Это уменьшает количество обманов... Война всех нас хорошо школит!.. Полевой командир спускался с гор со своим оголодавшим отрядом... Проводил бой... Или проводил засаду, как в Мокром... И заодно, раз уж он спустился с гор, расплачивался деньгами с теми, кому должен.

Деньги из рук в руки... «Стрелка»!.. Все расплано по минутам. Потому что после удачной засады Горный Ахмет должен был уходить. Опять в горы. И очень быстро! Иначе вертолеты сделают из его людей крошево. Крошево и месиво... И чтобы похоронить, чтобы хоть что-то положить в гробы, его боевых парней будут счищать с деревьев... Со стволов дубов и вязов.

Вот так: был Коля Гусарцев — и нет Коли Гусарцева... Он не копил и не лепил свое будущее, не строил, как я. Он не возводил нечто простецки культовое, включающее жену, дочку, тихую старость и дом на берегу большой русской реки. Коля Гусарцев спускал все деньги в отпуск.

Он летал в отпускное время мирными туристскими самолетами, меняя одно классное местечко на другое. На югах... На желтых пляжах... С дороги-ми загорелыми девочками... С их матерыми сводниками. И обязательно один притон чтоб погорячее. Чтоб настоящий! Он хвастал притоном — для адреналина!.. Он охотно рисковал жизнью сейчас в Чечне — зато и после этот риск обмывал солнцем и вином по полной программе.

Он, как я предположил, продал Горному Ахмету оружие здесь, в Грозном, через маленького посредника, а в Мокрое ехал, чтобы получить с Ахмета совсем не маленькие деньги... Коля лихо мчал в Мокрое, уверенный, что затевает свой особый, великолепный бизнес... Он был весь на порыве. И знать не знал Коля про только что перебитую колонну в ущелье Мокром... Откуда ему знать?.. Такие вещи Горный Ахмет не сообщает.

Беззвучно плакавший в трубку генерал Базанов, вот кто меня надоумил. На телефонные всхлипы генерал поскромничал!.. Зажевал мужскую слезу в усах. Но все равно он плакал. Я чувствовал, что он плачет.

И потому ему в утешение я сказал, мол, есть же надежда, товарищ генерал... Как убили Колю, никто же не видел.

— Как убили Горного Ахмета, тоже никто не ви-

дел. Однако его убили, — выдал Базанов плачущим, но так и не задрожавшим генеральским голосом.

Тогда я и подумал об их возможном деловом контакте, об их «стрелке», — мелькнуло вдруг — Коля и Горный Ахмет... Вместе... Вот ведь оба погибли!

Коле наверняка казалось, что его мысль отвезти пацанов и заодно (по дороге) получить деньги с Ахмета, — мысль замечательная и дерзкая, лихая!.. При встрече с чеченцами эти двое, Олег и Алик, вполне могли глядеться как охрана майора Гусарцева. Шизы?.. А пусть!.. Чем шизоидней глядит охрана, тем она злее и надежнее. Это поймет самый задиристый чеченец.

Почти полдня Гусарцев вез Алика и Олега в машине. В джипе... И все полдня по дороге он, конечно, сговаривался с Ахметом по телефону. Прямо из джипа. Как-никак деньги!.. Все честно... Ущелье в тот выигрышный для боевиков час было наполнено криками и эхом выстрелов. Но Гусарцев, смельчак, рванул прямо туда... в манящую чужую стрельбу... объезжая, впрочем, гарь и дым от уже уничтоженной нашей колонны.

Когда наши, уже сильно запоздав, бросаются к месту бойни, они раздражены количеством погибших и суровы к оставшимся в живых. Особенно фэ-эсбэшники. Когда они спешат к месту, где колонну пожгли, они крайне подозрительны к уцелевшим... К своим... Им хочется тебя обвинить... Если уж ты оказался там и уцелел!.. И даже штабного майора, кружащего здесь на машине, они могли бы если не прищучить, то заподозрить... А вот когда этот майор везет двух контуженных, из которых один льет сле-

зы левым глазом, а другой, как попка, повторяет: «Мы верны присяге. Мы верны присяге», — это, конечно, понятнее. И правдивее. Фээсбэзшник может, конечно, и тут малость попридираться (а почему пацан слезит только левым?..).

Так что у Коли все складывалось нормально... Но как он погиб?.. Возможно, чеченцы на «стрелке» пожалели денег и кинули его? А он вспылал?.. В принципе — возможно.

Однако же обмануть и сразу подстрелить Колю Гусарцева — это непросто... У Коли, при всей его молодости, был отменный нюх на людей. Он столько раз носился по чеченским дорогам!.. Он бы сам, при обмане, пристрелил чича первый. Он стрелял потрясающе. (И без рассуждений. Одним врагом меньше!) Как только Горный Ахмет сунет руку не в тот карман, где сигареты... ему жить меньше минуты!

Если верно, что Колю Гусарцева, мертвого, вынули из его же джипа.... Значит, Коля не вышел под пулю в упор. Значит, вел переговоры о деньгах, сидя в машине.

Да ведь и мои шизы как охрана совсем неплохи. Контуженные... Но кто это знает. Сидят рядом... Ствол в руках... Начеку оба. И если что, двое с «калашами» — это двое с «калашами».

Я легко мог представить себе вдруг вспыхнувшую там перестрелку в шесть-семь стволов... На темпераментный огонь охраняющих Ахмета чеченцев пацаны наверняка ответили сразу и дружно. Шизы стреляют не менее темпераментно.

Товаром Гусарцева оказалось, однако, вовсе не оружие. Обувка!.. Я загодя нацелил Крамаренку, он мало-помалу спрашивал на близких к нам скла-

дах, и дело открылось... Солдатские сапоги!.. Никак не оружие. Даже не патроны!

Вздых облегчения. Хотя и запоздалый... Один из моих информаторов подтвердил сделку. Фактически списанные сапоги Гусарцев перевез чичам полным грузовичком. (Как и мой узик с автоматами.)

Наши солдаты уже предпочитали берцы, высокие ботинки с шнуровкой на щиколотке. Отличные ботинки... Мало кто хотел сапоги с портянками! Так что продал Коля Гусарцев не бог весть что. Отвез на продажу целую гору старой кирзы. Но и чичам в горах и в ущельях именно кирза была нужнее... Сапоги там для них понадежнее ботинок. Да и теплее, если с хорошей портянкой.

Грустно было узнать.

Я-то думал, что такой-сякой Коля Гусарцев меня не послушал, связался с продажей оружия и погорел. Вот, мол, и наказан за лихость и алчность... Но чтобы Коля Гусарцев сгорел за полусгнившие сапоги!

Именно так — внял он мне, поверил. Послушался майора Жилина... Кто, как не я, советовал ему обзавестись каким-нибудь непыльным бизнесом... Строительным, к примеру. Раз уж ему нейдет... Раз уже ему мало наших затормозившихся бензиновых дел и он так падок на приработок... Бедняга!.. На том свете сейчас скрипит зубами. Поехал получать деньги за вонючие сапоги!

Я диву давался. Ведь, по сути, в одиночку за деньгами ехал. Пацаны не в счет... Известная, известнейшая глупость — забирать деньги в одиночку!.. Ведь умелый, толковый офицер. Не без юмора, не без блеска, — умный, а дурак дураком!

И горько было.

Привоз был в понедельник... С железной дороги... Все аккуратно. Все, как в заявленной бумаге. И без воровства.

Соляра... бочка к бочке... Два «Урала». Неплохо! Бензин... один бензовоз. Но зато полный, под завязку.

Летный керосин... гали, как всегда, на копейку.

Масло вязкое приборное... МВП... Полбочки... Для приборов ориентирования... Дождаться заказов из воинских частей.

В понедельник привоз, а уже во вторник приперся чеченец на стройку Внешнего склада. Якобы от Руслана — ко мне... Ждал, не дышал, пока я приду и поднимусь по плохонькой лестнице недостроя. Дождлся... Даже потрудился немного на дохлой нашей стройке. В охотку. Песок побросал лопатой... Я это и раньше замечал: горному чеченцу интересна городская работа.

Чеченец уже знал о привозе. У них свои информаторы.

Но попросил скромно. Немного солярки... *Отлей малость, Сашик.* Однако расплачиваться сам он не может... А место, куда солярку доставить и где мне, по его словам, хорошо заплатят, далековато... Нужна колонна. В горах сейчас просто так не проехать.

— Но хотя бы провести пару машин по горам ты сможешь? Свои люди там есть?

Не мог он и этого.

— А что ты вообще можешь? Зачем пришел?

Я прогнал его. Он из тех, кто приходит по слухам. И конечно, Руслан ничего ему не обещал.

Я обдумывал привоз... Как, в какой день и какими машинами я переброшу в воинские части горючку — всегдашний вопрос. Прикидывая так и этак, закрыл глаза. Заснул... И крепко, не просыпаясь, спал. Ни малейшего предчувствия... А в пять утра бешено залаял Кучум... Бешено, но с радостными взвизгами узнавания. Потом позвонил охранник, что у ворот.

Охранник в телефонную трубку что-то мямлил, не разобрать. Сонный!.. Я поднялся с постели.

Медленно, врасяг я прошел к воротам, слыша все более радостные повизгиванья Кучума.

Сначала я увидел охранника с его сонной улыбочивой рожей... И тут же их обоих.

Оба пацана смотрели настороженно.

А у меня потеплело на сердце. Я не стал говорить им, что уже было похоронил их. На войне такое не говорят. Примета... Ожили — пусть живут.

Значит, Гусарцев подвез их только до Мокрого, где шел бой. А сам поспешил на «стрелку» с Горным Ахметом, где и погиб...

— Что? Не добрались к своим? — я даже с усмешкой, с подтруниваньем сказал-спросил. И улыбался.

Я же обрадовался им. Очень обрадовался... И не знал, что меня ждет.

А ждало крайне поганое, поганейшее известие. Там, на «стрелке» с Горным Ахметом, оба пацана присутствовали. Не только присутствовали... Так получилось, что, начав стрелять в чеченца, один из этих пацанов убил майора Гусарцева. Нечаянно... А именно Алик... Этот мямля. Который со слезами на глазах. Вернее, на одном глазу. На левом... Он

стрелял в чеченца... Там был жуткого вида чеченец, которого звали Горный Ахмет, и Алик испугался.

А майор Гусарцев подошел к чеченцу совсем близко. Пули прошли чеченца, а потом автомат в руках Алика дернулся... Пули пошли косо.

Помню, мне жгуче захотелось водки. Глоток!

По счастью, я с самого начала для расспроса, как и что, завел обоих бедолаг в свой складской кабинет... Я сел за стол. А они стояли. Я нет-нет и барабанил пальцами левой руки. Я стал орать на них. Мне уже нестерпимо хотелось стопку-две водки.

Убийство ни в какие ворота не лезло. Я не знал, что и подумать. Я только орал... После нечаянного убийства они оба, Алик и Олег, сразу оттуда в бега... Побежали... Потому что чеченца, этого Ахмета, Алик убил НЕ нечаянно. Чеченцы бы их разорвали... В них стреляли... Но они оба уже кинулись в лес. Подальше от ущелья Мокрого... Бежали и бежали.

Мой ор сотрясал стены.

— Какого хера вы сюда приперлись?! Зачем вы мне?.. Шли бы в свою часть! Да хоть ползком! Засранцы! Суки!.. Что я теперь с вами буду делать?!

Теперь они влипли, мать их перемать!.. Гусарцева жаль! Коля!.. За какие-то списанные сапоги... Его убивает шиз!.. Ни за что! Случайно!.. Просто пули пошли косо... Мой мозг поразило предчувствие какой-то еще большей беды в будущем... Как теперь откреститься? Заметили ли их там? Запомнили?.. Их обоих опишет нашим первый же пленный чеченец! В полном говне... и я с ними! Так долго их нянчил майор Жилин! Баловал!.. А почему? С какой, интересно, стати?

Я просто обязан сдать их в комендатуру. Первым! Донести!.. Пока не донесли другие... Те же чичи!.. Из чичей кто-нибудь да попадет в плен! И заложит пацанов!.. Суки!.. Ну какая им невезуха... Дети же! Больные дети...

Я заорал:

— Убирайтесь вон!.. Куда хотите!.. Я вас не знаю и знать не хочу. Я вас никогда не видел!

Я даже затопал ногами.

Они ушли... Как-то уныло заспешив. Не поднимая лиц.

Я был как оглушенный. Почему они вернулись?.. Почему ко мне?.. Какое мое дело! Контуженных на войне хватало всегда! Контуженные были и будут. Контуженный имеет привилегию застрелить кого угодно... И пусть ими занимаются те, кому за это платят. Где эти говнюки, белохалатники? Врачишки сраные! Это ваше дело! Это ваши пацаны!.. Вот!.. Когда вы нужны, где вы?.. Заберите их. С глаз долой. Знать не хочу...

Крамаренко вдруг вырос перед моими плохо видящими глазами:

— Товарищ майор... Дать им чаю? Поесть дать? Мать их!..

Я с усилием зачем-то пытался вспомнить ту клятвую минуточку. Вернуть ее. Минуточку, с какой началась эта добренькая, гуманная затея отправить их обоим к своим... Минуточка, когда я связался с ними.

— Дай... Пока народ не проснулся.

Перед тем как пойти к пацанам, Крамаренко, не спрашивая, молчком вынул мне из холодильника водку.

Я смотрел на десяток ос, суетящихся на моем столе. Природа вещей... Осы спокойно ползали, сталкивались. Некоторые опасно взлетали.

— И ты стал стрелять? В чеченца?

— В чеченца.

— Убил его?

— Д-д-да.

— А как попал в майора?

— Автомат... Д-дуло чуть поехало. Я же в машине сидел. Вполоборота... неудобно... Я свесил ноги вниз... Дверца машины открыта, но эта дверца качалась туда-сюда. Мешала мне...

— Дверца дверцей, но ведь ты автомат навел?.. Зачем?

— Майор Гусарцев так приказал... Д-д-держи нас обоих на мушке... Чтобы чич видел. Чтобы чич не вздумал ш-ш-шутки шутить... Майор так выразился: чтобы чич все время ч-чувствовал пулю в стволе...

И второй, который Олег, кивнул головой:

— Да, да. Так и было. Так и сказал майор Гусарцев... Чтобы чич чувствовал пулю.

Сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое, они кое-как выложили, что помнили.

Собственно, рассказывал Алик. А Олег нет-нет и свидетельски повторял, поддакивал. При каждом строгом моем переспросе (и взгляде на него) Олегу хотелось вскочить со стула — отдать майору Жилину честь. Разок ему удалось. Он вытянулся в струнку.

— Перестань скакать. Сиди!

— Так точно, товарищ майор.

Зато он уже не тарачил со святого перепуга глаза. И не вопил насчет присяги... Олег, я вдруг отметил, на чуть изменился к лучшему. Его контузия

претерпела... Невнятно долгое молчание. Но с отдельными разумными фразами.

И повторял за Аликом:

— Да, да.

А тот, который плачущий одним глазом, застреливший нечаянно Колю Гусарцева, нес свое. Наваждение было, торопливо объяснял он. Солнечные зайчики!..

С ним, с Аликом, такое бывает... Он же майору Жилину рассказывал. Страх, как желтый шар. Прямо перед глазами. И этот шар вдруг развалился... Осколки солнечные, желтые-желтые! — они полезли Алику прямо в зрачки... А чеченец криво и опасно улыбался. И хлопал себя по бедру...

— И ты решил, что сейчас он выхватит пистолет.

Я забрал обоих из казармы, чтобы быть уверенным в их молчании. Я отделил их от солдат-грузчиков, с которыми они жили и с которыми вместе катали бочки. И вообще от погрузочно-разгрузочных работ освободил. Обособил... Для надежности... Чтoб ни днем, ни ночью... Велел Крамаренке поселить их в пакгаузе-8. Там, где тихое место нашего писаря.

И где совсем недавно я пристраивал пожить своего говорливого отца. (Тоже, кстати, с целью, чтобы жил тише и незаметнее. Ну и чтобы пореже выступал...)

Крамаренко кивнул — выполнит мигом. И спросил: а куда деть Пака?..

Вместо Пака — они.

Оба будут теперь заниматься учетно-писарской работой. Справятся... Для наших отчетов-отписок ума не надо. Ну, пусть с помарками... Пусть будет не так аккуратно и стерильно, как у Пака.

Крамаренко снова кивнул:

— Верно... Правильно... Пак вон какую ряшку нажрал!

Пакгауз-8 — замечательное по удаленности, по *неконтакту* место. Писарь Пак даже питался, то есть ел кашу и выхлебывал на третье армейский компот, отдельно от солдат. Когда солдат строем из столовки уже уводят. С песней!

С песней, как правило... Солдаты так наедаются, что, оторвавшись от стола, от своих мисок, спят на ходу. Но, уходя, все равно поют... Ценят складскую жизнь, в которой тяжело все, кроме одного. Здесь не стреляют.

Пакгауз-8 полуподвален, но сух. Спать будут здесь же. Два топчана из казармы... Стол с бланками сразу у входа... Лампа освещает... Тут эта пара контуженных будет сидеть напротив друг друга и заполнять бланки. Выписывать и записывать. И молчать, молчать, молчать! (И ждать выход Хворя с его надежной колонной.) Ну, поскучают малость.

— Но смотри — не загружай Пака слишком. Чтоб на бочках не поломался. Хилый он.

— Ни-ни. Боже сохрани!

Крамаренко знал дело. Он берег солдат. Он на своем месте.

— А потом Пак вернется назад. Когда пацанов отправим.

— Понял, т-рищ майор.

С Крамаренкой мы стрельбу Алика в майора Гусарцева не обсуждали. Ни словом. Я не сказал. Он не спросил... Не надо... По умолчанию.

Надо быть начеку. Скверное для пацанов дело.

Я сам их расспрошу... Пристрастно... И не стану покрывать, если убийство из примитивной окоп-

ной ненависти к офицеру... Я сам офицер. И я знал, как иногда солдату, который всю ночь месил ногами дорожную грязь, хочется выстрелить мне в спину.

Как это было?.. Гусарцев спокойно вел машину, пацаны с автоматами спокойно сидели сзади. Но, приближаясь к ущелью, майор Гусарцев повел машину обходными дорогами, галсами... Сворачивал вдруг резко... Все время зигзагами, чтобы не напороться ни на своих, ни на чичей. И чем ближе к ущелью, к месту, где только что разгромлена колонна, тем голос его жестче... Майор покрикивал:

— Сидеть прямо, пацаны! Не смотреть в окно... Не поворачивай лицо... Влепят же пулю, идиот!

Не поворачивать к обочине лицо — обычная практика едущих в джипе по ничейной дороге. Чтоб со стороны не знали, кто и зачем едет. Чтоб не стреляли из кустов... Враг? Или не враг?.. Чтоб видели только камуфляж, а кто и что — неясно.

От окриков майора, от его подспудной напряженности Алика повело. Как он сказал, началось. Солнечные блики заиграли... Зайчики... Как будто десяток небольших зеркалац (круглые зеркальца, с пол-ладошки...) кто-то наставлял Алику прямо в глаза... Кто-то... Хотел попасть в зрачки... Ослеплял... Алик морщился, отворачивался. И опять смотрел то вправо, то влево.

— Сколько раз говорить! — уже сердито покрикивал майор Гусарцев. — Не поворачивайся к окну... Ну что за болваны! А еще в разведке хотели быть, а?.. Хотели, Олег?

— Хотели.

— Должен же знать... Мать твою, смотри же вперед! — И так далее.

Одновременно майор нет-нет и с кем-то переговаривался по телефону. Он не называл чеченца по имени. Он говорил просто и прямо:

— Алло... Это я... Чич, ты меня слышишь?.. Я уже пересекаю сухую балку.

И затем опять:

— Чич. Это я... Что у вас там за стрельба?.. Выйди к концу ущелья. По правому краю. Где обрывчик... Жди меня... Не бзди!.. Там же дорога рядом. Проселок... Вот я проселком и подъеду.

Были уже совсем близко. Слышались отдельные выстрелы. Это, как теперь понятно, после боя добивали раненых.

И снова телефон... И сама трель звонка, и голос Гусарцева раздражали Алика. И эти солнечные зайчики... И поскольку шел непрерывный телефонный сговор, у Алика возникло предчувствие... И этим предчувствием была толстая, пухлая *пачка*... Нет, нет, Алик не может объяснить.

Джип трясло... Алик знать не знал, куда и зачем они на пять минут сейчас заедут. (Так им сказал майор Гусарцев. Он не объяснял. Еще чего!.. Просто сказал — *заедем на пять минут*. Он по-майорски не церемонился с солдатами.) А Алик, отгоняя солнечных зайчиков, тряс головой... И опять он смотрел вправо-влево.

— Ну, что ты за солдат! Смотри пря-я-аамо! — кричал майор, бросая машину с кочки на кочку.

Одно успокаивало — рядом Олежка сидел как каменный. Он только крепче сжимал свой автомат, слыша близкие (приближающиеся) звуки выстрелов.

Олежка тоже не знал — чего это они, вместо того чтобы ехать в родную в/ч, свернули *на пять ми-*

нут к чичам? Но он не нервничал... Он был готов. Его контузия сработала сейчас так, что он (когда-то отбившийся от своей части) готов был выполнить солдатский долг в любую минуту. Готов был погибнуть... Ему даже хотелось погибнуть. Ему даже было весело. Он ни о чем не думал.

Теперь-то уже никто не станет смеяться, если он вскрикнет: «Присяге верны!..» — и ответит чичам... Огнем на огонь... Олег весь напрягся, когда чувствовал, что машина притормаживает... Вкрадчиво так притормаживает... Готовая остановиться. Пусть!.. Пусть остановится! И тогда они с Аликом выполнят наконец свой долг.

Чеченец сидел на обрывчике. На крае, на выступе земли, — сидя, он слегка болтал мясистыми, сильными ногами. Майор Гусарцев шел к нему. Майор Гусарцев шел неспешно. Он казался ниже сидящего на обрывчике чича. Он головой был чеченцу по грудь. Но если смотреть из машины, где Алик и Олежка с наведенными автоматами, майор и чич теперь сближались, сращивались в одно.

Они оба, майор и чич, так долго переговаривались по телефону, что теперь говорить им было не о чем.

Майор, выпрыгнув из джипа, уже сделал свои шесть-семь шагов, чтобы взять деньги. Но не протянул руку за ними. Дай сам!.. Он ждал, когда чеченец протянет деньги. Но и чеченец ждал, что майор первый протянет руку за деньгами... Каждый хотел выглядеть главным в сделке. Не унижаясь... Гусарцев и чич... Оба держались картинно. Они затянули секунду оплаты до полуминуты. И этой напряженной,

натянутой, как струна, и не понятной ему полуминуты контуженный солдат, возможно, не вынес.

Чеченец пачку денег вынул из кармана правой и переложил в левую, а правую руку опять освободил... правой стал просто похлопывать. Похоже, что по пистолету. С угрозой выхватить.

Промахнуться невозможно. Оба сдельщика от джипа были всего в семи-восьми шагах. Когда Алик выстрелил, он убил их одной очередью.

Сначала пули под завязку набили чеченцу грудь... Затем пара пуль ему же в голову... Затем дуло чуть поехало... Алик в испуге спешно дернул стволом. А пули, уходя в сторону, все же черкнули майора Гусарцева... его камуфляж...

С дыркой в спине и с разорванным ухом... С брызнувшей из уха (из виска?) кровью майор Гусарцев упал головой прямо на чеченца, уткнулся ему в грудь, а чеченец на обрывчике продолжал сидеть как сидел. Но уже мертвый. При этом, мертвый, он сколько-то еще продолжал похлопывать рукой по бедру, где пистолет... Очередь смолкла.

Выстрелы эти никого не напрягли. Выстрелы раздавались там и тут — чичи добивали раненых.

— Но ведь двое сторожевых чичей были совсем неподалеку от Горного Ахмета... телохранители!.. Почему, Алик, они не среагировали? — спрашиваю я.

Он только пожимает плечами

Когда подъезжал джип, эти два чича наверняка вышли вперед, сунулись было поближе к подъехавшей машине, к майору и к пацанам... Но сверхопытный Ахмет по-командирски остановил телохрани-

телей жестом... Командир (можно предположить) велел им оставаться на расстоянии. Не подходить... Он, возможно, не хотел, чтобы его люди знали, во что обошлись купленные сапоги и сколько он отдал федеральному майору денег.

К тому же чеченцы были наверняка на взводе. Только что с гор. Только что из боя... Увидев джип вблизи, могли не удержаться и сгоряча начать бешеную стрельбу. Потом разбирайся!.. Вот почему Ахмет не взял их с собой. Полевой командир Горный Ахмет не хотел, чтобы всюду заговорили, что он лоханул федерального делягу. Что не отдал ему деньги и убил... Разговоры были бы невыгодны. Полевой командир Горный Ахмет не хотел терять майора Гусарцева... Бизнес.

Возможно, Ахмет велел своим телохранителям стоять неподалеку в сторонке и лишь посматривать. Они, возможно, там и стояли... И после автоматной очереди Алика они там продолжали стоять. Они видели голову и спину продолжающего сидеть командира. Он был мертв, но крепко сидел на своем обрывчике... Спиной к ним... Командир как бы вел свои переговоры... Телохранители думали, все в порядке.

Тем более вновь вспыхнувший бой в ущелье. Телохранителей как сдуло. Вновь стрельба и какая! Крупнокалиберный пулемет!.. Как раз в эти минуты заматавшиеся чеченцы, гибнущие один за одним, кое-как опомнились... Кое-как пришли в себя и теперь уничтожали оживший пулемет Мудилы Мухина.

— Я не хотел убивать майора. Нечаянно... Так получилось, — повторяет Алик.

Я и не сомневался, что нечаянно... Но (я уже почувствовал)... Но не только нечаянно.

О своем скороспелом бизнесе с сапогами Коля, разумеется, собирался рассказать мне после успеха. Он бы наверняка и мне предложил долю с вонючей кирзы... *Надо, надо с Ахмета сограть... Тейп, Саша, богатенький, но забывчивый... Если сейчас, Саша, по свежей памяти я с них за сапоги не требую — они потом только пожмут плечами... Еще и подстрелят, чтоб не приставал... Забавная у горцев бывает память!..* — как бы вживую слышал я его голос.

Объясняющий напористый голос молодого штабиста. Абсолютно живой. Мне даже захотелось оглянуться... Как будто Коля говорил мне, стоя неподалеку... Стоя чуть сзади. Со спины.

Тяжелый день окончен. Спать...

Крамаренко из пакгауза Пака изгнал, пацанов там разместил. Дал им постели... Все новое... Их топчаны вполне по росту, по разные стороны от стола. Тумбочка у каждого. Коврик под ногами у каждого. Во многих казармах такого нет... Одежда байковые, есть и ватные в запас на прохладную ночь.

Подушки грязноваты?.. Да, да, Крамаренко и подушки сменил. Живущие на складе, т-рищ майор, могут себе позволить жить небедно.

Питьевая вода в бачке... Их автоматы в дежурке. С приказом не выдавать... Разумеется!.. На всякий случай Крамаренко порылся и забрал из их вещмешков рожки с патронами.

Спать...

Но нет. Опять Крамаренко — только что к нам прибыл, приехал штабной вестовой. Разнарядка...

Мне лично. (Такие сведения не передаются по телефону.) Небольшой исписанный листочек... Майору Жилину.

В/ч за № ... — бензин, солярка... Из этой части уже повторный заказ. Вопль!.. Но они под Ведено. Сейчас туда никак не добраться.

В/ч за № ... — вертолетчики. Летный керосин... Эти потерпят. Я им, алчным, давал дважды... Жаба их душит... Василек меж тем тоже ждет. У Василька СВЕРХ имеется лишь один-единственный вылет.

В/ч за № ... — бензин. Мотострелки 96-й дивизии... Не запомнил бы, но цифирь туда-сюда. Как в лото... Эти в сторону Урус-Мартана. Никаких проблем. Колонны туда бегают часто.

В/ч за №... Ага!.. Вот новое... Не забыть!.. Пацанам Шишмарева в горах нужны гранатометы. И обязательно одноразовые «РПГ-27»... Проклевывают даже броню. Но как доставить?

Кому, чего и сколько... Я наперед знаю все, что не удастся. Вертолетчики будут клянчить свой керосин... Саперы загодя позаботятся о новых миноискателях — этого у меня давным-давно нет.

Вместо одной большой колонны две-три маленькие... Перетасовывая (мысленно) сложности доставки, я на минуту закрываю глаза. Спать...

Но на всякий случай надо же на пацанов глянуть. Пять минут, и я там... Ночь тихая.

Восьмой пакгауз. Ступеньки... Все в порядке. Горит одна ночная лампочка. Пацаны спят на своих топчанах... Олег слева... Это Крамаренко ему подсказал, чтобы слева. Там над головой нет полки с обмундированием. Разумно, подумал я с улыбкой. Не

разобьет башку, если вскочит со сна покричать на счет присяги. Полки у нас из дуба.

Алик справа. Я стою, всматриваясь в его лицо. Тика нет. И руки пацана спокойны.

Сумеет ли уцелеть? — думаю я. Убийство офицера — это убийство офицера... При любых обстоятельствах... Пацан подвешен на слишком тонкой ниточке. На волоске.

— Вот так, сынок, — говорю я негромко.

Слово вырвалось. Я вдруг назвал его сынком — а почему нет?.. Мне сорок с хвостом, оба пацана могли быть мне сыновьями. У нас с женой дочка. Мальчишек нет... Так вышло.

А Колю жаль! Хитрован-чеченец назначает ему «стрелку» возле разгромленной колонны. И Коля соглашается! Едет!.. По сути, один едет. Смелый наш Коля... И, надо признать, все получилось. И деньги уже в руках!.. Насчет чеченца Коля Гусарцев все правильно понял... Но не чич его надул и кинул. Его надул и кинул случай — его кинул шиз-солдат.

Солдат, спящий на правом топчане... Малец, у которого поехала крыша.

И много больше, чем Колю Гусарцева, стало жаль этого Алика. Хотя он мне никто... Бесконечно жаль пацана. Он где-нибудь да проболтается. Жалкий... Убийство офицера... Он уже сейчас готов каяться и сесть за решетку.

И снова та самая мысль!.. Им обоим, Алику и Олегу, повезет в одном-единственном случае — если они окажутся в своей родной воинской части. Там, среди своих, их место. Оба!.. Если оба, то надежно. Один контуженный подпирает другого. Деньги чеченца?.. Да плевать!.. Да мало ли что помещится контуженному... Если там, среди своих, этот Алик, мучимый чувством вины, как-то и про-

болтается... Если сам и покается, то, по сути, лишь в том, что выдал слишком длинную автоматную очередь... С контузика больше и не спросят... Комиссуют... Не более того. И — домой, домой!

Шорк-шорк!.. шорк-шорк!.. Это шоркает Олег. Мотаает во сне башкой. Я обхожу стол с бумажками-бланками... Смотрю на спящего. Еще один покалеченный. Да, да, когда контуженные оба вместе, они больше защищены. Такова правда войны.

Чувство сострадания застоялось во мне. Хватит.

Я подхожу к Олегу ближе... Постоял, подождал. А потом ладонью мягко придержал качающуюся, дергающуюся туда-сюда голову солдата. Остановил маятник.

— Спи, сынок, — говорю. — Спи.

Олег и впрямь затих. Спит... Зато теперь во мне зашевелился, ожил, задергался живой, теплый комок сердца. Это мое сердце. Я слышу внятное чувство отцовства... И вполне осознаю, что буду этих ребят выручать завтра, послезавтра... Сколько понадобится.

И тут сынок выдает мне по полной программе. Не открывая глаз... Олег что-то зашептал. Со сна пошлепал губами.

Я чуть принагнулся, чтобы слышать. И он, не прерывая сна, четко мне выговаривает:

— Все вы — дерьмо. — И спит.

Надо же!.. Сколько же обиды и боли гуляет в снах контуженного солдата. Припрятанно удерживается под его болезненно тупым, непроницаемым лицом.

Я негромко усмехнулся. Конечно, сонный Олежка мог высказаться нечаянно... Но... Но не только нечаянно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Один луч пробил тучи, когда позвонил Хворостинин. Сам позвонил. Своим легким, немужественным голосом... Оказывается, он, наш замечательный проводник колонн, уже на ногах. Оказывается, он уже посещает госпитальный спортзал.

— Что ж раньше не позвонил?

— Не велели, Саша.

Я даже переспросил:

— Информация не для чеченцев?

Он засмеялся.

Меж тем чеченцы уже знали. Мой информатор в тот же день тоже позвонил и среди прочих гуляющих в кругу боевиков слухов пересказал самый свежий — Хворь вот-вот... Хворь на ногах. Хворь по утрам в зале реабилитации уже «пинает мячик».

— Ну и как тебе тренируется?

— Как в маленьком дорогом фитнес-клубе.

— Ого!

Я не знал, что еще спросить.

— Показали тебе твою пулю?

— Медсестренка принесла на блюде.

— И пуля каталась и звенела?

Это была всем известная, когда-то давно сказанная фраза главного хирурга. Хворостинин понимающе засмеялся.

А я уже не знал, что еще спросить — что ли, про медсестренок?.. Про мячик, который он пинает?

Мне остро захотелось его увидеть. Но речь как застопорило. Друг, думал я. Друг...

— Ну ты отдохнешь теперь. Сколько-то отдохнешь. Замечательно!.. А дальше?

— Посмотрим.

— И тебе не дадут отпуска по ранению?

— Не.

— Почему?

Он засмеялся.

И еще звонок. Сообщила новость моя женка — ей удалось задешево купить балки для крыши.

— Не гнилые?

— Прораб смотрел. Похвалил... Каждый распилил обнюхал.

Прорабом у нас инженер-пенсионер. В небольшом городишке, что у большой реки, жена такого не сразу, но нашла. Искала, как я велел... Прежде всего справилась о его здоровье. Не только о том, сколько он жаждет рублей в месяц... Пригляделась... Чтоб не упал, не грохнулся на стройке, держась за сердце.

— Жара... Как жара?.. Обрати внимание. Даже обычная жара сразу показывает, как у старика с сердцем.

— Переносит нормально.

— А как рано приходит на стройку?

— Как жаворонок!..

Я похвалил — молодцы!.. На душе отпустило. Так легко радуешься весточке, если усталый и если на ночь глядя.

Но на этой же неделе я *потерял* дорогу. Не плохую горную дорогу, уже заплаченную.

После двух удач с доставкой бензина мы с Русланом уже рассчитывали на некоего Зузу. Я дал Зузе вперед хорошие деньги. Казалось, он надежен. Лезгин Зуза. Или полулезгин... Шустрый. Схватывающий с полуслова... Я думал, что, получив (через

Руслана) деньги, этот шустрый Зуза носится теперь по открывшейся для нас горной дороге туда-сюда, обеспечивая ее.

Следя ее (и подмазывая кого надо)... Однако и в первый, и во второй день Зуза все еще находился у некоей девицы в одной из недоразрушенных грозненских пятиэтажек.

В дверь к нему постучали условным стуком, и как только полуголый Зуза высунул голову, он по голове и получил. Он не мог бы сказать, чем его ударили. Он потерял сознание. Когда, валявшийся на полу, он очнулся, над ним, скрестив руки, стоял Быраев-мелкий.

— Тебя же взяли в плен! — слабым голосом воскликнул Зуза.

— Ага.

— Ты же в Сибири...

— Ага.

Быраев-мелкий, как говорили, и правда, только-только вырвался тогда из тюремного изолятора, что в сибирском городе Кургане. Наконец удалось. Ему помогли вырваться.

Его прямо из тюрьмы запросили в Чечню для проведения следственного эксперимента в горах, где Быраев кого-то когда-то убил... Это было довольно глупо придумано. Федеральные чиновники, однако, оказались еще глупее, согласились!.. Зэк Быраев прибыл в родную Чечню. Весь быраевский тейп, встречая его, ликовал. Почти что народное гуляние!

Местная власть сообщила Быраеву, что он с первой же минуты нахождения в Чечне свободен. И что машина «Жигули», в которой его привезли с вокзала, теперь его собственная. В знак извинения. В знак компенсации за моральный ущерб... Быраев-

мелкий ехал в машине уже без ментовской охраны, и машина (его машина!) была вся в цветах. Его узнавали издалека. Цветы бросали ему жители родного села. Правда, опять же не без подсказки местных властей.

Сейчас Быраев-мелкий, стоя над поверженным Зузой, наконец заговорил о деле:

— Ты открыл русским мою дорогу. Ты был подлым, а стал подлым вдвойне. Потому что продал дорогу не просто так, а под моим именем...

И еще целые две минуты (это долго!) колебался Быраев-мелкий, стоя над раздавленным и униженным врагом, — он колебался, какой конкретный правильный ход сделать дальше. Заняться Зузой и его деньгами? или его девицей?.. Девица, голая, лежала за натянутой на шнуре простынкой, как за занавеской. Ей не велели одеваться. Она должна была ждать. Потому что у Быраева было плохо с потенцией после курганской зимы в тюрьме. Девица должна была долго лежать наготове.

Бедняга Зуза не таился — сразу же рассказал, где полученные от майора Жилина деньги. Он также рассказал, где у него записка прошлых дел. Что касается отдать, он отдал все. Быраев забрал также и мобильный телефон Зузы, не из жадности, а чтобы иметь под рукой (под пальцем) нужные для здешней жизни номера. Номера телефона тоже должны были быть наготове. У Быраева, совсем молодого, начинались нелады с памятью. Были трудности с запоминанием имен после крепкой сорокаградусной курганской зимы.

Зузе дали одеться, велели сесть в машину. Сказали, что отвезут ко мне на склад... в Ханкалу... Чтобы он там самолично все объяснил майору Жили-

ну. Чтобы рассказал, чья дорога. Чтобы рассказал про свою ложь... Пусть выкручивается, как сможет. Конечно, не сам Быраев-мелкий поехал с Зузой в Ханкалу. Быраев был в розыске. Быраева федералы слишком знали.

Люди быраевского тейпа действительно отвезли Зузу в Ханкалу, но по дороге его пристрелили. Его действительно привезли к моему складу. И у ворот склада — среди ночи — бросили, чтобы Александр Сергеич, чтобы Сашик тоже понял, с какой падалью он случайно связался.

— ...И к тому же вокруг нас вдруг стали стрелять.

— Кто?

— Стали стрелять. Где-то в ущелье... И тогда я тоже вдруг нажал курок... Сначала я просто держал чеченца на мушке.

— Кто стал стрелять?

— Где-то поблизости... П-п-пулемет.

Я спрашиваю, Алик отвечает. И вполне можно обойтись без комендатуры. Убийство майора Гусарцева вырисовывается несомненно случайным... Чем больше подробностей. И чем они точнее.

И притом контуженный пацан, что ни говори, убил Горного Ахмета. Завалил матерого полевого командира... Устроившего в ущелье кровавую бойню... Притом что в ту последнюю минуту матерый волчара, уже ощущавший полную победу, сиял лицом — светился своей воинской удачей и был непредсказуем. Слава пьянит!

Они все непредсказуемы при удаче. Вояки! Что чеченцы, что наши... Ахмет, заодно купивший впрок сапоги своим бойцам, ликовал вдвойне. Он, улыбаясь, стал похлопывать по своему пистолету на бед-

ре. Красиво... Когда Коля Гусарцев к нему приближался... Замашки мафиози. Ахмет мог выхватить пистолет в любую секунду... именно в секунду, а не в минуту! Знаем мы это предварительное похлопыванье! Где жест — и где улыбка!

Такая была там пауза... И такое, а не иное похлопыванье по пистолету. И взвинченный, подвисший на нерве Алик *вдруг* начал стрелять, когда *вдруг* заработал пулемет того ослепшего солдата... Очнувшийся Мудило Мухин, вот кто вспорол тишину. Вот кто вспугнул Алика, сидящего в машине с уже заранее наведенным на чича дулом автомата.

Вроде бы, все ясно. Но с какой-то подробности (с пачки денег... именно!) мучительно заикающаяся речь Алика петляет, его солдатское покаяние начинает заворачивать куда-то вкривь.

Алик настаивает, он не чича испугался. И не других чичей (тех, кто в горловине ущелья добивал раненых)... Он испугался, когда майор Гусарцев вылез из машины и заговорил с ожидавшим его чеченцем. Запросто они... Они смеялись... И Алик испугался криво смеющегося лица чеченца. Его смеха... И его денег. Чеченец передавал майору Гусарцеву деньги. Чеченец не смеялся — он щерился. И у Алика в голове еще сильнее заплясали солнечные осколки. Желтые, колкие острые брызги...

— Не надо, не надо про осколки! — перебиваю я. Уже слышаны.

И спрашиваю:

— Это были большие деньги?

— Пачка!.. Да, да!

На левом его глазу выползает огромная слеза. Одна, но какая!.. Ему жаль убитого майора. Искрен-

не жаль... Рассказывая и сожалея, Алик покусывал губы.

А второй, который Олег, тотчас его слова подтверждает:

— Да, да. Так и было... Целая пачка. Я пожимаю плечами:

— Ну и что?

— *Деньги... П-п-пачкой...*

Алик повторяет и повторяет. При этом глаза Алика блестят... Зрачки острые... Он сидит на своем топчане и дрожит все сильнее. Его бьет дрожь. Я все вижу.

Я вижу и то, как жестко, как контрастно Алику сидит Олег. Этот сидит с прямой спиной... словно бы и в сидячем положении подвластный какому-то своему особому долгу.

Я, собственно, зашел к пацанам в пакгауз посмотреть, как они обустроились. Просто так зашел.

Я говорю:

— Ну, деньги... Ну, пачка... Ну и что?.. Майору Гусарцеву задолжал деньги чечен в Грозном. Чечен, который ЗА нас... Ты слышишь, Алик, — ЗА нас... А возвращал долг его родич, который ПРОТИВ нас...

Я уже с некоторым раздражением поясняю Алику:

— Майору Гусарцеву просто-напросто передали деньги... Долг вернули. У чеченцев это проще... Ты за тех — а я за этих! Но деньги это деньги. И денежный долг надо отдавать.

Алик, вздохнув, опять рассказывает. Заикаясь. П-п-пытается мне что-то объяснить снова и снова. Что?

Горный Ахмет сидел на обрывчике, свесив ноги. Пачкой сторублевок хлопывал себе по колену. А майор Гусарцев как раз выпрыгнул из машины и уже неспешно подходил к чеченцу.

Именно! Деньги в руках чича... А они оба ничуть не нервничали. (Они не понимали Алика!) И чич, сидевший на выступе земли... И майор Гусарцев, так долго, так нарочито медленно идущий к чичу.

Алик раздражался все больше. Пачка!.. Грязная, сволочная пачка, он видел ее издали... Она резала ему глаза!.. Солнечные зайчики наваждения уже опять заиграли. Желтые! Навязчивые б-б-блики!

Алик уперся глазами в пачку денег в руках чеченца. Алик не мог оторвать от них глаз. Он испугался толстенькой пачки... Он ненавидел ее.

Затем неподалеку где-то (из-за ствола павшей сосны, с гнилого пня) заработал крупнокалиберный пулемет... Мощно... Сильно... Пулемет вспорол тишину. Тишина была с редкими выстрелами. А пулемет грохотал... Он призывал... И Алик откликнулся на призыв. Звуки! Какие прекрасные звуки!.. Солдат от солдата словно получил знак нажать на спуск.

Из Алика, из рядового Евского, словно бы выползает еще одна причина случившегося убийства. Некая темная причина.... В параллель случайности... Рядовой Евский пытается назвать словом, пытается угадать (вместе с помогающим ему майором Жилиным) эту смутную причину своей стрельбы.

Ведь он, рядовой Евский, с н-н-ненавистью (Алик усиливает это слово голосом), с н-н-ненавистью и со страхом смотрел на ту пачку денег.

Олег не понимает, о чем мы (я и Алик) сейчас

толкуем. Олег уперся взглядом в какую-то точку в дальнем от нас углу.

— Почему, Алик, тебя испугали деньги?.. Чеченец отдавал долг... За бензин... За сапоги... За солярку, к примеру... Ты же сам знаешь, сам говорил — шоферня и даже танкисты наши иногда сливают полбака солярки чеченцам за деньги!.. Мало ли как!

Спрашиваю, но Алик молчит. Смотреть на пацана больно. Вот он весь!

— Тебя чеченец испугал? Или деньги?

Молчит. Нет уж, дружок... Если молчать, надо было сразу молчать, с первой минуты. Запереть рот на замок... Убить офицера — рассказать об этом, — а потом растерянно и недоуменно замолкнуть... Бедный малый. Бедный шиз.

Молчим... И так слышно грохочут наши складские бочки. Солдаты-грузчики вкалывают. В пятом пакгаузе сегодня аврал. Бомс!.. Бомс!.. Бомс!.. Такой надрыв, словно бочки заскучали по двум контурикам. Слово зовут их!

Но я (для надежности их молчания) пацанам выходить из пакгауза-8 запретил. Даже выглядывать! Даже башку высунуть!.. Они теперь писаря... Два малоодаренных, но трудолюбивых дундука вместо одного гениального Пака.

Рядовой Евский, то бишь Алик, своими глазами однажды видел (случайно, в пути, на пыльной дороге), как командир соседней роты (обе роты сначала выдвигались вместе) получил деньги... Вот так же, из рук в руки... На виду... Смеялся тоже... Чеченец, передавший деньги, сразу слинял, куда-то ушел... исчез!.. но след чеченца остался. Соседняя рота пошла восстанавливать чеченцам мост и в засаду НЕ

попала. А попала в засаду как раз рота Алика, где и убили Мазаева, его кореша. Аликов и Олегов кореш Мазаев на гитаре играл... Не только Мазаева, еще троих...

Солдаты тогда же повели разговорчики. А он, Евский, не хотел тогда в-в-ве-рить... Он с ними спорил. Он т-т-тогда не заикался. Ну, обычный солдатский треп о том, как много, мол, продажного и продажных на этой войне... Дошло до комбата. Комбат устроил разнос. Кричал!

Другой раз с БТРа рядовой Евский, сидя на могучей броне, с высоты углядел, как передавал деньги чеченец, да, да, наш чеченец, проводник... лояльный и вполне свой... чеченец передавал п-пачку денег другому, чужому чеченцу. И опять тот сразу исчез! Испарился!.. Может, конечно, он тоже должок возвращал. Факт необязательно темный. Но Алику тогда впервые захотелось полоснуть из автомата по обоим... Сдержался! А жаль!

Потому что опять остался след. На следующий день (после передачи тех денег) рота Алика залегла в не нужную никому засаду. Никого там не дождавшись.

Их обманули, заставив ждать впустую. А лежали там в лежку. А мерзли как! А горячей еды не было! Таились там неделю, а холода все стояли. Костра развести не разрешалось!

Третий случай... Когда чич с деньгами появился у моста... Как из земли вырос!.. А у солдат исчез боекомплект. Рота без запаса патронов!.. И опять солдатские разговорчики о продаже. А он, Евский, никак не хотел в-верить, что командир с-с-сволочь...

— Спокойнее, рядовой, — говорю я.

— Я с-спокоен, т-товарищ майор.

Но он не спокоен. Он быстро-быстро, насколько позволяет заикание, рассказывает мне. Торопится!.. Случай за случаем... Каким-то скорым перемигом глаза Алика становятся колкими и вдруг белыми — почти белыми. Белизна глаз.

Это уже, как м-мания, товарищ м-майор... Все провалы в боестолкновениях, засады, подрывы, заходы на минные поля и неудачные атаки у него в башке уже сами собой увязываются непременно в п-продажность... И еще эта п-п-пач-ка д-денег. Ему самому страшно, это уже как болезнь. Как только пачка денег у чича в руках... в голове Алика что-то образуется. Этот солнечный шар. Желтый... Шар раскалывается... Осколки...

— Знаю, — останавливаю его я. — Про зайчики все знаю.

Я не психиатр, копать долго не хочу и не стану. Не стану расспрашивать даже про тот, контузивший его разрыв снаряда (или там тоже проплатили засаду?)... Я не хочу всех его подозрений знать. Незачем... Я не хочу погружаться в темную воду его страхов. Я обыкновенный майор. Я хочу иметь уверенность. Я хочу надеяться, что в его пацаньих мозгах все же осталось некое светленькое и чистое пространство.

И я не поверил ему, когда он заговорил про фобию.

— М-м-может быть... ф-фобия, — предположил он. Но неуверенно. Как бы на ощупь.

Их обоих забрили в армию со второго курса, в конце учебного года. Так что всякие словечки они уже знают... Знают лучше меня. Я такое встречал у

солдат-полустудентов. Наворачивать сложности умеют.

Я не поверил и не верю. Все это им (я так считаю) нашептывает чувство вины. У Алика так — у Олежки этак. Все это их умничанье сводится к тому, чтобы обмануть не меня, не майора Жилина... А чтобы обмануть самого себя. И чтобы ни в коем случае не признаться самому себе в чрезвычайно простых вещах. Например:

- а) в испуге,
- б) в неумелом выстреле.

Контуженные, раненые, оглушенные... Эти люди усложненно виноватят себя, но заодно ищут виноватых вокруг. Такая беда... И со всем этим грузом Алику как выжить? Он и Олежку своего зацепит. Поташит с собой... В засасывающую воронку своей беды... Сдать его?.. Но его же не станут лечить. Его сразу и наскоро расспросят... И сразу же, без промедлений военный суд за автоматную очередь в майора Гусарцева.

Я, конечно, могу наедине с собой тоже поумничать, туда-сюда покрутить разные словечки: *фобия... шрам в психике... навязчивая мания предательства... и тому подобное.*

Или вот — *лохматая, грязная пачка денег... из рук в руки.*

Или еще — *горец-чужак, незнакомый... выросший как из-под земли...*

И совсем просто — *руки горца...*

Эти навязчивые зрительные образы уже организовали, уже слепили нечто в его пацаньем мозгу... И очень уж наш милый Алик сам себе эти образы навязывает. Накручивает... А первоисточником, —

несомненно, солдатский треп меж собой о том, что все куплено-продано. Все чичам, все за деньги. Сли-ли (полцистерны солярки) там... Сдали (полвзвода) там...

Я не психиатр. Но я подозреваю, что и психиатры, если они честны, знают, как мало они знают... И как темна тайна пораженной, покоренной психики.

— Но немало лояльных чеченцев, которые ходят по улицам или трясутся на броне наших БТРов. И такой чеченец может вынуть вдруг из кармана деньги... Пачку... И кому-то передать. И что?.. Ты в таких случаях будешь стрелять?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— Сдерживаю себя... Успеваю отвернуться.

Главное, чтоб перед глазами не возник желтый шар. Чтоб он не разлетелся на осколки.

И поскорее отправить их в свою в/ч... Просто солдаты!.. отбившиеся солдаты. Танцевать от печки. И тогда всякие бумаги, объяснения, справки для комиссования сделаются и напишутся там, в родной, пахучей солдатской среде, легко. С пахучей солдатней считаются все канцелярии мира.

Они оба обещают молчать о майоре Гусарцеве.

Я говорю пацанам начистоту. Они оба больные. Они оба дундуки и кретины. Они влипли, если не закроют накрепко рот!.. Они оба слишком откровенны и нехитры. Слишком открыты для вопроса... Едва ли кто-то надумает проверять их на контуженность. Сколько ни говори и ни клянись, что нечаянно. И что в мозгах взрывались какие-то желтые оскол-

ки!.. Их станут спрашивать предвзято. Их назовут еще и соучастниками сделки Гусарцева. Невольными, но соучастниками... Кому как не этим бедолагам заодно навесить проданные кирзовые сапоги. Кто-то ретивый слепить обвинение захочет. Обязательно захочет!

Я подытоживаю.

Первое — молчать про ущелье Мокрое.

Второе — я отправлю их отсюда поскорее. Постараюсь... Но предварительно они расскажут мне об их родной воинской части. О комбате Чумичеве... Чумичев он?.. Капитан? Майор?

Я успеваю (молчком) подумать, может, все-таки сдать их? Как положено. Как контуженных после боя... Как потерявшихся... Нет-нет, майор Жилин не сдаст пацанов. Майор Жилин выручит их. (Я успеваю подумать, *зачем мне все это?* А ни за чем. Вот так и посылает Бог нам идиотиков... больных... несчастных... Чтобы проверить нас на вшивость души.)

— Отправлю вас к вашему Чумичеву, — улыбаюсь я, поднимаясь со стула.

И снова повторяю главное:

— Но если вы здесь... Или в дороге... Хоть звук кому-то. Хоть писк... Хоть намеком — хоть одно словцо о майоре Гусарцеве вякните... вас загребут. И свою воинскую часть, свою роту и своих ребят, по которым вы так скучаете... вы все потеряете вмиг.

И добавляю. И уже смеюсь, чтобы им лучше запомнилось:

— ...Сболтнете?.. Тогда зачем мне стараться и вас куда-то отправлять? Тогда идите сразу с покаянием. В комендатуру. Здесь... С повинной. Здесь и сразу — это будет лучше всего... Срок вам скостят. Срок будет покороче.

Я хорошо им объяснил.

Фобия. Я специально заметил Алику, что, где бы и как бы они оба ни попали в расспрос (к примеру, когда их будут комиссовать на увольнение из рядов), Алик может, конечно, про свои солнечные или там лунные осколки... про зайчики!.. про то, что прямо в зрачки!.. но не надо словечка «фобия».

Другое дело, если сами врачи скажут, что похоже на фобию... *пораженная психика, возможно, фобия...* Это пусть они говорят. Они!.. Не подсовывай, Алик, это слово им сам. Не надо им подсказок. Это сразу тебя сделает говном. На войне не любят, когда умничают. На войне, чтоб ты знал, не верят в фобии. И я не верю.

— Не в-в-верите?

— Нет.

Хотя мне приходилось слышать про фобии... В грозненском лазарете, где я долечивался после ранения. Психиатр там... Симпатяга... Он был вызван из самой Москвы и колдовал возле одного важного полковника целую неделю. Увы, не помог... Зато нас, соседей по палате, он неплохо отвлекал от наших болячек. Врач заходил к нам в палату. Возможно, специально. И расслаблялся... Свирепыми шуточками.

Чего только мы не наслушались!.. Фобий у рода человеческого оказалось через край. Сотни... Одна красивее другой. Психиатр рассказывал всерьез, но криво улыбаясь. И изредка хихикая... Некоторые фобии — ну, просто немыслимые! Я слушал, открыв рот. Пытался представить и не мог... Некий подполковник Н. (после ранения) боялся идти в лес, потому что там он полезет на сосну. Почему он полезет — неясно... без причины. Но он полезет обя-

зательно!.. Фобия называлась *боязнь высокой сосны*. Это еще что. Это смешочки! А боязнь *собственного воротника*? Солдату казалось, что его душат *сзади, двумя руками*. А боязнь тех, кто *хрустит пальцами*? Но и это еще цветики. А каково обзавестись *страхом услышать хорошую новость*?

— Смешочки, — хихикал московский психиатр, — кончаются, однако, иногда тем, что солдатик выбрасывается из окна. Или стреляется.

Психиатр называл, насколько я помню, еще и *боязнь крупных гладких на ощупь купюр*... Это к п-пачке уже ближе, роднее. Но я не хотел вникать глубже.

Ночь... Надо бы спать, а я все ворочаюсь... Я так и вижу ту пухлую пачку денег. Которую горный чич протягивает офицеру. Пачка в чьих-то руках и мне подмигивает... Какой-то знак свыше.

Что же это за штука, наша психика... И что за штука наша война, думаю я, если фобия у нас — жирная пачка денег, а вовсе не те пельмени, которые зимой солдат принес в маленьком самосшитом рюкзачке. Подобрал рюкзачок с пельменями вдоль дороги в жуткий мороз... В снегу... Еще и дамская сумочка. Не открывал, боялся малютки-мины.

Принес рюкзачок и сумочку своим пацанам... Высыпал на стол. Мол, полакомимся старинной едой уральских и сибирских ямщиков... Уши! Разных размеров!.. Это были отрезанные уши, никакие не пельмени!.. И что было после? Это очень характерно, что было после. Страх?.. Фобия?.. Ничуть не бывало. Солдаты гоготали.

Я слышал, как смачно они гоготали. Подполковник, а за ним я, мы как раз шли мимо... И подполков-

ник даже приостановился, в надежде тоже задешево посмеяться. Сказал солдатам:

— Расскажите и нам... Если анекдот.

Своему комбату Чумичеву Алик может кое-что объяснить. Слишком таиться не надо. Стрелял, мол, в чеченца... Ничего больше, мол, не помню.

— Значит, Алик, ты уверен, что комбат тебя примет и поймет.

— Он?.. Еще как!

Возможно, комбат по фамилии Чумичев и впрямь настоящий мужик. Солдаты редко ошибаются.

Алик разулыбался. А потом выставляет большой палец:

— Он — во какой комбат!

И Олег выставляет палец — во!

А я думаю: дай бог... Комбату Чумичеву я со своей стороны тоже, разумеется, позвоню. Прямо перед отправкой. Как только определюсь наверняка с колонной Хворя... Двое... Отбились от вас, комбат, во время боя... Помните таких?

Ну да, да... Контузия, комбат, сам все сразу увидишь... Ну да... После того разгрома... И если комбат Чумичев не дурак, он примет их обоих без лишних расспросов. И комиссует их из армии без осложнений.

Само собой подтвердить, что все это потерянное время они у меня работали грузчиками.

Однако я не стану звонить их замечательному комбату заранее. Не хочу опережать слишком... Я знаю, как напрягает всякий звонок из Ханкалы. Как бывает вдруг встревожен звонком вояка-комбат.

Вдруг он скажет:

— Пусть пацаны отметятся в комендатуре. А уж после — ко мне.

Комендатура — темный лес.
Солдат зашел и вдруг исчез.

Так они распевают, шагая строем на обед, горланят. Юморок.

Горный Ахмет... отыскать его тело в наиболее близких к нам морозильниках.

Однако точность опознания Ахмета должна быть у меня стопроцентная. Потому как приемку тела с рук на руки будет проводить его сын. Обещали \$1500.

Журналистка... Попытаться ее освободить, выкупить.

Чичи захватили одну из самых талантливых наших журналисток. Которая радела за них. Которая смело критиковала федералов за методы ведения войны... Ее имя известно за рубежом. С колким пером и с множеством статей! С наградами! И сидит теперь в какой-то вонючей яме...

Первоначальная цена уже определилась. За журналистку, за ее возврат, федералы дают 50 тысяч долларов. Мы с Русланом можем успеть.

Мы обсудили. Я и прораб Руслан, мы вкладываем десять штук (по пять тысяч долларов каждый). В поиск. В переговоры. В подмазку горских боевиков... Мы не стали терять времени. Руслан бросил в отслеживание людей своего тейпа. А я дал знать своим «бензиново-солярочным» информаторам. Всем, кого я снабдил мобилами, а значит, приработком.

Когда гонорар мы с Русланом распилим поровну, получится по двадцать пять штук каждому. Настоящее, хлебное дело. Как раз когда с доставкой горючки у нас сбой. Небеса расщедрились... Все-таки там есть доброта.

Я бы мог поверить в психоизлом, в фобию и тому подобный накрут, если бы Олег и Алик сами уже посидели в зиндане — в чеченской яме. Вырвавшийся чудом оттуда ямник-солдат может, и впрямь, озвереть, увидев еще раз чеченца с пачкой денег. Я встречал таких... Вот кто был готов стрелять и без солнечных зайчиков!

Но пацаны молчали про яму. Мертво молчали. Может быть, стыдились?.. А меж тем яма — это просто. Это обычно. Мужские руки в горном селе очень нужны.

Люди в ямах, рабы, в жизни высокоживущих горцев есть и были всегда. Однако рабы из контуженных или раненых солдат — это практика уже современной войны. Это находка войны. В войне вдруг появился, прорезался еще один, неожиданный смысл. (Для крестьян. У которых нет другой, столь дешевой рабочей силы.) Горцы быстро смекнули.

Однажды и я с н-н-ненавистью смотрел на пачку денег.

Мы шли тогда колонной после боя. Нас, хотя и запоздало, уже прикрывали вертолеты... Медленно проходили чеченское село. А крестьяне уже высыпали к дороге. Зная про бой, они выглядывали себе раненых.

Колонна совсем замедлила ход, чтобы набрать воды, купить хлеба... Рядом с боевыми машинами тотчас появились белоголовые старики-горцы. Они торопились обойти один другого, суетились вдоль дороги, ласково крича:

— Эй, командир... Привет, дырагой... Больной солдат есть?.. Оставляй mine. Лечить-ухаживать будем!

Колонна ползла... Старики стояли, уважительно склонив голову. И держа правую руку на левой стороне груди. У сердца.

Кричали:

— Больной солдат везешь?.. Давай подлечим.

Глаза офицеров (мои глаза тоже) скользили по старикам, не останавливаясь. В общем, не замечая их. Но если взгляд задержать, вдруг можно было заметить, что руку старик не у сердца держит, а у грудного кармана... И что там у него деньги... Потертые, почти черные бумажки, возможно, даже фальшивые, о чем сам крестьянин не догадывался... Но все-таки это деньги. Он показывал деньги. Ему нужны были рабочие руки. Страда летняя! С ума сойти!.. Столько работы!

Крестьянин-чеченец не выдаст раненого боевикам. Он и впрямь выхаживает раненого, кормит-поит... А как только раненый малость окрепнет, придет в себя, крестьянин велит ему работать. Солдат должен отработать хлеб и уход... Починить мосток... Крышу обновить... В огороде... Работы у крестьянина полно. Он уже и не думает отпускать подлечившегося солдата.

Часто, помимо раны, солдат контужен. А деревня так высоко и глухо в горах, что контуженный солдат самостоятельно оттуда не выберется. Попытается убежать, но, поголодав сутки-двое, вернется. Контуженного можно не держать в яме. Он сам никуда не уйдет. Он, конечно, тоскует. Он работает... Пять лет... Десять лет... Всю жизнь... Ему дают немного водки в очередной здешний праздник.

Он пьет и орет старые песни. Орет на все село. Старики останавливаются послушать, и один из стариков, поцокав языком, говорит уважительно:

— Пусть.

И второй старик, почесав в макушке, соглашается:

— Пусть.

Это красивое русское слово старики узнавали и выучивали одним из первых.

Тогда новичок, я подумал с ненавистью, что вот они — самые грязные деньги этой войны. Нацеленные на покупку контуженного или раненого... Я тогда только начинал воевать.

Наша колонна шла, прибавляя ходу и сильно пыля. Старик крестьянин, уже не таясь, тряс кучкой грязных мятых денег. П-п-пачкой, как сказал бы рядовой Евский.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ну да, чич как чич. Его звали просто Зелимхан, без фамилии. Маленький полевой командир в округе горного селения Гузык... Никто... Просто ему выпала удача на каком-то перекрестке. Когда, только-только отоспавшись в горах, он вышел со своим отрядиком на охоту. Сцапал журналистку. Какая птичка к нему залетела!

Зелимхан и его люди толком не знали о ней и даже не слышали. Известная журналистка и правозащитница, она была просто добычей. Случайная молодая москвичка, захваченная *на большой дороге*. Бабец! Не удалось прихватить солярки, прихватили ее... Случай такой... Товар Зелимхана... Не знали ее напрочь, хотя у нее уже было громкое имя. Она защищала чеченцев. Она нахваливала мужество полевых командиров. Как сама она метко выразилась, *она раздавала им славу!*.. Всякий большой коман-

дир хотел попасть в ее репортаж. Она могла при случае апеллировать к самому Басаеву, так как дважды сделала с ним интервью, приводившие официальную Москву в бешенство.

Зелимхан, случайный ее хозяин (я скоро разузнал по наводке), отдавал захваченных на дороге людей за недорого. Пока что ее можно было обычным образом выкупить. Однако надо было поспешить. Посредники-перекупщики уже зашевелились. Журналистка известная, цена могла скакнуть.

Реальнее других для меня был перекупщик Магома, по прозвищу Азер, известный в Грозном усач, азербайджанец вполовину. Я уже работал с ним по выкупу. Сейчас важнее была вторая половина его крови, чеченская, которой он родился с влиятельным Доку... очень дальний, а все же родственник!.. Этот Доку, авторитетный в своем районе, уже напрямую контактировал с полевым командиром Зелимханом.

Чего же лучше! Азер выйдет на Доку, а Доку на Зелимхана.

Азер-перекупщик был известен тем, что на переговорах его пистолет был всегда крепко смазан и крепко подванивал из левого кармана. Азер считал, что это запах успеха. (Обильная смазка, возможно, и впрямь действовала на подкорку и при торге дополнительно что-то внушала.) Над его пистолетом подшучивали. Не перепродает ли Азер еще и смазку?.. Кроме пленных, а? Неужели нет?!

Азер на шутейный тон не обижался, держался красиво, уверенно. В горах это важно.

Начало хорошее. Усач-азербайджанец первым определил место, вычислил, где пленную журналистку держали спрятанной... отдаленный горный рай-

он... Гузык... Село Гузык небедное, сытое. Командир Зелимхан, захватив, мог держать добычу у себя в доме. Или, если опасность, в яме... Где-то с собой рядом.

Мы действовали в параллель. В Гузык сразу же направились люди Руслана. Четверо мужчин его тейпа. Все, конечно, вооружены... Не для войны вооружены, для поиска. Но, конечно, при случае готовые к схватке.

Я — через Азера — искал, как выкупить.

Руслан — через своих четверых — искал, как похитить, захватить силой. Желательно бескровно.

Соответственно близости к району, где царком Зелимхан, моим осведомителям были вручены фотографии журналистки. Красивая!.. Черные смолистые волосы. Хорошие глаза... И не тощая. Кавказцы не любят тощих... Я сам дал им фотки. Чтоб без дурацких ошибок при выкупе... Вдруг услышат-увидят. Да и просто как стимул. Приятно держать красотку в нагрудном кармане. Я дал им по две-три штуки. Чтобы кому-то нужному в деле показать, пусть даже подарить. Я сразу среагировал... И это неправда, что мы с Русланом запаздывали.

Искали, но, конечно, помалкивали про ее известность, имя. Ни в коем случае. Чем тише, тем вернее. И тем дешевле... Не шуметь. Не возмущаться! Не раздувать случай в событие. Просто пленная... Просто женщина. Ну, даже если разок ее там изнасилуют. Или плохо покроят... Бывает... Война.

Вскоре Азер сообщил, что Зелимхан уже *показывает* ее посредникам... Мы знали в подробностях. Она была плохо одета, грязна. Ее прекрасные густые темные волосы казались ведьминым укра-

шением. У нее почему-то болела губа... Она держала рот полуоткрытым. Чтобы зажило быстрее... Получалось, она скалила зубы. От прохлады погреба ее постоянно трясло. Зелимхан спускался к ней в полуподвальную скрытую комнатушку. На две-три ступеньки спускался, чтоб глянуть только... посмотреть мельком... и показать ее посреднику... После Зелимхана по лестнице спускался глянуть посредник-торгаш. Тоже на две-три ступеньки.

Полевой командир, как водится, ожидал покупателя поинтересней, побогаче. Но, возможно, у Зелимхана, как он ни прост, тоже было предчувствие быстро растущей цены. Нельзя недооценивать ничью интуицию. Возможно, Зелимхан почитывал газеты... Хотя бы иногда, наскоро доставая завтрак. Разворачивая из обрывка газеты обычную еду горца — сыр и лепешку.

Те же самые, что я раздавал, фотографии журналистки (впрочем, и другие... разные) запестрели в газетах... Деньги грязный, но очень чуткий инструмент. Деньги уже работали. Я следил с напряжением. Поначалу мы с Русланом выкупили бы женщину за десять тысяч долларов. Мы реально собирались за десять. Только не раскручивать. Только по-тихому.

Тем более что Азер оперативно добрался в село Гузык, — можно сказать, наш усач примчался туда первым. Правда, на влиятельного Доку он сразу не вышел. В дом, где Доку, Азера попросту не пускали. Он мог видеть дом Доку, но не более того. Азер мог сколько угодно кружить там по сельским улочкам.

Охранявшие Доку чеченцы шутили, а то и насмешничали над Азером. «Ты не можешь к нашему Доку пройти с пистолетом...» — так говорили охра-

нявшие. Азер вынимал пистолет — отдавал, но чичи (их обязательно трое-четверо) придирались к тому, что от Азера, мол, все равно подозрительно шибает пистолетной смазкой... «Это запах! Клянусь, только запах!» — но они ему не верили.

— Где-то в ботинке маленький пистолет спрятал... Или на яйцах повесил.

— Так ищите, ищите! — вскрикивал наш нетерпеливый усач.

Однако чичи посмеивались — ты слишком хитер, Азер... Ты и на спине пистолет пронесешь. Будет торчать, как третья лопатка... Нет, нет, мы не можем рисковать нашим Доку, нашим дорогим родственником. — «Но он также мой родственник!» — «Разве?» — «Клянусь!» — «Этого мы не знаем!.. Может быть, завтра. Может быть, тебе надо помыться, Азер. Если ты родственник... Только не дегтярным мылом...» Но и тут опытный Азер, окруженный этими мальчишками, не вспылал. Азер сдержался... Азера Магому упрекнуть будет не в чем.

Азер не ослаблял хватку и не считал, что у него застопорилось. Просто такое дело... Затяжное!

— Не штурм, Сашик, а осада, — звонил он мне. — Сашик, перестань волноваться. Азер Магома не подведет... Еще полшага. Последние полшага! Азер Ма — гома перешагнет этих юных чеченцев с их живыми глазами... Азер Магома вот-вот и придет к авторитетному Доку в гости... Полшага... А там и полевой Зелимхан сам собой объявится!

Однако эти полшага Азеру не давались — помог осилить я. В Москву как раз ехал оптовик-снабженец. По моей просьбе он зашел в чеченское землячество, провел с ними разговор... В хорошем, дорогом ресторане. Вплоть до закрытия ресторана снаб-

женец беседовал с этими людьми — с людьми, которые еще вчера были здесь, в Чечне, и которые заседали теперь там, в Москве. (И все еще слегка пахли, как мой Азер, пистолетной смазкой.)

Эти люди оттуда, из Москвы, прямо из ресторана звонком связали Азера с Доку — помогли нам в пять минут.

— Ты же родственник! Что ж ты прямо ко мне не зашел!.. Родичи так не делают! — слегка бранил Доку, на другой же день приветствуя и обнимая у себя дома усача Азера.

В параллель Азеру люди Руслана, их четверо, тоже рвались в дело. Они уже вошли в округу Гузыка. Они уже на месте... Один хороший прыжок — и вот она, журналистка! Они уже облизывали сухие губы при мысли о будущем захвате и о большом барыше. Они уже знали про полуподвал... Про ее чудесные черные волосы... Она сейчас там. Ее молодость и ее цена там... Ее журналистские дневники. Ее вещички скромные... Весь клубок там. У Зелимхана.

Но насторожившийся Зелимхан жил сейчас не в Гузыке, конечно. Вблизи. В неназываемом месте. Люди Руслана знали, что он с журналисткой и с охраной затаился в некоем совсем малом селении — вот только где именно?

Уже чувствовалось присутствие других. Не только мы умные. Другие тоже рыскали в районе Гузыка, стараясь при этом не задевать нас... не мешать друг другу. Без столкновений... Просто опередить конкурента.

— Другие должны отвалить! Никаких других, никаких конкурентов! — на казывал своему чело-

веку прораб Руслан по телефону. — Чего это они спохватились! Шакалы!

Его человек извинялся. Плохо слышно, Руслан. Шум и помехи, Руслан... И тогда Руслан яростно кричал:

— Припугни их. Как следует припугни!.. А потом подкупи!

Сам Руслан, увы, свалился с дизентерией. Желудок! Отравился в какой-то забегаловке... В Грозном... Съел там что-то вкусненькое и валялся теперь в обнимку с поносом. Человек, на моей памяти раненный трижды, переносивший на ногах самую крутую боль, не мог, не умел перенести свой расстроенный желудок. Руслан едва вставал с постели, бледный и истерзанный.

Меж тем мы с ним уже нервничали, читая прибывавшие в Грозный газеты... Зримо росло там число фотографий журналистки — и незримо росла цена за ее выкуп.

Руслан клялся, что, положив свою теплую (он температурил) ладонь на страницу газеты, он чувствует исходящие со страницы горячие токи торга. Его теплая ладонь уже обжигается о газетный лист. Он часто мне звонил. Мы обговаривали поползшую вверх цену. Я чувствовал ее рост... Мы увеличили ставку... Мы уже выходили на наш предел. Мы готовы были вложить (совместно) двадцать-тридцать тысяч... и получить, скажем, восемьдесят... а повезет — и все сто!..

Доку, приняв в доме дальнего родича, сказал важные слова:

— Будешь помогать мне с разными вопросами,

Азер... Роднее станем. Когда люди роднее — договориться легче. Ты хочешь стать *цханы*?

Наконец-то!.. На одном из полусотни языков Дагестана *цханы* означает близкое родство, означает — очень близкий родственник. А если *цханы* — глагол, он переводится на русский как *сродниться*. А еще точнее — *слюбиться*... Сложное, богатое оттенками горское слово. Наш Азер был опытен и как психолог. Он почувствовал в этом слове подвижку — можно сказать, прорыв!

Теперь-то ему точно оставалось полшага.

— Ты хочешь стать *цханы*? — переспросил Доку.

— Конечно. Буду счастлив.

И горцы поцеловались.

Силовой поиск тоже продвигался. Четверо наших (Руслановых) парней, разбившись на две двойки, методично обследовали ближайšie к Гузы-ку маленькие селения.... В глухом селе, как правило, один охраняемый и наиболее ухоженный зиндан. Глубокая, классно откопанная яма, при случае селяне могут ею похвастать. Настоящая яма-зиндан!.. Остальные зинданы — это малонадежные, полуобвалившиеся погребя. Искать там нечего.

И первая, и вторая двойки совершали ночные нападения пока что без шума, без стрельбы.

Все четверо опытные. Подкупив сторожа (или связав его... но без крови... чтобы после без серьезного преследования), Руслановы бойцы кричали в яму, — заглядывая в черноту, спрашивали. По-русски, разумеется... Водили лучом по черным углам ямы... мимо ослепленного ярким светом пленника... мимо его сраного ведра... Иногда в яме пленных двое... Водили лучом фонарика и кричали: «Кто?

Как твое имя?» — «Сергей... Петр», — откликались в ответ. И двойка тотчас уходила. Всё без крови.

В некоторых ямах пленники, смекнув, что ищут кого-то конкретного, лукавили. Пытались сыграть на ошибке. Пусть спасут. Пусть, мол, спасут хотя бы меня!.. Пленники орали из ямы все имена подряд. С надеждой случайно угадать нужное, искомое имя... Только бы угадать — и тебя вытащат!.. «Я Мишка... Я Гена... Я Алексей», — имена... десятки имен неслись вслед уже уходящей двойке, которую интересовало не имя. А голос... Тембр... Голос должен был быть женским, только и всего.

Округа притихла. Но ведь полевой командир Зелимхан держал продаваемых пленных именно в мелких селениях, именно в этих классных ямах... Или он так насторожился? И прекратил показывать «товар»?.. Это было и плохо, и неплохо... Это могло значить, что наши четверо по-настоящему поработали и вплотную продвинулись к пленнице. Что она уже где-то совсем близко. Возможно, рядом.

И, однако, карты опять спутались. Полевой Зелимхан, как сказали не умеющие лгать пастухи, ушел с пленными за двугорье, за небольшой соседний кряж... Через перевал.

А пересиливший дизентерию Руслан подхватил воспаление легких. Температура зашкаливала. Прикованный к постели, он нет-нет бредил. Он бы, мол, сам в один день отыскал тропу через перевал... Он бы, мол, сам вышел на встречу с дорогим (все более дорогим) Зелимханом.

Наши с Русланом деньги помалу подтаивали. Хотя мы ничуть не сорили ими.

— Что-то не так, Саша... Что-то не так, — все чаще повторял мне Руслан.

А Зелимхан за перевалом. Нет его... Зелимхан вдруг стал слишком опытным. Или кто-то слишком опытный подсказывал ему ход за ходом... В нужном направлении. В нужную минуту.

Зато наш Азер видел наконец авторитетного Доку глаза в глаза. Сидел за послеобеденным чаем с ним рядом. И по-родственному помогал ему. Чтобы стать цханы.

В частности, Азер помог провести торг с федеральной стороной. Упившийся федеральный полковник, одетый в простецкий камуфляж, сидел с ними вместе за этим же чайным столом и уговаривал Доку купить битые танки.

Азер был знающ и подсказал — важно проверить, чтоб танки были свежее-подбитые и с неразворванной электроникой. Чтоб не хлам...

— Кто и как давно подбил танки?

— Да вы же их и подбили. Кто же еще! — разводил руками полковник.

— Сильно подбили?

— Не сильно. Да вы же нерегулярная армия. Вы же говно. Потому и подбили на копейку... Ремонт мал... Мы не знаем, как от этих танков избавиться. Это правда... Потому и продаю дешево.

Пьяный, а торг вел правильно. И запрашивал никак не дешево... Одно жаль — торгуясь, продолжали пить, а это было, пожалуй, единственное слабое место Азера. Сам Доку — без проблем. Хотя и авторитет в селе, хотя и чеченец, Доку прикладывался к водке отменно. Только глаза краснели и хитрели, а пьянеть не пьянел. О федеральном полкане и говорить нечего. Русский полковник заглатывал водку, как воду.

Азер довел до конца, помог завершить непростой торг, но ушел спать с плохой головой. С трудом сошел с деревенского крыльца. Сполз, петляя ногами... А во дворе глаза ему ослепила новенькая на солнце машина. Азер чертыхнулся... Шикарная машина была у Доку... За водителя молоденький чич с тоскующими глазами наркомана. Этот бездельник только рулем рулил, а уже был цханы.

На другой день опять дело — уже с утра Доку свел Азера с двумя осатанелыми своими племянниками, настоящими ослими, которые не могли поделить копеечный огород. Вечерами во тьме племяши постреливали друг в друга.

Азер перемерил землю, разделил ее надвое и сделал строгую между — все быстро. Все аккуратно.

— Ты родной. Ты почти цханы, — сказал Доку и, обняв, поцеловал Азера в губы.

Многочисленные родичи Доку тоже целовались с большой охотой. Все небритые, все в двухнедельной щетине. И оба осла, которых он размежевал, тоже, поднявшись из-за стола, поцеловали Азера. И тоже в губы. Азер уже непроизвольно дергал щекой, как только видел одного из цханы с нацелившимися губами. Свины! — думал Азер. Слюнявые свины!..

Однако что поделать! Здесь все подражали Доку. А Доку, глава и старейшина, всех целовал в губы. Щетинистый Доку только федерала полковника целовать не решился. Но хотел. Азер видел, как мучительно Доку колебался.

Газеты... Радио... ТВ... Для многих уже заскучавших на вялой войне горцев это было настоящим событием — узнать об украденной именитой журна-

листке. Ах, как умно о боевиках теперь заговорили. Какие они, горцы, дерзкие и опасные! Как дорого (и как ощутимо) стоит их удаль!.. Прочесть о себе так приятно! А выкуп пленницы! А ее тайные перемещения по подвалам и зинданам! Таинственность поднимала цену. Совсем как в далекие, неистовые, прапрадедовские времена.

Те, кто не мог выложить много денег, должны были поспешить со сделкой. Поторопиться... Такие, как я и Руслан. Как наш Азер и наши двойки. Мы еще были в игре. Но надолго ли?

Нас не столько злил ускользящий Зелимхан, сколько злили ее коллеги. Эти журналюги. Своими воплями буквально взбивали цену. Они словно бы не понимали!.. В какую игру их втягивают. Шумели, кричали, били себя в грудь... Однако же они понимали, они прекрасно все понимали, а их деланный бумажно-газетный гнев по сути был пуст и подл — был только завесой! Они ухудшали ее ямную жизнь и только усложняли ее выкуп. Говнюки!.. Цена выкупа росла. Люди Руслана промахнулись на какие-то полчаса. Как раз сошла лавина. А переполнившийся ручей смыл мосток... Русланова двойка потеряла на переправу эти тридцать-сорок минут... Когда они подкрались к зиндану, зиндан был пуст. Там уже никого. Только воздух, но воздух был теплый. Там еще оставалось людское дыхание.

Полчаса назад... Полчаса!.. Пленного увели, закутав ему лицо белой марлей... Это она!.. Они уверены, что она!.. Куда увезли?.. Деньги и угрозы заставили пастухов заговорить. Пленного (или пленницу) увезли не продавать, не в сторону Грозного, а, напротив, — еще дальше в горы... Чтобы запутать и сбить слежку... Да, это была женщина. Журнали-

стку — свою главную и громкую добычу тех дней — Зелимхан вместе с несколькими ценными пленниками отправил за соседний небольшой горный кряж... За перевал.

Газетчики и телевизионщики, эти остроглазые ребята, каждый полученный пряник высматривают друг у друга издалека. Зависть! (Корпоративная дружба-ревность...) Слишком уж быстро стала журналистка известной (и у нас, и за рубежом) своими репортажами, своими дерзкими походами в логово басаевских боевиков... Молодая... А уже вся в премиях!

А вот пусть-ка все узнают, где она теперь побывала и что с ней теперь там, в логове, делали. Наверняка! Как же без этого!.. Бабец в плену! Сочный бабец и чтоб без изюминки?!.. Еще когда ее выручат! А пока что пусть она посидит у костра полевого командира! Покормит комариков... Покормит и полевого командира. А вот и посмотрим, дадут ли ей европейцы или американцы премию за этот ее поход в самую глубинку освободительного движения!.. Чем ее наградят за зиндан?.. В кинухе такие пикантные зинданы, быть может, и придают пленнице славы. Но здесь не кино. Женщина после зиндана слишком много теряет.

Помалкивающей стороной оставалась власть. Им и не надо было ничего ни делать, ни говорить. Только ждать. С каждым днем пребывания в яме строптивая и независимая, раздражавшая их журналистка превращалась в скандал, в большое пятно — в общий позор всей этой войны. Власть утрется. Легко! Для воюющей власти пятно не впервой. А вот чичам, мол... чичам не отмыться.

Но чичей раскрут ее имени и ее цены тоже пока что очень устраивал. Они имели опыт — чем больше раскрут, тем слышнее звон. А этот звон все усиливался. Ни с чем не сравнимый перезвон денег. Даже в селах знали о растущей цене.

Тем понятнее, что четверка бойцов, упершись в перевал, все нетерпеливее ждала от Руслана сигнала. Марш-бросок, а? В один бы день?! Конечно, томилась. Присматривались к горным тропам. От скуки наши парни нападали на пастухов и уже бессмысленно, только по инерции расспрашивали про жгуче-черноволосую журналистку... Постращав, пастуха отпускали. Выпив у него кислого молока и взяв немного лепешек.

Да, мы увязли. Мы теряли время. Но ведь это только казалось, что Азер, такой умелый посредник-профи, такой цепкий, все только хватает руками пустоту и никак не может поймать нужный нам ветер. Это только казалось, что наша боевая четверка почему-то каждый раз опаздывает и заглядывает в уже пустые зинданы. (Поспешить бы им... Поводить бы, мол, лучом фонарика в темной и смрадной яме! На час... на полчаса бы раньше!)

Это только казалось, что пастухи-проводники несговорчивы... Что сошла лавина, и ручей съел именно нашу тропу, наш мосток. Внешне — да... Внешне — так и было. Но ведь эта фатальная полоса внешних невезений случилась не только у нас — у всех, нам подобных. Всю мелкоту тормознули... Искавших журналистку... Всех. В том числе нас с Русланом... С дороги, курьи ноги!

В дело выкупа включились настоящие, крутые деньги.

Обласкать и примирить молодую пару горцев, которые подрались прямо на свадьбе.

— Вникай, Азер, вникай. Разберись с ними. Но не торопись с решением... Ты почти настоящий цханы, — уверял, успокаивал его Доку.

Невеста и ее сторонники хотели для примирения всего лишь новое покрывало, новую как бы фату — не эту, опозоренную фату, починенную после драки, а новую... Жених тоже вопил про фату и настаивал, хотел сам фату видеть. Принесли. Рассматривали фату всерьез, измеряли дырки, всовывая в них пальцы... В два пальца! Нет, в три пальца?.. Невинность фаты была как невинность невесты. Вот-вот и снова драка... Азер, профессионал, человек по выкупу пленных, хотел отказаться. Не его дело эти разборки.

Но каждый раз Доку придерживал его за рукав, повторяя тихо и значительно:

— Ты вот-вот цханы.

Фату тем временем поднимали к небу и смотрели в дырки на просвет... И опять вопили! И как вопили!

А Доку нашептывал Азеру, что ему, миротворцу, еще очень повезло, так как Азер не знает начала ссоры. Нехорошего начала!.. Потому что уже тогда, при сватанье, была странная подоплека. Был как бы знак: селезень, принадлежавший двору невесты, стал топтать кур, принадлежащих жениху.

— Ты слышал про такое? — спрашивал Доку. — Куры наши с ума сошли. Ненасытный, а?

За очередным чаем Азер прямо спросил Доку про полевого командира Зелимхана — пора бы уже встретиться... Знакомь нас... И о притаенной журналистке тоже намеком спросил. Но Доку покачал

головой — рано, рано! Доку заговорил о сорвавшейся свадьбе. О фате... Как важно разобраться в деле и примирить молодых. И опять понес про селзня.

Руслан велел двойкам перейти перевал. За перевалом сразу разойтись — две двойки в двух направлениях... Вправо и влево. Искать!.. Там, за перевалом, всего-то несколько селений... Искать подряд! Разворошить! Зинданов там раз-два! Стреляйте в воздух и ворошите зинданы!

Руслан сказал мне — да, Саша, риск... Но надо пытаться. Шанс у нас есть. Шанс должен быть. Обе двойки классные. Не убьют же всех четверых.

Однако их убили. Всех четверых... Сразу за перевалом. Даже трупов (дали знать!) не ищите... Уж больно не туда полезли эти ваши четверо. Неплохие они, ваши бойцы. Нормальные!.. Но им как до неба... Как до звезд... Если сравнивать их с профи, каких могли нанять настоящие деньги. Нанять и расставить хоть на каждой тропе. Даже на осыпающихся тропках... Вдоль всего Кавказского хребта.

К четверке бойцов в придачу Руслан послал племянника, мальчишку лет тринадцати. Важное усиление!.. Я остерег — пусть четверо идут дальше, пусть четверо ищут и воюют... как ты хочешь, а мальчишку не надо... на перевале его и оставь.

— Пусть малец останется на перевале... Пусть для связи.

— Какой еще связи! — Руслан был не в духе.

— Да мало ли какой.

Руслан потерял этих четверых. Он бы потерял и племянника. По счастью, доверился мне.

Через сторонних людей Руслан велел передать

Зелимхану, что меж собой они ведь даже незнакомы. Что он, прораб Руслан, не враждовал с Зелимханом. Никогда не враждовал... Он всего лишь хотел, чтобы Зелимхан показал товар.

Недоступный, неуловимый, ускользающий полевой командир Зелимхан, которого мы так озабоченно искали и отслеживали, вдруг сам позвонил Руслану...

Руслан не удивился звонку. Ищущий и тот, кого он ищет, находятся в некоей виртуальной паре. В связке... Тем более если их общее связующее пространство невелико. Чечня, в общем, маленькая.

— Ты хотел посмотреть товар?.. Приезжай, Руслан. Товар для глаз будет от крыт. Все без обмана.

Руслан, потерявший четверых, вспыхнул. Но сдержался:

— Зелимхан... Я не хочу мстить... Но я хотел бы сговориться окончательно.

— Вот там и сговоримся.

Руслан оставался сдержанным и осторожным:

— А что за место?.. Где?

— Лучшего места нет.

И Зелимхан, не называя впрямую, косвенно (непонятно для подслушивающих федералов, но вполне ясно для Руслана) дал намек. Дал знать, о каком именно небольшом чеченском селе идет речь... В это село когда-то свезли много раненых чичей.

— После того боя, Руслан, где мы (чеченцы) потеряли свои последние два танка... Село такое... Припомнил?

— И товар там будет?

— Увидишь! — И Зелимхан засмеялся.

Руслан почувствовал издевку в его словах... Но и

правду почувствовал. Жесткую и честную. Особенного вкуса чеченскую правду, которую чеченцы хорошо умеют услышать в голосе врага.

Через час Руслан уже был в дороге... Он помчался в подсказанное село. В сельцо... В старом «жигуленке». Сдержанно яростный, Руслан все прибавлял скорости... Он продолжал слышать голос врага. Он слышал и не отпускал (удерживал в себе) длящуюся вражью насмешку. В колких словах... В щелкающих звуках его речи... Руслан не хотел, чтобы насмешка рассосалась. Он хотел приехать с насмешкой вместе.

Нет-нет и взывая, газующий «жигуленок» мчал по проселочной дороге. Указанное село было нейтрально, вполне доступно... Не совсем в горах. Не так уж далеко. «У меня щеки горели! Меня трясло!.. А руки на руле, как лед. Хочешь, Саша, верь, хочешь нет — руки мои были спокойные, — рассказывал Руслан мне после. — А ведь главное — руки...»

Его бил настоящий озноб. Он еще не вполне оправился от воспаления легких. В ознобе, он дважды притормаживал... И гулко откашливался в платок.

Он уже выехал, вымчал по дороге за Старые Атаги, когда позвонил один из его родичей, одуревший от круглосуточного подслушивания. Родич спрашивал, надо ли ему продолжать дежурить возле рации и ждать новостей о Зелимхане, если Зелимхана теперь нет... Как нет?.. Ну, вот так — нет его больше, Руслан. Совсем нет...

— Но я говорил с ним по телефону полтора часа назад.

— Час назад, Руслан, его убили. Уже и подтверждение есть.

И родич произнес емкое чеченское слово, кото-

рое лишь приблизительно переводится на русский двумя словами — *заметать следы*. Зелимхан в игре больших денег уже стал пешкой. Зелимхана замели.

Некий чич, сильный и супервлиятельный, уже заполучил журналистку. И уже контролировал ее будущее. И зачищал ее прошлое.

Визжа колесами, Руслан развернул машину, но вдруг обратил внимание, что несколько классных легковых машин идут его прежним, только что оставленным путем. В то самое сельцо... Недешевые машины. С телохранителями внутри... И федералы... И влиятельные чеченцы.

Руслан повторно развернул машину в сторону села. Ага... Машины, похоже, с газетчиками... Ага!.. Сердце екнуло, журналисты! Журналюги! Эти всегда все знают!

Как посерьезнело дело, Руслан уже мог понять сам... Подъезжая к сельцу... К воротам большого дома с двумя флагами на крыше — с российским и зеленым. К этим припаркованным иномаркам с непроглядными затененными окнами. Куда уж дальше!.. Они, крутые, знали дело... Они умели. Однако, чтобы взвинтить цену совсем уж заоблачно, чтобы запредельно, у них, у крутых, все-таки должен был отыскаться некий новый и особо эффектный фокус. И этот фокус отыскался.

Это был очень старый фокус.

В доме, в самой большой его комнате, было темно, если не считать белого на стене экрана и пучка искристого света, который выбрасывал тихо журчащий кинопроектор. Струил свет на экран... В кадре была женщина, журналистка. Нет, не нагая. Но в ночной рубашке. Рубашка сильно надорвана у ле-

вого плеча. И если женщина делала движение головой (по-видимому, ее провоцировали окликом), если она оглядывалась, в разрыве рубашки открывалась большая грудь. Без единого звука... Все предельно просто.

Ролик был безыскусен. И в этом была его правда. Задумщики могли, разумеется, снять насилие... сам акт... Но остановились, не все договаривая... Так заманчивей!.. Женщину не насиловали у нас на глазах. Но в ее вялом поведении, в ее странных сонных жестах, в ее немигающих глазах была неостывшая жуть уже совершенного насилия. Именно. Женщину, несомненно, насиловали. Может быть, вчера... Может быть, только что... Может быть, каждый день.

За кинопроектором стоял Усман, ловкий грозненский малый. Самоучка, он классно демонстрировал... У него были свои особые жесты, очень пластичные. Кисть руки гнулась и играла... Не вмещиваясь голосом, Усман жестом выразительно подсказывал опоздавшим и только-только в комнату входящим — отойди, друг... а ты стань у стены!.. Не засти экран. Не закрывай нашу роскошную леди.

Теснившиеся вдоль стен человек двадцать-тридцать стояли, онемев, ни звука. Только-только пришедшие вытягивали шею. Старались увидеть больше, чем есть... Люди вдруг шевелились... Тогда Усман издавал гортанный звук. Мол, встаньте же вдоль стен. Что за козлы!.. Мол, разойдитесь и не кучьтесь! Эй. Дорогой!.. Ты еще и кашляешь! Ты за чем простыл?.. На фига зрителю твоя дергающаяся башка!

Руслан уже со второй минуты сожалел, что сюда приехал. Заэкранной женщине никак не помочь.

К чему это видеть?.. Руслан много чего знал про Усмана... Ролик прокручивали снова и снова... Глаза женщины мутные. Руслан то и дело отворачивался, не мог встречаться с ее взглядом. С этой парой вялых выплаканных глаз.

Руслан увидел Чураева — известный журналюга был возбужден, вот кто в полутьме пожирал экран. Сверкал белками глаз. Вдруг бросался к стоявшим вдоль стен коллегам:

— Как думаешь? Как скоро ее теперь выкупят?

Чураев — пишущий плохо, нагло... Зато близкий к официозу. Чичи всегда звали его к сенсациям в числе первых. Чтобы информация для властей была точняк. Из первых рук... Кто-то же, кому власть доверяет, должен был сам видеть, что съемки вживую. Что никаких подделок. Никакого монтажа и никаких досъемок с приглашенной дешевой девкой.

Часть журналистов уже вышла во двор. На свежий воздух... Насмотрелись!.. Цивильно одетые и с фотокамерами на груди... Им только что было сказано, что, если журналистку НЕ ВЫКУПАЮТ, газетчикам выдадут, подарят несколько копий нынешней пленки. Для скандала. А вот пусть разнесут по всему свету бессилие власти. Пусть растрезвонят. Пленку в каждые руки!..

Журналистов залихорадило.

Обсуждали... Возвращение правозащитницы к жизни... Цена!.. Пусть поторопятся и с ценой... Конечно, публично изнасилованную журналистку (женщину!) уже обязаны будут выкупить... Либо власть. Либо богатенькие. Либо же власть *под видом богатеньких*... Не бросят же ее... Не оставят же ее здесь... В ночной рубашке, надорванной у плеча.

Если же товар таков, что купят обязательно, цену, разумеется, поднимут запредельно. Так и вышло. Расчет был точен!.. А власть как власть. Власть вскипала, но прохладным гневом. Для власти уже привычная сладко-горькая ситуация. А что?.. Получили, господа либералы, урок... вот вам ваши чичи... вот с кем вы играете игры и с кем хороводите.

Так что у враждующих сторон вполне сошлись их непростые интересы. Все они что-то свое получили. Что-то поимели... Все... Кроме, конечно, ее матери в небольшом поселке под Кривым Рогом. Учительницы средней школы. Готовящейся как раз выйти на пенсию.

Как писали позже газеты, за журналистку выложили ровно *два миллиона зеленых*... А не разгони те и эти суки цену, Руслан и я, мы бы выручили талантливую бабенку за десять, ну, двадцать тысяч. И без унижений... Во всяком случае, без публичных. Руслан клялся, что ее замученные глаза были невыносимы.

Она открывала глаза и оглядывалась, вероятно, только когда ее окликали. Сзади кто-то... Участливым голосом... Она оглядывалась на звук, на хотя бы малый выплеск в голосе доброты. Но доброты не было и крохи. Оклик был лишь способом заставить ее повернуть лицо на кинокамеру. Чтобы ее унижение зафиксировалось на миллиондорогой пленке. Как фото на долгую память... Это, как сделать улыбку... Чи-ии-из!

Пусть оглянется... Ее опять и опять снимали... меня ракурс... И она опять и опять думала, что кто-то ее все-таки позвал, пожалел. И через боль уни-

жения она оглядывалась на голос с копеечной надеждой — как знать!

Акт? — нет. Побои? — нет. На экране все аккуратно. Не перебрать, не переборщить. (Гнев Москвы может вдруг выйти из берегов.) Ну да, да... Глаза печальны... Но ведь война!.. И все же мелькнуло. Ролик повторяли, но с некоторыми вариациями. Ролик был слеплен из разных кусков... Казалось бы, одно и то же, ан нет!..

На какую-то секунду склейка кадров дала сбой. Как бы... Недосмотр монтажа. Мелькнула она — нагая... На столе... Несколько пышное белое тело. Слишком белое для промелька. И два мужика. Голозадые, тощезадые, с приспущенными штанами, идущие к ней... Обычные мужики. Им мало чего перепадало в жизни задаром. И тут же обрыв кадра... Опять она привычно сидит на постели. Опять в ночной рубашке. Опять ее глаза.

Несчастливая женщина вдруг взглянула прямо в камеру. Глаза в глаза Руслану. Такие молящие... Так явно просящий милосердия взгляд и столь явная нагота едва не подвели Руслана. Женская мелькнувшая нагота... Его голову охватил туман. В паху заныло. Вот-вот и подвела бы мужская слабость.

Сглотнув ком и стыдясь, Руслан быстро вышел вон. Поскорее к выходу... Стыдно, но одновременно его переполняло желание. Чертов экран!.. По пути, во тьме Руслан наткнулся на продолжающих смотреть... Как они? ведь тоже мужчины?

Поразительно!.. В глазах плящущихся на экран — что чеченцы, что московские журналюги — в их глазах не было, не читалось никакого желания, пусть даже низменного. Руслан расталкивал глазующих мужиков... Ни даже гаденького сладостра-

ствия, подсматривающего за позором женщины... Даже житейской похоти не было в их взгляде. Ничего. Пустота... Что за люди!.. Хотя...

Хотя в безразличной пустоте их глаз все-таки плавали какие-то алчные точки... или кружочки?.. Ведь кто-то уже брякнул про цену с шестью нолями. Знакомые кружочки!.. Руслан вдруг догадался: в их глазах плавают нолики. Шесть ноликов. Деньги.

Некий чич уже журналистку приватизировал и уже перепродавал Москве. Но и Азер, и Руслан, и я, мы все еще верили в наш успех. Надо признать, наши мысли о спасении журналистки были не по ситуации легки, легчайши!.. В голове хмельная невесомость. Если бы не обувь (и не ноги), мы бы парили с птицами наравне. С горными птицами!

И в далеком горном селении наш посредник Азер Магома все еще помогал Доку распутывать родственные отношения горцев. Еще немного, и Азер станет цханы!

Обхохочешься... Если со стороны посмотреть. И ведь не мы одни. Мы с Русланом (и десяток таких, как мы) все еще бежали к цели... Мы все еще спешили!.. И мы, мелкие, всегда будем именно так спешить. Будем толкаться, всерьез конкурировать и всерьез орать друг на друга. Бежать и бежать!.. Сшибаться лбами и умирать за перевалом. Как прикурки. Как кретины. В сущности, забавно... Если со стороны.

Но если взглянуть с третьей (со счастливой) стороны — зачем, собственно, мне и Руслану крутые деньги?.. Незачем... Я не алчен. И Руслан не алчен.

Я вернусь с войны к жене и взрослеющей дочери как-никак с прибытком. Семья... Хороший дом у неназываемой большой нашей реки... Дом с землей... С садом... Со спуском к воде... И еще там тихая заводь для мощной моторной лодки.

— Мы средний класс, — будет со спокойным удовольствием говорить соседям моя жена.

Хворостинин, как и обещал, мне позвонил:

— Я в строю. Привет.

Ну, наконец-то. Привет, привет, Саша Хворь! Долгожданный наш проводник!.. Наш герой!.. Представляю, как ожили разговоры в штабных кабинетах. И у хозяйственников... Чичи (а они пасут телефоны важных госпитальников) тоже, небось, в эту минуту, слыша Хворя, затаили дых. Напряглись вплоть до самого Ведено.

Я засмеялся, услышав его голос... Я неожиданно громко, радостно хохотнул в ответ.

— Ну что, Саша. Вот ты живой — какое первое желание? — спросил я.

— Вести колонну.

— Да ты маньяк!

— А ты со своим бензином не маньяк?

Я засмеялся:

— Да я хотя бы за деньги. За теплое будущее... Ладно!.. Давай серьезно. Заждались мы тебя, герой наш... Никакой личной жизни!

Теперь он засмеялся:

— Но-но!.. Мы в госпиталях тоже слышаны. Народ в восхищении!.. Везде застой, паралич... Но с грехом пополам ты, Саша, все-таки отправлял свои бочки.

Я поправил:

— С кровью пополам.

Тут мы согласно поохали... Ох-ах, эти наши потери! Эти наши ранения! Всегда некстати...

А затем я к нему — с ходу с просьбой. Однако не стал припрятывать просьбу в болтовню. У меня, мол, забота — надо отправить двух контуженных... Да, да, их воинская часть стоит под Ведено!

Я еще подсказал ему номер в/ч (хотя это было преждевременно), а затем перебросил разговор в сторону:

— Как там твой магнит?

Я имел в виду какую-нибудь обязательную у Хворя по выздоровлении мед-сестренку. Которая его притягивает. И которая, как водится, его при себе задерживает. Которая (прямо скажем, редкий наш человек в Чечне) не торопит его в строй.

— Нормально, Саша.

— Пару лишних дней, я думаю, тебе дадут отдохнуть...

— Мой магнит тоже так думает.

— Молодец твой магнит!

Единственный вид лести, который приятен настоящему герою, — это когда ему, раненому, нет-нет и напоминают о его донжуанстве.

И теперь я легко перебросил разговор назад:

— Мне, Саша, важно этих двух пацанов отправить побыстрее. Очень важно!.. Чичи разгулялись... С первой же твоей колонной в сторону Ведено.

— Сделаем... Что за пацаны?

— Да так...

Военные чувства (чувства на войне, когда их вдруг обнаруживаешь) просты, но не примитивны. Надо пацанов отправить, вот и все... Я не смог, не сумел определить в быстрых словах свое к ним от-

ношение. Смолчал... Я стал *болеть* за них — звучит глуповато. А как сказать?.. «Оба контуженные», — только и повторил я Хворю в качестве объяснения.

И закрепил нашу договоренность его обещанием созвониться конкретно.

Я и самому себе не сумел объяснить. Когда поймал себя на объявившемся чувстве... Когда я уже выключил мобильник... Чувство было острее, чем сам майор Жилин хотел бы. Война!.. По здравому смыслу, ничего особенного — фига ли переживать за чужих обладуев? Зачем они мне?.. Отцовство?.. нет... Второ-отцовство... нет!.. Третьеотцовство... Я накручивал и накручивал несуществующее родство с пацанами. Цханы?! — смеялся я.

Я, может быть, плохо знал себя. Но я уже достаточно хорошо знал войну. Война полна суррогатных чувств. Без них нельзя... И как бы ни играли в игру основные инстинкты, подай душе (душе) какое-никакое теплое чувство. И чувство вдруг возникает... Окопное или не окопное — неважно. Кореш почему-то *тот* мужик, а не *этот*... А ненависть почему-то к толстому повару... Тоже чувство. Повар колот здешние грецкие орехи кулаком. Плита сотрясалась... Зверский удар!

Чувства, получувства, а то и просто странные чувствешечки возникают там и тут, как живые искорки, — они искрят, они пробивают наш ежедневный страх смерти... Война — дело чувствительное... И всякое невнятное чувство, как приبلудная собачонка. Увидел ее — и на сердце теплее. Надо же кого-то погладить, подергать за ухо, приговаривая хрипло и ласково: «Ах ты, сука... сучоночка...» — и пусть виляет хвостом, лижет руку или даже уссытся от ласки. Или дать легкого пинка. Хоть бы и тупому,

заснувшему на посту солдату (порежут взвод)... То же жуть как охота дать ему пинка... И тоже, оказывается, кстати. Солдат становится роднее! Если дать ему пинка... Потом даже извиниться, покурить с ним вместе... Чувства возникают слепо. Чувства на войне слепые.

И, может быть, поэтому так мощно, так сильно подслеповатые чувства вдруг сотрясают нашу душу (что ни говори, припрятавшую для кого-то жалость). Я смеялся!.. А что? Уедут в свою в/ч Олежка и Алик... И вот я, такой теперь чувствительный, тотчас заведу что-то новенькое. Да хоть собаку, обязательно непородистую... Двортерьера... Жучку... И тоже буду опекать. Слепое чувство хочет быть востребованным.

А еще лучше старуху чеченку. Нищую... Погорелицу... А почему нет?.. Буду подкармливать. Жалеть ее... И однажды увижу, как она возле склада, подойдя к моим бензиновым бакам... смотрит туда... смотрит сюда... а потом вынула из кармана своей зачуханной юбки новенький мобильник и кому-то кратко звонит.

Непогибший племянник Руслана все еще торчал на перевале. Он ждал тех четверых, обе боевые двойки. Уже и Руслан ему позвонил и сообщил (предположительно... чтобы мягко) про их гибель... Но тринадцатилетний мальчишка не уходил со своего поста. Он ночевал в высокой траве. Маленький чеченец плакал, засыпая. Но с утра опять ждал.

Греясь ранним солнцем, мальчишка выходил на самую седловину перевала. Он ждал возвращения своих, он хотя бы одного ждал, пусть даже раненого... Это были настоящие бойцы! Мальчишка был

влюблен в них!.. Отсюда, с седловины, ему отлично смотрелось вниз... Далеко, в зелени листвы, в просвете зеленки, начинался подъем. Там, волнуя мальчишке сердце, иногда возникал клуб пыли... Кто-то шел?

Но нет, это только ветер играл с пылью. Завихрял. На набирающей высоту дороге. Клуб пыли слишком легко рассеивался... Никого... Мобильный телефон маленького чеченца (подарок дяди Руслана) давно разрядился. Мальчишка знал, что мобила не дышит. Но на всякий случай он шептал в самый уголок черного аппарата, как бы ему на ушко: «Никого... Никого нет, дядя». Он не называл дядю Руслана по имени. Не положено.

Доложив обстановку, мальчишка прятал мобилу в карман. И снова вглядывался вниз, где закипало новое облачко пыли.

Наш Азер продолжал разбираться: ссора действительно началась из-за того, что украли (скорее всего, он куда-то сбежал) ненасытного селезня, принадлежавшего дому невесты... А о драке на свадьбе свидетельствовал сам Доку. И только после возникли эти нелады с фатой... Логика!.. Но как раз тогда в доме жениха как бы в пику исчезнувшему извращенцу-селезню пропал породистый козел. Жених не мог этого объяснить — ведь козла надолго не спрятать. Зачем красть?.. Зачем, если рано или поздно козел будет признан хозяином по спилу рогов. Спил рогов не подделать!

Однако и сам жених, такой молокосос, был непрост — уже год, как он обязан был, оказывается, жениться на подруге невесты — на совсем другой, на косенькой девчонке, отцу которой принадлежа-

ло знаменитое старое одеяло (исчезло почти сразу за селезнем)... да, да, сразу... ну, день-два не в счет ..

.....
.....
— Брат... Помогай, прошу. Мне не разобраться... Как они мне надоели! — жаловался Азери авторитетный Доку.

Ведь брат косенькой девчонки не успел даже чаю выпить... Брат девчонки (на ней наш молокосос должен был жениться) был по времени как раз призван Басаевым повоевать год-другой с русскими. Он сразу и умчался, уехал на лошадке отца... Брат лгать не стал бы... Честный юноша... Правда, по дороге, будучи взвинчен предстоящей ему войной и слегка накурившись, он затеял стрельбу. Дурной цханы! И перед отбытием нечаянно застрелил своего двоюродного брата. Того самого, чей, собственно и был украденный ранее козел

.....
.....
Старое одеяло... Селезень... Козел... Спленные рога... Цханы... Еще одно одеяло.

.....
Почему непонятно?.. Но ведь дядя Авзур переживал: кто убил? Кто застрелил двоюродного?.. Дядя Авзур был всегда наготове. Когда ему объяснили, что *наш убил нашего*, дядя Авзур был сильно разочарован. Места себе не находил... А как же кровь за кровь?.. Может, кто еще убит?.. Нет?.. Ну, тогда не убить ли лезгина, который нанялся у нас пастухом... Нет, не потому, что как раз у лезгина видели старое одеяло. Это другое старое одеяло... Это ведь факт. Это все-таки важно, что одеяло пропало до козла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

По поводу убитого Горного Ахмета ко мне, конечно, опять прислали стариков. Те занули... Са-ашик! Са-ашик!.. Он же ро-дич! Земле преда-ать. Зачем из него мороженое делать, Са-а-ашик?..

Готовы мерзлый труп выкупить. Но Горного Ахмета отыскать непросто. Напоказ по ТВ наши его так и не выставили. Это значило, скорее всего, что пули шизоидного Алика Евского сделали лицо Ахмета неузнаваемым и просто никаким. Пули это умеют.

Но дело как дело.

Я звонил в морозильник. Горный Ахмет, он же Ахмет Удыгов, в официальном списке знаменитых полевых командиров, на мою удачу, не числился... Но все равно чиновник морозильника уверял, что, отдав тело, он сильно рискует. А вдруг возникнет культ, стрельба и жертвоприношения у могилы этого Ахмета. С воплями и проклятьями... Волнение народа. Маленькое, но восстание! — и чиновник нагло вперял в меня глаза.

А я, конечно, уверял, что Ахмет не так плох, что бывал иногда жалостливым. Бывал великодушным. (После боя.) И что вообще Ахмет невелика фигура, хотя местные чеченцы и называли его иногда полковником. Да, да, держали за полковника!.. Для того, чтобы сжигать маленькие колонны, может быть, он и полковник. Для этих двух долин и трех-четырех гор несомненный полковник. (Чин внутренне-го пользования.)

Уже на другой день, наведя обо мне справки, этот же самый чиновник сдался и позвонил — им, людям морозильника, мороженщикам, позарез нужен мазут, любое топливо для обогрева. Их даже

задело, можно сказать, обидело, что майор Жилин сам не догадался. Майор Жилин мог бы и догадаться.

— Я понял, понял... А что там наш приятель Ахмет?

— Выдадим, — было сказано коротко. — Но найдешь его сам.

Найду. Приметы кой-какие я уже знаю... С наколкой на левом плече лежит Горный Ахмет где-то там, в вечном холоде. Скучает... А вот его наколку на плече людям морозильника никак почему-то не разглядеть, не видно. (Им вообще ничего не видно. Кроме дня зарплаты.) А вот сам и поищи... А вот поворочай-ка ты сам, майор, с боку на бок этих окочевевших. Этих *отморозков*.

Старики-чеченцы десять раз предупредили:

— Честно, Александр Сергеич... Только честно.

— Когда я поступал нечестно?

— Надо совсем-совсем-совсем честно... Сын принимать Ахмета будет. Сразу поймет.

Я представил себе, как я там промерзну, пока загляну в нужные мне мертвые глаза. Ну, разумеется, никакой приблизительности!.. Сын примет тело. Сын и без наколки его узнает — отец или не отец. Будет стоять со мной рядом и высматривать... Однако надо, чтоб сынка загодя обыскали, и получше. Никакого чтоб пистолетика с собой... На всякий случай. Даже в сапоги заглянуть.

Он был просто Ахметом, когда решил, что он убьет русского, а если повезет, двоих русских. И после сразу уйдет в горы. Он знает одно далекое село. И никто не скажет, что он трус. Он спрячется в горах и сам пустит слух, что его убили. Его просто ни-

где нет... Он выбросит паспорт. На черта ему в горах паспорт.

Он обдумывал, стоя на дороге. Его душа притихла. Он мял шапку и сморкался... Он и думать тогда не думал, что уже через полгода войны он получит боевое имя. Это будет взлет горного орла. Он станет Горным Ахметом... И теперь, когда он был убит неким рядовым Евским и валялся, окаменевший, в одном из наших морозильников, оказалось, что у Горного Ахмета есть своя слава... Слава двух долин и трех-четырех гор.

При разбросе торопливых, слепых пуль Алик раскурочил ему череп. Наверняка... Но я найду... И чеченцы заплатят. А этих лентяев, людишек морозильника, я снабжу мазутом и соляжкой. В конце концов эти мороженщики — славные ленивые ребята. Но они намерзлись, очень, очень намерзлись. Как только ты приходишь к ним с жары — с обычной дневной кавказской жары, — они сразу спешат к тебе поздороваться. И, конечно, обнять.

Обязательно потискают. Трижды как минимум обнимут... Чем чаще, тем лучше! Банда мерзляков. Обнимает один, и уже спешит обнять другой... Нет, нет, они нормальные ребята. Но они тепловые вампиры. Они забирают, высасывают не кровь, а твое тепло. А как иначе: они же здесь намерзлись, окоченели, а ты ввалился к ним сюда с летнего дня... разогретый! Сияющий!.. Особенно этой банде мерзляков нравился капитан Пашкин, штабист, отслеживающий важные трупы. Толстенький и пышущий жаром, как печка... Они на него прямо бросались. Расправляли руки для объятий уже издали. Настоящие вампиры!

Едва капитан Пашкин приезжал к ним, отирая

жаркий пот с шеи платком... они становились в очередь. Обнять его!.. Еще и еще бросались ему на шею. Вроде бы забывшись... Пашкин уходил от них неузнаваемым. Я сам видел. Видел и слышал. Он стучал зубами. Синий от холода.

На смерть Ахмета Удыгова, он же Горный Ахмет, чеченцы ответили смертью генерала Базанова. Как они прошелестели на своей радиоволне, проклятые федералы оплатили *чин чином*. Заплатили *генералом* — *за полковника*. Так будет и впредь. Пусть знают...

Я не мог поверить... Слышал — и не понимал! Чтоб хоть кому-то из чеченцев смерть Базанова была нужна?! Никому.

Пусть бы шальная пуля, но ведь нет! И почему он?.. Как вообще такой читающий и такой никчемный мог погибнуть?.. И наконец Руслан-Рослик принес факт: *сдали*.

Невероятно. Сдать из своих кого бы то ни было считалось по армейским понятиям совсем уж чернухой. Бывало, что кто-то неведомый (из наших) успевал засветить чеченцам формирующуюся колонну. Бывало, что кто-то подставлял пацанов, то бишь сдавал чичам молодых солдат, проболтавшись об их первом маршруте... Но никак не конкретного человека... За все мое немалое здесь время сдали (хотели сдать... но и то, как говорят, *не вполне смогли*...) только полковника Зусцова, который сжег два чеченских села. Который прошелся по селениям зачистками так яро, что вошел в песни горцев. Смел, но свиреп — в ярости Зусцов расстреливал без раз-

бору. При первом подозрении. Даже едущих в Грозный на рынок... В песне отмечалось и то, как развратно (именно после зачисток) устраивал себе отдых злодей. Особый отдых. Банька!.. Парная с пивом и с невинными (фольклор!) девочками...

Старики, по слухам, полгода собирали деньги на его гибель. Но не успели... Зусцова застрелили в какой-то сторонней криминальной разборке. Вдали от уже было размечтавшихся стариков.

Про этих стариков рассказывалось! (И даже пелось в той самой песне, долгой и заунывной, где клеймился Зусцов.) Старики чуть ли не по полпенсии откладывали. Каждый!.. В узелочках белых приносили свои скромные купюры. Белый цвет — цвет священной мести. Дрожащей, корявой рукой старик вынимал узелочек откуда-то из тайника в штанах... Из кошмы, там надежнее. Прямо из пахучей ширинки... И той же дрожащей стариковской рукой клал свой белый узелок на стол, где стояла фотография Зусцова. С ясным свирепым его взглядом... Небольшое фото. С ладонь.

Зусцов — понятно. Но зачем было сдавать болтуна и милягу Базанова?.. Книгочечя!.. Влюбленного в историю горских народов. Зачем его смерть?.. Генерал Базанов если и присочинял кусочки истории, то всегда в их пользу!..

Да и пусть! Если у народа сохранилось мало истории?.. И почему бы (предположительно) не порассуждать и не добавить какую-нибудь славную страничку? Какой-нибудь миф с легким привкусом крови... Кому сочинитель мешал?.. Читал себе и читал старикан книги разных времен. И как же вкусно он причмокивал, перелистывая страницы!

А на шуточки Гусарцева, не слишком ли, мол, ге-

нерал Базанов для войны благостен и весел... Для этой лукавой и крутой горской войны... Генерал только разводил руками:

— Дорогой мой Коля!.. Мрачный старик гораздо больше досаждаёт чеченцам, чем старик веселый и болтливый!

Жаль. Симпатыга старик погиб *незафир!* — сказал о нем Рослик-Руслан. Он тоже не понимал этой смерти... Рослик дважды в день приносил подробности нелепой гибели генерала. Нелепой для меня, нелепой для Рослика, но не для войны.

Рослик к этому времени повсюду намекал (чеченцам и нечеченцам), что после гибели майора Гусарцева он, Рослик, наверняка станет моим другом. Другом Сашика. Вот-вот станет другом. Ну, как прораб Руслан.

Генерала Базанова подстерегли, когда он, оставшийся без Гусарцева, поехал самолично в какую-то воинскую часть. Посмотреть, как и что... Недалеко поехал. Близко!.. И вполне спокойной дорогой, но *сдают* чаще всего как раз на спокойных, на предсказуемых дорогах — заказать там сценарий легче, проще! Был генерал — и нет.

Жаль — неудачное, неуместное о генерале Базанове слово. Это когда о вояке, то вояку — жаль... Божьи коровки взлетать не умеют!.. Я почему-то неотрывно думал о его книгах. Упорно стояли перед глазами две его книжные полки, что рядом с приключенной картой Чечни... Коричневые. Самодельные. Небось, прапор Геша сколотил... Книги теснились... Как там они? Что с ними сделают?.. Почему-то о книгах было больнее думать. Книги было жаль.

Не думаю, что генерала сдали за большие бабки. Генерал Базанов не был на слуху. В отличие от настоящих вояк... Вскоре же Рослик подтвердил — чичам Базанов был нужен для красивого отчета к осени. Чтоб в одной из первых строчек... Генерал! Заделали генерала! Сразу видно, потрудились!

А генерал Базанов в эти дни опять ждал молодую жену с визитом. Он пребывал в славном расположении духа. Старикан хорохорился. Немножко выпивал на ночь глядя.

А накануне гибели он звонил, к себе зазывал:

— На днях, Саша, приглашу тебя поужинать... Жена приезжает. Ты же ее знаешь. Красотка. Моло-оо-денькая! Об-язательно приедет!

Она не приехала. Она, впрочем, хотела... Но ей намекнули — сначала с вежливыми штабными ужимками, а потом вполне прозрачно — что хоронить-то некого. Если точнее, даже и нечего. Помявшись в словах, молодая вдова спросила... ну а... что-то... хоть что-то, фуражка... а мундир?.. На что ей ответили, что и от мундира ничего... Ну, совсем ничего.

Час и дороженьку заказчикам подсказали. Час выезда генерала и направление. (Рослик принес подробности.)

Сдача — дело двустороннее. Голос с федеральной стороны (несколько удивленный) еще и хмыкнул при сговоре: «Да зачем он вам?.. Он никто. Он ничего не значит», — однако для чичей ничего не значащий Базанов был самое оно. Среди лета чичи не хотели так уж сильно ссориться с федералами. Не хотели ответных тотально-истерических бомбежек.

Чеченец, несомненно, держал в голове, что погода стоит прекрасная и летняя. С высоты неба на-

ши земные дела летом как на ладони. Все так прозрачно! А какой кругозор!.. Хоть «сушка», хоть вертолеты сделают заход на бомбосброс в охотку. Ну прямо хоть сейчас!.. Так что чичи при сговоре стояли на своем: «Мы знаем, знаем!.. Он говнецо!.. Но нам и нужен такой!».

«Именно Б.?..»

«Именно».

«Ладно. Ладно... Уговорил!»

«Нам только для отчета. Чтобы только заснять на пленку, как он взлетит на воздух. Чтоб прямо со своей машиной... На знакомой дороге... Важно, что он генерал».

Рослик рассказал, что чичи просчитались с зарядом. Рвануло слишком сильно... Генерал Базанов и его джип взлетели на воздух, как надо, но вернулись на землю не в кондиции. Слишком мелкими комочками... Пылью!.. Даже машину сопровождения подбросило и перевернуло.

Помимо Базанова, в машине были еще двое — штабной писарь за рулем и солдат на заднем. Писаря сразу насмерть, солдат с тяжелым ранением... Уже чичи, трое их, рванули из своей засады к дороге — солдата добить, но тут наш приотставший БТР... Выполз... Чичей положили прямо на дороге. Ровное место, ни куста... Кто куда, но очень ровное место было.

Писарь рулил — он ехал с Базановым, наверняка счастливый, что оторвался от осточертевшего штабного стола. От компьютера!.. Я его знал. Я так и видел его перед собой. Молодой. Зубы весело скалил!.. Война — веселое дело!.. Иногда.

Меж тем я расстроился. Базанов, превратив-

шийся в пыль... Ни ремня, ни фуражки... Ушел в космос. Я выпил, помянул генерала. Но не брало... Я даже травку покурил. Тоже не получилось. Нет привычки. Рвало дважды... Сначала вся закуска вышла. К утру все вышло. Но бубен страшно гудел. В затылке пусто, гулко.

А уже ранним утром Крамаренко меня поднял... Солярку привезли! Надо бочки считать... Поставщики, не проследишь, пару бочек зажмут и на обратной дороге сами продадут. Хоть нашим, хоть чичам. Им без разницы.

Получив разнарядку, я торопился уехать. Но случаем шел мимо его кабинета. БАЗАНОВ... Дверь не опечатана. Не охранялась. Генерал и после смерти ничего не значил.

Я толкнул дверь — открылась. В кабинете все обычно. Полки с книгами... единственная ценность покойника. Скорейшим образом их выбросят. Это ясно.

Генерал-ништо, генерал-камуфляж, Базанов как никак помогал составлять вводную часть для чьих-то докладов. Ну там о горских народностях... об обычаях... о полузабытых божествах. Которые надо уважать, даже с ними воюя... Вся эта звонкая тарбарщина.

На столе графинчик с водой... Надо же! И его стакан!.. Базанов любил прихлебывать воду.

А вот рация. Застопоренная его руками на той самой волне. Я только-только щелкнул рычажком, как тотчас в тишине омертвевшего кабинета зазвучали известные позывные: «Асан хочет крови... Асан хочет крови... Асан хочет крови...» — и так без конца.

Я, выключая, погрозил рации пальцем. И сказал замшелому их Асану с горским акцентом:

— Сколько кырови можно, дырагой. Ты уже получил... Хватит, а?

Так что они берегли друг друга, никому не нужный генерал Базанов и лихой Коля Гусарцев. Не чинясь... Обычная армейская взаимовыручка, без всяких там договоренностей и подсчетов, кто кому должен.

Я-то всегда считал, что генерал Базанов (сам того не ведая) прикрывал иной раз Колю Гусарцева в нашем бизнесе (а заодно с Гусарцевым и меня... иногда...). Но теперь я взглянул иначе. Это Гусарцев, пока был жив, прикрывал Базанова... Приходилось признать... При Гусарцеве на Базанова бы не посягнули, не сдали. Не подставили бы!.. Нюх у майора был потрясающий!.. Он ведь сколько раз спешил и сколько делал ошибок в своем лихом житье-бытье. По лезвию гулял... Прямо на моих глазах...

Базанов бы уцелел, если бы Гусарцев был с ним рядом. Если бы Гусарцев был жив.

Гусарцев с ним рядом не был. Но он был жив.

Как? Каким образом?! Вот это да!.. Новость так новость!.. Один из моих интересантов (должник по мазуту...) приехал ко мне просить отсрочку оплаты и вдруг сообщил. Как бы между прочим... Да-да, майор Гусарцев с серьезным ранением лежит в одном из лучших госпиталей. Повезло туда втиснуться... Все по-тихому. В отдельной палате. Майор Гусарцев тихо лечится там и слушок о своей смерти не опровергает.

Мой интересант топтался на месте, нервничал. Лишь изредка пробовал поймать мой взгляд. Он знал, что должок я не прощу. Но надеялся, что за такую новость он получит еще одну отсрочку... У меня сердце заколотилось. Не знал, как сдержаться. Коля! Коля!.. Далеко отсюда, но жив! С тяжелым ранением, но жив!!! Я тоже вдруг затоптался на месте (мы с должником шли мимо моих пакгаузов)... Защаркал ногой. Почти заплясал. И тут же, конечно, стал расспрашивать. Верен ли факт?

Да, факт верен. Коля Гусарцев, наш рискованный штабист, жив и в отдельной палате. С фруктами! С наилучшим уходом медперсонала! Но в секретности... Как он вырвался из Мокрого?.. Как оказался в госпитале?.. Однако, кроме как про госпиталь, мой интересант сказать не хотел. Ни в какую. И еще умолял, просил меня молчать... Не искать майора Гусарцева и фамилии его нигде не называть. Мол, мне и так много уже рассказано.

Все же через несколько дней, пользуясь его зависимостью (от меня и моих складов... мазут! мазут!), я снова завел разговор, я настоял... вцепился, как клещ... Я сам поехал к должнику. Я хотел знать. Не называя вслух фамилии, я же мог расспрашивать... Гусарцев не просто так! Коля мне был дорог!.. К тому же его воскрешение сильно меняло вину и судьбу бедолаги Алика. Меняло картинку будущей жизни моих шизов! То-то радости!.. Да, да, я буду молчать... Я проглочу язык... Но знать надо... Почему майор Гусарцев прячется?

Как узналось, Коля вырвался и уцелел исключительно благодаря самому себе. Майор Гусарцев кусок жизни себе честно отвоевал, вырвал. Пока что

кусок!.. Не больше... Потому что несколько чичей (далекая родня Ахмета) за ним уже охотились. Несколько, двое-трое боевиков, но очень опасные. Эти двое-трое чичей были уверены, что федеральный майор Гусарцев подставил, утробил их полевого командира... Он надул великого Ахмета... Как лоха, надул. Он стал стрелять подло, первым, а Горный Ахмет, по-видимому, стрелял в ответ. Он больше всадил пуль в Ахмета, чем Ахмет в него. Поэтому великий Горный Ахмет умер, убит, а подлый майор всего лишь ранен.

Горного Ахмета убили не в бою, а при передаче денег. Такое никому, тем более федералам, не прощается... За госпиталем в Моздоке, где лежал Гусарцев и где его прооперировала московская знаменитость, почти сразу установилась чеченская слежка... С приглядом и с прослушкой. Но Гусарцев повел себя предельно тихо. Чуткий Коля, разумеется, все понимал. Если б мог, Коля бы обязательно мне позвонил... Но он уже затаился.

Из наших никто не поинтересовался даже, каким образом он, майор Гусарцев, в том бою оказался... Чего спрашивать! Про побоище в Мокром все знали. Еще бы!

— Как можно было пройти мимо. Как можно было не прооперировать офицера с такой роскошной фамилией! — восклицала московская знаменитость, хирург на выезде. (Ровно пять дней гастролировавший в чеченской «глубинке».)

Так что Коле и с его фамилией крупно повезло. Есть люди, которые умеют забрать проценты даже с предков. Так воскрес Гусарцев. Не зря чеченцы говорят — лихой, значит, везучий.

Нечаянно ранил — вместо нечаянно убил. Они, Олег и Алик, как-то слишком спокойно приняли новость... Я, не лентясь, изложил им все заново. Эти деньги, эта пухлая, грязная пачка денег, — были денежным долгом полевого командира Ахмета. Должок. За старые и в общем-то уже списанные армейские сапоги... Просто бизнес.

Чичи подстерegli и умело уничтожали колонну — это само собой. А то, что они кликнули, вызвали по телефону майора Гусарцева, чтобы спешно вернуть ему должок, — это тоже само собой. Вот правда нынешней войны.

— Сотню раз я убеждался, пацаны... Нет правил у этой войны... Нет даже закономерностей, кроме одного закона законов. Деньги одолжил? — отдай.

Чич отдавал должок, а Алик испугался и убил чича. При этом нечаянно ранил майора Гусарцева.

— Нечаянно ранил... А не нечаянно убил. Ты слышишь, Алик. Ты слышишь разницу?

Они молчали. Оба смотрели на меня, веря и не веря... как на фокусника, который слишком легко, играючи меняет картинки жизни. А может, смотрели как на лгуна. Или как на изощренного лукавца, который держит их за лохов.

— Алик, — сказал я. — Не будь идиотом. Не такой уж ты контуженный... Ты должен понять и заплакать. Разница теперь колоссальная!.. Да, да, Алик, ты должен от этой разницы плакать, кричать, растирать кулаками слезы... что еще?.. Орать! Выть! Прыгать, скакать от радости!.. Ты же молодой, мать твою!

Он понял. Я уверен, что он понял. Но он настороженно молчал... Он никак не верил. Он тупо не верил. Он только обхватил голову руками. Стиски-

вал ладонями виски. И, опустив глаза, смотрел в пол, в плохо помытые половицы.

Олег и вовсе стал на миг неадекватен. Он вскочил, взлетел со стула... Он вытянулся и крепким солдатским голосом выкрикнул невнятную глупость:

— Это был аффект, товарищ майор!.. Это был чеченский аффект!

И еще день, весь следующий день они оба настроенно, по капле впитывали чудесную информацию. *Не убил, а ранил...* Никак не могли они усвоить, вобрать в себя. Слова мои будто шли мимо.

— Ну что, пацаны? — спросил я уже вечером, заглянув к ним в пакгауз после дел.

Не ответили.

Но затем, как бы из вежливости (а на деле, я думаю, из неверия и подозрительности), Олежка спросил, а как же это майор Гусарцев, не убитый, а раненый, свалившийся там в Мокром... сразу после той нечаянной автоматной очереди (они оба хорошо это видели)... упавший... можно сказать, рухнувший на мертвого чеченца, — как он выбрался?

Не верили.

Но я и сам деталей спасения не знал. И тут же, понимая важность момента и ловя счастливый случай, прямо при пацанах из своей офис-квартиры вновь позвонил интересанту. И попросил подробностей. Жалкий должник, он упрямился. Отнекивался... А я был напорист... Наконец он заговорил, не называя, конечно, ожившей фамилии. (Его побитый голос из трубки доносился до всех нас. С комариной громкостью, но доносился.)

То, что пацаны сами все слышали, стало, я думаю, прямо направленной терапией. А я им еще и

повторял, обострял, удваивал, усиливал комариный звук. Как бы плохо слыша. Слово в слово... Я врачевал!

Так что робкие откровения должника (вместе с моим эхом) пусть с отскоком, но попадали... В их молодые, хорошо слышащие уши. Куда уж убедительнее!

— Но если наш майор (Гусарцев) рухнул под пулями — как же он после?

Я еще и переспрашивал:

— Кто?.. Кто ему помог?

А вот никто. Рухнувший — встал. Через время... Чичей автоматная Аликина очередь не насторожила. Они заняты, они искали в кустах раненых федералов... Вытаскивали... Но главное, пулемет! Как раз в те минуты началось избиение, устроенное чичам ослепшим Мухиным. (Последний бой рядового Мудилы.)

Не ждавшие огня, как они все заметались! Забегали, запрыгали. Нырjali в траву... Зарывались в землю!.. Если б еще молча!.. Если б без воплей!.. Если б молчком, чичи бы хоть вполовину уцелели! У Мухина не было глаз, была тьма, но ведь у него были молодые, отлично слышащие уши.

— В майора, — слышался комариный голос моего должника, — угодили две пули... Возможно, чеченские, а возможно, мухинские. Уже не разобрать!.. Так сказали в госпитале. Одна пуля, по счастью, лётюм, рванула ухо. Другая сидела в плече... В той сумасшедшей пальбе, случаем, убили также Горного Ахмета.

То, что пули в обоих этих случаях вылетели очередью из автомата Алика, в госпитале не знали, — не знал, конечно, и мой должник.

Зато он знал дальнейшее — рухнувший майор (Гусарцев) через какое-то время... Придя в себя... Может быть, через полчаса поднял все-таки голову. С трудом, но оторвался от земли. И где на четвереньках, где ползком добрался за полчаса (не меньше) до своей машины.

— Ну, может, за целый час, — сказал комариный голосок по телефону.

— А сопровождавшие майора солдаты? — спросил я, не называя Алика и Олежку поименно.

А-а!.. Увидев, что майор убит, оба солдата побежали в лес... Они оба чесанули в кусты. Потому что чичи рядом. Чичи тут как тут. Оба солдата чесанули в лес, даже машину майорскую не использовали... Может, они не умеют водить.

А вот майор (Гусарцев), с пулей в плече, очнувшийся и доползший (ну, может, за час), кой-как взобрался в машину, самостоятельно влез! и уехал — и ведь доехал, добрался до блокпоста, управляя одной рукой. Представь себе, Александр Сергеич! Круто!.. Майор терял сознание... Несколько раз... На автопилоте. Однако в канаву не свалился... успевал тормознуть. Повезло... Бился за жизнь майор!

Но у блокпоста майор отключился совсем... Его вынимали три или четыре солдата. Боялись поломать — майор был закостеневший. Он был весь вытянувшийся и сложивший руки на груди. И с разинутым ртом... Проезжавшие на БТРах наши солдаты останавливались посреди дороги и смотрели.

Проезжавшие мимо еще и кричали — давали советы, как вынимать из машины закостеневшего... И понятно, откуда прошел слух о его гибели. Видели, как его, труп трупом, извлекают из его же джипа. Видевшие со стороны не сомневались ничуть,

что дело кончено и что майор свое здесь сполна получил. И что за следующей звездочкой майор отправился уже на небо. Там их, пятиконечных, много. Там их полный небосвод.

Нечаянно ранил — вместо нечаянно убил наконец подействовало. Но подействовало как-то невыразительно... Ни, скажем, тика усилившегося на лице Алика я не увидел. Ни слеза из левого глаза сильнее не струилась.

Сам с собой рассуждая, рядовой Евский даже попробовал произнести вслух. Оживлял себя звуками... Словами... Не мог вырваться из-под чувства вины. С легким заиканием он меня переспросил:

— Ранил оф-фицера?

— Ну да.

Но все равно он был нехороший, придавленный.

Зато утром, когда я, спеша на переговоры по делу летного керосина, заглянул на минуту в их пакгауз, Олежка сказал, что Алику лучше... Алику хорошо... Вчера ночью Алик, кажется, рыдал.

Это не просто хорошо, это отлично. Правильно!.. Расслабился и рыдал. Молодец!.. Я потрепал Алика по плечу — мол, все путем, пацан.

Оба, сидя за столом, заполняли бланки.

— Я р-работаю, работаю, — сказал Алик мне, на миг оторвавшись. И снова склонился над бумагой.

Я не врач. Но мне подумалось, что своему чувству вины Алик сам же должен что-то свое противопоставить. К примеру, детство... Я где-то слышал о целебных воспоминаниях детских лет.

— Ты, Алик, засыпая, думай. Думай о чем-нибудь давнем.

— О чем?

— Ну, не знаю... О детстве.

Но, едва сообразив, куда я клоню, рядовой Евский помотал головой... детство — нет... детство ему не помогает.

Он сказал, что вся эта милота куда-то ушла, куда-то провалилась уже в первые дни войны... Рядового Евского детство уже не грело. Даже на пять минут рядовой Евский не хотел снова в детство. Детство — хрупкое. Детство было, как мотылек. Оно раздавливалось в пальцах само собой... Жижича.... Только пальцы пачкать.

Я бы навел на Колю Гусарцева в моздокском госпитале, чтобы ему так или иначе помочь. Я бензинщик. Я многое на этой войне могу и многое умею. Но я не успел.

Коля и сам, времени не теряя, уже перевелся вместе со своим ранением в какой-то далекий отсюда подмосковный госпиталь. Штабное начальство не возражало... Штабное начальство по всем пунктам и чуть не хором сказала раненому майору — *га... га... га...* У них быстро решается, когда они знают, чего хотят. Гусарцев отбыл, и даже поездом или самолетом — неизвестно... Так что все удачно. Коля попросту сбежал куда-то в Подмосковье от мстительных чичей, считавших, что сука федеральный майор кинул их командира (убил, ушел с деньгами). Так что я примчался в Моздок впустую.

Коля решил правильно. Возле госпиталя шныряли незнакомые чеченцы... Даже я заметил... Всполошились, но поздно! Впрочем, даже внимательные чеченцы ускользнувшего майора Гусарцева скоро

забудут. Очень скоро! Даже с такой лихой его фамилией!.. Война — как болото. Все тонет.

Все здесь тонет само собой, поглощается и забывается. Единственный, кто огорчился бы тайной отправкой Коли, это Базанов. Милейший и говорливый читающий генерал, скучавший на этой войне, потерял бы собеседника. Генерал, конечно же, поехал бы в аэропорт, поспешил бы к самолету — проводить майора. Вечером налег бы в одиночестве на коньячок... Но генерала Базанова уже не было.

Гусарцев, не ползи за ним следом мечь чичей, сам бы пришел, добрался бы с едва затянувшейся раной до моих складов. Непременно добрался бы... Или вызвал бы меня к себе в госпиталь... И рассказал бы, что, увы, сорвалось, — увы, попал при свидании с Ахметом под шальные пули (он же не знал, что стрелял Алик... он к Алику спиной был). И что остался без денег... А вообще-то дело было верное! Полный, полнехонький грузовик сапог! Ты был прав, Саша, чертовски не везет мне в самостоятельном бизнесе. Это ты, Саша, у нас везунчик!.. А я едва ноги унес!

Я так и видел, как Коля рулил по той петляющей дороге. Не слишком осторожничая... Хотя рядом, судя по беспорядочной стрельбе, шел какой-то бой. Коля Гусарцев знать не знал, что здесь, в Мокром, засада. Однако он слышал выстрелы... Опасно?.. Плевать!.. Эти кирзовые, засапожные деньги забрать надо.

Крутя руль, он крикнул Олегу и Алику:

— Не дрейфь, пацаны!.. Получим с чича денежку и рванем в сторону вашей родной роты!

Гусарцев прикладывался к фляжке. Он прямо всасывал водку... Но понемногу! Машину трясло... Гусарцев правил одной рукой... Фляжка лязгнула по молодым крепким зубам! Он усмехнулся. Его зубы могли бы разгрызть фляжку... Откусить ей неотвинчивающуюся башку... Он даже не утер рта. С подбородка струйка. Он ее поймал нижней губой. Змейка, подумал он про струйку водки... Пацанам бы дать по глотку для бодрости, но рискованно... Шизы!

Край ущелья... Это чич ловко придумал. Никого здесь!.. Коля был убежден, что сделка удалась! И чич, полевой командир — вон он сидит, Горный Ахмет! Уже ждет... Ага?! Сапоги-то, кирза-то по душе чичу пришлось!

Гусарцев выпрыгнул из машины... Это подтвердили пацаны. Да я и без подсказки представлял себе его легкий пружинистый выскоч, выброс из машины. И подчеркнуто медленный шаг... Полевой командир Ахмет сидел на обрыве, свесив ноги. Конечно, Гусарцев слышал выстрелы поодаль. Вот почему он шел к чеченцу по прямой линии. (А чтоб без снайперов! Доверяй — но проверяй. Спиной чеченец надежно отгораживал от ущелья. Крепкой большой спиной полевого командира.)

Гусарцев подошел за деньгами. С достоинством. Отвага лишь слегка захлестнула Коле мозги. Смелый, но не пьяный!.. Коля наверняка собой восхищался, как он сейчас крут и ловок!

И автоматная очередь Алика была еще далека от него. Еще только через минуту!

Красносотенные бумажки. Деньги... Меж федералом Колей и чеченцем Ах-метом... Пачка денег на полпути — из рук в руки... И на сделку у них еще полминуты.

Потому что Алик уже присматривался к п-пачке в руках чеченца. И острые солнечные зайчики уже вовсю кололи ему глаза.

Но начинать будет Мухин.

Еще полминуты...

Обгоревший солдат Мухин, мститель за колонну, как раз очнулся. (Он-то без солнечных лучиков-зайчиков. Совсем без света.) Ослепший Мухин, очнувшись, думал, что ночь... И, слыша вражью гортанную речь, ощупью нацеливал на голоса пулемет.

Еще четверть минуты...

Полковник Груздев. Раненый... Валяется в каком-то далеком селе. Село вроде бы дагестанское. Как раненый полковник там оказался, неизвестно. Селяне полковника не показывают... Хотят деньги вперед.

Командование готово дать селянам некую малую сумму. Они поладят. Разумеется, при этой их сделке я не получу ничего. Хотя это мои информаторы нашли раненого. Я нашел... Информаторы, которым заплатил я.

Конечно, я проживу без их подачи. Легко!.. Но меня удивляет, с какой охотой штабисты повторяют друг другу — майору Жилину ни копейки. Майор Жилин и без того стрижет все, что растет.

Такое впечатление, что в штабе трудятся нищие... Гольтьба!

Эти нищие штабисты с радостью продолжают повторять — ни рубля ему, ни копейки. Но (добавляют) зато этому Жилину, быть может, выпадет награда. Что-что, а спечь орден — штабисты сумеют. Да, да, майор!.. А почему нет? Представим!..

Так и пообещали — майору Жилину кое-какой

орденюк!.. Я смеялся... Я долго смеялся... Я раз десять... не меньше... ненаграждаемо и совсем задаром смотрел в лицо Бабушке... по-настоящему смотрел, так что получить орденюк за обычное общение с моим же информатором будет высшим классом... Но уж так устроено... Война.

И все-таки из подмосковного госпиталя от Коли был звонок. Характерный. Выдержанный... Мы называли это — подышать в трубку. Я сразу же понял. И ни секунды сомнений.

Я тоже в трубку честно молчал — что я ни скажи, ему во вред. Опасно. Как замысловато я ни начься, мол, привет тебе, Коля!.. мол, поправляйся!.. все равно слова могут угодить в прослушку, вернее, *подслушку* чичей... Ясно, что меня сейчас могут энное число дней отслеживать. В первую очередь... Кто не знает, что мы с Гусарцевым трудились плечом к плечу.

«Ладно, Коля...» — подумал я. Молодец, что звякнул. Попрощались. Форэва значит Форэва.

Горный Ахмет...

Сын! Сын!.. Чичи так запугивали меня его сыном. Глаза таращили!.. Сын, которому не подсунешь любой схожий трупак... Сын, который тотчас опознает своего отца, Горного Ахмета. («Его не проведешь... И если что, скандал, а то и со стрельбой, Сашик! И деньги! Деньги, Сашик, тебя заставят вернуть!»)

Сколько же упреждающей болтовни! А на деле этот грозный виртуальный сын оказался обычным сынишкой, мальчишкой лет десяти. Обычный пацаненок. Вертлявый и глазастый.

И канючил, как самый обычный здесь пацаненок:
— Курнуть дай... Сиггар дай.

Сверкал хитро глазенками:

— Дяинька майор... Дяинька майор...

Выпросить труп именитого чича оказалось не так уж сложно. (Мазут я мо-розильщикам отослал.) А вот найти этого именитого было непросто. Горный Ахмет слишком низко спустился с гор... В большой городской морозильник. Пришлось искать.

Их и здесь разделили — федералов и чичей. Но был и совместный большой блок, с лукавым названием *Дружба народов*. Неузнанные. Лежат рядом. Окаменевшие. Или один на другом... В обнимку.

Мне пришлось-таки померзнуть, походить туда-сюда по блокам. Осторожно ступать. Одновременно вглядываясь в корявые записи... Листая увесистую самодельную книгу.

Помог Крамаренко. Я искал, а он корректировал мой поиск по мобильному. Он уже прежде имел дело с чеченскими гроссбухами и теперь подсказывал мне насчет подвижности букв. Первая — самая прыгучая буква. Трудная для русского уха... Одним скачком, вместе с меняющейся буквой, труп сам собой переносится в отдаленный морозоблок. И там куда-нибудь на труднодоступный стеллаж, в ледяной угол... лицом к стене. Скажем, Хазбулатов редко будет в списке на «Х» — он может быть и Казбулатовым и даже Газбулатовым, а иногда и совсем простенько — Булатов. Поди найди!

До вечера, почти до заката, я там мерз... Насмотрелся вояк... Где их слава?! Где их знамена и песни?.. А каково сейчас, напоследок их пробирал мороз! Их — и меня заодно... В середине лета... При том, что я был подготовлен. Бутылка водки ушла

впустую. Выпил медленно, глотками... Даже не затуманила. Пол-литровая. Как в снег вылил.

А какие позы!.. Вывернутая голова. Выставленный кулак... Выставленная, замороженная на века фига большого пальца... Одна нога завитком возле другой — чем не фуэте?.. Как понять?! То ли жизнь смеялась над смертью. То ли смерть — над ужимками жизни. Один трупак мне даже подмигивал. Да, да!.. Руки он замороженно и гордо скрестил. Голова надменно вперед. А от зажженной мной поисковой лампы левый его глаз вдруг забликовал. Подмигнул... Мол, живем как можем. Мол, жизнь продолжается. Не бзди, майор!

Пацаненок прибыл в сопровождении двух крижистых чичей. Один — Муса, мой отдаленный, но все-таки знакомец (через Руслана). Знакомец, конечно, без автомата пришел — спасибо. Но пистолет где-то есть. Не верится, что мой Муса пистолет в машине оставил... Другой чич странно знаком лицом. Узнаваем. Но как-то в промельк... Или схож с кем-то известным, кто в розыске. Этот точно с пистолетом. Скрытный... Очень нервничал, пришел, мол, к федералам... И, конечно, накурился травки. Очень плохо выговаривал, тянул гласные. Когда такой накурившийся говорит врастяг, его скрытая ненависть скрывается еще глубже, уходит в совсем уж темные глубины.

А вот Муса травкой не баловался. «Когда бегаешь по горам с автоматом, надо быть в форме», — говорил он. Не скрывал, откуда он прибыл.

Труповозку, с найденным мной и уже выданным телом, подогнали не сразу. Она объехала еще целый круг, чтоб поставить там и тут отметку, две неразборчивые печати. Она у нас с отличным хо-

лодкой *внутри*, гордо сказал о своем транспорте служитель Василий... Сержант... Иногда, мол, водку сунешь туда в холодильник, через пять минут — готова. И слеза по бутылке сползает. Светлая такая слеза!

Только-только зад машины открыли. Скрип первый еще только запел. Дверца еще только повизгивала... А пацаненок уже туда нырнул. Внутрь. Шофер и сержант от неожиданности — оба матом:

— Ты куд-да?.. Твою р-раствою!

А пацаненок, трех секунд не прошло, уже оттуда вопил:

— Папка! Папка!

По-русски. А затем из труповозки высунулся и как-то даже торжественно по-чеченски крикнул своим:

— Нохчи чах-чах-чах! — что-то еще крикнул.

Признал.

Муса мне шепнул: «По руке узнал... Глаз острый. Глаз чеченский... Молодец!».

Вынимали из машины медленно. Бережно... Заодно и смотрины... Это Горный Ахмет?.. Вот уж не зря мальчишку взяли! Только по руке Ахмета и можно было узнать. Потому что лица не было. Срезано очередь. Размазано. Сплошняком на лице засохшие бугорки крови. Ну, правда, нос свернут набок и узнаваемо все-таки выставился.

А пацаненок руку гладил. Ладонку отца раскрыл. И смеется. Скалит зубы: нашел, нашел своего папку!.. Да как быстро!.. Ну, не молодец ли!

И за поощрением ко мне:

— Сиггар дай. Скорей дай.

Снова ему сигарету. (Я уже две дал.)

Выкупленный труп Муса и второй чеченец по-

несли в свой старый битый газик... Газик, чтоб им полегче, подрулил поближе. Но труповозка широка, а газик узок. А чич замороженный... Как камень... Вынуть из труповозки вынули, а вот как в газик втиснуть?

Руки он раскинул не длядохлого газика. Широко и вызывающе раскинул свои руки Горный Ахмет. Как современная скульптура-модерн: ГРАЖДАНЕ ШАЛИ... Или: ПОМНИТЕ О НАС... Что-то вроде... И так и эдак, но левую ему согнули, в газик вошла. Но правая рука никак!

Когда в газик втиснули, правая рука Ахмета так и торчала. Из окошка машины в сторону!.. Но не ломать же... Руку же не ломать!

Стекла в окошке газика, по счастью, с этой стороны не было. Стекло выбито... Как специально. Чтобы возить замороженных... Чтобы трупак умудрился и тут руку гордо выставить. Вроде бы напоследок Ахмет грозил мне... А может быть, просто сделал рукой отмашку. НЕ ЗАБЫВАЙ, МАЙОР... Дружески!

Газик тронулся. Медленно пополз, приноравливаясь к своей мертвой ноше. Пацаненок шел с машиной вровень. Курил. Вышагивал рядом с торчащей из окна рукой отца... Ба-а! Гляньте-ка!.. Пацаненок зажженную свою сигарету вставил отцу в мертвую руку. Сумел. Меж жестких мерзлых пальцев воткнул. Сам закурил вторую... Чем плохо?.. Покурить с папкой на прощанье.

Машина ползла. Пацаненок гордо шел рядом... Улыбался. Как-никак с отцом вместе. И отец, считай, покурит... Последняя сигарета полевого командира. На прощанье.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Как именно мои шизы Олег и Алик, а точнее, как их новенькие берцы-ботинки попали под град солдатских плевков, не знаю... Скорее всего, Олег и Алик просто шли мимо. Так совпало... Они проходили мимо всем известной песочницы. Как бы нарочито красуясь ботинками. А у солдат-грузчиков передых в работе. Перекур... Как раз сидели курили. Нет-нет и топя окурки в песок.

Ну и почему в чистеньких не плюнуть! Это напрашивалось!.. Ага!.. Сержант Снегирь, прежде привычно шизов защищавший, теперь от них отвернулся. Даже и в прямом смысле... Солдатам только это и надо. Тем понятнее дурашливая детскость их забавы.

А сержант Снегирь, отвернувшись, смотрел куда-то в сторону развевающегося над складом флага. Теперь эти двое живут в пакгаузе, любимчики майора, так фига ли их классные ботинки жалеть!.. Ну, ясно!.. Как не плюнуть в солдата, получившего писчую работенку! в писаря!.. Который сам вчера еще катал тяжеленные бочки!

Начала я не видел... Я шел от инцидента неподалеку и говорил по мобильному.

К песочнице-курилке, слава богу, уже мчался вездесущий Крамаренко. Как ястреб!.. И с налета начал разборку. Как он все успевает!.. Мои шизы, мои заплеванные писаря, через минуту-две уже убрались восвояси, а Крамаренко все крыл... бранил... материл моих красномордых-краснолицых. Я не вмешивался. Ведь тоже бедолаги. Ведь тоже мои.

Снегирь сидел багровый. И молчал.

Оказывается, это он, сержант, вдруг откашлявшись, первый собрал сопливую вязкую слюну.

И плюнул в одного из этих двоих, проходивших мимо. Он даже не видел, в кого из них... Глаза не смотрели. Да и плевков получился хилый. От усталости.

Зато его полусдохшие солдаты-грузчики повскакивали со скамеек и давай плевать. Что поделать, если сил осталось только на харканье... Харк! Харк!.. В чистеньких!.. В любимчиков!.. Вот они, шустрики. Почему-то отдыхающие от бочек... От разгрузки тяжелых ящиков... Сытенькие. Гладенькие!

Оба контуженных, Олег и Алик, закрывались от их плевков руками. Но не поворачивались спиной. Инстинкт не велит солдату подставлять свою спину.

Наступая, солдаты-грузчики еще малость похаркали... Уже торопливо. С промахами... Исправляя наугой глотки недолет... Ну-у, слабаки. Ну, совсем хило.

Шизы, пятясь и утираясь, ушли. Но так и не повернулись спинами. Не побежали. Настоящие солдаты.

Однако матюги не смягчили Крамаренке его справедливую душу, он еще и пистолет выхватил. И выстрелил в дерево облепихи, в самую верхушку... И еще выстрелил, показательно, сшибая желтые изюминки. Водопадом!.. На моих складах привилегия выстрелить — большая привилегия.

Уже спрятав пистолет, Крамаренко вопил:

— Чего к ним вяжетесь! Гниды!.. Да они ж оба на голову больные!.. Он же шиз! Он щас выкрадет автомат — и что?.. И всех вас рядом на траву положит... Повалит всех нафиг!.. И еще будет плакать потом по вас! Жалеть вас!.. На каждой могилке будет плакать, а?..

Он показал солдатам могучий кулак:

— Я вам, бля, похаркаюсь!

Конечно, боковым зрением и Снегирь, и бранящийся Крамаренко уже заметили меня. Увидели, что мимо них проходит майор Жилин... Не рядом, а все же в радиусе моего командирского гнева.

Солдаты сделались тихие, как мертвые.

Своих краснолицых я снова увидел. Уже у столовой. Они еле поднялись, еле оторвались от курилки-песочницы... Еле шли. И быстрее идти у них не получалось. Плеваться получалось, но это от бесильной злобы.

Шли в столовку, свесив башку от усталости... Их даже жратва не звала.

Железные бочки с солярой — два «КамАЗа» в разгруз с самого утра!.. На такой работе быстро отбраковываются. Пара недель, и в госпиталь... Лица, как свекла на срезе. Здесь остаются только те, кто с могучим крестьянским сердцем. Настоящие силовики! Сердце разбухает. Но не лопается... Только лет в сорок-пятьдесят вспомнят они службу — будут постанывать ночами, не понимая, какая это жабба пробралась им в грудь и легла там, присосалась к сердцу.

Крамаренко шел за ними, полудохлыми, и продолжал их крыть.

— Я вам, бля, похаркаюсь!.. После обеда будете возле песочницы землю жрать! Чистить землю будете! Плевки свои искать, суки!

В эту минуту честный служака их ненавидел:

— Стаей вы смелые. Только стаей, бля... Вылизывать свои плевки будете! Языками!.. Стаей нападаете, шакаляя порода!

В хорошо замаскированном подполе боевиков их новенькое оружие. При том в ящиках... С клеймами... Откуда оно?.. А-а! Тут еще и пластид. Да еще с фабричным клеймом... *Взрывные работы, г. Омск...* Это еще как сюда попало?.. Схрон солидный. (Опознание в таком схроне — любимое дело фээсов.)

Перед выездом к фээсам я спросил, могу ли я им прислать моего Крамаренку, который не хуже (а то и лучше меня!) на нюх различит для следствия заводское и складское. Угадает по первой же букве на ящичке.

Однако в схроне копались люди настырные.

— Нет, майор. Нам нужны вы. И ваша ответственность.

Им нужен, повторили в третьем лице — майор Жилин. Лично.

Но у меня, у Жилина, у самого на складах вот-вот плановая проверка.

— Мы знаем, сказали.

И добавили:

— Приезжайте... Заплатим как эксперту. Как эксперту высшего класса.

Схрон не свалка. И дел на схроне вообще-то немного. Если не идти на поводу у фээс. (Которые на всякой выемке не прочь кого-нибудь прищучить и наказать для примера.)

— Только не в кучу, — велел я. — Несите на брезент отдельно — ящик за ящиком.

Мне только и надо было попроще им пояснить — это оружие украдено *там*. Или, скорее всего, вот *там*... Перепродано?.. Возможно... (Выяснить вам!) А эти автоматы — нет. Не украдены. И не перепроданы. (Боевики насобирали автоматы в разбитой нашей колонне...) Как я это знаю?.. Да на глазок.

— Вы уверены, майор?

— Нет, говорю в таких случаях я и держу паузу.

Бывает, что фээсовские проверяльщики загодя разъярены, готовы рвать погони с любого. Им, чистым, только попадись... Я вспомнил Колю Гусарцева. Куда он лез, лихач!.. Проданное на этой войне налево (или тихо припрятанное) оружие похоже на многоходовую загадку. Виновен вроде бы один. А потянет за собой многих. И кто кого — не факт...

Меж тем чьи-то судьбы прямо сейчас зависели от скорой моей экспертизы. А проверяльщики меня еще и торопили:

— Вот же нумерованные ящики!.. Вот клейма!

Однако я объяснял им: ящики — старье. Число?.. Не факт... Числа, конечно, забиты. Или перебиты... Автоматы уложены только в двух ящиках и то наспех. Остальные автоматы внавал в промасленных тюках. Как будто только вчера вывезли... Боевики по пять раз перепрятывают оружие... А вот и найдите тот, предыдущий, их схрон!..

Я был крайне осторожен. Одну судьбоносную бумажонку не так подпишешь, завтра к тебе хлынет десяток, одна непригляднее другой. Одна страшнее другой... Ручьем!.. Чаю поутру не дадут выпить!

Но заплатили за экспертизу они действительно хорошо.

И сверх того — важная для меня информация. При расставании фээс задним числом подобрел. И оценил мою жесткую правдивость... Что я никого не подставил. Что я нигде не поспешил.

— Будь начеку, — улыбнулся на прощанье молодой фээс. — Будь начеку, майор!.. Дубравкин к тебе пожалует.

На плановую проверку складов (моих складов,

теперь я знал) нацелился полковник Дубравкин... Известный вояка, которому воевать не разрешали. Которому теперь всюду мерещатся враги и предатели... Я даже хохотнул. Будь начеку, Жилин... Ничуть не смешно было, но я хохотнул... Каков абсурд!.. Какова эта подвешенность всякого человека! На нитке!.. Ведь только что майор Жилин значил! Только что в моих руках были судьбы других... судьбы третьих... четвертых и пятых, полустертые, однако же, читаемые судьбы на ящиках с оружием и с пластидом.

Куски детского пластилина — их судьбы. Которые я мог мять так и этак... А теперь, извините, ко мне Дубравкин. А теперь, извините, пластилиновым стану я сам.

Да, да, я не судил на схроне. Но это совсем не значило, что сам я не буду судим... Война.

Этот рьяный Дубравкин любил похвастать особой своей памятью — он в мельчайших подробностях (фанатично) помнил тех, с кем, когда, на какой дороге и как именно он столкнулся. Всех помнил. Не забыл, конечно, и меня... настоящий недруг!.. Полковник Дубравкин сам возглавит проверку, дал мне знать фээс. С Дубравкиным вместе два офицера по снабжению. (Смотря кто!.. Может, офицерики будут принципиальными? Будут противовесом?..) Однако шибко не надейся, майор Жилин.

На обратном пути со схрона — звонок... Чеченцы. Наши чеченцы. Федеральные... Они уже знали про найденный схрон и рассчитывали на изъятое оружие... По плану, жаловались они, им пришлют оружие только через два месяца.

— Мы готовы заплатить, Александр Сергеич.

Федеральные чеченцы зовут чаще по имени-отчеству. Лишь изредка — Сашик.

— Это, мужики, не ко мне. Оружие — не солярка!.. Это все к ним — к проверяльщикам.

— Ах! Ах! — начались знакомые горские ахи. — Они еще там?.. На схроне?

— Там.

— Фээс участвует?

— Обязательно.

— Ах! Ах!

Их проблемы. Пусть крутятся... Поиметь схрон при контроле фээсов!.. Но зато они подтвердили мне информацию о проверке моих складов и о Дубравкине... Уже знают!.. Чеченцы все знают. Как это у них налажено. Диву даешься!

Я уже час объясняю рядовому Евскому его лишь относительную (по военным меркам) вину в случившемся. Его, по сути, невиновность.

Я не виню, не корю. Я промываю ему мозги.

— Вы, пацаны, год воевали... Ты ведь, Алик, на БТРе в бою бывал? Наверняка бывал. А ты, Олег?

— Бывал, — кивает он.

Оба сидят возле стола с бланками. За Олегом громоздится куча гимнастеров.

Им ли, год отвоевавшим, не знать, что сидящие на броне и попавшие под огонь солдаты, если машина на быстром ходу, не спрыгивают в траву... Солдаты отстреливаются. Отстреливаются из всех дырок. Из всех стволов. Одни лупят вправо, другие влево... По кустам. По высокой траве...

— И ты, Алик, конечно, замечал, что твои ответные пули едва не задевают своего же бойца... стре-

ляющего с тобой рядом... Пули. На расстоянии ладони от его, скажем, плеча... Замечал?

— Замечал.

— А ты, Олег?

— Замечал.

Особенно когда твой БТР вдруг рванет в сторону... Когда твой БТР или, скажем, танк вдруг прыгнет на кочке... Когда танк маневрирует... Твой изрыгающий огонь «калашников» тоже сам собой дергается на поворотах. Замечал?

Олежка кивает. И Алик кивает без подсказа. (Добрый знак.)

Я перехожу к случайностям. Бывали же случаи, когда пуля задевала своего же. Сидящего на БТРе рядом... Задевала или даже разрывала ему плечо. Разносила кисть руки...

— И что?.. Разве мы, офицеры, хоть где-то упомянем?.. подставим солдата? Который ранил своего?.. Нет, ребятишки. Мы этого не сделаем, мы пошлем это на. Да, да, да, пацаны. Мы просто скажем — ранен в бою.

Так называемая окопная правда. Я не кривлю душой. Я только сожалеюще развожу руками — мол, даже для самих себя мы, офицеры, именно так упрощаем и так докладываем. Мы лишнее вычеркиваем. Мы стираем в памяти. Все понятно?

Я не просто промываю, я уже прополаскиваю им мозги. Скоро отправка... Все возможно. Вдруг под какой-то чужой спрос они все-таки попадут.

Алик кивает, ему понятно. Однако же на лице опять загулял нервный тик. Что-то дергает. Что-то мешает ему до конца согласиться... Что-то мешает его автоматной очереди зачислиться в нечаянный (в подсказанный мной) случай.

— Ты, Алик, просто поспешил... Ты дал очередь в чеченца, а майор Гусарцев сам шагнул на линию огня... Это нечаянно, Алик. Это и есть — нечаянно... И ни звука!.. Никому!.. Мы просто говорим — майор ранен в бою.

Я вижу: бедняге так хочется попасть в столь понятную, в столь легко объяснимую ситуацию. Но не получается. Боя же не было... Честный шиз вроде как не умеет себе самому солгать. Ему, видите ли, нужно сражение. Если бы был б-б-бой!

— Н-нет... Это не был б-б-бой, — он придерживает рукой тик на левой щеке.

Возможно, солдат был так пришиблен «уб-бийством офицера», что теперь ему как-то маловато «ранения офицера»... Ему мало!.. И вот этот засраонец ищет себе побольше вины. Накручивает на себя. Психика пораженца.

— Сначала в ч-чеченца...

Рядовой Евский смотрит на меня с каким-то последним отчаяньем. Но и с последней же надеждой все-таки подпасть под *нечаянный* случай.

— Сначала в ч-чеченца... А п-потом в п-пачку... — мямлит он.

Но этого я вообще не понимаю. И не принимаю. Чушь!.. Где-то его заклинило... И опять косит под фобию!.. Какое мое дело... Неужели контуженный хочет меня убедить, что его пули шли вслед за этой передаваемой п-п-пачкой д-денег. Глюки... Чушь!.. Я не могу такое даже слушать всерьез. Мое дело промыть ему мозги. И отправить к своим.

— Чушь! — ставлю я временный вердикт.

Пацан придавлен чувством вины. Убить, мол, он не убил... Но ведь он стрелял в офицера, вот и виновен.

— Чушь. Сам себя оговариваешь.

— С-стрелял в п-пачку.

Опять?.. Мне хочется дать ему по балде. Особенно раздражает (и не поддается переосмыслению) эта его великолепная навязчивая мысль, что он стрелял в чеченца из-за денег в его руках.

Или он так хитро оправдывается?

— Что?! Что?.. Ну-ка, Алик, еще раз!.. Ты хочешь сказать, что стрелял в пачку денег?

— Д-да, — сказал он, но все-таки с заметным колебанием.

Чушь следовало в нем перебороть. Чушь следовало из него вышибить.

— Это смешно, Алик... Рядовой Евский, это смех! Ну-ка отвечай!.. Ты же не сумасшедший?

— Н-нет, — сказал он, но опять с колебанием.

— Помни это, рядовой!

Бедняга пытался объяснить некую сложность той ситуации — конечно, не в сами деньги стрелял... *рука с деньгами... рука чужого человека... вдруг возникший чеченец с деньгами...* Возможно, фобия и впрямь некий психосгусток, который Алику словами не определить и не выразить. Не сумеет ему... Тем более этого не сумеет мне, майору Жилину. Не выразить... Потому что майор Жилин в подобную белиберду не верит.

Моя мысль проста: хочешь оправдаться, не напускай туману.

И пора уходить, разговор меня ненужно утомил.

— Ты, Алик, просто засмотрелся на эти сраные деньги, которые чич протянул майору Гусарцеву!.. Ты же забыл открытую дверцу!.. Помнишь дверцу?

П-помню.

Ну вот. Ты же сам говорил, что дверца джипа

болталась туда-сюда. Тебе мешала... Дверца качнулась... Дверца шлепнула по дулу твоего автомата. Самую чуть шлепнула... Но этого хватило, чтобы твои пули сместились в сторону майора.

Пусть думает.

Времени уже нет, я ухожу.

Их контуженность, как я отмечаю, отступает неохотно. Но зато меняет личину. Алик, к примеру, уже не так сильно струит слезы своим левым глазом. Зато чуть усилилось его заикание.

Практически они оба не выходят из своего восьмого пакагуза. И, безусловно, необщение с солдатами им на пользу.

Я им уже сообщил, что в планах начальства колонна Хворостинина на Ведено. И с колонной они оба — туда. Уже скоро!.. С первой же колонной. Пацаны ждут. Томятся, слыша иной раз грохот стругаемых бочек. (Исчерпали ресурс ожидания.)

Ах, как они оба ждут возвращения к своим. Вернуться в свою воинскую часть — как вернуться в их былое, доконтуженное время... То время и та служивая жизнь кажутся им сейчас счастливыми, счастливейшими. Это же надо, чтобы так страдать по солдатским будням!.. Они просят, они хотят туда, они умоляют. Они, как замороженные прошлым. Верните нас к нашим, верните в те дни!

Шизы. Настоящие шизы!

На лунную полянку. Уже днем потянуло туда. Поговорить с женой... Но среди дня шумно!

Сначала наш, складской шум, бочки. Казалось, их катят вечно... Бу-бум. Бу-бум. Бу-бум... Следом и

поверх бочек шумы Ханкалы. Эти шумы шли издали, шли, как бы обтекая нас, но зато возвращались и множились эхом... Со всех сторон... Особенно слева, где дорога и где, подгоняемые войной, гудели машины. Дорога тоже полна воинского тщеславия. Машины перекрикивали, пере-визгивали друг друга.

А следом совсем уже разные, неразличимые, невнятные резкие звуки... Словно вбивали сваи. Но вбивали громадные сваи не в землю, а в небо... Куда-то вверх. Даже в самые облака... Ханкала!.. Я так и не решился на домашний разговор. Просто посидел три минуты на скамейке... В самой середине дня.

Я встаю рано. Едва заслыша что-то сквозь сон... Разогревающиеся моторы складских машин. Но все-таки я без спешки. Люблю начинать утро с некоторой ленцой, лишь постепенно разгоняясь.

Звонки должны бы начаться через полчаса, а нет!.. Позвонил Суфьян. Чеченцы встают раньше нас.

— Я слушаю, — говорю я. — Внимательно слушаю.

Слово «внимательно» для моего информатора Суфьяна знаковое. Слово означает, что мой мобильник в моих руках (а не в чьих-то) и что голос мой неподделен. Означает, что майор Жилин слушает. И что все в жизни правильно.

Суфьян сообщает: он видел в том леске, что от его селения немного на север, дым... Видел там дым. Дымки... Примерно где Сухой Ложок. До перекрестка. Отдельный такой там лесок, и в лесу — два, а то и три утренних дымка... Ранний завтрак.

— Я думаю, это наши... Думаю, убивать ваших хотят, Асан Сергеич.

— Что за дымки?

— Вкусные, — он засмеялся.

Он сглатывает (я слышу) слюну... Вкусные дымки раннеутреннего завтрака. Чичи спустились с гор. Чичи набивают желудок... Перед боями.

Вот!.. Суфьян прибавляет, что чичи уже знают про колонну на Ведено в ближайшие два-три дня. Знают, что колонну поведет выздоровевший Хворь... Что в колонне будет некий высокий чин. Что в колонне будет прибывшее пополнение. В основном молодняк. Контрактников мало.

Пополнение прибыло в Грозный, чичи их сразу же начали пасти... Наблюдать за ними... На выгрузе из вагонов. Вокзальная оплаченная наводка.

— Про вокзал сам узнавал? — спрашиваю я Суфьяна.

— Сам.

Великолепная информация, цены ей нет!.. Однако же останется не востребованной. Многожды так было. И даже некого материть... Если я сейчас срочно позвоню в штаб... В оперативную команду... *А откуда у вас информация, майор? А вы, майор, уверены?.. Вылет вертушек надо обязательно состыковать с высоким командованием... Еще и про мою панику скажут. Не паникуете, майор Жилин? Блевать хочется, когда я слышу, что им надо состыковаться... Им лень жопу поднять и закрутиться, лень забегать, заспешить. Ведь приказ на себя придется брать. Так уж сразу бомбить лес? Так уж сразу вертолеты?.. А вы, майор, все-таки поделитесь, откуда такие данные?*

Они отмахнутся, как от мухи... Жизнь так пре-

красна, когда она медлительна! Тем более Хворостинин колонну поведет. Кого нам бояться?..

А каким боком вы к штабу, майор Жилин?.. — это уже с ядом в голосе спросят. Чтобы заткнуть мне пасть... Да, никто я, говнюки. Никто... Зато я, маленькое никто, имею уши и хорошо слышу этот ваш тягучий, нудный, ржавый, мерзкий скрип чиновничьей стыковки...

Они будут мямлить, пока великолепная информация не просочится и не сольется — вода дырочку найдет! А чичи поменяют место засады... А моего информатора прищучат... И, конечно, спрос — зачем бомбили пустой лес?

Именно!.. Но если штабные колесики вдруг все-таки закрутились быстрее... еще быстрее!.. еще и еще быстрее!.. это значит только одно — пацанов уже перебили, колонну пожгли. И говенный механизм их стыковки завертелся в обратную сторону. Ища виноватых.

Я похвалил Суфьяна — молодец! А он горделиво засмеялся:

— Сам знаю, какой я молодец!

Поначалу Суфьян два... нет, полных три месяца работал у меня на стройке Внешнего склада. Но прорабы, и Руслан и Рослик, были им недовольны. Как рабочий такой трудяга сто лет никому не нужен. Но как человек — хитер и забавен. Суфьян от всего уклонялся, притом очень умело. Чуть что — сидит в сторонке... Лопата куда-то делась. Кирпичи носит помалу. Бережет позвонки... Умница!.. Долгожитель.

Зато жил этот хитрован на интересном для меня, узлом месте... Едва прослышав про его селе-

нье, что на перекрестье дорог (пять-шесть горных троп там сходились и разбегались), я дернул Суфьяна к себе. Вызвал для разговора. От стройки, от работы несладкой я тотчас избавил, а зарплату ему сохранил. Я дал ему мобилу... Объяснил, как и что. Какие где кнопки... И отправил — живи-ка, дорогой, дома. Трудись там. Это тебе понравится. Не кирпичи таскать.

Время от времени, ни днем одним не опаздывая, Суфьян приезжал ко мне получить за свой интеллектуальный труд оплату. Небольшие, но верные деньги... Информировал о своих он без малейших угрызений. Со спокойной улыбкой! Он был довольно красив... Когда приезжал в Грозный получать рубли, он обязательно раз-два смотрел в овальное зеркало, что у нас возле кассы. Топтался там лишнюю минуту. Что он там видел, трудно сказать. Себя... Конечно, себя... Он был красивый, но еще и косяглазый. Классный такой... Настоящая падала.

Не зря же чичи так дружно спустились на эту дорогу с гор. Их и Хворь не пугает... Сжечь в первом же бою колонну с прибывшим пополнением, лупоглазых пацанов — самый кайф для начинающих полевых командиров. Мастер-класс. Выучка... Все там понятно... Ну, а я? Как я отправлю моих шизов с рискованной колонной?

Но ведь откладывать их отправку тоже нельзя. Уже невозможно. Шизы уже на нерве. Они опять сбегут.

Я думаю о недуге Алика... об этих диких желтых осколкахдробного солнца. Эти кусочки света влезают ему в глаза, в самые зрачки... Колко и больно.

Если же себя не обманывать, мои сомнения сво-

дятся вот к чему — звонить Васильку и звать его на помощь?.. Или нет?.. Василек прикрывает для меня колонну с бензином лишь в самых трудных случаях — прикрывает вылетами *сверх*. Сверхплановыми вылетами, о которых не всегда знают штабисты... Война!

Прикрывает Василек честно и обязательно. Но каждый вылет Василька и тем более вылет его крылатых сотоварищей обходится мне недешево. А главное вот — на сегодняшний день мной оплачен вперед ровно один его вылет. И керосина впрок у него лишнего тоже нет. Один вылет!.. Если я истрачу этот вылет на лупоглазых пацанов пополнения (плюс мои шизы), мой бензин на дорогах беззащитен. Бензин, солярка, мазут — все голое. И сам я голый.

Мою горючку, разумеется, чичи вряд ли сожгут. Ее угонят... Вдогон я постараюсь узнать, куда и к кому. Но затем начнется возня, мерзкая торговая возня. С неясным исходом... И потому я колеблюсь... Этот один прикрывающий меня вылет, как последний патрон в пистолете. Патрон, который всегда жаль.

А прибывающему пополнению большой привет! Придется салагам сразу повоевать... Вот и постреляют салажата в охотку. Это война. Жаль, конечно, но треть пацанов положат. Голова к голове... Сухой Лог — засада коварная.

Секунду мне пришлось постоять, чтобы глаза привыкли. К пакгаузу — к особого рода складской темноте. Но вот — вижу. Бесчисленные полки под самый потолок... Коробки... Море мятых, зажеван-

ных гимнастеров... Две свисшие лампочки вяло светят.

За столом сидит Алик и заполняет бланки. В торце стола примостился Олег и перетюкивает нечто одним пальцем — на старой пишущей машинке.

— Работаем?

Оба тотчас вскочили. Вытянулись. Я велел им сидеть.

— На ночь глядя надо отдыхать. Слушать музыку... Где приемничек?

Олег откуда-то из-под ног поднимает приемник, ставит на стол.

— А что с топчаном? Почему отодвинут?

Объясняет Алик... Заикаясь... Крамаренко пошел им навстречу и разрешил передвинуть в самый угол. Дело в том, что Олег во сне м-м-м-мотает головой. Б-б-бьется о стенку... Да так сильно бьется, что Алик просыпается и подолгу не спит.

Здесь полным-полно солдатских пилотов... Олег!.. Выбери самую большую и надень перед сном. Чтоб с запасом. Чтоб с ушами. Чтоб на всю башку... Понял?

Сидеть, рядовые!.. Ешьте спокойно!

В столовой... Обед... Я вошел и вижу их за длинным столом. Двое. А кругом уже пустые столы. Кой-где тарелки... Хлебные корки. (Солдаты-грузчики и охрана поели раньше. Уже отвалили. Уже завязывают жирок. Полчаса им на отдых.)

Я подсел к пацанам. Жую для контакта сухую корку. И внушаю:

— Это был бой, рядовой Евский. Это был бой, Алик, и неизвестно, твоя или чья-то шальная пуля попала в майора Гусарцева... Ты стрелял?.. Ну да,

да. Стрелял... Но и другие, Алик, стреляли. Бой шел! Чья автоматная очередь первая и чьи пули ушли больше вразлет, теперь уже неизвестно... Эксперта по баллистике в бой не берут.

Оба медленно черпают ложками. Щи... Едят, не поднимая глаз.

Тоже ведь абсурд!.. Я даже не знаю, уцелеют ли они после того, как завтра-послезавтра их колонну атакуют спустившиеся с гор чичи. Пока что не знаю (я ведь не решил насчет Василька)... Не знаю, а вот ведь оберегаю пацанов от какого-то будущего, теоретически возможного спроса.

— ...Вы оба, пусть невольно, оказались в бою... Ты был в бою, рядовой Евс — кий. А сказать тебе, рядовой Евский, кто убил Горного Ахмета? Кто в том бою в Мокром завалил полевого?

Он, всадивший в Ахмета не меньше четырех пуль, конечно, знает. Они оба знают... Но они оба не чувствуют за это большой себе скидки.

— Сказать? — даваю я.

Он качает головой. Тик уже загулял в подглазьях рядового Евского. Нет... Не надо, товарищ майор...

— Это война, Алик. Понял?.. Это был твой бой.

Я все-таки дернулся — звоню Васильку. Скорее всего, машинально. Тычу пальцем в цифры... Но его мобильник выключен. Крылатый киллер спит... Дрыхнет. Как-никак утро.

Иду вдоль пакгаузов.

А сомнения с новой силой... Попади в засаду мой бензин, моя солярка... что делать?.. Василек в помощь моей горючке может не вылететь. Если вылет будет уже потрачен... «Сашик, — скажет, — я вроде отработал!»... Он обязательно скажет «вро-

де»... Как будто не очень помнит. Но он помнит. И я помню... Мы оба все помним.

Конечно, он дружбан, боевой дружбан, и он вполне может вылететь и прикрыть в счет будущего. По-соседски. Может одолжить мне срочный вылет вертолетов... двух, скажем... как одалживают соседу две, скажем, сотни зеленых до понедельника. Может вылететь, а может и не вылететь.

Жадность выползла. Слышу, как жаба зажимает мне сердце. И как я отшвыриваю, гоню ее. Смешные мы люди!.. Мне жалко лупоглазых пацанов пополнения, но мне с той же силой жалко мои будущие деньги (мой будущий бензин, солярку)... Пополнение прибедет в Грозный еще и еще, а вылето у Василька для меня один!..

Эта жалость к лупоглазым навязчива. Сотня пацанов в камуфляжах и с автоматами... На БТРах, на танках... Сопливые и лупоглазые. Нельзя их жалеть, говорю я себе. Это война... Нельзя жалеть, повторяю. Это война... Они приехали убивать. Они должны убивать. И война тоже должна убивать их...

Они должны убивать, майор Жилин.... И они будут убивать... Даже завтра... Отстреливаясь и попав в засаду.

Но ведь там будут еще и мои шизы? А как же они, эти двое?!

У войны свой событийный ряд. Свое течение... А я только человек. Один из.

Волна фатализма настигает и накрывает меня. Накрыла... Меня нет... Будь что будет... Война, как вода... Течет и течет... Я никто. Я мелкий и маленький.

У меня мои бочки. Мой бензин. Мои склады.

Внезапным движением руки я вдруг разом снимаю с себя тяжесть. (Снимаю умолчание. Грех умолчания.) Вынимаю мобильник. И с этой своей маленькой железячкой отхожу чуть в сторону от своего большого железа, от громогласящей горы выгруженных пустых бочек. И от продолжающегося там грохота. Еще и отворачиваюсь. Чтобы лучше слышать.

— Василек... Это я... Ты сегодня летишь на Ведено?

— А надо?

И тогда я ему со вздохом. И с просьбой:

— Надо.

— Что-то нам вякали. Что-то вякали, Саша, — начинает Василек слегка сонным басом. — Но вякали невнятно... Мол, две вертушки как бы не провертись там зазря...

— Ага. Все-таки было!

— Было, было, Саша... Но как-то вяло. Про время вылета ни слова. Про патрулирование ни слова. Скорее «нет», чем «да»... Жвачку жевали... А я люблю, чтобы команда как команда.

И тогда я ему с полусмешливым вздохом — а вот, дорогой Василек, и команда. Получите, полковник...

Василек смеется. Но по-хорошему, согласно смеется.

Тогда я конкретно:

— За Сержень-Юртом... Перекресток предгорный помнишь? Там лесок на север. Негустой лесок.

— Знаю лесок. Паршивенький... Сухой Дол.

— Именно так... Чуть севернее, по оперативке там чичи. Василек... Слышишь?.. Но ты, конечно, их заранее! Прямо сейчас... Поторопись, а?. Пока чичи не расставились вдоль дороги. Пока не улеглись там и тут в засады.

— Ясно.

— Пока они кучей... Завтрак кончают. Звездани как следует.

— Звездану.

Отбой.

Зато теперь, когда слова вырвались, мне слова эти жаль по-настоящему — жадность набрасывается на меня вся и целиком. Свиристое чувство. И какая жаба душит!.. Я едва не в голос стону от растраты. От перерастраты! Постанываю... Я ведь в одну минуту потерял ресурс. Бизнесмен, мать твою.

Ну, да, да, да, не все измеряется в деньгах... Знаем... Но ведь ресурс. Ведь крылатый Василек мне должен ровно один раз... Случись теперь с бензином, с моей горючкой, кто поможет? Хоть криком кричи!.. Кто вылетит и кто мне отбомбит сраный северный лесок в долг?.. Никто. Еще и посмеются. Так и слышу гнусно-штабные импотентские голоски: мол, вылет надо *сос-ты-ко-вать!*..

И почему-то мне стыдно. Лупоглазых юнцов пожалел! Почему-то стыдно. Я вижу себя вполне отстраненно. Сорокалетний крепкий мужик майор Жилин, хозяин складов... Хозяин войны... А слабинка обнаружилась. Еще какая!

Но что сделано — сделано. Неплохое ж дело оберечь лупоглазых. (И заодно своих двух шизов.) Оберегают же фрукты от мороза.

«Сохранение солдат — тоже важный для войны ресурс», — вспоминаю я слышанную как-то в штабе дурацкую обмолвку.

Я помню давнюю осень в горной долине. В Грузии. Чудесная случается там, на югах, осень. Настоящее чудо!.. Я с женой, мы сняли на время отпуск

ка маленькую комнату. А у хозяйки был сын — больной паренек Гиви. Молчаливый... Маленький... Подолгу ковырявший у себя в ухе. У него были красивые тонкие пальцы. Но однажды он нашел рукам другое занятие.

Мы с женой пили помаленьку вино. Сыр. Сациви... Скромное вечернее застолье. Мы болтали... Прохлада и звездная ночь.

А хозяйка нет-нет и оглядывалась на сына. Гиви вдруг встал из застолья. Он что-то невнятно говорил. Ласково так бляял... Засуетился... И ушел, почти побежал к их сараю — к мандаринам в ящиках. Он, оказывается, услышал сводку погоды.

Он трогал желтые плоды руками. Ой-ой!.. Вот этот мандарин обязательно ночью замерзнет! Он завернул его в обрывок газеты. И вот еще один!.. Жалко... Он осматривал плоды, прицокивая языком:

— Н-цы... Н-цы... Н-цы...

Оберегая, Гиви укрыл ящик с мандаринами еще и старыми одеялками. Еще и подтыкивал края одеял под плоды. А я наблюдал его хлопоты со стороны. Я как раз вышел вслед посмотреть, что его так взволновало.

Слабоумный паренек бережно трогал плоды руками. Едва касался... Еще и шептал что-то скороговоркой. Просьбу нашептывал... К небесам... Я слышал слова, невнятные, но, несомненно, в сторону неба. Сладкие строчки молитвы.

Василек, такой широкий, такой настоящий, такой весь с облаками, весь в обнимку с пьяноватым верховым ветром... Однако же, несомненно, он вел

счет благим делам... Мол, помочь помогу. Но не за даром же охранный вылет!

Во всяком случае, я бы не удивился, если бы прямо сейчас с уже загрохотавших надо мной небес (быстро они!) последовал телефонный звонок спешащего повоевать Василька:

— Слышь, Саш... Тем самым должок я отработал. Верно? Ага, вот они... летят... пошли, пошли мои *gorogie!*

И все слабее и слабее покусывала меня остаточная подловатая мыслишка — а не поспешил ли я потратить оплаченный вылет?

Ладно... Наплевать.

Летя-аат!.. Нацеленно идут вертолеты. Парой... Первый борт, конечно, ведет Василек... Я успеваю увидеть его двухсекундный крен. Подмигнул мне!..

Ага! Еще пара!.. Стало быть, я, возможно, уже и должник. (Если это сочтут отдельным вылетом.)

Вертолеты легко обходят Ханкалу. Нацеленные две пары. Показательно!.. В сторону гор. Зрелищно и быстро!.. Слежу... Уходят... Уже к горизонту.

Я еще сколько-то постоял... Можно больше не думать. Через часок мне позвонит Суфьян и расскажет, что делают вертолеты с не успевшим рассредоточиться противником. Можно не думать. Можно совсем не думать... Маленький Гиви укрыл мандарины.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сидели каждый на своем топчане, и оба вскочили сразу, как положено... Вытянулись. Когда я вошел. (Когда они меня в пакгаузном полумраке разглядели.) Я велел им сесть.

Один справа, другой слева — я легко выбрал место для разговора. Я сел, опершись на край их рабочего стола с их бумагами. Сел прямо на стол, опершись задницей. Непринужденно... Задавая пацанам настрой. Запросто... Так, чтобы видеть обоих — и говорить им обоим сразу.

Но сначала увидел их заплеванные ботинки. Захарканные!.. И приказно крикнул:

— Вымыть обувь!

Они чуть не наперегонки помчались в сортир. А я их ждал.

С покореженной психикой что один, что другой. Не могли почиститься, мать их!.. С водой в пакетах перебоев нет. Сортир рядом. В чем же дело?!.

Трудно таких любить. Я таких насмотрелся. Неопрятность — правда их болезни. Контуженные не бывают белыми и пушистыми. В госпитале, помню, суровая нянька давала контузикам тычки, одному за другим. Тычки и оплеухи... Еще и чертыхалась: «Потолще сосиску взять — он понимает. А если соплю с носу подобрать — он больной!..».

Почистившимся, я разрешаю им сидеть.

— Пацаны... Внимание.

Я говорю спокойно:

— На склады грядет проверка. Проверка по горючке, вас она не касается... Однако на всяк случай — вам, рядовые, лучше бы сидеть тихо. Не высовываться.

Уточняю:

— Лучше в эти день-два не выходить в столовку. Я скажу, чтобы еду вам приносили.

Молчат.

— День-два, — повторяю я.

И ставлю как бы точку:

— День-два, и отправлю вас с колонной. Уже решено.

Слышатся бухающие по ступенькам знакомые шаги. Всегда кстати... К нам спустился Крамаренко.

— Я искал вас, т-риц майор.

— Здесь я. Куда я денусь... Слушай, Крамаренко. День-два, если офицеры у нас будут высматривать и вынюхивать, пусть пацаны едят здесь. Прямо в пакгаузе. Чтоб меньше на виду.

Крамаренко кивнул — конечно!.. Он хорошо знал о моих контрах с Дубравкиным.

Алик опять за свое. Сильно заикаясь:

— А к-к-когда нас отправите в ч-часть, товарищ м-майор?

— Я же сказал — день-два... Зато майор Хворостинин... слышали?.. Из госпиталя выписался и вскоре сам поведет колонну, — подбадриваю я.

Знают, знают!.. И наконец улыбаются. Конечно же! Кто не слышал про непобедимого Хвора.

— Не дрейфь, пацаны! Во-первых, я вас здесь откормлю, — заторопился Крамаренко.

Тоже ведь подбрасывает им положительную эмоцию.

— Определи им исполнительного солдата, Крамаренко. Пусть носит еду.

— А я сам, Александр Сергеич. Я сам... С котелками туда-сюда нехитро. И меньше разговоров будет.

— Зачем же сам?.. У тебя дел полно.

— Справлюсь.

Крамаренко тут же и выскакивает из пакгауза. Быстро смотался туда-обратно... Показательно приносит им ужин.

По-свойски подбадривает. Ешьте, шизы, ешь-

те!.. Солдат ест — служба идет. Отчего солдат гладок — поел и набок... Крамаренко поставил принос на стол и быстро уходит. Бормоча свои прибаутки.

Олег мигом раскидал туда-сюда котелки. Два Алику — два себе. Ложка здесь — ложка там... Я еще не ушел, вижу его улыбку... И в котелках вижу сосиски, равно толстые! И компот, компот, солдатская радость, в термосе. Компот можно горячий!.. Кто как любит... Компоту много. Настоящий десерт!

Оба жуют, наворачивают, и их бесхитростное солдатское бытие меня успокаивает... У меня все чисто, товарищ полковник Дубравкин. Не подкопаться... Мой козырь известен. Я не продаю оружие, товарищ Дубравкин... Бензин?.. Но ведь майор Жилин бензиновый король. Всем известно. Все знают... С короля не спрашивают... Короля не прекают короной.

Дубравкин свирепствовал на зачистках и как-то второпях сжег чеченскую деревню. Старухи, дети. Обезножившие старики. (Эти мотыльки летят в огонь всегда первыми.) А факты той зачистки вдруг обнажились слишком.

Но Дубравкин, глотая черный дым своего пожара, еще и матюкался, война, мол, и есть война. Упрямылся, а не каялся — за что и под суд. Признан был виновным. Суд был достаточно громким. Не жги мотыльков!.. Обошли в награде. Хотели вовсе изгнать из армии. Уже, казалось, все решено, однако... Однако вояки нужны. А Дубравкин умел понравиться своей воинственностью. Его осуждали, но втайне симпатизировали. Он и мне одно время казался хорош.

Его лишь ограничили в боевых действиях. От-

ныне полковник Дубравкин боролся с внутриармейскими хищениями оружия. Ему не разрешалось вести бои, а его полк был специально укомплектован меньше чем наполовину. С такой вот показательно (и, надо признать, нелепо) урезанной воинской частью обозленный полковник бродил по Чечне туда-сюда.

Когда в полку вместо трех батальонов один, что за полк!.. А вот чтобы не лез в драки!.. Только в случае самообороны. Но Дубравкин все равно, конечно, лез. Он забывал про проверки. Забывал свое прямое дело. Зато при первой возможности затевал с чичами бой. Никого не слушая. Настоящий псих!.. Он был уверен, что от честной войны его отстранили враги и предатели. Враги были всюду. Теперь Дубравкин это твердо знал.

Мы с ним столкнулись, когда у вполне наших, у лояльных чеченцев он отнял бензин. Который я им с трудом доставил. Он отнял... И по телефону не оправдывался, а кричал: ты мне давно осточертел, крыса! говенный начальник!.. Поди понюхай пороху!.. Он только-только не кричал, что я предатель. Это у него в бранном ряду последнее.

Я все же подсказал воинственному истерику:

— Товарищ полковник, лучше бы бензин вернуть... Ошибка.

Но я не успел сказать, почему лучше.

— Что-ooo?!

Не успел я ему объяснить, что эти (наши) чеченцы — крестьяне, простые крестьяне... и, если лишить их бензина (и тем самым движения), они разойдутся, разбегутся по домам... Они не могут, как горные чичи, готовясь к боям, осесть на одном месте,

тренироваться, маскироваться, жить маемой солдата. Они — домой. Они — к овцам. Они — в огород.

Я не успел двух слов выговорить, как он привычно заорал:

— Что ты себе позволяешь, интендантская крыса?!

Он думал обо мне слишком просто — вор. Отнять бензин у вора — не грех!.. Он так и понимал жизнь. Он так и понимал войну. А то, что я и такие, как я, наладили распределение горючки, — для полковника Дубравкина слова пустые, пустейшие.

Меж тем армия жила рынком, раз уж не могла жить дисциплиной. Без рынка, без стоимости каждой бочки воинские части, как волки, вырывали бы горючку друг у друга.

Так что Дубравкин рано торжествовал. Я позвонил — и полковнику сверху тотчас грозно отзвонили. Верни бензин, Дубравкин!.. Он вернул. Он вернул весь бензин, до капли. Но какого же вражину я себе нажил!.. Какого недруга нажил себе майор Жилин!

Я бы поостерегся, знай уже тогда про его психику. В конце концов, плевать на пару бензовозов. Но я думал, что у Дубравкина это просто от спешки. Что заторопился, занервничал горячий вояка... Или (тоже возможно) что это вояка, ищущий в любом бизнесе выгоду... свою долю... Я не понимал, что имею дело с психом.

Отставленный от боев, Дубравкин и командованию сильно мешал. Путал карты... Своим единственным батальоном!.. Возникал, где не надо!.. Разрушал планы... Однако следует признать, он попортил крови и горным чичам, уже привыкшим к вялотекущей войне. Раза два Дубравкин неожиданно и силь-

но их взгрел, ликовал: ждал награды. Ждал, чтобы ему хотя бы вернули бывший у него прежде орден. Не вышло... Тут уж ярый полковник и вовсе уверовал, что может делать, что хочет... И что всюду враги.

— Александр Сергеич. — Крамаренко уже готовился к проверке. — Пака-корейца хорошо бы к бумагам вернуть!... А куда пацанов?

Бумаги, когда они проработаны корейцем, безупречны. Сверкают порядком!.. Загляденье!.. Даже Дубравкин не удержится при проверке и ахнет.

— Ну-ну! Обойдемся!

Помня о личнонаправленной злобе Дубравкина, я не сомневался, что полковник не станет копаться в моих бумагах и бумажонках. Не его стиль. Нагрязнеть он нагрязнет, но где-нибудь со стороны... Что-нибудь вроде нигде не учтенных «АК-47»... Что-нибудь грубо криминальное... Кто-то автоматы продал, а свалить на меня... Я знал его хватку. Тем более теперь... Теперь ситуация для него малость получшала. Прошел слушок, что вернувшийся в штаб после легкого ранения генерал Н-ов поощряет Дубравкина... Вояка ценит вояку. Это нормально!

Погиб Руслан-Рослик, который так настойчиво хотел со мной дружить... Мы отправили колонну без прикрытия в недалекий рейс. Четыре грузовика, едва заполненные бочками солярки, — всего-то! И один бензовоз, полный под завязку... Если и захватят, то без боя. Я сам провожал колонну. Этот бензовоз-гусак шел впереди. Он и надутый был, как настоящий гусак. Вел за собой птиц поменьше.

Но как только колонна оказалась вблизи гор

(только завиднелись!), трое шоферов-чеченцев передумали служить федералам. Совсем молодые!.. Надумали стремительно, в одну минуту!.. И не просто же так сбежать к Басаеву, а с солярой! С полным бензовозом!.. И конечно же, первыми вынули стволы.

Но шоферы, не хотевшие в горы, тоже успели схватить свои стволы. Переметнувшиеся битый час уговаривали верных отдать им солярку. Но никак!.. Бранились, трясли автоматами!.. По счастью, те и другие не передрались, а поделились. Два грузовика и бензовоз увели с собой переметнувшиеся, а другие две единицы отспорили и оставили себе верные. Они уже не ссорились. Это вам — это нам. И в разные стороны... Они даже пожали друг другу руки.

Рослик был сопровождавшим от наших складов, и ему бы тоже вернуться назад. Но у него идея! Пока колонна делилась надвое, Рослик успел позвонить мне по мобильному. Он предупредил, что он уйдет с чеченцами, с перебежчиками. Он пойдет, чтобы узнать, где и у кого поименно осядет солярка. Затем он вернется и доложит мне... а уж я, то бишь Сашик, то бишь майор Жилин, как-нибудь свое требует!.. Разве нет?!

Опасно, но голос Рослика по телефону звенел. Он, кажется, был горд, что ситуация осложнилась и что он нашел выход. И ведь, как-никак, он уже в деле!

Половина машин, с бензовозом во главе, свернув, поползла прямым ходом в горы. Рослик с ними... Переметнувшиеся уходили горной дорогой быстро и вдохновенно. Удалось!

Но только-только они порадовались. А в небе над ними уже зависла пара «сушек».

Если в горы, прячась, уходит без сопровождения горючка, федеральным летчикам не надо приказа. Ни даже подсказки... Ясное дело! Зачем подпитывать Басаева?.. Тем более бензовоз! Явно краденый... Ату его! «Су-25» атакуют легко.

Два грузовика и бензовоз были сожжены за две с лишним минуты. Настоящее адское пламя... Температура взорвавшейся ракеты класса «воздух — земля» сама по себе не так уж высока. Зато в струе газа, возникающего на две-три секунды после разрыва, запредельна...

Я впрыгнул в свой джип, захватил Руслана — мы примчались на черное место... Сразу, торопясь, примчались, но смотреть было нечего. Даже грузовики сгорели в ноль, в ничто. Людей тем более не собрать... Вместо людей лежали вразброс невнятные обгорелые куски. То ли дерева. То ли куски неких животных... Окурки, говорят боевики. Настоящие окурки войны... Один из этих окурков хотел быть другом майору Жилину. И я не мог узнать, который.

Я знал не менее полусотни погибших, кому я еще вчера пожимал руку при встрече. Кому смотрел глаза в глаза... Смерть на войне — всегда гадина, и все мысли у нее про тебя. Но при этом смерть с умыслом дразнит тебя чужой смертью. Тебе кажется, что чужой.

Со временем мой шаг сделался тих, как сама тишина. Я мог бы ходить по складам, закрыв или завязав глаза... Особенно по ступенькам пакгаузов. Шаг складского начальника.

Полумрак складов при таком шаге засасывается напрямую в меня изо всех углов — в мои артерии, в

сердце... в мозги... в мышцы ног. Это профессиональное... Складской человек обязан слышать мышшей раньше, чем мышцы его.

Я легко различил голоса пацанов. Их разговор о ефрейторе Снегире.

Затем неразборчивое бу-бу-бу.

Я колебался, зайти ли к ним. Только убедиться, что у них все спокойно. Для этого достаточно прислушаться... Стоя у двери... Или, может, зайти к ним, заглянуть?.. На минуту.

Я уже было толкнул дверь, но тут они заговорили про меня... Ага!

— ... Ждет колонну.

— Ни фига он не ждет.

— Нам не выбраться, пока майор не поможет.

— Н-не хочет он н-нам помогать. П-почему?.. Не знаю. Меня тошнит, когда этот старый м-мудак говорит мне «сынок»...

«Старый мудак» меня задело, но без обиды.

Не понравилось?! Я только усмехнулся... Дети... Для подросших детей такой выпад обычен. Кто из отцов для них не старый мудак?

— Все здесь не так. И этот пакгауз его мудацкий!.. И ложка его мудацкая!

Алик взорвался. Я услышал легкий звон. Он, видно, швырнул ложку куда-то в угол... С ненавистью!.. Солдатская подружка. Легкая алюминиевая ложка.

— Ямой пугает! Зинданом!.. Что он знает о яме?! Да мы и так у него в рабах — в этой вонючей темной яме сидим!

Алик вопил в сторону двери, словно знал, что я здесь и рядом.

Но я сдержал себя... Возможно, его солнечные

зайчики. Не дающие покоя его глазам... Большой пациент.

Олег успокаивал, такой рассудительный:

— Как только Хворостинин поведет колонну, сразу и мы... Майор нас отправит. Майор Жилин правильный мужик.

— Крутит он... Сколько раз он нас надувал. Завтра, завтра! день-два!.. И опять завтра!

Олежка повторил:

— Он правильный мужик. И он твои деньги взял.

— И что?

— У него семья. Значит, деньги для него важно...

Деньги не просто так.

Алик фыркнул:

— Деньги?.. Для него сотня долларов не деньги...

Они здесь такими тысячами ворочают! Они думают, солдатня ни хера не понимает, кроме как пожрать... А мы понимаем!.. Мы еще как понимаем! Я даже не знаю, зачем он взял мою зеленую бумажку... Подтереться!

Олежка:

— Я щас дам тебе воды...

— Подтереться ему было нечем!.. Вот и взял!

Даже стоя за дверью, я слышал, как его трясло... Топчан дергался по линолеуму... И характерно, что Алик почти не заикался. Лихорадочная тряска тела поглощала тряску речи. Он, видно, повалился на постель... Его било. Как в ознобе.

Олежка дал ему воды. Но тот только колотил зубами о стакан... Разлил, как я понял, воду на постель.

— Не ругай меня за в-воду. Рука дернулась...

— Не ругаю.

— Я, Олежка, д-думаю... Почему во мне такая слабина? Почему я так нелепо болен?.. Какой я сол-

дат!.. Почему я стал никаким пацаном и всякое говно надо мной смеется?

Олег, вероятно, вспомнил, как он сам совсем недавно вытягивался и отдавал честь при мысли о приближающемся офицере.

— А я?.. Я такой же.

— Когда просыпаюсь, слышу допрашивающие меня голоса. И еще эта желтая гнусь... осколками лезет... в глаза.

— А я?.. Я, чуть что, орал про долг и всякое такое... Но теперь мы в порядке. Мы получше.

— Ты мне не ответил?

— Что я не ответил?

— Про говно. Почему говно надо мной смеется, если я обычный контуженный?

— Потому что они говно, Алик.

— Да?.. Правда?

Алик засмеялся. Нервный, но слегка успокаивающий себя самого смех... Дрожь, похоже, его уже не била.

Они помолчали.

Олег сказал:

— Давай я чай сварганю.

— Давай... И давай о ребятах. О наших.

Я знал, у них завелась такая игра. Такая развлекуха в конце дня, расслабляющая нервишки в скуке пакгауза.

— ...И как пацаны нас ждут и как нам обрадуются. Они же считают нас по гибшими... Олежка! У тебя же такая память... Давай... У тебя память! Начинай.

Олежка, задумавшись, почесал переносицу. (Я так и видел этот узнаваемый солдатский жест.)

— С кого?

— С кого хочешь?.. Наших храпунов кто в казарме лечил?

— Петраков... Подкрадывался к храпящему, но всегда, шутничок, не со своей, а с чьей-то подушкой. Затыкал лицо... и смывался.

— Не. Не... Петраков не прикольный... А вот Генка!.. Он бил в ладоши, как из пушки. А сержант Сучок?.. Его приколы не забыл?.. Засранцы, смирна!.. Кто спал плохо ночью?.. Повторяю: КТО... ПЛОХО... СПАЛ НОЧЬЮ?.. Ты и ты?.. Значит, ты и ты маловато вчера работали. Значит, сегодня — вперед!

— А Васек, помнишь?.. четырнадцать чихов!

Они в игру играли...

Как раз Васька, вернувшись в свою часть, они, быть может, не увидят... Как знать! С жуткой раной валялся их Васек... Когда их колонну громили в ущелье чичи. Но, может, прикольный Васек и уцелел, а значит, это их Петраков там лежал... Лежал среди стихающей стрельбы и рот открывал... Как рыба.

Пусть играют, подумал я... Васек, может, и правда, остался жив. Жив и ждет их в родной воинской части. И еще как засмеется Васек, их обоих, вернувшихся, увидев... И вдруг подзывает к себе... Машет рукой: сюда, сюда, пацаны! И, лицом посерьезнев, начинает свои знаменитые чихи... РАЗ...

Чихает Васек, а солдатня вокруг слушает, замерев, как одно общее ухо. И с какого-то чиха все вместе в голос подхватывают счет ...ВОСЕМЬ... ДЕВЯТЬ... Давай-давай! Васек в упоении. Васек, кажется, идет на побитие рекорда... ДЕСЯТЬ... все солдаты уже орут... уже хором... ОДИННАДЦАТЬ!.. ДВЕНАДЦАТЬ!

Я и не заметил, как озлился. Не на них озлился — на самого себя.

— Крамаренко!

— Я, т-рищ майор.

— Этих двоих отправляем завтра же. С колонной Зимина.

— Но Зимин идет только чуть дальше Сержень-Юрта. Это полпути, т-рищ майор.

— Это две трети пути. А дальше сами... Ножками. Доберутся!.. Определи их в машину, что с соляркой, которую мы сержень-юртовским задолжали... Пусть оба в кабинку к шоферу.

— Так точно.

— Скажешь им утром... Прямо перед посадкой. Разбуди... И еще это... ну, как же! Не забудь!.. Выдай утром этому Евскому и этому Алабину их сраные автоматы.

Черта ли мне эти два придурка. Что еще за муки души!.. В колонну их. В кабинку к шоферу. И полный вперед, пацаны... Ну, убьют при атаке. Ну, добьют после атаки. Это если им обоим не повезет. Но ведь иногда везет...

Эти пацанчики так спешат определиться. Этот Евский!.. Зато ему ничего, скажем, солнечного в чеченской яме не будет. Темно будет. Никаких желтых осколков, ни оранжевых. Наконец пацан кое-что поймет о майоре Жилине. Но уже на дне ямы... И чтоб глубокая.

Я, видно, рассвирепел. Но мысль не остывала... Отправить завтра же! Они все равно вот-вот оба сбегут... Лучше я их сам отправлю... Так точно! Они мне осточертели. Избавлюсь от них... Глупцы, мать их!

Завтра как раз колонна, поведет Зимин... Отлично... До Сержень-Юрта и дальше... Не Хворь, ко-

нечно. Совсем не Хворь... Но мне в ту минуту было и на копейку их не жаль. Стольких уже убили. Двумя будет больше.

Зимин середнячок, но ведь вся война на середнячках! Завтрашняя колонна — это как раз. Маленькая и скромно охраняемая... Конфетка для засады... На броню, впрочем, будут омовцы. Опытные... Так что и не вовсе беззащитные будут мои пацаны. Да хрена ли мне, бензинщику!.. А что такого?.. Из Ханкалы выберутся. За Сержень-Юрт уедут. А дальше — не моя забота.

Отлично помню Зимина, готового вести колонну.

Он стоял тогда возле бензовоза. Месяц назад... И ни одного БТРа. Один-единственный танк.

— Прикрытие с воздуха будет? — спросил я. Зимин только засмеялся:

— Пока, Саша!

Капитанишка, готовый ко всему. Малый чин! Настоящий солдат... Знающий, что, попади он в засаду, никто ему не поможет.

Краешек луны выглянул из-под тучи. Освещал.

Я как раз нацелился пойти на полянку и позвонить жене, но поймал себя на том, что думаю не о моих родных, не о нас... Не о дочке и жене, а об этих шизоидных пацанах... в ненадежной колонне Зимина. Я боялся за них. Я вдруг с удивлением осознал, что сердце мое располовинилось. Разделилось... Надо же! Я столько же думал о чужих, сколько о родных. «Так нельзя, майор», — ругнул я себя.

Возможно, это здешняя чеченская необходимость. Чтобы кого-то живого жалеть не на расстоянии, а чтоб рядом. Чтоб под рукой... Пусть!.. Отправлю пацанов — заведу собачонку.

Однако, проходя мимо пакгаузов, я уже передумал наново:

— Крамаренко, — я окликнул его. — Не буди с утра пацанов... Я погорячился насчет завтра — насчет колонны Зимина.

— Я так и понял, т-риш майор.
Я был зол на них. Но недолго.

И наконец позвонил жене. Просто так позвонил. Без повода... Если забыть про деньги.

Глядел на луну и набирал номер... Как там живет-поживает, как строится моя женка?

— Все нормально, Саша... Скучаем.

Сказала, что второй этаж надстроили полностью. Стены буквально выросли. А балки так свежо пахнут деревом!.. А веранду все-таки на северную сторону... Чтобы тень. Ну да, да, — летом там будет тень.

— Как школа?

Это я о дочке спросил.

— Учится.

То есть в другую школу дочка пока что не перевелась. А мы хотели для дочки хорошую школу. По возможности... В этом городишке, что на берегу называемой большой реки, школу следовало выбирать придирчиво и внимательно — школы здесь плоховаты.

Я в свой черед думал, как ей сказать, что ситуация выправляется. Что Хворь вот-вот в работе... И что деньги у меня собрались, сбились в очередную кучку. И что на днях я ей отправлю... И она может продолжить строить хозблок.

Я еще не придумал, как начать, чтобы не сразу. И чтобы не впрямую про отправляемые деньги... Но жена великолепно меня чувствовала.

- Я поняла, Саша.
- Все налаживается.
- Поняла.
- Кое-что сумею.
- Поняла.
- На днях.

Она подтвердила. Повторила с улыбкой:

- Я все-все-все поняла, Саша.

Пусть так... Я дал отбой.

Мы понимали с полуслова. Мобильная связь — чудо. Когда с полуслова.

На моей сонно-лунной поляне тихо. Отгороженное боярышником... Вот ведь местечко на земле!.. Я еще посидел на скамье. Когда вот так остро ощущаешь себя живым, полноценно и стопроцентно живым, хочется благодарить... Кого?

Счастливые минуты опасны. И поэтому (из осторожности) мнится иной раз пуля... Как только уединишься... Как только счастливо уединишься, мнится снай-перок! И что пуля снайпера шлепнет тебя здесь, а не где-то... Чмок!.. Ну, уж нет. Я хмыкнул. Бабушка не позволит... Бабушка занята не мной.

Дубравкин нагрязнул с хитрецей, с подковыкой — не на живые склады, а на стройку — на мой строящийся Внешний склад. Это ясно! На стройке дефектов больше... И там у меня как раз пришли по делу чеченцы. По счастью, чеченцы уж точно были наши, воюющие за нас. С заботой! Прикупить топливного мазута... Но Дубравкину все чеченцы — это чеченцы. А продажа — всегда продажа!

Дубравкин нагрязнул на двух машинах. Он и еще четверо вооруженных ворвались на недострой по

черной лестнице. Мы с чеченцами прервали разговор... Что это на нас обрушилось? Почему с черного хода?

Под ногами бегущих грохотали деревянные мостки.

Стиль Дубравкина... Он, едва вбежав, прямо ко мне. С обвинением сразу и без отговорок:

— Каждая десятая бочка!.. Каждая десятая!.. Вот где ты прокололся, сука! Конец тебе!

Он размахивал рукой, тыча в меня пальцем. А четверо его людей с автоматами наизготовку.

Кто-то стукнул ему насчет «десятой» бочки. Подшепнули. Насчет моей доли. Это известный мой навар, если я в срок и точно поставляю горючку... А Дубравкину слуха достаточно! Шепотка достаточно! И доказывать больше ничего не надо... Он примчался уже арестовать. По законам войны.

В такую минуту жизнь копейка. Он кричал про трибунал, но они бы не довезли до трибунала — я бы здания трибунала даже издали не увидел. При малейшем осложнении на дороге — пуля мне. Его стиль! Сначала Дубравкин напал бы на выдвинувшихся где-нибудь в зеленке чичей... Ввязался бы в бой, а я... а я был бы расстрелян по ходу дела. По ходу боя. Как бы взятый вместе с чичами. За невозможностью успеть рассмотреть. Ух, как он меня ненавидел.

Он, полковник, должен терпеть от какого-то майоришки. От бензинщика! Облизывать делягу?.. Даже генералы этого Жилина терпят, но он, полковник Дубравкин, терпеть не станет! Первая же пуля! И выбросить его по дороге... И чтоб ночным зверушкам... Чтоб объели... А все честные вояки вперед, вперед! Бить чичей!

Дубравкин слишком спешил... Он был эффектен, в полной форме полковника, не в камуфляже. Он прямо ворвался. Всех на прицел!.. Взять... Схватить.

Чеченцы кучкой забились в угол, выставив автоматы. Ну, эти за так жизнь не отдадут... Хотя и лояльные, они насторожились. Они никак не думали, что облава только из-за меня. Они думали о себе. У одного чеченца зубы стучали. Клацали. Прямо бой часов... Второй чеченец даже шикнул на него... Тот заткнулся. А потом опять заклацал.

Чеченцы могли с перепуга вдруг устроить ненужную пальбу, и Дубравкин все отлично понимал... Однако же и спасовать он, полковник, одетый по полной форме, тоже не мог.

Он продемонстрировал, что он проводит краткую ревизию стройки. Проверяльщик!.. Оглядел вяло растущие стены... Мусор... Битые кирпичи.

— Строишь? — спросил.

— Так точно, товарищ полковник.

Ответил, как положено.

— А эти кто? — спросил. — Они к тебе?.. За чем явились?

— За мазутом. Они мирные. Из Грозного... Надо же задабривать их. Политика, вы сами знаете...

Дубравкин смотрел прямо в их выставленные дула. Одно из дул смело тронул, отвел ладонью. Не знал, к чему еще придраться. Про их автоматы — ни слова. Глазом не моргнул. Чеченцы, мол, и есть чеченцы... Полковник не хотел сейчас просто так, впустую, орать. Сохранил лицо.

Стоял.

— Ладно, — сказал. — Поживи еще денек, май-

ор. Поживи... Завтра-после-завтра, однако, жди меня с ордером на арест.

И добавил:

— Может, застрелишься, майор?.. Честь спасешь.

Уходя, посмотрел выразительно. Все сказал... В его глазах я уже труп... Завтра приедут и заберут делягу Жилина. Барыгу Жилина... С ордером приедут, подписанным генералом Н-овым... С целым взводом сопровождения.

Ушел. Ушли и его люди... Погромыхали вновь ногами по черной лестнице. И тут же зарычали их моторы... Уехали, как и приехали, двумя джипами.

Один из чеченцев бросился ко мне.

— Са-ашик. Са-ашик... Он тебя уделает, Сашик.

— Не уделает.

— Убей его первым, Аллахом прошу... Сашик!..

Богом единым, если хочешь, прошу.

Но я — майор Жилин, только и всего. Я на Кавказе.

А холодом обдало — вот, мол, оно как! Нежданно-негаданно меня отодвинуло на самый край... Ну, Бабушка, придется еще разок глянуть тебе прямо в лицо.

— Тебя никто не спасет! — вопил чеченец.

Спас случай.

В этот же день Дубравкин атаковал — напал на спустившийся с гор чеченский отряд... Зачем?.. А просто из злости. Эти чичи, очень возможно (у Дубравкина все легко увязывалось!), сползли с гор на своих тощих жопах, чтобы подыскать себе машины... А заправятся они, купив бензин у этого деляги Жилина, — хрена вам!.. Больше вы ничего у него не купите. Жилин труп... Да и вам, чичи, я сегодня задам!

Дубравкин так создан. Фанатика словно бы кто торопит. Проходя со своим полуполком неконтролируемый клин зеленки, Дубравкин заметил там чеченцев. Спускаются с гор... И как компактно!.. Он должен был о чичах немедленно сообщить по начальству. Вместо этого он только похехекал, отказала, мол, рация... Ах, как плохо, когда рация отказывает!.. После чего с пылу с жару чичей атаковал.

Можно сказать, и сослепу... Потому что боевиков было многовато. Но не мог Дубравкин удержаться. У него задержалась левая ягодица, как всегда перед жарким делом. Хотелось! И надо отдать полковнику должное — профи, он дело знал. Он знал, что эти боевики хороши в засаде. В атаке хороши!.. Голодные, зазябшие, в заношенной и подванивающей одежде, они мечтают сами напасть... и под крики «Аллах акбар!» стрелять, бить, крушить, жечь. Чтобы так или иначе поиметь оружие! продовольствие! и славу!.. Они прекрасны были бы сейчас в атаке.

Однако, проделавшие трудный спуск с гор и будучи сами атакованы, голодные боевики не могли быть стойки. И они начали разворот. Заторопились уйти в горы, чтобы там выждать. Или чтобы поискать с гор другой сход вниз — другой, более сытый и спокойный спуск.

Вояка Дубравкин тут же ситуацией разворота воспользовался. Как можно упустить хрестоматийный шанс!.. Отступать чичам назад, в гору по тропе, трудно. Всем никак не успеть... Дубравкин разделил своих на два отряда, менее батальона каждый. По полсотни солдат, совсем ничего... Разделил и велел быстро обойти врага и справа, и слева. И отре-

зять замешкавшуюся часть отступающих от гор. Обычный двусторонний обход, переходящий в охват!.. Классика.

Скорое нападение оказалось удачным... Уже через час полковник Дубравкин, покуривая сигарету и молча, смотрел на движущихся к нему с поднятыми руками чеченцев... Первая партия... Десятка полтора... Вместо того чтобы, как обычно, рывкнуть: «Пленных не брать!..» — вместо этого Дубравкин сладко затянулся сигаретным дымом. Ему хотелось молчать. И он сделал только какой-то невнятный взмах властной полковничьей рукой... Жест... Который мог быть прочитан как «Пусть пленные подойдут поближе!» — и чичи подошли. Все таким же мелким-мелким шагом и с поднятыми руками. Впереди было трое.

У одного из этих троих упали штаны... брюки осели до самой обуви. До ужасно грязных ботинок... На чиче оказались длинные неряшливые трусы, зато на поясном ремешке опрятный, предельно чистый складной «АК-74». (Одна из модификаций семьдесят четвертого года.) Новенький... Нарядно сверкающий на солнце.

Никто не успел... Чеченец передернул автомат на грудь и очередь полоснул, почти не глядя. Однако же имея в виду ту группку, среди которой Дубравкин. Он только в полковника и попал, прежде чем его самого изрешетили... Двумя или тремя пулями попал. В грудь... Полковник Дубравкин умер не сразу... Его положили на носилки и чуть ли не бегом понесли. Он уже бредил... В бреду он бился с врагами. И скрежетал зубами по поводу солярки, проданной кому-то на сторону майором Жилиным. Всюду враги, мать их! — выкрикивал он.

Для отправки колонны в сторону Ведено эти дни были нехороши, пасмурны. А ущелья с опасным туманом. Но я, как барометр. Я почувствовал, угадал день.

Помимо чутья, подсказка — мой человек, снабженец с продуктовой базы, проболтался, что вместе с пополнением под Ведено отправится некий чин (он не знает точно, какой...). Возможно, инспекция. Давненько под Ведено чины не бывали!

Мой снабженец не мог без сплетни. Ведь если чин, если важный, кто же поведет колонну, как не Хворь... И вот поторопили нашего непобедимого. Прямо из постели теплой выдернули!.. Готовь колонну!.. Хворю, говорят, было с этим вызовом не в кайф... Нет, нет! Представь себе, не медсестра... Врач... У нее квартирка в Грозном. Его слава все растет. Ему теперь подавай врачей. Блондинка, очень приметная... жаль, в очках.

Раз в колонне чин, ни бензин, ни соляру к боевым машинам цеплять не станут. Это ясно. Переждем.

Пальцем я слепо ткнул в мобильник, и — чудо — Хворь тотчас подсоединился. Но ограничился короткими фразами.

— Саша, не могу говорить про завтра. Про пацанов решено... Ты ведь знаешь, как и где.

И отбой. Но мне вполне хватило. *Завтра... Про пацанов решено...* Он все сказал.

Как — значит, колонну он будет перестраивать сам. Где — значит, перестраивать ее Хворь будет уже на выезде, в часе езды отсюда... В открытом поле... Чтобы машинам (боевым и грузовым) не кучиться и не толкаться бортами среди домишек.

Из обычной колонны, перестраивая ее машины,

Хворь будет делать свою... будет лепить боевую колонну. Ноу-хау Хворостинина. Мне в это не вникать. Я только помню, что в случае нападения в узком ущелье *эти* проскочат сколько можно быстро, мгновенно, а *эти, в хвосте*, изобразив разбег, вдруг растянутся, удлинят колонну, станут ползти медленно, обстреливая и срезая под корень ближние кусты, как бритвой.

Перестройка колонны займет поутру десять минут. Ну, пусть семь-восемь. Для меня достаточно... За эти семь-восемь я вполне успеваю включить в колонну своих. (С разрешения Хворя, конечно.) Успеваю втиснуть пацанов хотя бы на БТР, на броню... Что мы не раз и делали — с людьми, с грузом.

Хворь с колонной выйдет из Грозного рано-рано утром. А мне (с пацанами) надо встать еще раньше. Затемно.

Завтра.

Отправить деньги жене — это сегодня. Это в Грозном.

Меж тем, поглядывая на карту-двухверстку Чечни, я прикидывал путь моих контузиков — путь колонны, которая по возможности доставит пацанов напрямиком к своим.

Из их воинской части за номером 12069 был уже давний запрос-заказ по складам на снайперские патроны. Трассеры у них (сказали) есть, а вот снайпера скучают. Один бы им ящик снайперских, и жизнь уже куда веселее!

Так что я только соединил — их пожелание и мой интерес. Заодно!.. Меня даже в пот слегка бросило. Отлично придумано, майор! — похвалил я себя.

Колонна, едва разгрузившись под Ведено, сде-

лает (на обратном пути) маленький крюк. Крючок в неполных двадцать км — чепуха для боевых машин! — по грунтовке. Колонна проскочит эту давно скучавшую в/ч за номером 12069... почти не останавливаясь... ну, на пять минут... ну, просто так остановятся... почти на бегу!.. ящичек давно просимых снайперских патронов... сбросят там патроны... ну, а еще на бонус... еще и презент для в/ч в виде двух их собственных, когда-то пропавших без вести солдатиков (отлично, а?..). Прибыли, вот они! Ура! Ура!

И, конечно, обоих там комиссуют.

А может, их даже оставят в части. Солдатики нужны... Если бы рядовой Ев-ский ссался, а не слезы лил — тут бы на него орали! Комиссовать, мол, хочешь, сука! Всех завонял!.. Тут бы и врачиска нос сунул в сторону нервного срыва... А если просто льет слезу? Только из левого?.. Так пусть утрет-ся... Что им наши слезы!.. Крамаренко!

— Я, т-рищ майор!

— Ты помнишь?.. У нас на складе коробка где-то была с патронами для снайперов. Завалялась где-то.

— Не завалялась, Александр Сергеич... Обижаете... Коробка на своем месте.

Пятиэтажка, где встреча, отвратительна. Рядом с руинами... Рядом с парой грозненских пятиэтажек, совсем уж страшных... Но мне не до эстетики. Дело!.. Я шел по адресу, где меня ждала благодарная солдатская мать. Дело, куда более важное для меня, чем сожженный бензовоз и чем окаменевший Горный Ахмет... С выставленной, как огромная фигура, из машины рукой.

Деньги за Ахмета получены. Расчет полный. Ру-

ку не распрямить. (Ахметов-ская фи́га останется и в земле, когда вояку закопают.)

Полгода назад эта женщина, солдатская мать по имени Женя, не смогла мне заплатить. Не получилось. А сынок вырученный — уже дома, уже рядом, это главное. Она теперь могла запросто меня кинуть. Вычеркнуть... Выбросить из памяти. Одним лохом больше — небеса это стерпят!.. Но она вернулась в свое родное Зауралье и собирала, копила, откладывала. Все эти семь или чуть больше месяцев.

Сын, выкупленный с моей помощью у чичей, уже жил-был с матерью рядом, уже полгода дома, сыт и в тепле, — чего же еще?! Но вот ведь приехала. Привезла деньги. И саму себя тоже.

«Саму себя», по-видимому, тоже входило в оплату, она так считала. На войне, мол, нестерпимо хотят женщину. Потому и приехала она свежей, можно сказать, цветущей женщиной — только-только сорокалетней!.. А не задерганной замухрышкой, какой она (отчасти с умыслом) была здесь... На грязных чеченских дорогах... Она знала, что сейчас она видная. Она даже торопилась... Раньше, чем деньги... Отдать себя. Ей казалось, что так благороднее. «Деньги — навоз», — с тихой патетикой шепнула она мне, мужчине. Сияя глазами... Конечно, негромко... С учетом стен пятиэтажки. Как бы за стеной ее не услышали. За чужой стеной деньги могли значить другое.

Однако майор Жилин предпочел сначала именно этот «навоз», то есть предпочел о деньгах.

Спокойно и доходчиво я объяснил ей прозу войны — здесь, на войне, майору Жилину деньги ни к чему. Убьют — пропали. Так что деньги, платеж за

сына, пусть останутся у нее... У солдатской матери по имени Женя... И плюс, я протянул пачку, еще тринадцать тысяч пусть также останутся у нее. Майору Жилину надо, чтобы она, по возвращении домой, отправила эти деньги его жене. Итого в сумме пятнадцать, кругленько, не правда ли?! Через Сбербанк отправить... Без всяких там выгод... Напрямую... Вот на этот счет.

Перевести в рубли — и отправить моей жене. Если вдруг спросят, что за деньги — долг! Просто должок. И никаких объяснений больше... Как там Сбер-банки в их зауральском городишке?.. работают? нормально?.. Вот и отлично. Я не взял с нее никакой расписки. Майор Жилин всегда так делал. Я о расписке даже не заикнулся. Женщина не подведет... Это твердо. Это, как ночью звезды над головой... Ни одна солдатская мать ни разу не подвела... Еще не было случая.

В грозненской пятиэтажке, как я понял, мы сейчас встретились у некоей придурковатой бабульки. Бабульку солдатская мама, разумеется, на время выпроводила... Ради встречи... Бабульку выпроводить непросто, русских в Грозном мало. Куда она ее дела?.. Неважно.

В квартирке все прибрано. Чисто. Цветы на столе. Хотя и не белая, свежая цветная скатерка. Бутылка с вином... И вообще в воздухе что-то забытое... Что-то от встречи Нового года... Хотя лето. Конечно, я все понял. Солдатская мать сама хочет благодарить, и потому ее душа поет и ее *это* носится в воздухе. *Это* висит уже на пороге. Когда женщина себя самое оформляет как подарок, дарение разом меняет ее. Красит ее. Возвышает ее... Ну и тебя заодно.

После первого беглого поцелуя на пороге — она снова и снова тянулась к моим губам. Но я деликатно притормаживал. Заговорил:

— Вижу, вижу... Рада... Ждала... Я тоже рад. Но есть особая просьба... Я хочу... чтобы ты мне сделала одно дело.

Она жарко задышала. Заулыбалась. И — вся щедрость — сказала:

— Сделаю. Сделаю... Все, что захочешь.

И, взяв за руку, повела к откровенно застеленной постели.

А я, поняв ее невольную ошибку, ее вновь приостановил.

Я сказал:

— Сначала все-таки дело... Повторяй за мной.

Я говорил:

— Переправить деньги жене... Когда будешь в России. Сразу же.

Она повторяла:

— *Переправить деньги жене... Когда буду в России... Сразу же!..* Поняла! Поняла!

Откровенно застеленная постель была ей нужнее, чем мне. Не по физиологии — по долгу. Слишком много ее предшествующих размышлений и волнений было вложено в наш нынешний вечер. Полгода!.. Она же готовилась. Она же была уверена, что я жду и хочу.

Женщина часто думает, что ее ждут больше, чем приносимых ею благ. Она именно так думала, так помнила, откладывая дома доллар за долларом.

Она знала, как это будет. И бабульку вон выставить... И квартирку празднично прибрать. И постель... И встретить майора Жилина на пороге — губы в губы... Мысленно она уже все это сделала.

Сделала все-все-все-все, что майору взбредет в голову. Уже сделала. Уже позади. Уже в прошлом... Так что, откажись сейчас майор Жилин, ее бы расстроило, обидело бы. Одни только салфетки на столе, чистейшие, сверкающие белизной, кричали бы мне сейчас о незаслуженной женской обиде. А скатерть! А вино!..

Сто лет не был с женщиной... В постели я трогал ее осторожно. Так осторожно, что мне даже удавалось представить, что я с женой. Я закрывал глаза. В полумраке это легко. Вдруг — и удавалось. Я трогал пальцами ее соски... Я играл с невидимым. Эта игра ничуть не мешала основному мужскому делу. Соски то опадали, то вздыбливались. И я забывался... Обманывая себя все больше. А она подсказала, что я могу немного покусать их. Легонько. Если хочу...

Трель звонка в постели неожиданна. Когда уже в постели... Война!.. Голый, дернувшийся, я все-таки удачно сунул руку в ком своей сброшенной одежды и сразу нашел... Мобильник, вот он!.. Крамаренко.

Крамаренко свое знает. Говорит, что коробка со снайперскими патронами наготове... Все в порядке. Пацаны тоже в порядке, легли спать... Все нормально.

— Не задерживайтесь слишком. Всех делов не переделать... Вам тоже надо поспать, т-рищ майор.

Я, видно, среагировал на телефон. Поостыл... Перебил сам себя. Но теперь в постели заволновалась, задержалась женщина. Решила, что я уже уйду... Что звонок был тревожный. Она стала благодарить и прощаться.

Это было немного странно. Это было сверх... Она набросилась на меня. Голая на голого... «Бог

вас наградит! За вашу заботу о нас!.. О наших мальчиках!» Она бурно целовала меня. Она захлебывалась слезами. Я хотел освободиться. Отстранился... Я почти отбивался... Лавина нежностей. Я был оглушен. Весь в жиге ее слез. Даже растерян слегка... И думая, что ей мало, что маловато (на автопилоте о чем еще подумает мужчина в такую минуту?), я озабочился о хорошей добавке на прощанье, но нет, нет!.. Она, кажется, даже не заметила мой новый наезд.

— Бог обережет вас от вражьей пули. За наши слезы... За наших мальчиков! — повторяла она своей захлебывающейся скороговоркой. Целовала и благодарила. Обслюнявила нежно. Со всех сторон... Снова залила слезами. Если бы могла, она бы вывернулась наизнанку. Какая-то ненормальная!..

Бросилась надевать мне носки. Согнулась... И все время там, внизу, целовала колени, ноги... Трясущимися руками подавала мне одежду. И всхлипывала. В ее всхлипах, в ее святых слюнях и слезах сквозила какая-то тяжелая, пугающая женская простота... Мать.

Вернувшись поздно, я шел спать. Но вдруг толкнуло с ними проститься. Завтра с утра уже некогда — уже будет скорей, скорей!.. Это завтра уже унесет война. Не до прощанья, когда они оба будут топтаться и подпрыгивать, перед тем как влезть на ревущий БТР.

Хотя бы просто глянуть, как сопит Алик... Как мотает головой Олег... Я вошел в пакгауз совсем тихо. Маленькая складская ночная лампа... Тени застывшие. Чернота углов... Алик спал без слез, это я

сразу увидел. Спал блаженно. Глаза закрыты досуха, иссушил свой левый. Все ли выплакал, бедный?

Я скользнул глазом по их ботинкам на полу. Ага! Почистились!

Единственным звуком в притихшем пакгаузе слышалось знакомое — шорк-шорк!.. шорк-шорк!.. Голова рядового Алабина работала ночами, как автомат. Туда-сюда. Я подошел ближе. Стоял около него с замороженной улыбкой... Возле лба Олега заметил мокрое пятно... Это его голова так намолотилась. До пота!

Такое не забудешь... Хотя бы памятью звука. Но ведь я и зашел к ним, чтобы что-то попомнить. Шорк-шорк!.. шорк-шорк!..

Чувство тепла расплзлось у сердца. Я постоял еще. Затем мягкой ладонью все-таки придержал бьющуюся голову пацана. Остановил маятник.

— Поспи, — велел ему шепотом. — Поспи спокойно.

Я вдруг подумал, что сейчас я не хочу перемен. Не хочу, чтобы что-то менялось. Более того — я хочу, чтобы все застыло... Чтобы само время здесь стало по стойке «смир-рно!». И замерло. И тогда, мол, больные пацаны уж точно будут при мне... всегда... рядом и в безопасности.

Смешно, но теперь я пугался, что они уедут... Что уедут и исчезнут тем самым навсегда. Не о том речь, что их убьют... Их не убьют... Их свои уж как-нибудь оберегут и пристроят... Но для меня, для майора Жилина, оба исчезнут... Уедут... Как-нибудь они кончат эту войну... Где-то там, вдалеке, они повзрослеют, потом постареют. Полысеют... Но для меня их уже не будет. Как только уедут завтра с колонной.

Их уже нет. Я, если вести счет, видел их здесь мало, поразительно мало — в день пять, ну, десять минут... Ни Алика не будет с его трепетным заиканием. Ни Олега... Я их уже потерял. Их уже нет. Без следа... Эта сука, жизнь!.. Я уже терял близких людей... Они исчезли, как исчезают в нас сны — простецкие наши сны. Исчезли невозстановимо. И ничего не осталось... Во мне — ничего.

Когда-нибудь и я для кого-то исчезну. Вот так же горько уйду... Просто уйду... С последним неуверенным смешком. И кто-то, может быть, скажет, даже попросит в последнюю минуту: «Не уходи, майор Жилин. Не уходи... Не двигйся... Застынь здесь навсегда».

И попытается схватить меня за руку... За рябую ткань камуфляжа.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я поруливаю, и мой козелок-джип знай мчит по ночной дороге. Ночь крепкая!.. Фары вполсилы... Оба контузика на заднем сиденье. Подпрыгивают на неровностях дороги. Каждый в обнимку со своим автоматом. (В обнимку с надеждой!.. Наконец-то. Дождались.) Их боевые «АК» при них — как залог. Подтверждение, что теперь-то наверняка путь к своим.

А как жадно, едва проснувшись, они схватили принесенные Крамаренкой эти свои стволы!

По знакомым буграм я чувствую, уже узнаю землю под колесами. Слышу по шороху шин. Мой джип тоже все знает... Каждый бугор... Еще на чуть проезжаю вперед. Я за рулем мог бы найти эту пядь земли с закрытыми глазами.

Вот оно!.. Здесь Хворь будет утрясать колонну... Мои фары уже высветили (высвечивают!) знакомо покореженную землю. Следы бронетехники, не один раз совершавшей здесь маневр перестраивания... повороты и развороты... Я притормаживаю. Пядь земли... Ага! Приехали!

Фары бледным светом красят место, где я разойдусь наконец со своими контузиками... Проводы — уже формальность. Я молчу. (Уже вчера с ними простился.)

И как раз джип тряхнуло... На последней рытвине.

— Олег! — рядовой Евский, вскрикнув, толкает сидящего рядом рядового Алабина. — Олег!..

— А-а, — откликается тот, полуспящий.

Слышу, как оба жуют какие-то припасенные сухари. Оба в полудреме, однако уже хрустят. Молодцы! Вот это — уже солдаты.

Ждем. Я не знаю, вывел ли минута в минуту Хворостинин колонну из Грозного... Вывел... Наверняка... Но сейчас с ним уже не переговоришь. Мобильники вырублены. Никакой утечки. Грозненская сегодняшняя колонна прямо-таки супер-пупер. Топ-сикрет... Кого-то они там везут. Какую-то шишку, которая решила (после изрядного перерыва) взглянуть на Ведено... Чин!.. Не дай бог, подстрелят.

Ждем.

Колонна должна быть здесь через... уже через пять минут. А огней не видно... Где? Где огни колонны? — спрашиваю я сам себя, впрочем, пока что спокойно. Спрашиваю, смотря во тьму.

Пусто... Темно... Пролетел вертолет... Еще один.

Я вышел из машины, чтобы оглядеться. Пацаны остались в джипе... Сидят молча.

Я не волнуюсь. Дело-то самое обычное — посадить двух пацанов, закинуть их на какой-нибудь БТР... и пусть протрясут на броне все свое дерьмо... Еду, проглоченную вчера и позавчера. Все, что так вкусно елось!.. И пусть контузики мчат на крутой броне, не слезая, вплоть до своей воинской части.

Делаю круги возле машины. Круг никогда не кончается. Тем и хорош. Вкруговую ходить и ждать легче.

Но мать их!.. Уже пять минут опоздания сверх.

Десять минут сверх...

Ага! — дежурный в штабе берет трубку, едва я позвонил. Но голос холодный... Да, грозненцы задерживаются. Да, уже вышли из города... Да, от вас недалеко... Но остановились.

— Почему?

Тут трубку мягко отключили. Отбой. Я, стоя в бледном свете фар, тычу пальцем в мобильник. Звоню... Сначала звоню впустую в по-ночному омертвевший штаб. Затем впустую Хворостинину в его колонну, застывшую где-то в километре от меня... И почему-то потушившую огни.

Есть такое правило: если колонна по непонятной причине стала, ты тоже замри... Никому не дергаться. И ждать.

Оглядываясь на джип, вижу, как встревожившийся Алик (чуткий!) бьет сидящего рядом дружка в плечо — не спи, Олег! Не спи!

Надо бы поговорить с ними, — я подхожу к джипу поближе. Но о чем говорить?.. Удивительно!.. Говорить мне с ними, в сущности, не о чем. Уже про-

стились. Можно считать, пацаны уже уехали... Их нет.

Их нет, однако они здесь.

Звоню.

— Минут десять стоят. Всей колонной, — откликается наконец штабист. — Что-то выясняют... Не могу сказать больше, майор. Да, да, Хворостинин там... Без выяснения они никуда не двинутся — это ясно.

Я пытаюсь разузнать о колонне... Я должен быть в курсе. Я отправляю с этой колонной двух контуженных солдат.

— Мы вас знаем, майор Жилин. Уважаем... Все в порядке. Но ведь у нас тоже есть свои приказы, правда?

Такой уверенный у штабиста голос. Ясный. Ни разу не матюкнулся... Н-да... Хворь, если бы сам по себе, рванул бы, конечно, колонну вперед. Повел бы... Но там чин... Хворь, конечно, злится. Неужели колонну развернут? И вся ночь ушла на пустые сборы, такое бывает!

Но все-таки... что-то стряслось у грозненцев. Не знаю, что... Колонна стоит в темноте и по-тихому, притаенно рычит?.. С погашенными огнями... И приказа на возврат нет... Почему?

Я вышагиваю, натаптывая круги возле джипа. Фары немислимо бледные! В каждом обходе я снова и снова попадаю в этот бледный, хилый свет. (Должно быть, майор Жилин сейчас, как мотылек возле долго гаснущей свечки.)

Голоса из джипа. Левая дверь моей машины приоткрыта... Обрывки фраз.

— ...Теперь скоро...

— ...Ждать и догонять... Сам знаю...

— ... А поспи!..

Я подхожу чуть ближе. Послушать их.

— ... Нам все обрадуются.

— Еще как!

— Надо, Алик, появиться как раз перед обедом.

Ух, пацаны обрадуются.

— И начнут вопить — давай-давай! В столовку!..
Пожрете!

— И будут за столом сажать с собой рядом...

— И орать — еще две порции! Кашу!.. Компот!

Им хоть бы что. Ожидание вгоняет их в остаточное детство. Опять в свою игру... Про то, как их там встретят свои... Свои пацаны. В родной воинской части.

Пусть: Может, им так ждать легче.

Заметив, что я приблизился, оба солдата на заднем сиденье смолкли. Спугнутые... Замерли... Прижав автоматы к груди... Это потискивание автомата у молодых солдат получается невольно, само собой. Рефлекторное движение. Жмутся к оружию, как к мамке.

А куда, собственно, им спешить?.. То-то весело опять стать солдатом!

Но некое накипавшее во мне досадное чувство вмиг испарилось. Я увидел вдали огни колонны. Зажглись!

Это были они. Приближались... Характерные огни боевых машин. Растянутые в строгую линию... Однако, стоп! Непонятно, почему... Но машины снова остановились — теперь уже с огнями, видные.

Уже близко, в полукилометре... Но движения нет. Притормозили. Так и не подойдя к нам — к условленному месту, где перестраивать колонну.

И опять в темноте неба вертолеты.

В полукилометре, никак не больше! Колонна застыла... Что же там такое?

Вновь встревожившись, я тычу пальцем в мобильник... Ни колонна, ни штабисты. Никто не отвечает... Ни слова... Мне только и слышна болтовня в моем джипе. Эти оба — опять о своем.

— ... Пацаны будут требовать с нас принос!

— Необязательно.

— Будут, будут!.. Забыл, Олежка?! Если кто откуда-то возвращается, будь добр, выверни карманы... И что-нибудь дай, выложь для всех.

— А где мы возьмем бутылку, если придем с колонной?

— В том-то и дело!

Чуть-чуть светало, и заодно с сереньким тусклым светом оттуда же пришла тревога. С востока... С той боковой проселочной дороги, что плавно переходит в грозненскую.

А вот и причина... Вот оно что!

На проселке стоит замершая чеченская колонна. Еле видная... Но уже различимая. (Нет, не боевая... Боевых колонн, то есть с бронетехникой, у чеченцев уже давно нет. Их просто не существует.)

Но все-таки это чеченцы.

Для вертолетчиков с высоты (с их приборами ночного видения) движущаяся с огнями чеченская колонна была бы куда понятнее, чем странная колонна, остановившаяся среди ночи. Да еще затаившаяся на самом перекрестке с погашенными фарами!.. Да еще вблизи условленного места... назначенного для всех нас только-только вчера.

Поэтому стоп!.. Вертолетчики сверху дали знать,

и грозненская колонна Хворя тотчас приостановилась.

Но теперь непонятно другое: почему чеченцы замерли на видном, на самом открытом здесь месте? Ясно, что это не засада. С потушенными огнями... Чеченцы могли бы съехать в кусты. Если уж прятаться!.. И ведь стоят. Открыто!.. Именно этой нелогикой они, видимо, и повергли в недоумение непугливых, но служивых вертолетчиков.

Опыт... Вот! Опыт подсказал. Подсказал мне ответ простой, простейший!.. Я вдруг хищно осознал, что я сейчас опытнее, бывалее и Хворостинина, и всех остальных.

Опытнее и тех, что стоят в колонне. И тех, что висят в вертолетах в воздухе. Это ж не боевая ситуация... Это ж мое. Это все мое... Они не знают, а я знаю. Я на сто процентов знаю... Смешно!.. У чеченцев просто-напросто *кончился бензин*. У них кончился бензин, и они не могут ехать. *Король знает свое королевство*.

Чеченская колонна наверняка набита стариками и бабами с их мешками-сумками. Всегда куда-то едут... Два-три грузовика... А в основном их старенькие, полудохлые «жигуленки».

Я, впрочем, увидел там, у чеченцев, вроде как огонек. На полсекунды... Промельк.

— Товарищ майор...

Такой промельк бывает сам собой, когда долго пялишься глазом в кромешную тьму.

— Товарищ майор, — Олег все-таки выставил голову из машины. — Все идет правильно?.. Мы ждем?

Ждем.

Машин десять... Одиннадцать!.. Застывшая, за-

мершая на ночь чеченская колонна, оставшаяся без горючего... Вот они... Когда едут в Грозный продать-купить, они боятся всякого встречного. Боятся проверок... Но больше всего боятся, конечно, вертолетов. Вот почему, завязшие в ночи, они погасили фары. Притаились на ночь! Инстинктивно. (Страшнее неба ничего нет... Даже если ты не виновен... В этом мы все одинаковы. Все мы люди и боимся небес. Даже если небо тихое. Даже если небо твое.)

Мысль, как именно разрулить ситуацию, уже пришла. Опыт как-никак!.. Но мысль пришла слишком быстро. (Значит, выждать...) И потому я продолжал рефлекторное движение. Кружил возле моего джипа с пацанами. Мял ногами траву. Нужна была пауза.

Мне нужна была пауза и капля утреннего света, чтобы чеченцы меня разглядели, когда я к ним сунусь. Когда я к ним подойду... Чуть более светло. Вот в чем момент!.. Чтобы меня разглядели и, даст бог, узнали.

Я сделаю это. Майор Жилин сделает.

Когда в рисковом деле, мое «я» отступает. Я вижу себя со стороны... Уже не я, а майор Жилин кружил, мял ногами траву. Трава стояла высокая... Пучками.

Потянуть время... Рука майора Жилина сама собой нащупала мобильник. (Я вдруг взял мобильник... Был легкий толчок в сердце.)

— Чего не спишь, женка?

Она сразу и легко ответила:

— У нас утро. Уже семь... Да и спала плохо. Ночь вся в дырах. Нет-нет и просыпаюсь... А ты чего не спишь?

Майор Жилин засмеялся:

— Я в деле.

— И ночью в деле?

Майор опять легко засмеялся:

— Бизнес.

Майор заторопился:

— Ты знаешь. Я часто вижу тебя... Склонилась над всякими деловыми бумажонками. Губы поджаты... Лицо строгое... Вижу тебя разную.

— Не надо, — перебила она. — Не надо... Я сейчас плакать буду.

— Ладно. Все. Точка... Но то, что я вижу тебя в профиль, — могу я сказать?.. Что ты сидишь за столом и куда-то смотришь. Голова приподнята... Куда-то далеко смотришь.

Она всхлипнула:

— Я часто смотрю в окно.

Майор Жилин засмеялся:

— А не смотри часто.

Отбой... Теперь пора к делу... Я легко впрыгнул в джип, легко и рванул его с места.

Попрыгав по рытвинам, джип-козелок выскочил на дорогу.

Я добавил газу, и теперь чеченцы, что в колонне, видели, как по открытому утреннему пространству мчит мой джип — мчит прямо на них. Машина наезжала с разгона и без малейших сомнений. (При наезде на чеченцев нельзя колебаться.)

Зато внутри машины все мои движения были нарочито замедленны. Без эмоций. И обоим солдатам (они на заднем сиденье) я объяснил медленно и спокойно. «Пацаны... Не дергаться. Все тихо... Едем к чичам. Автоматы в окно дулом не выставлять». (Газу все прибавляя, я посматривал на пацанов в зеркальце.)

Оба уже сами видели, что едем к чеченской колонне. Алик, бедняга, побелел. Но Олег — нормально... Только гонял желваки.

В чеченской колонне произошло ответное движение. Как только завидели летящий на них джип... Небольшая перестройка. Из середины мирной чеченской колонны выполз не совсем мирный грузовик. (Еле выполз. Бензина мало...) Едва выдвинувшись вперед, грузовик встал в голове колонны.

Впрочем, обычная охрана. Грузовик старался показать себя во всей красе. В кузове, держась за шоферскую кабинку, стояли напоказ три бородастых чича. С автоматами.

Плюс — на крыше этой шоферской кабинки был пристроен их пулемет. Он целил дулом прямо в мчащийся джип. Дуло пулемета было как некий прожектор... Направленный... Но пока что без света.

И вот свет хлынул. Брызгающим огнем... Очередь... Пули взрыли перед джипом дорогу. Но я проехал еще сколько-то. (Тоже важно. Ехать и ехать после первых пуль.)

Чеченцы видели, что майор Жилин остановил свою машину от их колонны метрах в сорока. Так остановил, чтобы идти майору Жилину к их колонне недолго. Чтобы не томить ожиданием. Еще разок сказав ребятам: «Пацаны... Все спокойно. На лицах радость», — майор Жилин выбрался из джипа и уже шел к чеченцам. (Один я шел по дороге. Пеший... Один на дороге — это всегда просторно.)

Конечно, пистолет на ремне. Однако автомата у майора Жилина ни в руках, ни на плече. Чеченцы это отсутствие видят хорошо и даже с расстояния очень хорошо прочитывают.

И вот — узнали. Ага!.. Один из бородачей с гру-

зовика заорал в ржавый рупор. Не то закаркал, не то закашлял в хрипатую древнюю трубу:

— Сашик? Асан Сергеич... Ты?

Я махнул рукой — я!.. Это я!.. Кто еще к вам, полуночным засранцам, придет на помощь. Кто придет вам помочь и вас выручить... без автомата.

Бородач отбросил рупор и спрыгнул на землю прямо через борт грузовика. Мне навстречу... Легко спрыгнул... Лет тридцати. Он майора Жилина знал. А вот майор Жилин его не помнил.

Но, конечно, я сразу же ответно протянул чеченцу руку... После крепкого рукопожатия речь чеченца словно взорвалась. Колонна их здесь случайно! Нелепость! Нечаянность! Клянусь!.. Поверишь ли, Асан Сергеич, какая глупая нестыковка!.. В колонне кончился бензин. Ни капли... Должен был на полпути подойти бензовоз посредников. Бензовоз проплачен! Честно проплачен! А его все нет!.. Ехали, как могли. Ползли. Делились бензином. Сливали друг другу из баков... И здесь, когда уже поворачивали на Грозный... полный стоп!..

— Вот, Асан Сергеич, — обернувшись, бородач ткнул пальцем. — Вот... Смотри на него! Любуйся!

Из «жигуленка» выбрался чеченец самого жалкого вида. Идет к нам. Жаль-чье на свете не бывает — чеченец, которого кинули!.. Развели с бензином... Бедолага.

Лучше бы ему умереть!.. Посредник бел лицом. Его трясло. Притом что чеченец этот был подчеркнуто хорошо, цивильно одет — в костюме в полоску и при галстукке... Галстук делал его совсем жалким.

Он стоял передо мной, перед майором Жилиным. И не смел протянуть мне руку.

— Я не знал. Я не сообщник... Клянусь, я не знал...

Меня обманули, май ор... Так же кинули, как и всю колонну.

Я и бородач обменялись взглядами: да?... да!.. было похоже на правду.

Всякий знает, что главный посредник — встречный. Тот, что не встретил колонну, не привез бензин. Тот, что их кинул. Вот только где он, обманщик?... С него уже не возьмешь. Во всяком случае, не сегодня.

А с этой обманутой гниды-посредника взять и вовсе нечего. Даже если отпилить ему башку... Отрезать. Даже если слить из его горла в бак все, что оттуда вытечет. На его жалкой жидкой крови машины не пойдут... даже дребезжащие «жигуленки», привычные ко всякому... не заведутся.

— Кто встречный? — спросил я.

— Абусалим... Урус-мартановский.

Я покачал головой. Имя ничего не говорило. Да и кто скажет такому лоху свое правильное имя.

Майор Жилин и бородач заново поглядели друг другу в глаза. Ну, что?! Подошел еще один бородач-охранник.

Громи-ила!.. Я тут же припомнил его лицо. Как же, как же! Крутой! Когда-то даже был в розыске. Но посмирнел, помягчел... Теперь только в охране. Работает только своим грозным видом. Автомат в его огромной руке был, как детская игрушка.

Первый, главный бородач с этим громилой тоже меж собой переглянулись... Игра пошла.

Из недвижимых машин тем временем повылезали старики. Размять кости. Узнать, что нового. Подошли. Обступили... И само собой, чтобы вблизи посмотреть на уважаемого майора Жилина.

Меж тем майора Жилина эта типичная среди-

дорожная толчея не тревожила. Ничуть! Майор чувствовал себя великолепно в подобной неразберихе. Во-первых, он сразу же и запросто находил в толпе знаконца. Майор Жилин словно вытаскивал старикашку из кучи... Хлопал его дружески по плечу: привет!.. Старик, и впрямь, припоминал майора. Улыбался беззубо. Что-то блеял... Майор Жилин ему тоже улыбался. Во враждебной толпе это умение обняться со стариком-чеченцем каждый раз казалось чудом. Радостным чудом... И все они вокруг сразу оживлялись. Чеченцы любят отвагу, припахивающую кровью.

В дряхлых «жигуленках» уже пооткрывались скрипучие окна... Женщины смотрели оттуда. Горянки! В пол-лица натянув по-восточному косынку на лоб, однако же смотрели... Почти закрыв глаза... Но с любопытством. Женщины... Старики... Да и дети тоже... Нет-нет и стреляя в сторону майора глазами. То там, то здесь меж собой шушукались, сообщая интересную новость. Негромким шепотом: «Асан...» — «Асан...» — «Это Асан...».

Был здесь и майором, и просто Александр Сергеевичем, и Сашиком был, а вот уже Асан. На вершине, можно сказать, кавказской славы, а?.. — подумалось майору. Пустячок, разумеется, однако о пустячке майору Жилину думалось приятно. (Не скрою, мне было приятно.)

Вынув из кармана не пистолет, а мобильник, майор Жилин улыбнулся бородачу... И громиле. (Тот делал грозные гримасы куда-то в сторону.) И, ничуть не таясь, открыто майор позвонил Крамаренке: «Пригони, дорогой мой Крамаренко, бензовоз на тот пятачок. Прямо к чеченской колонне... Ты ее сразу увидишь».

— А вы уже там, т-рищ майор?

— Я?.. Я уже там.

Один бензовоз на складе всегда полный, наготове, а Крамаренко понимает майора Жилина с полуслова... В бензовоз он посадит быстро соображающего ефрейтора Снегиря. На случай.

— Мигом, Александр Сергеич... А я рядом со Снегирем, так?

— Нет... На случай сядь в старенький джип. И держись от бензовоза на дистанции... А то спалят и бензовоз, и тебя.

Крамаренко засмеялся:

— Не спалят... Я мигом.

Чеченцы обступили погуще. Старики знай улыбались. Старики хотели, чтобы майор каждого из них похлопал по плечу. И желательно, чтобы каждого обнял... Слепой старик протискивался все ближе. Активный! Он ворочал бельмами, задирая глаза куда-то высоко. Возможно, он думал, что майор вверху. Что Асан медленно спускается сейчас с неба. Спустится и обнимет бельмастого... Все они скромно и тихо ждали... Зато подскочивший пацаненок смело и дерзко дергал майора Жилина за рукав. И одновременно грыз большое яблоко. И смотрел на майора воинственно. Сопля, а может, слюна у мальчика свисала до подбородка.

Но всего больше сладкой слюны было сейчас в лице посредника. Он лепетал майору Жилину что-то умильное. И бесконечно благодарное. Он, мол, помощь майора век не забудет. Еще бы!.. Всего три минуты назад кинутый посредник думал, что за брошенную без бензина в ночи колонну ему оторвут яйца... Винясь и благодаря, дергаясь, он вдруг пере-

ходил на чеченский язык — и снова на русский. И трясущимися руками все поправлял галстук.

И тут майор Жилин сказал, что обычно:

— Пятьсот долларов. Полкуска.

Сразу двое, нет, трое чеченцев невольно вскрикнули. Это как удар. И прежде всех завопил главный бородач — откуда здесь такие деньги? Что за цена такая?..

Но ведь это был нормальный вскрик для начала торга.

Бородач уже не смотрел на майора Жилина другом. Глаза, как угли. Черные!.. Только так глаза бойца и увидишь. А ведь он и майор только-только, минутой назад, меж собой переглядывались с пониманием. Громила с автоматом тоже лез к майору поближе. Не говорил пока, но сдавленно рычал.

Все всколыхнулись. И даже жалкий кинутый посредник, еще слюни не подобрав, что-то вякал — откуда, мол, взять деньги?

Его майор Жилин и взял за лацкан:

— Откуда?.. А сколько зеленых в кармане твоего пиджака?.. Отвечай быстро... Быстро! А то обыщем!

— Три... Триста. Но рублями.

— Ну вот!.. Значит, уже триста наличными есть. Значит, с колонны в одиннадцать машин всего-то двести долларов.

— Сволочь, Сашик! — бородач сплюнул зло под ноги. Но брань на Востоке тоже входит в торговлю.

— Ты застрял посреди дороги. Ты или я?.. Так что ты, командир, сволочи здесь себя самого. Это правильнее будет... — майор Жилин смотрел строго.

Майор Жилин слегка зевнул:

— Ты еще молод, командир... Двести долларов с

застрявшей колонны?! Кого хочешь спроси!.. Бензин у меня 92-й! Из лучших! Не ваше разливное самодельное говно... И плюс — никуда не ехать, в очереди не стоять — зальем вам баки сами, с подвозом!.. Мало?

Майор торговался холодно. Майору не нужна их жалкая рублевая мелочовка, но она нужна Асану. Плевать на их гроши... Но, не возьми майор сейчас с них деньги, они бы не только удивились, но и насторожились бы. Они бы перестали Асана уважать и бояться. Кто этого не знает!

Только дрогни, и приставят нож к кадыку. Со зла прошьют автоматной очередью. (Я бы валялся сейчас вон там... На обочине... В траве. Старики бы стояли и смотрели, как стекленеют человеческие глаза. А пацан бы грыз свое яблоко и между делом сплевывал мертвому майору на грудь мелкой кислой слюной.)

Торг состоялся. Бородач кивнул — мол, лады, Сашик. Сговорились... Мир...

Двадцатка долларов с машины (а в машине пятеро, а то и набились шестеро) как оплата коллективного билета за проезд... Мир... Мир... И чуткие чудесные чеченские старики заулыбались, показывая майору свои розовые десны.

Зато горой надвинулся на майора громила с автоматом! Потому что он-то не отыграл свой контакт и свой козырь в торге — прямую угрозу смертью. Контакт пришелся в области живота... дуло автомата тыкало майору Жилину в диафрагму... Прохладное с ночи дуло... И чич еще показывал, чуть вывернув автомат, — показывал майору свой корявый палец, что прямо на крючке, — вот, мол! Секунда, мол!

— Убью, г-г-гад!

Но торг был кончен, и майор Жилин засмеялся:

— Не убьешь.

— Убью!

— Не убьешь, а пойдешь сейчас собирать деньги. Сам... С каждого. Машина за машиной, понял?

И майор Жилин заново кивнул главному бородачу — мол, пойми — мол, жалкому посреднику со сбившимся галстуком роли сейчас уже нет. Ему, обосравшемуся, и рубля теперь в колонне никто не даст. А у этого громилы с автоматом рожа для поборов подходящая.

И бородач кивнул — согласен.

А громила запоздало и с обидой взвизгнул... Так взвизгнул, что холодок по коже. «Ну?.. Ну?.. Ну, убей меня, чич. Убей!» — и майор пер ребрами прямо на его холодное дуло. И не майор Жилин, а чич заколебался, боясь, что сейчас невольно вдруг выстрелит. Автомат в его могучей руке дрожал, как в лихорадке.

Ну, стреляй... И что будет, если убьешь Сашу Асана?.. А вот что: колонна без горючки останется стоять, как подставленная. Как распятая на открытой дороге... Среди бела дня.

— Иди ищи деньги. Не можешь меня убить — ищи деньги!

И чич пошел. Куда надо пошел — к колонне.

С каждой машины майор заставил его брать хотя бы малую мзду. Громила в прошлом, мясник, клейма ставить негде (имя его и на чеченцев нагоняло страх), однако Сашик Асан заставил его идти с протянутой рукой и собирать деньги. Откуда у стариков зеленые?.. Рублями, конечно.

По курсу, конечно, добавил с улыбкой Сашик и

тут же сказал, что будет звонить вертолетчикам. Надо же им сказать — с добрым утром!.. Блеф, конечно. Связи с небом у майора сегодня не было. И чич даже догадывался, что блеф... Однако же пошел. И не пошел, а побежал, заторопился — и скакал теперь там от машины к машине, оживляя дорожную пыль.

И всем стало понятно. И на душе хорошо... Старики, пожав майору Жилину руку, пошли к своим. Каждый к своей машине... Женщины в «жигуленках» развязывали узелки. Или искали рукой у себя на грудях. Вынимали рубли... Громила-чич чуть было не выронил уже собранную кучку, автомат мешал, бил под локоть... В основном вынимали по червонцу. Вели счет. Одна женщина вызвалась помогать сбору денег. Красивая.

Оба солдата находились всего-то в сорока-пятидесяти метрах от торга и от головной машины чеченской колонны. Сидели в джипе. Насторожившийся Олег нет-нет и стискивал автомат. Гладил рожок... Он видел, как громадный чич сунул майору Жилину под ребро черное дуло.

Зато Алик сейчас мало что видел. Он вдохновенно рассуждал о будущей встрече. Его мысль парила высоко:

— И еще как пацаны обрадуются... Требовать с нас приноса мог бы сразу только Гусь... Слышь, Олег!.. А Гуся убили.

— Знаю.

— Когда чичи долбали нашу колонну. Еще в самом-самом начале... Гуся убили первым. Я еще вспомнил сержанта... Сержант предупреждал: жадебу в бою пуля найдет одним из первых.

Олег напряженно смотрел в окно на чеченскую колонну и на длящийся торг. Он нехотя бросил товарищу:

— Сержанта тоже убили среди первых.

— Но он тоже был немного жлоб... Олег!.. Нам все обрадуются. Еще как!.. Еще как! — Алик захлебывался счастливыми словами. — И надо что-нибудь для всех... Для пацанов... Какой-нибудь крутой жрачки и выпивки. Олег!.. Мы что-нибудь купим этакое... и чтоб они все, увидев нас, взревели!

Кареглазые пацаненки вырывали шланг друг у друга. Они повыскакивали из машин там и тут... Детские сердчишки чувствуют рассосавшуюся тревогу... С великим удовольствием всовывая тонкий нос шланга в бак, следили за струей дорогого бензина. 92-й! Они и о качестве знали!

Бензовоз, пулей примчавший из Ханкалы, теперь показательно медленно переползал вдоль чеченской колонны. От машины к машине. Рулил Снегирев... Крамаренко на стареньком джипе передвигался параллельно бензовозу, но не по дороге... По траве... Держась на расстоянии. Свое дело знает!.. Кто бы, если не он! — думал майор Жилин, своими людьми в эту минуту довольный.

И самим собой был доволен майор, возвращаясь к джипу. Еще бы!.. Развязал узел! Грозненская колонна, везущая, помимо пополнения и боеприпасов, некоего чина, может теперь смело выступить. Вертолетчики, всевидящие сверху, уже дали Хворю знать, что пустяки, застряла чеченская бытовая колонна... Что запроваляются. Что майор Жилин прислал им срочно бензовоз... И что, заправившись, че-

ченцы вот-вот слиняют с дороги. (Чин тоже может быть спокоен. Еще поживет.)

Майор Жилин шел энергично, и земля под ногами была теперь податлива. Упругая, но податливая при нашем успехе земля!.. Сзади за майором бежал с деньгами чеченец. Горе-посредник в хорошем пиджаке. Еще как бежал!.. Со сбившимся, пляшущим на плече галстуком... Этот больше всех ликовал. Ком денег!.. Такой вот удачей кончился его постыдный провал!

Он нес отдавать собранные деньги — нес в обеих руках, бережно и чутко, и с улыбкой, — словно бы нес пересаживать кому-то свое счастливое сердце.

Подходя к джипу, майор Жилин уже проглядывал сквозь лобовое окно их лица. Два бледных пятна. У Алика лицо совсем белое!.. Ничего-ничего. Его скоро комиссуют. Его-то уж наверняка. И домой. А мама в Питере его откормит.

Чеченец-посредник нагнал майора как раз у джипа, и в машину они сели вместе — майор Жилин за руль, чеченец рядом. На переднем сиденье... Чеченец (с деньгами! и на переднем сиденье!) уже опять почувствовал себя настоящим посредником. Вполне!.. Как-никак сделали дело! Чеченец даже потряс деньгами, собранными для майора, потряс несколько торжественно — вот, мол!

Пока он радовался и сиял лицом, майор Жилин газанул. Заждавшаяся машина рванула. Майор тоже улыбался... Поруливая, он оглянулся на заднее сиденье — ну? Как вы тут, пацаны?

И увидел белое лицо Алика. Его дикие большие

глаза... Чего или кого пацан испугался? Жалкого чича?

И направленный автомат... И тут же очередь... Майор Жилин не сразу даже понял.

Майор Жилин не сразу понял, а уже получил две пули в бок — остаток автоматной очереди... Майор сидел, полуобернувшись. Сразу две пули... Основная очередь была чеченцу-посреднику. Четыре-пять пуль... Не меньше!

А разогнавшийся джип, после стрельбы дернувшись вправо, летел в канаву, что у дороги.

Майор Жилин еще успел ударить по тормозам. Но машина все равно косо ухнула в ямину. Там еще пень. С жутковатым хр-р-ряским звуком... Капот свернуло набок. Правая дверца нараспах... С грохотом и боем... Мертвый посредник вывалился из накренившейся машины. Так и сжимал пачку денег. Так и не расплатился за бензин, бедняга.

Но и майор от него недалеко отстал. Две пули были что надо. На убой. Правда, майор Жилин не вывалился из машины, одна рука на руле. Майор Жилин трогал свои пробитые с правого бока ребра... Кровь... Ладонь вся в крови. Пятно большое. И расплзлось пятно быстро, сразу... И тут только майор Жилин заорал, весь в гневе:

— Шиз долбанный!.. Спятил! Ты же убил меня, дурачок стриженный!.. Чего ты напугался?!.. Этой сраной пачки денег?.. Я... Ради вас!.. Я такую колонну раз — рулил... Я... Я...

Майор Жилин стал хватать ртом воздух. Смолк. Надо поберечь силы... Крамаренко сейчас будет звонить.

Оба солдата онемели. Так и сидели на заднем си-

денье... Тоже заметно накренившем... Они оба даже не сильно ушиблись. Олег запоздало схватил рукой автомат Алика. Держал дулом вниз... Но поздно. Алик уже отстрелялся.

Белый лицом, Алик только смотрел и смотрел на майора Жилина. Широко раскрыв глаза.

А Жилин повторял уже негромко, уже без брани. Уже тихо:

— Ну, дурак... Ну, дурак стриженный.

Зазвонил мобильный... Крамаренко... Это значит, бензовоз сделал свое дело. Напоенная лучшим бензином чеченская колонна уже тронулась в обход, освобождая дорогу грозненским БТрам.

Майор Жилин осторожно держал липкую трубку. Рука в крови. Говорил майор совсем негромко:

— Дуй сюда быстро. Меня подстрелили.

Берёг силы. Темное пятно на правом боку расплзлось... Крамаренко вопил в трубку... Как?.. Как это?.. Кто?!

Майор Жилин, немного подумав, пожалел пацанов:

— Крамаренко... Нас обстреляли...

— Кто?!

— Какая разница. Прямо по ходу... Машина угроблена.

Тут майор Жилин выронил мобильник. Уже неважно... Себе на колени выронил... Но мобильник и дальше заскользил сам собой. Съехал куда-то на пол машины. Уже неважно. В груди появилась боль.

Теперь только ждать.

Пацаны так и сидят, примолкшие... Понятно... Жилин видел их обоих только в зеркальце, повернуть к ним голову, шевельнуться он от боли не мог.

Ага!.. Старенький джип летит-пылит... За ним еще одна легковая машина. Это кто же?

Крамаренко тормознул, выскочил из джипа. Лицо его было растерянно. Но он и секунды не потерял. Руки делали дело... Он осторожно вынимал майора Жилина из побитой машины. Можно сказать, извлекал.

— А вы чего окаменели? — прикрикнул он на обоих солдат. — Дверцу не заклинило? Нет?.. Вылезьте — и быстро оба ко мне в джип. На заднее!

Сам он продолжал бережно извлекать майора из изуродованной машины. Не задел... Не зацепил об углы... Так на руки и взял. И понес к старенькому джипу.

За его заботой настороженно наблюдали подъехавшие следом на своей машине чеченцы. Три старика и молодой водила. Они во все глаза смотрели, как вынимают из побитой машины Асана... Какая широкая, сильная у Асана грудь, вся в кровище... Это интересно!.. Рассказать, что Асан ранен... Может быть, убит... Война — интересное дело. Вообще-то чеченцы сюда подъехали, чтобы забрать своего посредника, когда он расплатится с майором... Но, увидев, что посредник мертв, они замерли. Не хотели никак быть замешаны.

Их посредник лежал на земле, вывалившись из машины. Они видели рядом с ним деньги. Деньги тоже валялись... Но от денег старики решительно отвернулись. Уже не их деньги. Взять эти деньги — разгневать майора... Раненый Асан все равно Асан.

Крамаренко пристроил майора Жилина рядом с собой, на переднем сиденье.

— Александр Сергеич, мы успеем!.. Александр

Сергеич!.. Ты держись. Ты цепляйся за жизнь... Рана — это рана, а ты — это ты... Цепляйся! держись!

Он гнал джип к пяточку. К той пяди земли, куда со стороны Грозного уже подходила колонна Хворя.

— И с пацанами в порядке. Успел!.. Слышь, Александр Сергеич. Шестой борт у них... Я с Хворем пообщался, по договоренности. С Хворостинным.

Крамаренко на секунду оглянулся на солдат:

— Слышь, ребятки. Шестой борт... Ваш борт — шесть!

Он зажевывал сползавшие с усов слезы. Мысль его металась туда-сюда... Он вполне видел, какова рана. В Ханкалу майора уже не довезти. Но в том-то и дело, что есть же врач в грозненской колонне. Колонна на подходе... Вот она... Как раз у Хворя в колонне всегда хороший врач. Врача бы ссадить, а колонна бы пусть уходит... Осмотрит врач рану прямо здесь... Отдаст ли врача Хворь?.. Отдаст... Они дружны.

— Александр Сергеич, держись — ты думай. Ты о чем-нибудь думай!

Майор Жилин думал о жене, о дочке очень легко и светло. Но вставшее перед его глазами некое облако было еще светлее. Большое светлое облако манило его. И было понятно, что майору Жилину там, где облако, будет еще легче... Он сам войдет в это облако. Туда вход мягкий. Только не дергаться...

— А-алик, — прерывисто позвал майор. — Д-денежка.

Майор Жилин хотел сказать, что у него в карманчике камуфляжа сотенная долларовая бумажка. Та самая... Он ее приготовил в дорогу... Пусть

Алик возьмет... Денежка в дороге не лишняя, как говорила мать Алика, пряча эту сотенную сыну в карман.

Однако сил сказать все это у майора Жилина не было. Он не успевал. Чтобы сказать, нужны были целые предложения. А умирающий не дышит так ровно.

— М-м, — дернулся непонятый майор Жилин.

Рядовой Евский уже пришел в себя.

— Т-т-товарищ майор... К-как же. Т-т-товарищ майор... — бормотал Алик.

Майор Жилин закрыл глаза. Большое белое облако манило его с новой, уверенной силой... Теперь близко.

Грозненская колонна уже перестраивалась, когда джип Крамаренки подскочил к пяточку.

Крамаренко спешил. Время на минуты!.. Прежде всего избавиться от обоих солдат.

— Пацаны! Быстро, быстро!.. Счастливо!.. Там все схвачено! Улажено!.. Шестой борт!.. Шестой!

Крамаренко кричал им, уже выпрыгнувшим из джипа и уже бегущим к колонне... Сам при этом тыкал пальцем в мобильник... Узнать поскорее, в какой машине врач. Но трубку не брали.

Крамаренко оторвал взгляд от молчащего мобильного и увидел, что делать уже ничего не надо. Голова Александра Сергеича свесилась... Самому себе на плечо... Майор Жилин умер.

Крамаренко поправил ему голову. И теперь смотрел в поле... И смотрел на дорогу, где собиралась в пружину полная энергии колонна Хворя.

Крамаренко закрыл дверцу джипа. Чтобы отгородиться и немного побыть с майором Жилиным

вдвоем. И чтобы не пускать к телу майора нагревавшийся утренний воздух.

Он и окна закрыл. Грохот маневрирующих машин стал сильно тише. Почти беззвучен... Спешить некуда.

Он видел, как оба солдата, Олег впереди, Алик за ним, сначала бежали вдоль колонны. Автоматы болтались, били их по спине... Солдатня с БТРов и с танков весело зазывала их. Махали руками. Давай, давай к нам!

Но Олег и Алик уже видели свой шестой борт. Закричали. Им протянули с брони руки... Одновременно обоим... С помощью крепких рук оба как бы взлетели на боевую машину, на броню — солдаты к солдатам.

Еще и еще подергались туда-сюда боевые машины. Потанцевали! И вот уплотнившаяся колонна поползла вперед. Скорость нарастала... Машина за машиной. Дернулся, рванул вперед и шестой борт.

Крамаренко малость очнулся. «Что, Александр Сергеич, — проговорил он. — Поедем и мы. Поедем по-тихому, а?..» И Крамаренко тронул джип на разворот.

Крамаренко вяло рулил. Он глотал слезы. Неспешно ехал и неотрывно смотрел вперед. «Вон там... Во!.. Смотри, Александр Сергеич. В последний разок посмотри на эту нашу дорогу...»

Мертвый майор Жилин сидел с открытыми глазами. Дорога и точно стелилась под колеса джипа сама. «Посмотри на тот лесок... На эти зассатые солдатами горы. Красиво?.. — разговаривал с ним Крамаренко. — Еще как красиво. А толку ноль?..»

Смотри, Александр Сергеич. В последний раз смотри... Я медленно еду... Спешить некуда».

Столь же медленно он проехал мимо майорского джипа, сбившегося набок и уткнувшего изуродованный нос в канаву. Крамаренко его как-то даже не заметил.

Он посматривал вперед, где вот-вот откроется Ханкала.

А не примеченный им джип так и остался носом в канаве. Застыл там... Возможно, с обидой... Тоже ведь поездил с майором Жилиным. Под пулями! обстрелянный сколько раз! А теперь лежи, брошенный на обочине. Со свернутым рылом!

Там же, в канаве, лежал незадачливый посредник. С пулями в теле... И с комком мелких денег, частью рассыпавшихся, а частью еще оставшихся в его цепких мертвых руках. Их никто не брал. Не хотел. Деньги Асана.

А ведь проезжали мимо не раз и не два. Неужели и впрямь боялись?.. Деньги только чуть расстелило по траве. Цветные бумажки. На виду... Говорили, что это был какой-то особенный, единственный случай за всю чеченскую войну, когда валявшиеся деньги три дня кряду не брали. Три дня — это много... Очень много.

Литературно-художественное издание

Владимир Маканин

АСАН

Ответственный редактор *Л. Михайлова*
Выпускающий редактор *Ю. Качалкина*
Литературный редактор *О. Трунова*
Художественный редактор *Е. Гузьякова*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 4 111-68-86, 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.11.2008.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.
Доп. тираж 7100 экз. Заказ № 5157.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

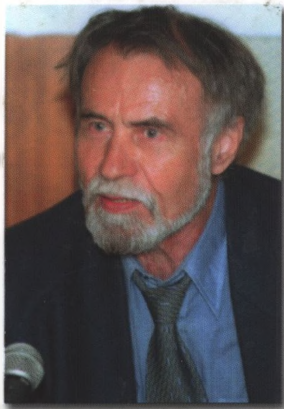
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Маканин Владимир Семенович. Автор шести романов, пятнадцати повестей и десятков рассказов. Издается в Германии, Голландии, Франции, Испании, Китае, США и других странах. Удостоен премии «Русский букер» (1993), премии журнала «Новый мир» (1995), Пушкинской премии фонда А. Тепфера (Германия, 1998), премии журнала «Знамя» (1998, 2002), Государственной премии Российской Федерации по литературе (1999), премии «Пенне» (Италия, 2001).

НОВЫЙ РОМАН ПРИЗНАННОГО МАСТЕРА!

«АСАН» – роман о войне в Чечне. Но он совсем не о той, о какой нам рассказывают газеты и телевидение.

Такой войны вы не знаете.

С действительности, какой она предстает на страницах романа, осыпается и шелуха официозных шаблонов, и бытовая мелочность репортажей.

Автор «АСАНа» провоцирует читателя на собственные суждения о закономерностях бытия, о проявлениях и сущностях человеческой природы. Война и человеческая душа в романе связаны неразрывно. И сама жизнь людей словно прорастает сквозь войну, меняя ее качество.

Такой войны вы еще не видели.

«АСАН» завораживает и больно ранит, сплетая жесткую документальность прозы с языком притчи.

...Бальзак говорил, в таланте то и прекрасно, что он похож на всех, а на него – никто.

ISBN 978-5-699-16000-6

9 785699 160006 >